

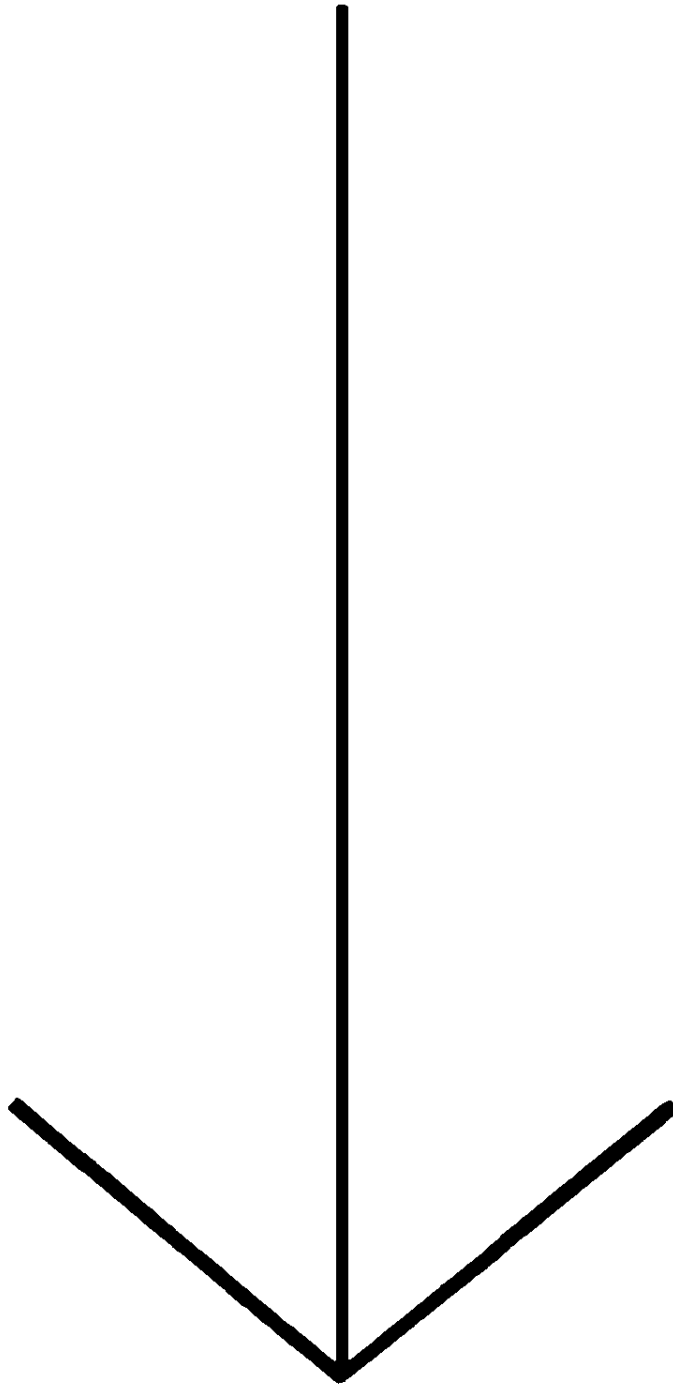
«München»

ОТ
МЮНХЕНА
ДО
ТОКИЙСКОГО
ЗАЛИВА

Взгляд
с Запада

«TOKYO BAY»

«München»

«TOKYO BAY»

**От Мюнхена до Токийского залива
Взгляд с Запада на трагические страницы
истории второй мировой войны
Составитель Е. Я. Трояновская**

От издательства

В 1989 году Политиздат выпустил сборник «От “Барбароссы” до “Терминала”», в который включены извлечения из трудов по истории второй мировой войны, принадлежащих перу западных историков, военных и дипломатов, чьи произведения ранее не публиковались в нашей стране.

Новый сборник «От Мюнхена до Токийского залива» продолжает знакомить читателей как с событиями, непосредственно предшествовавшими войне, так и известными и малоизвестными операциями на Западном и Восточном фронтах, в Северной Африке и на Тихом океане. Среди авторов сборника — известные историки и журналисты, государственные и военные деятели Великобритании, Германии, США, Франции. Отобранные для публикации произведения в СССР ранее не издавались, за исключением отрывков из воспоминаний Д. Эйзенхауэра «Крестовый поход в Европу» («Высадка в Африке») и из книги Ф. Уинтерботэма «Операция “Ультра”».

Естественно, ограниченный объем сборника не позволил подробно осветить важнейшие события второй мировой войны. При этом составитель учитывал, что в сборнике «От “Барбароссы” до “Терминала”» содержались обширные материалы о главных сражениях на советско-германском фронте (битва за Москву, Сталинградское сражение, освобождение Крыма, наступление в Белоруссии, штурм Берлина и др.). Поэтому в данном сборнике помещен только большой очерк о Курской битве — крупнейшем сухопутном сражении в истории второй мировой войны.

Интересные подробности приводятся в исследованиях У. Ширера, А. Готара, Л. Дейтона о войне в Европе в 1939–1940 годах, Э. Аптона о советско-финляндской войне, Г. Пранджа о войне на Тихом океане, К. Райана о высадке союзных войск в Нормандии, П. Элстоба о наступлении вермахта в Арденнах, У. Черчилля о межсоюзнических отношениях в 1944–1945 годах.

В подстрочных примечаниях даны необходимые пояснения от редакции и переводчиков.

Тэлфорд Тейлор
На пути к Мюнхену^[1]

I

Ко времени Мюнхена Невиллу Чемберлену уже шел семидесятый год и его внешний вид вполне соответствовал возрасту. Хотя он не привык к воздушным путешествиям, тем не менее в течение двух недель он дважды летал в Германию, хотя в то время самолеты были тихоходными и, главное, значительно менее комфортабельными, чем в наши дни, а теперь ему предстояло совершить воздушное путешествие в третий раз. После полета в Берхтесгаден Чемберлен провел ряд длительных и, как правило, бесплодных совещаний с членами кабинета, а также с представителями Франции. Он обращался к нации по радио, отчитывался о делах в палате общин и пытался разрешить множество внешнеполитических проблем.

Более того, ему предстояла труднопредсказуемая и, очевидно, малоприятная конфронтация в Мюнхене. Самому ему было «мало дела, войдут ли Судеты в состав рейха или нет, им самим предстояло решить свою судьбу», но его очень беспокоило, как все это будет выглядеть со стороны. В Годесберге Гитлер явно склонялся к худшему, и теперь его малоприятным делом было не допустить чехов. Как поведет себя фюрер в Мюнхене? Сядет ли он за стол с руководителями Великобритании и Франции только лишь затем, чтобы унижить их?

Так или иначе, Чемберлен имел достаточные основания сослаться на усталость и дурные предчувствия и явиться с маской печали на лице. Но старый джентльмен был упрям, и реакция парламента, да и общественного мнения, на то, что он принял предложение Гитлера, придала ему силы. Устроенная ему овация в палате общин была беспрецедентной и, по большому счету, искренней. Из-за океана пришло характерное поздравление от Франклина Рузвельта: «Молодец!» — вот и все, что было сказано. Этим вечером боготворившая его толпа заполнила Даунинг-стрит, выкрикивая: «Молодец, старик Невилл!» Он подошел к окну и заговорил с ними, как с расшалившимися детьми, которым пора идти в постель: «Я

думаю, что всем вам пора спать, и спать спокойно. Все будет в порядке».

Итак, у приободрившегося Чемберлена было явно беспечное настроение, когда он рано утром прибыл в аэропорт Хестон и застал там кабинет, явившийся пожелать ему счастливого пути. Вопреки легенде, у премьера не было зонтика, и он предстал перед фотокамерами, улыбаясь и размахивая своей фетровой шляпой, его окружали миниатюрный Кингсли Вуд и огромный Галифакс, из-за его левого плеча выглядывал круглолицый Хор-Белиша.^[2]

С незамысловатой улыбкой Чемберлен говорил о характерных чертах своих полетов в Германию: «Когда я был маленьким мальчиком, я, как правило, повторял себе: если у тебя не вышло с первого раза, старайся снова, снова и снова. Вот то, что я делаю сейчас». «И, — добавил он, стремясь выразиться более изысканным литературным языком, — “из этого осинового гнезда опасности сорвем цветок мы безопасности” — как сказал Хотспер Генриху IV^[3]». Цитата была точным отражением его менталитета, но осиное гнездо немного пережило цветок.

Лорд Галифакс не сопровождал премьера ни в Берхтесгаден, ни в Годесберг, он снова остался дома. В самолете премьера оказались шесть других человек, главным был сэр Хорас Вильсон, формально главный советник правительства по промышленности, а фактически — ближайший советник и доверенное лицо премьер-министра. Вильсон только что провел два крайне неприятных дня в Берлине, тщетно пытаясь передать фюреру послания Чемберлена; поток речи Гитлера не позволял вставить ни слова в ответ. Пятеро других были: сэр Уильям Мэлкин, советник министерства иностранных дел, Уильям Стрэнг, глава департамента Центральной Европы МИД, Фрэнк Эштон-Гуэткин, советник МИД, принимавший участие в миссии лорда Рэнсимена, парламентский секретарь премьер-министра лорд Дангласс, впоследствии известный как сэр Алек Дуглас-Хьюм, министр иностранных дел и премьер-министр в начале 60-х годов, и личный секретарь Чемберлена Оскар С. Кливли.

Вероятно, еще во время полета в Мюнхен, или накануне его, премьер проводил консультации с ближайшими советниками, с тем чтобы выработать план действий на предстоявших переговорах, но

если так и было, то никаких следов от этого не осталось. В полете Чемберлен заметил лорду Данглассу, что это путешествие «было последней ставкой», но «он не видел, как это могло дать Гитлеру возможность поставить дело на грань войны».

Около полудня самолет Британских авиакомпаний с миссией на борту приземлился в аэропорту Мюнхена. Был выстроен почетный караул, и Иоахим фон Риббентроп приготовился встречать гостей.

Чемберлен прибыл последним из главных действующих лиц; он и его спутники направились на Кёнигплац, где намечалась конференция.

II

У Эдуарда Даладье не было никаких оснований для самоуспокоения, подобно Чемберлену, зато было гораздо больше поводов испытывать сомнения. Не Великобритания, а Франция являлась союзником Чехословакии, и именно она была обязана оказать помощь. Не Великобритания, а Франция могла выставить до ста дивизий, и именно ей предстояло принять на себя главный удар в случае войны. С точки зрения меры ответственности и военной мощи центр тяжести располагался в Париже, а не в Лондоне.

Несмотря на все это, Даладье позволил Чемберлену взять инициативу на себя и во всем ему следовал. Миссия Рэнсимена, Берхтесгаден, Годесберг — все это готовилось в Лондоне; Франция послушно следовала в фарватере Великобритании, и если бы в Мюнхене все удалось, Франция оказалась бы в руках Чемберлена.

Но если Чемберлен задавал тон в Лондоне, этого никак нельзя было сказать о Даладье в Париже. Премьер-министры Франции нечасто играли решающую роль в правительстве, и Даладье, несмотря на прозвище Воклюзский Бык, имел массу затруднений с кабинетом, представлявшим собой пестрый спектр — от «сторонника мира любой ценой», министра иностранных дел Жоржа Боннэ, до непримиримого министра колоний Жоржа Манделя.

В конце концов, речь шла о чести и личной ответственности. Если Невилл Чемберлен ни на минуту не сомневался в мудрости своей внешнеполитической линии, то Эдуард Даладье систематически испытывал угрызения совести. Если Гитлер решился, чем все это кончится? Будет ли трехцветный флаг навеки замаран в том случае, если не будут выполнены обязательства перед Прагой? С другой стороны, стоит ли приносить в жертву Францию, должен ли Париж оказаться в руинах под ударами люфтваффе^[4] из-за этих упрямых чехов? Не был ли прав Боннэ, когда говорил, что война с Германией — самоубийство для Франции?

Эти пароксизмы сомнений, вероятно, были временно успокоены сообщением о предстоящей встрече в Мюнхене. Париж ликовал не менее, чем Лондон. «Чувство облегчения царит в Париже сегодня вечером, — телеграфировал Буллит государственному секретарю Корделлу Хэллу. — Это сопоставимо с впечатлением о подписании перемирия». За немногими исключениями политические деятели и пресса поздравляли друг друга. «Надежда возрождается!» — провозгласил Жорж Бидо в «Об», в то время как в «Попюлер» бывший премьер-социалист Леон Блюм писал так: «Сообщение о встрече в Мюнхене вызвало к жизни огромную волну веры и надежды. Было бы величайшим преступлением против человечности прервать переговоры или сделать их продолжение невозможным. Встреча в Мюнхене — охапка дров, брошенная в очаг, когда огонь должен был вот-вот погаснуть».

Даладье уже набросал обращение к нации по радио, первоначально намеченное им на 28 сентября, и теперь его задача в огромной мере облегчилась.

«Я заявил, что сегодня вечером обращусь к стране в связи с международным положением, но в полдень мне сообщили о предложении прибыть завтра в Мюнхен для встречи с канцлером Гитлером, мистером Чемберленом и синьором Муссолини. Я принял это предложение.

Вы должны понять, что накануне столь важных переговоров мой долг состоит в том, чтобы отложить объяснения, которые я был должен вам дать. Но перед отъездом я хотел бы поблагодарить народ Франции за отношение ко мне, преисполненное достоинства и уверенности.

Особо я хотел бы поблагодарить французов, во имя спокойствия вставших под знамена, и дать им понять, что они действовали не напрасно.

Моя позиция тверда. С того момента, когда мы начали испытывать нынешние осложнения, я ни на миг не переставал заботиться о мире и жизненных интересах Франции. Завтра я продолжу эти попытки, сознавая, что за мной — весь народ».

Как и Чемберлен, Даладье никак не упомянул о том, что сами чехи не допущены на встречу. Так же как и Великобритания, Франция

закрыла на это глаза. Так на основании чего же вся нация пребывала «в полном согласии»?

Премьер умолчал, но между строк можно было прочесть: «Мир! Любой, любой ценой — но мир!»

Генерал Гамелен, по его словам, не был готов делать подобные ставки. Утром 28 сентября на совещании Даладье задал генералу вопрос: что следует сохранить в первую очередь в случае, если территориальные изменения окажутся неизбежными?

Гамелен ответил, что если укрепления не будут оставаться в руках чехов, то «страна перестанет представлять ценность в военном отношении».

Такова была четко выраженная точка зрения военного, но события намного обогнали подобные идеи, так как территориальные уступки, к которым вынудили чехов, включали большую часть укреплений. Интересно было бы поразмышлять, какие были бы последствия, если бы Даладье прибыл в Мюнхен с Гамеленом, но такая мысль не пришла в голову ни генералу, ни премьеру. Более того, днем позже начальник главного штаба ВВС генерал Вюйлемен заявил Даладье, что французская авиация к войне не готова.

Кто же сопровождал премьера в Мюнхене? По данным, полученным в Париже Боннэ, там ожидали двух министров иностранных дел «оси» — Риббентропа и Чиано. Боннэ послушно сопровождал Даладье на англо-французских переговорах в Лондоне, но по этому поводу заметил: «Я дал понять, что предпочел бы остаться в Париже, и попросил месье Леже заменить меня».

Алексис Леже, генеральный секретарь министерства иностранных дел, дал несколько иную версию. Гитлер, говорил Леже, не желал присутствия министров иностранных дел (исключение было сделано для Галеаццо Чиано, зятя дуче), с тем чтобы четверо вождей могли сообща разрешить дело. Это шло вразрез с французской традицией *коллективной* ответственности кабинета, согласно которой министр иностранных дел сопровождал премьера на важных международных совещаниях. Но на сей раз кабинет решил уступить Гитлеру, и Леже, несмотря на его возражения, было предписано сопровождать Даладье.

Леже, должностное лицо, не связанное с политикой, запросил у кабинета инструкции по поводу его возможных действий в Мюнхене. Боннэ сообщил ему, что кабинет не принимал никаких решений по данному поводу, после чего Леже добился заявления от генерального штаба о том, что новые границы Чехословакии должны лежать за пределами укреплений, чтобы не были нарушены связи между востоком и западом страны, а «пояс» между Моравией и Словакией не был сужен. Эти указания вполне соответствовали тому, что говорил тем утром Гамелен Даладье, но в то же время, увы, они не могли быть реализованы, ибо пражское правительство уже успело сделать далеко идущие уступки.

Когда следующим утром французская делегация прибыла в Ле Бурже, на землю спустился небольшой туман. Леже сопровождал опытный дипломат, глава европейского отдела МИД Франции Шарль Роша, а Даладье сопровождал его верный *«шеф кабинета»* и приятель Марсель Шапье.

Отъезд Даладье собрал большое число провожающих официальных лиц: кроме членов кабинета там были большинство префектов, руководителей воздушного транспорта, репортеры и множество высокопоставленных дипломатов, в том числе посол Великобритании сэр Эрик Фиппс и поверенный в делах Германии д-р Курт Брауер.

Серебристый двухмоторный «пуату» ожидал премьера и его свиту. Он взлетел незадолго до девяти часов и в четверть двенадцатого достиг Мюнхена. В аэропорту был Риббентроп; он сопровождал Даладье во время обхода строя почетного караула и по пути в знаменитый отель «Четыре сезона», где должна была разместиться французская делегация. Когда кортеж автомашин приблизился к центру Мюнхена, многочисленная толпа шумно приветствовала премьер-министра.

Несмотря на почетный и преисполненный энтузиазма прием, Даладье выглядел не совсем здоровым: «Его широкая, загорелая голова была втянута между плеч, лоб покрыт глубокими морщинами. Он казался мрачным и погруженным в мысли. Еще отчетливее это проявлялось у Леже». Таковы были впечатления посла Франсуа-Понсэ, прибывшего накануне поездом из Берлина и встречавшего шефа в аэропорту.

Прибыв в отель «Четыре сезона», Даладье в своем апартаменте выслушал доклад Франсуа-Понсэ. Затем премьер сам сказал несколько слов, и одна фраза особенно запала в память прибывшего вместе с послом из Берлина помощника военно-воздушного атташе капитана Поля Стелэна: «Все зависит от англичан, — сказал Даладье, — нам ничего не остается, кроме того чтобы следовать за ними».

Стелэн выслушал это с удивлением, но на самом деле здесь нечему было поражаться. «Пуату» был французским самолетом, но прибыть в Мюнхен его побудила британская инициатива, и теперь на руках у него не было своих карт.

Зазвонил телефон. Помощник атташе поднял трубку. Герман Геринг ожидал Эдуарда Даладье, чтобы сопровождать его в «Фюрербан».

III

Несомненно, из четырех главных действующих лиц, направлявшихся в Мюнхен, самым счастливым был Бенито Муссолини. Дуче собирался находиться в центре арены действий, перспектива, доставлявшая ему особую радость: он все больше и больше нервничал по поводу того, что немцы загоняли его на край арены.

В начале этого года во время событий, приведших к аннексии Германией Австрии, он был чрезвычайно раздражен тем, что Гитлер ни малейшим образом не намекнул ему о своих планах. Сам по себе «аншлюс» явился сильным ударом по политике Италии в Центральной Европе, со времен первой мировой войны основанной на сохранении независимости Австрии. Таким образом, пока Австрия не будет присоединена, немцы в итальянском Тироле не будут требовать присоединения части этой беспокойной территории к фатерлянду. В апреле Муссолини был разъярен статьей в одном из лейпцигских изданий, «в которой снова поднимается вопрос о Южном Тироле и в отношении итальянского населения используется язык силы». Разгневанный дуче сказал Чиано, что «эти немцы заставят меня проглотить горчайшую пилюлю в моей жизни; я имею в виду французскую пилюлю». И Чиано со своей стороны беспокоился, как бы «ось» «не полетела вверх орлом» из-за «неразумного» поведения немцев в Южном Тироле.

Пришел сентябрь, и повторилась та же история. Кризис развивался, и Муссолини бесило отсутствие информации из Берлина. Каковы были планы Гитлера? Нуждался ли он в помощи со стороны Италии? Не проводилось никаких совещаний, и на срочные запросы приходили лишь неясные ответы. Наступили и прошли Нюрнберг, Берхтесгаден и Годесберг без каких-либо прямых обращений со стороны Гитлера, пока 25 сентября он наконец не соизволил довести до своих

итальянских союзников информацию, известную им, впрочем, уже по другим каналам: если к 1 октября чехи не уступят, он атакует их.

Но три дня спустя обстановка в Риме значительно прояснилась. Послы Великобритании, Франции и США, наступая друг другу на пятки, спешили к дуче, умоляя его помешать Гитлеру и спасти мир. Именно телефонный звонок Муссолини Гитлеру окончательно способствовал тому, что агрессия была отложена и привела Гитлера к предложению о проведении конференции в Мюнхене при условии личного присутствия дуче. На этот раз голос Рима кое-что означал для германских планов! И теперь Бенито Муссолини мог поехать в Мюнхен в качестве Великого Миротворца и стать главным действующим лицом! Более того, Муссолини был уверен, что именно в этой роли он будет непревзойденным. По жизненному опыту и характеру он был космополит и, безусловно, наилучший оратор из всех четверых. Гитлер говорил только по-немецки, Даладье — немного по-итальянски и Чемберлен — чуть-чуть по-французски. Муссолини в совершенстве владел французским и знал, если не так же свободно, английский и немецкий.

Говоря с Чиано незадолго до отъезда, Муссолини заявлял, что «доволен» ходом дела, так как, «возможно, дорогой ценой, но мы должны были уничтожить Великобританию и Францию навсегда, и теперь мы имеем ошеломляющую возможность доказательства этого». «Доказательством» являлись (предположительно) слабость, продемонстрированная Великобританией, и озабоченность Франции сохранением мира.

Однако, может быть, хвастовство Муссолини было не чем иным, как игрой, которую он позволял себе даже с ближайшими соратниками. Удобно расположившись в своем личном поезде, дуче был в ударе и за обедом потчевал Чиано «с необычайным оживлением по каждому поводу».

Он жестоко критиковал Великобританию и ее политику. «В стране, где животными восхищаются настолько, что создают для них особые кладбища, больницы и дома, и где наследство завещают попугаям, — можете быть уверены, что в этой стране наблюдается упадок. Кроме других причин, это — следствие характера британского народа. Четыре миллиона лишних женщин. Четыре миллиона сексуально

неудовлетворенных женщин, искусственно создающих множество проблем, дабы возбуждать и улаживать свои чувства. Не будучи в состоянии обнять одного мужчину, они обнимают человечество».

Высказавшись таким образом, дуче удалился, в то время как Чиано остался, дабы играть роль Великого человека перед журналистами и правительственными чиновниками, находившимися в поезде. Ранним утром следующего дня поезд достиг старой австро-германской границы, где Муссолини встретил Адольф Гитлер в еще более роскошном вагоне. Муссолини и Чиано закончили путешествие в вагоне фюрера, в то время как остальные итальянцы следовали за ними в их собственном поезде.

IV

Мюнхен был делом Адольфа Гитлера, и только в Берлине велись целенаправленные приготовления к конференции. Главным образом это были довольно приблизительные наброски повестки дня и перечень германских требований.

Работа была выполнена довольно необычным трио: Герман Геринг, барон Константин фон Нейрат и Эрнст фон Вайцзеккер. В суматохе утром 28 сентября, когда Франсуа-Понсэ и Невилл Гендерсон^[5] делали все новые уступки Гитлеру, итальянский посол Аттолико вбегал и выбегал из канцелярии с новыми посланиями от Муссолини, Геринг придавал вес аргументам в пользу устройства конференции. В этом он имел сильную поддержку в лице предшественника Риббентропа, Нейрата, который шесть месяцев до этого был фактически отправлен в отставку, но теперь внезапно снова появился в числе советников фюрера. С помощью вмешательства Муссолини они быстро сумели нейтрализовать влияние Риббентропа, стремившегося угодить жгучему желанию Гитлера осуществить военный захват.

Вскоре после того как Гитлер принял решение в пользу конференции, Геринг и Нейрат объединились с Вайцзеккером, человеком номер два в МИД, разделявшим их взгляды в этом вопросе. Сценарий встречи был скоро выработан в форме короткого меморандума, основные пункты которого выработал Вайцзеккер.

Их программа предусматривала три этапа конференции. Сначала главы четырех держав должны договориться по основным вопросам: какая часть судетских земель будет присоединена к Германии незамедлительно? На каких территориях будет проводиться плебисцит? Как будет формально определена новая граница? Когда начнется и закончится германская военная оккупация? После того как все это будет решено, протокол, суммирующий результаты, будет подготовлен специальным комитетом. Затем на последнем, третьем этапе будут подписаны документы и учреждены специальные

комитеты для их выполнения. Наряду с этим была повестка дня, детализировавшая требования Германии, заключавшиеся в оккупации четырех пограничных районов между 1 и 4 октября, последующим присоединением других областей и проведением плебисцитов в соответствии с прилагаемой картой.

Игнорируя Риббентропа, который мало ему был нужен, Геринг передал документы Гитлеру. Довольно бегло просмотрев их, тот признал их приемлемыми. Затем Вайцзеккер вызвал переводчика МИД Пауля Отто Шмидта, чтобы тот сделал перевод на итальянский для Аттолико, не владевшего немецким.

Итальянский посол немедленно передал меморандум по телефону в Рим Муссолини и Чиано. Дуче запросил немцев о подтверждении позиции Гитлера.

Итак, когда Муссолини и Чиано следовали на северо-запад, они были уверены, что эти пункты были приемлемы для Гитлера. Также не было особых оснований сомневаться в уступках Великобритании и Франции, разве Чемберлен уже не заверил Гитлера, что он мог «немедленно и без войны получить все необходимое»? Предстоит немного поторговаться по мелочам, чтобы спасти лицо, подвести итоги и сыграть пышное представление, в котором, если все будет хорошо, дуче предстоит быть героем...

Уильям Ширер

Капитуляция в Мюнхене^[6]

По условиям Мюнхенского соглашения Гитлер получил в целом то, что он требовал в Годесберге, а «Международная комиссия»,^[7] склонившаяся перед его угрозами, даровала Германии значительно больше. По окончательным условиям от 20 ноября 1938 года Чехословакия должна была уступить Германии 11 тысяч миль территории, на которой проживали 2,8 миллиона судетских немцев и 800 тысяч чехов. В ее пределах находились важнейшие чешские укрепления, в то время самая мощная оборонительная позиция в Европе, возможно за исключением французской «линии Мажино».

Но это не все. Была разорвана вся сеть железных и шоссейных дорог, телефонной и телеграфной связи Чехословакии. По немецким данным, расчлененная страна теряла 66 процентов добычи угля, 86 процентов производства химической промышленности, 80 процентов производства цемента, 70 процентов выплавки чугуна и стали, 70 процентов выработки электроэнергии и 40 процентов деревообрабатывающей промышленности. Процветающая промышленная страна мгновенно обанкротилась.

Нет ничего удивительного в том, что генерал Йодль радостно писал в дневнике в ночь подписания Мюнхенского соглашения: «Мюнхенский пакт подписан. Чехословакии как государства больше нет... Гений фюрера и его решимость не останавливаться даже перед угрозой мировой войны вновь обеспечили победу без применения силы».

Престиж Гитлера действительно взлетел на новую высоту. Ни один из тех, кто был в то время в Германии (как автор этой книги), не может забыть ликования немцев. Они чувствовали облегчение — война была предотвращена, пребывали в повышенном настроении и раздувались от гордости: Гитлер одержал бескровную победу не только над Чехословакией, но и над Англией и Францией. Всего за шесть месяцев,

напоминали они вам, Гитлер завоевал Австрию и Судетскую область, добавив 10 миллионов жителей к «третьему рейху», и присоединил обширные территории, имеющие стратегическое значение и открывающие доступ к господству над Юго-Восточной Европой. Не потеряв ни одного немца! С редким в истории Германии гениальным инстинктом он использовал не только слабость небольших государств Центральной Европы, но и основных западных демократий — Англии и Франции, принудив их склониться перед его волей.

За какие-то четыре с небольшим года этот человек низкого происхождения катапультировал разоруженную, пребывавшую в хаосе, почти обанкротившуюся Германию, слабейшую среди крупных держав Европы, на такие высоты, когда ее стали считать сильнейшим государством Старого Света, перед ней дрожали другие — Англия и даже Франция...

Была ли капитуляция Англии и Франции в Мюнхене необходима? Не блефовал ли Гитлер?

Ответ, как это ни парадоксально, сразу на оба вопроса в свете ныне известного нам — нет! Все генералы, близкие к Гитлеру и пережившие войну, согласны в том, что, если бы не Мюнхен, Гитлер напал бы 1 октября 1938 года на Чехословакию, и считают: несмотря на те или иные колебания в Лондоне, Париже и Москве, в конце концов Англия, Франция и Россия оказались бы в войне. И что самое главное: все немецкие генералы согласны — Германия очень быстро проиграла бы войну. От доводов сторонников Чемберлена и Даладье (а они тогда были в подавляющем большинстве), что Мюнхен спас Запад не только от войны, но и от поражения в ней и, помимо прочего, сохранил Лондон и Париж от разрушения смертоносными бомбардировщиками люфтваффе, не оставлено камня на камне...

Из того, что теперь известно о силе люфтваффе в то время, нужно признать — лондонцы и парижане, включая премьеров Англии и Франции, тревожились напрасно. Немецкие ВВС, как и армия, были сосредоточены против Чехословакии и не могли проводить серьезных операций на Западе. Если бы даже немцам удалось найти несколько бомбардировщиков для ударов по Лондону и Парижу, в высшей степени сомнительно, чтобы они достигли своих целей. Как ни слабы были силы истребительной авиации Англии и Франции, немцы не

смогли бы обеспечить эскортом свои бомбардировщики, даже если бы изыскали самолеты. Базы их истребительной авиации находились слишком далеко...

Для Франции Мюнхен означал катастрофу, и совершенно непонятно, почему этого так и не поняли в Париже. Франция утратила свои стратегические позиции в Европе. Учитывая, что ее армия — при условии полной мобилизации в Германии — была чуть больше половины вермахта (население Германии вдвое превышало население Франции), а ее военная промышленность была также слабая, Франция потрудилась, создав систему союзов с меньшими государствами на Востоке, на другом фланге Германии и Италии: с Чехословакией, Польшей, Югославией и Румынией. В совокупности эти страны обладали военным потенциалом большой державы. Утрата теперь 35 хорошо обученных и вооруженных чешских дивизий, дислоцировавшихся за сильными укреплениями в горах и связывавших куда большие немецкие силы, означала сокрушительный удар по французской армии. Но это не все. Как могли оставшиеся у Франции союзники на Востоке доверять ее письменным обязательствам? Какова была цена союзам с Францией? В Варшаве, Бухаресте и Белграде ответ сводится к следующему: почти никакой. В этих столицах засуетились, стремясь достичь сделки с нацистскими завоевателями.

В Москве не суетились, но все же испытали неудовлетворение. Хотя СССР был связан военным союзом с Чехословакией и Францией, французское правительство шло вместе с Англией и Германией и, не протестуя, исключило Россию из Мюнхена. Это было унижение, которое Сталин не забыл, которое дорого обошлось обеим западным демократиям в ближайшие месяцы.

Уильям Ширер

Англо-французские переговоры с Советским Союзом летом
1939 года^[8]

18 марта 1939 года, через три дня после оккупации немцами Чехословакии, народный комиссар иностранных дел СССР М. Литвинов предложил срочно созвать в Бухаресте конференцию шести государств — Франции, Великобритании, Польши, Советского Союза, Румынии и Турции с целью создания «мирного фронта», чтобы остановить Гитлера. Советское правительство уже выдвигало подобное предложение год назад, сразу же после «аншлюса» — поглощения Германией Австрии. Предложение, однако, встретило холодный прием в Париже и Лондоне. Министр иностранных дел Франции Боннэ не упоминает его в своих пухлых мемуарах, и нет никаких сведений о том, предпринял ли он вообще какие-либо шаги в связи с этим предложением. Английский премьер-министр Н. Чемберлен счел его «преждевременным». Правительство Его Величества, заявил он в палате общин 23 марта 1939 года, «не хочет создавать в Европе противостоящие друг другу блоки». Чемберлен по-прежнему относился к Советскому Союзу с глубокой неприязнью. Писатель Фейлинг в своей книге «Жизнь Невилла Чемберлена» приводит следующее высказывание английского премьер-министра в личном письме от 26 марта 1939 года: «Я должен признаться в глубочайшем недоверии к России, я ни капли не верю в ее способности вести успешные наступательные действия, даже если бы она хотела. И я не доверяю ее мотивам». Самое большое, на что он мог бы пойти, заявил Чемберлен 21 марта министру иностранных дел Франции Боннэ, посетившему Лондон с официальным визитом, — чтобы Франция и Великобритания выступили вместе с Польшей и Советским Союзом с официальной декларацией, гласящей, что они «немедленно начнут консультации» о шагах по предотвращению дальнейшей агрессии в Европе. Боннэ согласился, и в тот же день это

предложение было сделано министру иностранных дел Беку в Варшаве, который отклонил его из-за участия в такой декларации Советского Союза.

Таким образом, отказавшись положительно ответить на советское предложение о немедленном созыве конференции с целью создания антигитлеровской коалиции, Великобритания и Франция намеренно отвергли эту первую возможность привлечь Советский Союз на свою сторону. Даже Боннэ понимал, что без военной помощи Советского Союза Польшу защитить нельзя. Внезапно встревоженный перспективой упустить союз с Советским Союзом по недосмотру, он попросил премьер-министра Даладье созвать заседание совета национальной обороны.

Пасхальные праздники принесли новые тревожные сообщения, усилившие тревожения в Париже. 7 апреля 1939 года итальянские войска вторглись в Албанию. Чрезвычайное заседание состоялось в воскресенье 9 апреля. Основное внимание на нем было уделено Италии. Было решено, что в случае возникновения военных действий в Европе французские вооруженные силы сосредоточат свои усилия на том, чтобы в первую очередь нанести нокаутирующий удар по итальянцам. Но Боннэ главным образом интересовала позиция Советского Союза. Он указал, что Польша отказывается вести переговоры с русскими, и поэтому предложил начать прямые переговоры с Москвой по дипломатическим каналам. Совет одобрил предложение Боннэ. Французскому военному атташе в Москве было поручено обсудить с маршалом К. Е. Ворошиловым военные аспекты проблемы. Это предложение было нереальным, поскольку русские еще ранее разъяснили свою точку зрения, что серьезные военные переговоры между Советским Союзом и Францией, которых они добивались в течение ряда лет, могут состояться только на уровне генеральных штабов.

Совершенно ясно, что в этот критический момент, когда гитлеровская Германия явно готовилась напасть на Польшу, а Италия предприняла вторжение на Балканы, французское и английское правительства не имели серьезных намерений вступить с Советским Союзом в военный союз против Гитлера. Судя по всему, они не

понимали, что в сложившейся обстановке Великобритания и Франция больше нуждались в Советском Союзе, чем он в них.

Во всяком случае, было очевидным (или должно было быть), что Кремль не собирается идти на риск вступления в союз с Великобританией и Францией, если Советский Союз не получит гарантий, что западные страны на этот раз действительно сдержат свое слово и конкретно заявят, какую военную помощь они окажут и какими силами, чтобы выполнить свои обязательства. После Мюнхенской сделки Чемберлена и Даладье с Гитлером в 1938 году Кремль с большим подозрением относился к политике западных держав. Советское правительство опасалось, что Даладье и Чемберлен более заинтересованы в том, чтобы втянуть Германию в войну с Советским Союзом, чем создать трехсторонний союз для сдерживания Германии.

15 апреля Великобритания и Франция сделали свои первые предложения Москве. Англичане ограничились просьбой, чтобы Советский Союз выступил с декларацией о готовности оказать помощь Польше и Румынии, аналогичной тем, которые сделали Великобритания и Франция.^[9] Французы пошли несколько дальше. Они предложили, чтобы три державы договорились обменяться обязательствами о взаимной поддержке в случае, если одна из них будет втянута в войну с Германией (в результате оказания помощи Польше или Румынии. — *Прим. перев.*). Но русским это было недостаточно.

Через два дня М. Литвинов выдвинул контрпредложение о действенном трехстороннем союзе между СССР, Англией и Францией. Не о каком-то туманном, как предусматривали французы, а о совершенно конкретном и далеко идущем. Договаривающиеся стороны не только обязывались оказывать друг другу взаимную помощь, но и подкрепляли обязательство военной конвенцией, определявшей, что их соответствующие армии, военно-воздушные силы и военно-морские флоты будут делать в случае войны. Участники союза, к которому могла присоединиться Польша, пожелай она этого, гарантировали всяческую помощь восточноевропейским государствам, расположенным между Балтийским и Черным морями, в случае

агрессии против них. Переговоры по военным вопросам должны были начаться одновременно с политическими.

Французский посол в Берлине Кулондр полагал, что советское предложение превосходит все ожидания, и настаивал на его принятии. Черчилль, разделявший это мнение, заявил Чемберлену, что «без активной помощи России создать Восточный фронт против нацистской агрессии невозможно». Позднее он напишет, что такой союз был бы ударом по Германии и мог бы удержать Гитлера от развязывания войны. Но в Лондоне советское предложение вызвало испуг, а в Париже — обычное молчание. Влиятельные французские круги были против какого-либо союза с Москвой.

Во второй половине апреля переговоры с Советским Союзом застопорились. 22 апреля французский кабинет нехотя согласился взять советские предложения за основу переговоров. Но убедить англичан не удалось. Чемберлен и министр иностранных дел Галифакс настаивали, чтобы Москва сперва дала односторонние гарантии Польше и Румынии, аналогичные английским, и только после этого они изучат вопрос о соглашении с Советским Союзом. 29 апреля Боннэ сделал еще одну попытку, предложив Москве договор о взаимной помощи между тремя державами, который должен был вступить в силу, если они окажутся в состоянии войны с Германией «в результате насильственного изменения положения, существовавшего в Центральной или Восточной Европе». Боннэ полагал, что это предложение поможет обойти сложную проблему — как убедить Польшу принять помощь со стороны Советского Союза? Но на Москву это предложение впечатления не произвело; а в Лондоне оно было встречено с явным неодобрением.

Еще 3 апреля — несколько дней спустя после заявления Чемберлена о предоставлении Польше односторонних гарантий — Гитлер утвердил секретную директиву вермахту — план войны против Польши под кодовым названием операция «Вайс». В нем приказывалось «уничтожить польские вооруженные силы внезапным нападением». В качестве даты начала операции было названо 1 сентября 1939 года.

Подготавливая политическую арену для новой агрессии, нацистский диктатор действовал быстро. В своем выступлении в рейхстаге 28

апреля он заявил о денонсации англо-германского военно-морского соглашения 1935 года и — что еще более важно — о расторжении пакта о ненападении с Польшей 1934 года. Примечательно также, что на протяжении всей своей двухчасовой речи фюрер воздержался от привычных для него нападок на Советский Союз и вообще ни слова не сказал о России.

22 мая 1939 года Италия и Германия заключили так называемый «Стальной пакт». Это был открытый военный союз: участники пакта обязались в случае, если одна из сторон «будет вовлечена в военные действия с третьей державой», помогать друг другу «всеми своими военными силами на суше, море и в воздухе».^[10]

1 июня бдительный французский посол в нацистской столице Кулондр сообщил министру иностранных дел Боннэ, что Гитлер «рискнет начать войну, если ему не надо будет сражаться с Россией. Если же он будет знать, что ему придется воевать также с Россией, он отступит, чтобы не подвергать гибели страну, партию и себя».

Кулондр добавил, что два наивысших военачальника Гитлера — начальник штаба ОКБ Кейтель и главнокомандующий сухопутными войсками Браухич заявили фюреру, что, если Германии придется воевать с Россией, у ней будет «мало шансов выиграть войну». Посол, который на протяжении ряда лет добивался заключения военного союза между Францией и Советским Союзом, закончил телеграмму, подчеркнув «срочность» немедленного достижения в Москве соглашения между Великобританией, Францией и Россией.

Основная цель, которую преследовали в этот момент Франция и Великобритания, заключалась в том, чтобы заинтересовать Советский Союз в обороне Польши. И фактически русские были заинтересованы, поскольку это непосредственно затрагивало оборону Советского Союза. Но польское правительство такого интереса не проявило.

Французы получили возможность заставить поляков проявить благоразумие в отношении помощи Советского Союза, когда военный министр Польши генерал Каспицкий в сопровождении заместителя начальника польского генерального штаба приехал в середине мая в Париж, чтобы выработать военную конвенцию с Францией. Для генерала Гамелена, который вел переговоры от имени французского правительства, это был удобный случай не только настоять, чтобы

Польша согласилась принять военную помощь русских, но и, более того, поставить военные обязательства Франции перед Варшавой в прямую зависимость от такого согласия. Однако Гамелен за всю неделю переговоров даже не коснулся этого вопроса. Не поинтересовавшись даже, как польский генеральный штаб планирует сдержать немцев без советской помощи, он подписал 19 мая протокол, обещавший, что французская армия начнет наступательные действия всей мощью своих сил на Западе, если немцы нападут на Польшу. Нет никаких сведений, что Даладье убеждал Гамелена поднять вопрос о советской военной помощи Польше. Не предпринял ничего и Боннэ, хотя позднее он сделает все, чтобы саботировать этот военный протокол, отказавшись подписать политическое соглашение, от которого зависело вступление протокола в силу.

Начиналось лето 1939 года, а государственные деятели в Париже и Лондоне не спешили с решением вопроса о советской военной помощи, хотя им самим становилось все более понятным, что без этой помощи Польша обречена, так же как, вероятно, и сами западные державы.

Как ни странно, в это время уверенность французского генерального штаба в боеспособности польской армии возросла. Подобную уверенность разделяли также военные атташе Франции, Англии и США в Варшаве. Мне, как невоенному журналисту, это казалось странным, так же как и то, что поляки упорно отказывались понять катастрофическое военное положение и необходимость военной помощи со стороны Советского Союза. Первую неделю апреля я провел в Польше и 2 апреля в Варшаве сделал следующую запись в своем дневнике: «В воскресенье присутствовал на авиационном параде. Грустное зрелище. Мои польские друзья извинялись за неповоротливые тихоходные бомбардировщики и истребители — бипланы — все безнадежно устаревшие. Поляки показали пяток современных истребителей, казавшихся достаточно быстроходными, но ничего больше у них не было. Как сможет Польша воевать против Германии с подобными военно-воздушными силами?»

6 апреля — день, когда английское и польское правительства объявили о своем намерении подписать договор о взаимной помощи, — я сообщил из Варшавы, что при поддержке

Великобритании и Франции поляки будут сражаться. Тем не менее три вещи «не дают мне покоя»: опасное стратегическое положение Польши (после оккупации Чехословакии немцы окружили ее с трех сторон); немецкая линия укреплений «Западный вал», строительство которого будет завершено к зиме, отпугнет Францию и Великобританию от наступления на Германию с запада и, таким образом, от оказания помощи Польше; и, наконец, Советский Союз. На этой неделе я имел встречи и беседы с доброй дюжиной поляков — дипломатов, военных, старых легионеров Пилсудского, возглавляющих «Польское радио», — и все они не могут заставить себя понять, что Польша не может позволить себе такую роскошь, как вражда с Германией и с Россией, что они должны сделать выбор и что если они заручатся помощью России совместно с Англией и Францией, то будут спасены... Никогда! — говорят они.

Наступил июнь, а переговоры с Советским Союзом все еще не начались. 1 июня министр общественных работ де Монзи записал в своем дневнике: «Англо-французские переговоры с Советским Союзом оказались в тупике. Фактически эта идея мертва, но не будет погребена, чтобы поддерживать впечатление, что она еще живет». В данном случае желание, пожалуй, опережало действительность. Но во всяком случае это высказывание отражало настроения ряда министров — членов кабинета. Даладье и Боннэ понимали, что англичане тянут время, и главным образом из-за позиции самого Чемберлена. Премьер-министр не только не доверял русским, но и не верил, что они располагают достаточной военной мощью, чтобы быть полезными для западных союзников. Этому же взгляду придерживались и английские военные специалисты. Так, 6 марта английский военный атташе и военно-воздушный атташе в Москве направили пространные донесения в Лондон, в которых говорилось, что, хотя оборонительные возможности Красной Армии и военно-воздушных сил значительны, они не способны предпринять серьезную наступательную операцию. Однако 27 мая под шквалом критики в палате общин со стороны членов парламента во главе с Черчиллем, Ллойд Джорджем и Антони Иденом премьер-министр пошел на уступки и поручил английскому послу в Москве дать согласие на обсуждение договора о взаимной помощи, военной конвенции и предоставлении гарантий странам, кг

торым угрожал Гитлер. Этот шаг, как сообщил в Берлин из Лондона немецкий посол Дирксен, был предпринят «чрезвычайно неохотно».

Русские настаивали, чтобы английская сторона с целью ускорения переговоров направила в Москву министра иностранных дел. Но лорд Галифакс отказался от поездки. «Было действительно невозможно выбраться отсюда», — заявил он советскому послу. Энтони Идеи, вышедший ранее из правительства, предложил поехать вместо Галифакса. Но Чемберлена это не устраивало. Вместо министра он решил послать Уильяма Стрэнга, второстепенного чиновника Форин оффис, бывшего сотрудника английского посольства в Москве, антисоветски настроенного и малоизвестного как в Англии, так и за ее пределами. Черчилль оценил это назначение как «очередной промах». Посылка столь второстепенного чиновника, считал он, «равнозначна демонстративному оскорблению». Русские придерживались такого же мнения. Для них это было новым доказательством того, что Чемберлен не очень-то стремится приступить к деловым переговорам об эффективном союзе против Гитлера.

31 мая в своем первом публичном выступлении после назначения на пост наркома иностранных дел СССР В. М. Молотов подверг резкой критике Англию и Францию за их нерешительность. Если они действительно хотят заключить договор с Советским Союзом о сдерживании агрессии, сказал он, то должны перейти к делу и согласиться с тремя основными положениями:

1. Заключить трехсторонний договор о взаимной помощи.
2. Предоставить гарантии от нападения агрессоров государствам Центральной и Восточной Европы, в том числе всем европейским государствам, граничащим с Советским Союзом.
3. Заключить конкретное соглашение о размерах и формах немедленной и эффективной помощи, оказываемой друг другу и гарантируемым государствам в случае нападения агрессоров.

К 4 июля между англо-французскими партнерами и Советским Союзом остались несогласованными два важных вопроса: определение «косвенной агрессии» и следует ли скрепить подписями политический договор до заключения военной конвенции.

По первому вопросу англичане доказывали, что лишь правительство вправе вынести решение, является ли оно жертвой агрессии или нет. Однако советская сторона приводила в пример случай с Чехословакией, где правительство под чрезвычайным давлением было вынуждено согласиться на иностранную оккупацию. Молотов подчеркивал необходимость учитывать подобную экстремальную ситуацию и предложил, чтобы понятие «косвенная агрессия» охватывало «случаи внутренних переворотов или политических перемен, выгодных агрессору».

20 июля англичане дали согласие начать переговоры по военным вопросам, но по-прежнему отказывались принять советское определение «косвенной агрессии».

24 июля французский и английский послы были приняты В. М. Молотовым, который заявил, что, поскольку основные положения договора о взаимной помощи согласованы, а разногласия по вопросу определения «косвенной агрессии» имеют «второстепенное значение», сейчас можно приступить к выработке военного соглашения, которое изложит обязательства сторон. Советский Союз, добавил он, готов незамедлительно начать такие переговоры.

Франция тоже была готова. Премьер-министр Даладье уже назначил генерала Думенка, члена Верховного военного совета, считавшегося одним из наиболее способных офицеров французской армии, главой французской делегации (миссии) и поручил ему подготовиться к срочному отъезду в Москву. Но англичане вновь начали волокиту. Чемберлен более чем сдержанно относился к самой идее переговоров на уровне генеральных штабов и только 31 июля объявил о своем согласии в палате общин.

Скептическую позицию занимал и английский представитель на переговорах У. Стрэнг, который с 14 июня находился в Москве. «Это действительно беспрецедентно, — сообщил он 20 июля в Форин оффис, — что от нас ждут обсуждения военных секретов с советским правительством до того, как мы будем уверены, что русские станут нашими союзниками».

Состав английской военной миссии, утвержденный Чемберленом, вызвал удивление как в Англии, так и за границей. Главой делегации, как и можно было ожидать, назначили военно-морского офицера,

адмирала почтенного сэра Реджинальда Эйлмера Рэнферли Планкетт-Ернл-Дракса, который годом раньше командовал военно-морской базой в Плимуте. Молодому армейскому капитану, входившему в состав французской делегации, он казался человеком, словно «сошедшим с портрета Роднея»^[11] — грубоватым, прямым старым морским волком, который, как вскоре станет очевидным, был абсолютно не способен вести на высоком уровне переговоры с русскими, казавшимися ему пришельцами с другой планеты. Военно-воздушные силы представлял маршал авиации Чарльз Бернетт, отличный летчик, вышедший из рядовых, но ничего не понимавший ни в вопросах большой стратегии, ни в дипломатии. Армию представлял генерал-майор Т. Хейвуд, способный офицер, имевший дипломатический опыт.

Немецкий посол в Лондоне Дирксен в своей депеше в Берлин от 1 августа, характеризуя английскую делегацию, в первую очередь подчеркнул скептическое отношение Лондона к исходу трехсторонних переговоров в Москве.

«Это подтверждается, — писал он, — составом английской военной миссии. Адмирал... практически находится в списке отставников и никогда не служил в военно-морском штабе. Генерал также чисто боевой командир. Маршал авиации — выдающийся летчик и инструктор, но не стратег. Это, по всей видимости, свидетельствует о том, что военная миссия скорее имеет задачу установить боеспособность Красной Армии, а не заключить военное соглашение... Военные атташе вермахта единодушно отмечают необычный скептицизм в английских военных кругах в отношении предстоящих переговоров с представителями советских вооруженных сил».

И действительно, английское правительство смотрело на переговоры столь скептически, что забыло дать адмиралу Драксу письменные полномочия на ведение переговоров — недосмотр, если это не было чем-то другим, который вызвал недоумение у маршала К. Е. Ворошилова на первой встрече трех делегаций.

Но если адмирал Дракс не имел письменных полномочий, то секретные инструкции, как действовать на встречах делегаций в Москве, у него, безусловно, были. Ему предписывалось «вести

переговоры очень медленно и следить за тем, как идет обсуждение политических вопросов», пока не будет заключено политическое соглашение. Разъяснилось, что конфиденциальную военную информацию нельзя сообщать русским, пока не будет подписан политический договор. Секретные английские и французские документы со всей очевидностью свидетельствуют о том, что правительство Чемберлена было твердо намерено затянуть изложение военных обязательств каждой страны, особенно своей собственной, в предполагаемом трехстороннем договоре о взаимной помощи.

Копия английских инструкций адмиралу Драксу была передана французам 31 июля. Согласно Андре Бофру, бывшему в то время капитаном и членом французской делегации, который читал эти инструкции, они «рекомендовали действовать с величайшей осторожностью, не сообщать никакую важную информацию, всегда иметь в виду возможность советско-германского сговора, а переговоры вести как можно медленнее, чтобы выиграть время». Письмо маршала авиации Бернетта из Москвы начальнику штаба Королевских военно-воздушных сил не оставляет сомнений, что члены английской делегации понимали эти директивные указания. «Как я понимаю, — писал Бернетт, — политика правительства состоит в том, чтобы эти переговоры длились как можно дольше...»

Инструкции, переданные генералу Думенку 27 июля генералом Гамеленом, как это сразу же увидел проникательный капитан Бофр, были «туманными по существу и страшно негативными в тех вопросах, которые станут ключевыми».

К тому же ни в Париже, ни в Лондоне явно не спешили с отправкой делегаций, хотя наступил уже август. Самолет мог бы доставить англо-французскую военную миссию в Москву за один день. Но оба правительства решили, что она должна отправиться в Советский Союз на тихоходном пассажирско-грузовом пакетботе «Сити оф Эксетер», ранее совершавшем рейсы в Южную Африку. Его скорость, как заметил заместитель наркоминдела СССР В. П. Потемкин, «не превышала 13 узлов». Он подсчитал, что англо-французской миссии потребуется шесть дней, чтобы прибыть в Москву. Так оно и вышло. Лайнеру «Куин Мэри» понадобилось бы меньше времени, чтобы доставить миссию через Атлантику в Нью-Йорк.

5 августа «Сити оф Эксетер» вышел из Тилбери с 26 офицерами англо-французской миссии на борту и направился через Балтийское море в Ленинград.

11 августа английская и французская военные делегации наконец-то прибыли в Москву и на следующий день встретились с советской делегацией, которую возглавляли нарком обороны маршал К. Е. Ворошилов и начальник Генерального штаба РККА командарм I ранга Б. М. Шапошников.

* * *

14 августа был еще одним критическим днем на трехсторонних переговорах в Москве. Они начались неудачно с самого первого дня, когда маршал Ворошилов выразил протест по поводу отсутствия у адмирала Дракса письменных полномочий, после того как он сам и генерал Думенк (мандат которого был подписан Даладье) предъявили свои.

С точки зрения русских, это вызывало сомнения в серьезности подхода англичан к переговорам. Их доверие к западным союзникам не окрепло и в ходе второго и третьего заседаний военных миссий, когда советская сторона попросила сообщить сведения о вооруженных силах Франции и Англии и их планах действий, а генерал Думенк и адмирал Дракс, скрупулезно следуя полученным инструкциям, стремились свести информацию, часть которой к тому же была далека от правды, до минимума.

«Мягко говоря, — прокомментировал капитан Бофр сообщение генерала Думенка о силах, которые Франция бросит против Германии, если та нападет на Польшу, — это сообщение несколько преувеличивало подлинное положение вещей». В частности, французский генерал заявил, что «линия Мажино» сейчас продолжена «от границы со Швейцарией до моря», тогда как любому журналисту было известно, что протяженность ее вдвое меньше и французская армия имеет длинную незащищенную границу с Бельгией. Даже французы, знающие фактическое положение, удивились размерам английской армии, которую, по словам генерала Хейвуда, Великобритания выставит для боевых действий: 16 дивизий «в

начальной стадии войны» и еще 16 дивизий позднее. По подсчетам Бофра, это было «в три или четыре раза» больше, чем англичане обещали французам в ходе недавних переговоров на уровне генеральных штабов. Но сбить с толку Ворошилова было не так-то просто. «Если завтра вспыхнет война, то сколько дивизий и в какой срок могут быть переброшены во Францию?» — спросил он, заставив английского генерала, мужественно пытавшегося уклониться от ответа, в конце концов признаться, что в данное время Англия располагает всего «пятью пехотными дивизиями и одной механизированной». Бофр писал, что в тот момент он почувствовал, что «советская делегация поняла лучше, чем раньше, всю глубину слабости Британской империи».

На протяжении двух заседаний, состоявшихся 13 августа, «грозный Ворошилов», как не без оттенка симпатии называет его капитан Бофр, задавал французским и английским делегатам пытливые вопросы, от ответов на большинство которых правительственные инструкции предписывали тем по возможности уклоняться. Какие силы, спросил Ворошилов, Польша выставит против Германии и каков ее план обороны? Обескураженный Думенк мог лишь ответить, что он этого не знает. А как с Бельгией? — поинтересовался Ворошилов, несомненно имея в виду бросок немецких армий через эту небольшую страну в августе 1914 года. Оборона Бельгии, сказал Думенк, является «в первую очередь задачей ее собственных вооруженных сил. Французские войска не могут вступить на бельгийскую территорию, если их не пригласят, но Франция готова откликнуться на любую просьбу».

Затем, в самом конце вечернего заседания 13 августа, Ворошилов поднял вопрос: как генеральные штабы Англии и Франции представляют себе участие Красной Армии в войне против агрессора, если он нападет на Польшу и Румынию, поскольку Советский Союз, не имея общей границы с Германией, должен будет вести боевые действия на территории соседних государств? Он попросил дать ответ на следующем заседании.

Это был ключевой вопрос, и его постановка советской стороной и уклончивые ответы и отговорки западных союзников привели 14 августа к возникновению кризиса и последовавшим за ним событиям.

В начале заседания 14 августа адмирал Дракс и генерал Думенк пытались уклониться от прямого ответа на заданный накануне вопрос, но затем Дракс заявил, что уверен в том, что они (то есть Польша и Румыния) попросят о помощи, как только их войска будут отброшены от границы. Если они, когда возникнет необходимость, не обратятся за помощью, добавил он, и позволят оккупировать себя, то станут простыми немецкими провинциями.

Меньше всего русские хотели возникновения на своих границах немецких провинций, переполненных немецкими войсками, и маршал Ворошилов, в сердцах вскочив с места, заявил, что советская делегация «с интересом восприняла» это заявление адмирала и он надеется, что и другие также с должным вниманием отнесутся к нему.

По мнению Бофра, это заявление произвело на советскую делегацию наихудшее впечатление. Бофр пишет, что английский адмирал еще неделю назад на борту парохода в ходе дискуссий высказывал желание привести подобную аргументацию, но французы «заклинали» его не делать этого.

Адмирал Дракс, видимо осознав, что допустил оплошность, попросил прервать заседание. Ворошилов, однако, отклонил эту просьбу.^[12] Встав из-за стола, он в четвертый и последний раз повторил свой вопрос. На этот раз он был предельно конкретен:

1. Будет ли советским войскам разрешено пройти к границам Восточной Пруссии через территорию Польши в районе Виленского коридора?

2. Будет ли советским войскам разрешен проход через Галицию, чтобы вступить в соприкосновение с войсками противника?

3. Будет ли советским войскам разрешено пройти через территорию Румынии в случае агрессии Германии против этой страны?

«...Ответы на эти прямо поставленные вопросы, — добавил он, — являются кардинальнейшими. Без точных и недвусмысленных ответов на эти вопросы дальнейшие разговоры наши не будут иметь актуального значения».

Англичане и французы попросили сделать краткий перерыв для консультаций. Когда члены делегации вышли в сад, Бофр услышал, как адмирал Дракс воскликнул: «Боюсь, что наша миссия на этом

закончилась!» Посоветовавшись, главы западных делегаций составили письменный ответ, который генерал Хейвуд зачитал русским. Ощутимой пользы этот ответ, однако, не принес.

«...Не надо забывать, что Польша и Румыния — самостоятельные государства, и в данном случае разрешение на проход советских вооруженных сил должно быть получено от их правительств. Этот вопрос превращается в политический вопрос, и СССР должен поставить его перед правительствами Польши и Румынии».

Затем Ворошилов после краткого перерыва зачитал подготовленный советский ответ — саркастичный и жесткий.

Советская военная миссия, говорилось в нем, «не забывала и не забывает, что Польша и Румыния являются самостоятельными государствами». Наоборот, именно исходя из этого бесспорного положения, советская военная миссия и просила английскую и французскую военные миссии добиться разрешения этих двух государств на проход советских вооруженных сил. Эта законная задача Англии и Франции, поскольку именно они, а не Советский Союз дали гарантии Польше и Румынии.

«Советская военная миссия выражает сожаление по поводу отсутствия у военных миссий Англии и Франции точного ответа на поставленный вопрос о пропуске советских вооруженных сил через территорию Польши и Румынии.

Советская военная миссия считает, что без положительного разрешения этого вопроса все начатое предприятие о заключении военной конвенции между Англией, Францией и СССР... заранее обречено на провал. Поэтому военная миссия Советского Союза не может по совести рекомендовать своему правительству принять участие в предприятии, явно обреченном на провал».

Для капитана Бофра советский ответ был «исключительно откровенным и логичным и для нас, к сожалению, неопровержимым». Уведомленные о возникшем кризисе, английский и французский послы в Москве быстро провели совещание, а затем направили телеграммы в соответствующие столицы.

«Французский посол и я... пришли к единому мнению (телеграфировал английский посол Уильям Сидс), что русские подняли

сейчас кардинальный вопрос, от решения которого зависит успех или провал военных переговоров... а именно: как достичь приемлемого соглашения с Советским Союзом в условиях, когда соседи этого государства упорствуют в своего рода политике бойкота, от которой они откажутся лишь тогда... когда будет поздно... Мы считаем, что советские представители на переговорах совершенно справедливо возлагают на Великобританию и Францию бремя обращения к этим соседним странам».

Сидс, а также французский посол и генерал Думенк, направившие аналогичные телеграммы в Париж, просили оказать нажим на польское правительство, чтобы оно немедленно дало согласие, и подчеркнули «чрезвычайную срочность» получения немедленного ответа. «К сожалению, — замечает Бофр, — ответ так и не поступил». Не то чтобы французское и английское правительства не пытались образумить поляков, но они не проявили достаточной настойчивости.

Боннэ пишет в своих мемуарах, что в пять часов утра 15 августа его разбудил чиновник, который принес депешу от французского посла в Москве, извещавшую о советском требовании.

Быстро ознакомившись с ней, Боннэ, по его словам, понял «исключительную важность телеграммы». Он тут же позвонил польскому послу, который, не подозревая о возникшем кризисе, отдыхал на побережье Бретани. Боннэ попросил посла срочно вернуться в Париж для консультаций. Но пользы это не принесло. Когда французский министр иностранных дел подчеркнул, что Польша должна принять помощь Красной Армии, если она хочет спасти себя, посол Лукашевич ответил: «Никогда!» Боннэ напомнил ему, что Гитлер недавно хвастливо заявил, что завоюет Польшу за три недели.

«Напротив, — ответил посол. — Это польская армия вторгнется в Германию — с самого начала».

Польский посол не имеет представления, сообщил телеграммой Боннэ французскому послу в Варшаве, «об опасности, которую создала его страна подобным непониманием». К несчастью для Польши, этим недостатком страдал не только польский посол, но и ее правители в Варшаве.

Генерал Мус, французский военный атташе в Польше, был отозван из отпуска и срочно командирован в Варшаву, чтобы воздействовать на

польский генеральный штаб. В Москве генерал Думенк по своей инициативе решил послать в Варшаву капитана Бофра, чтобы помочь военному атташе и разъяснить польскому военному командованию, что «стратегическое значение русской помощи неоспоримо, так же как и важность заключения военного пакта».

Положение на переговорах в Москве в ночь на 17 августа, когда Бофр выехал поездом в Варшаву, по его оценке, было «критическим. Мы были на грани их срыва... и все еще не получили ответа на наши телеграммы по главному вопросу, поставленному Ворошиловым».

Заседания военных миссий 15 и 16 августа ничего не дали.

15 августа командарм Б. М. Шапошников, начальник Генерального штаба Красной Армии, выразив сожаление, что французские и английские представители не сообщили «ничего конкретного» о своих военных планах, изложил план развертывания вооруженных сил СССР. Он заявил, что «против агрессии в Европе» Советский Союз «развертывает и выставляет на фронт» 120 пехотных дивизий, 16 кавалерийских дивизий, 5 тысяч тяжелых орудий, 9–10 тысяч танков, от 5 до 5,5 тысячи бомбардировщиков и истребителей — от этих цифр у англо-французских офицеров буквально перехватило дух. Но и на этот раз русские снова настойчиво подняли прежний вопрос. Участие СССР в войне, пояснил Шапошников, может быть осуществлено, если советские вооруженные силы смогут вступить в бой с немцами, пройдя сперва через территорию Польши и Румынии.

На следующий день адмирал Дракс и генерал Думенк попытались убедить советскую делегацию согласиться на три общих принципа совместных действий, выработанных ими. Но русские не проявили к ним интереса. Эти принципы «слишком универсальны, абстрактны, бесплотны, — заявил Ворошилов, — и никого ни к чему не обязывают... Мы же собрались здесь не для принятия общей декларации, а для выработки конкретной военной конвенции, которая должна определить количество дивизий, артиллерийских орудий, танков, самолетов, морских эскадр и пр., совместно участвующих в деле обороны договаривающихся стран». До тех пор пока советская сторона не получит ответа на «кардинальный вопрос ... о пропуске вооруженных сил Советского Союза на территорию Польши и

Румынии», добавил он, «всякая предварительная работа является до известной степени бесполезной».

На следующий день, 17 августа, наступил неизбежный кризис. Ворошилов предложил прекратить работу совещания до получения ответа на поставленные советской миссией вопросы. Дракс и Думенк возражали, доказывая, что в ожидании ответа можно было бы проделать полезную штабную работу и что сообщение об отсрочке заседаний совещания на неопределенный срок оказало бы пагубное воздействие на уже напряженную обстановку в Европе. В конечном итоге было решено созвать следующее заседание через четыре дня — 21 августа.

Генерал Думенк искренне верил, что русские по-прежнему хотят заключить военное соглашение. Такого же мнения придерживался и маршал авиации Бер-нетт. В донесении своему начальнику штаба из Москвы 16 августа он написал: «Мы считаем, что Россия хочет заключить соглашение с Англией и Францией, но русские опасаются, что они не могут позволить себе ждать, пока Германия завоюет Польшу, и затем вести оборонительные бои на своей собственной территории...»

Сразу же после заседания 17 августа Думенк отправил срочную телеграмму в Париж.

«Заседание 21 августа назначено лишь потому, чтобы не создать впечатления за границей, что переговоры прерваны... СССР хочет заключить военный пакт... Советский Союз не хочет получать от нас клочок бумаги без конкретных обязательств. Маршал Ворошилов заявил, что все проблемы... будут урегулированы без труда, как только будет решен вопрос, который он называет “кардинальным”. Сейчас необходимо дать мне полномочия ответить “да” на этот вопрос».

Но утвердительный ответ на этот вопрос, однако, зависел от правительства Польши и польского генерального штаба. И, следовательно, от успеха попыток французского и английского правительств убедить поляков дать такой ответ. Хотя Париж и Лондон опрометчиво дали свои военные гарантии Польше, не подумав о позиции Советского Союза, теперь — в середине августа — они осознали, что их помощь с запада не спасет Польшу, если Советский Союз одновременно не придет на выручку к полякам с востока.

Министр иностранных дел Боннэ в Париже, как это видно из его переписки и мемуаров, полагал, что французский военный атташе в Варшаве делает все возможное, чтобы убедить польский генеральный штаб принять — более того, приветствовать — советскую помощь, однако позднее станет известным, что генерал Мус делал это неохотно и нерезультативно. (Генерал Гамелен, судя по его переписке и другим документам, не предпринял ничего, чтобы повлиять на генерала Муса или на польский генштаб, хотя вопрос имел жизненно важное значение для французской армии.) Мус разделял враждебное отношение поляков к Советскому Союзу, их преувеличенную оценку польской армии и слабостей советских вооруженных сил. Когда капитан Бофр прибыл вечером 18 августа в Варшаву из Советского Союза и объяснил тупик, в который зашли военные переговоры в Москве, он не встретил сочувствия со стороны генерала Муса. Военный атташе в категорической форме заявил ему, что шансов на принятие Польшей советской помощи нет, и добавил, что сам он также сомневается в «добросовестности» Советского Союза. На доводы Бофра, что даже англичане сейчас признали, что польская армия в одиночку не продержится против немцев более двух недель и, следовательно, без русской помощи обойтись нельзя, генерал Мус стал «яростно доказывать абсурдность недооценки такой превосходной армии, хорошо оснащенной и добившейся большого прогресса в своих тактических доктринах».

Даже если бы генерал Мус был более объективен и прозорлив, можно предположить, что большого значения это бы не имело. Поляки в августе 1939 года, также как и их предшественники на протяжении многих поколений, упорно отказывались видеть то, что наилучшим образом отвечало их интересам, и, так же как это неоднократно было в их трагическом прошлом, казались целью накликасть на себя собственную гибель.

19 августа было решающим днем. Польский министр иностранных дел Бек обещал к вечеру дать определенный ответ.

Вскоре после полудня в Париже почти отчаявшийся Боннэ совещался с временным поверенным в делах Великобритании Кэмпбеллом — английский посол Фиппс тоже находился в отпуске.

«Было бы катастрофой, — заявил Боннэ, — если бы в результате отказа Польши переговоры с русскими сорвались... Полякам просто нельзя отказываться от единственной немедленной эффективной помощи, которая может быть им оказана в случае нападения Германии. Английское и французское правительства были бы поставлены почти в невозможное положение, если бы нам пришлось просить наши соответствующие страны вступить в войну ради защиты Польши, которая отказалась от такой помощи».

Вечером этого же дня в Варшаве Бек дал наконец ясно понять, что ни его, ни польское правительство, ни генеральный штаб переубедить нельзя. Он заявил французскому послу: «Я не согласен, что могут быть вообще какие-то переговоры относительно использования части нашей территории иностранными войсками. У нас нет военного соглашения с СССР. И мы не хотим его».

В этот роковой момент у англичан и французов осталась лишь одна козырная карта, которую они могли использовать против поляков: заявить им, что, если они не пересмотрят свое решение и не согласятся принять советскую помощь, англо-французские обязательства о помощи будут аннулированы.

Но так далеко ни Чемберлен и Галифакс в Лондоне, ни Даладьё и Боннэ в Париже идти не хотели.

21 августа, после четырехдневного перерыва, участники военных переговоров в Москве встретились на очередном заседании. Хотя адмирал Дракс предложил подождать еще три-четыре дня, поскольку ни он, ни генерал Думенк так и не получили от своих правительств ответы на поставленный советской стороной вопрос о проходе войск через территорию Польши, маршал Ворошилов настоял на возобновлении работы совещания в 11 часов утра, как это было согласовано еще 17 августа.

После того как заседание открылось трагикомической сценкой — адмирал Дракс с гордостью предъявил свои письменные полномочия, не подозревая, что они поступили слишком поздно, — Ворошилов предложил прервать работу совещания на неопределенное время или, по крайней мере, до тех пор, пока не поступят ответы на вопрос о вступлении советских войск на территорию Польши. Если ответы будут отрицательные, то он вообще не видит «возможности

дальнейшей работы для ... совещания». После того как английская и французская миссии возразили против дальнейших отсрочек, заседание было временно прервано.

После перерыва Ворошилов торжественно зачитал письменное заявление советской стороны.

«Намерением советской военной миссии было и остается договориться с английской и французской военными миссиями о практической организации военного сотрудничества вооруженных сил трех договаривающихся стран... СССР, не имеющий общей границы с Германией, может оказать помощь Франции, Англии, Польше и Румынии лишь при условии пропуска его войск через польскую и румынскую территории, ибо не существует других путей, для того чтобы войти в соприкосновение с войсками агрессора».

При этом он напомнил гостям, что английские и американские войска в прошлой мировой войне не могли бы сражаться с немцами, если бы не имели возможности оперировать на территории Франции.

«Советская военная миссия не представляет себе, как могли правительства и генеральные штабы Англии и Франции, посылая в СССР свои миссии для переговоров о заключении военной конвенции, не дать точных и положительных указаний по такому элементарному вопросу, как пропуск и действия советских вооруженных сил против войск агрессора на территории Польши и Румынии... Это значит, что есть все основания сомневаться в их стремлении к действительному и серьезному военному сотрудничеству с СССР... Ответственность... естественно, падает на французскую и английскую стороны».

Таким образом, мяч был возвращен на половину корта западных союзников. Без всякого сомнения, приведенные Ворошиловым аргументы были логичными. Союзники просили Россию вступить в схватку с Германией, но отказывали ей в территории для этой схватки.

В 16.15, когда ответ польского правительства так и не поступил, Даладье послал телеграмму Думенку:

«Вы уполномочиваетесь подписать в целях продвижения наших общих интересов... военную конвенцию, с оговоркой, что она должна быть затем одобрена французским правительством».

Но без согласия Польши это был пустой жест. К тому же готовой для подписания «военной конвенции» не существовало.

Из-за тупика, связанного с ответом на советский вопрос, проект ее не был составлен. Французский премьер-министр в этот критический день, казалось, пребывал в расстроенных чувствах. Впоследствии он покажет на суде, что в полдень того же дня он попросил Лондон направить аналогичную телеграмму Драксу и что англичане «согласились». Возможно, что так ему подумалось, но это было неправдой. Секретные документы Форин оффис свидетельствуют, что Лондон ничего не предпринял в отношении просьбы Даладье ни в тот, ни даже на следующий день. Когда 22 августа адмирал Дракс запросил согласие Лондона на то, чтобы английская делегация поддержала генерала Думенка и со своей стороны также дала положительный ответ на поставленный Советским Союзом вопрос, ему никто не ответил. «Нельзя было послать ответ на эту телеграмму, — напишет вернувшийся в начале августа в Лондон Стрэнг на этом запросе, — так как никакого решения принято не было».

В Москве генерал Думенк получил радиограмму Даладье в 10.30 вечера. Он тотчас же уведомил Ворошилова, что уполномочен подписать военную конвенцию, которая признает право Советского Союза на пребывание и проход советских войск через Польшу, и договорился встретиться с главой советской военной миссии на следующий вечер.

22 августа в 19.00 Думенк был принят Ворошиловым, который указал, что французский ответ, ввиду отсутствия какой-либо реакции со стороны англичан и поляков, ничего не значит.

— ... Я боюсь одного, — сказал Ворошилов, — французская и английская стороны весьма долго тянули и политические и военные переговоры. Поэтому не исключено, что за это время могут произойти какие-нибудь политические события.

Английская и французская делегации в последний раз встретились с советской делегацией 25 августа 1939 года. Ошеломленные подписанием советско-германского договора о ненападении, руководители западных миссий спросили, не хотят ли русские «продолжить обсуждение». Ответ Ворошилова был лаконичен.

«Ввиду изменившегося политического положения, — сказал он, — нет смысла продолжать обсуждение». Почему английские и французские офицеры находились еще два дня в Москве в ожидании этого неизбежного ответа — можно объяснить только шоком и смятением в Париже и Лондоне.

22 августа наркоминдел Молотов встретился с английским и французским послами, чтобы объяснить им переданное накануне вечером сообщение о том, что СССР и Германия согласились подписать договор о ненападении и что министр иностранных дел Риббентроп прибудет 23 августа в Москву для завершения переговоров. Он подчеркнул, что Советское правительство согласилось на переговоры с Германией только тогда, когда убедилось, что западные союзники не хотят вступать в военный союз с СССР.

Уильям Ширер
Германо-советский пакт о ненападении 23 августа 1939
года^{[\[13\]](#)}

Трудно точно установить, когда в Берлине и Москве были сделаны первые шаги к установлению понимания между нацистской Германией и Советским Союзом, которое приведет к таким огромным последствиям для всего мира. Одна из первых попыток относится к октябрю 1938 года, через четыре дня после Мюнхена, когда советник посольства Германии в Москве информировал Берлин, что Сталин извлечет определенные выводы из мюнхенского урегулирования, из которого Советский Союз исключили, и, возможно, станет более позитивно относиться к Германии. Дипломат решительно высказался за «более широкое» экономическое сотрудничество. В конце октября германский посол в Москве граф Фридрих Вернер фон дер Шуленбург известил министерство иностранных дел, что он «намерен в ближайшем будущем обратиться к Председателю Совета Народных Комиссаров СССР Молотову в попытке достичь урегулирования вопросов, осложняющих германо-советские отношения». Посол едва ли мог самостоятельно задумать такую инициативу ввиду крайне враждебного отношения Гитлера к Москве. Намек он, видимо, получил из Берлина.

Об этом, в частности, свидетельствуют захваченные архивы министерства иностранных дел Германии. Первым шагом, по мнению немцев, должно было стать улучшение торговых отношений между двумя странами. Советско-германское экономическое соглашение истекало в конце года, и немецкие документы подробно освещают неровный ход переговоров о его возобновлении. Переговоры велись в течение нескольких недель, но к февралю 1939 года фактически зашли в тупик. Хотя Германия жаждала получить сырьевые материалы из России и Геринг постоянно настаивал на этом, рейх просто был не в состоянии поставить взамен требовавшиеся Советскому Союзу товары.

16 апреля Геринг на встрече с Муссолини в Риме привлек внимание дуче к последней речи Сталина на XVIII съезде ВКП(б) в Москве. На Геринга заметное впечатление произвело высказывание советского диктатора, что русские не позволят капиталистическим державам использовать себя как пушечное мясо. Он заявил, что поставит перед фюрером вопрос относительно возможности осторожного зондажа России... с целью сближения. Он напомнил Муссолини, что «в последних выступлениях фюрер вообще не упоминает Россию». Дуче,

согласно конфиденциальному немецкому отчету о встрече, тепло приветствовал идею сближения стран «оси» с Советским Союзом. Он считал, что сближения можно будет «достигнуть сравнительно легко».

Это был радикальный поворот в политике стран «оси», который, несомненно, привел бы в удивление Чемберлена, узнай он об этом, равно как и наркоминдела СССР Литвинова.

4 мая на последней странице советских газет в разделе «Хроника» было опубликовано краткое сообщение: «М. М. Литвинов освобожден от обязанностей народного комиссара иностранных дел по его просьбе». Он был заменен Вячеславом Молотовым, Председателем Совета Народных Комиссаров СССР.

Значение неожиданного смещения Литвинова было очевидно всем. Оно означало резкий поворот советской внешней политики. Литвинов был активным сторонником политики коллективной безопасности, укрепления влияния Лиги Наций, обеспечения безопасности Советского Союза против нацистской Германии путем создания военного союза с Великобританией и Францией.

Колебания Чемберлена в отношении такого союза оказались роковыми для советского комиссара иностранных дел. По мнению Сталина (а его мнение было единственным имевшим вес в Москве), проводимая Литвиновым политика потерпела неудачу. Более того, она грозила втянуть Советский Союз в войну с Германией, в которой западные демократии вполне могли, ухитрившись, избежать участия. Тот факт, что Литвинов, еврей, был заменен Молотовым, который, как подчеркнуло в своей депеше германское посольство в Москве, не был евреем, должен был произвести определенное впечатление в высших нацистских эшелонах.

20 мая германский посол фон Шуленбург имел длинную беседу с Молотовым. Новый комиссар иностранных дел был «настроен весьма дружелюбно» и сообщил немецкому дипломату, что экономические переговоры между двумя странами могут быть возобновлены, если для них будет создана необходимая политическая основа. Когда Шуленбург спросил, что имеется в виду под «политической основой», русский наркоминдел ответил, что об этом следует подумать обоим правительствам. Все попытки посла втянуть осторожного наркома иностранных дел в дальнейшее обсуждение ничего не дали. «Он

известен, — сообщил Шуленбург в Берлин, — своим упрямством». Шуленбург затем посетил первого заместителя наркома В. П. Потемкина и посетовал на то, что не смог понять, чего хочет Молотов в политическом плане. «Я попросил г-на Потемкина выяснить это», — доложил посол в Берлин.

Последние 10 дней мая Гитлер и его советники никак не могли решить, что предпринять по щекотливому вопросу налаживания отношений с Москвой, чтобы сорвать англо-русские переговоры. В Берлине считали, что Молотов в своей последней беседе с послом фон Шуленбургом вылил ушат холодной воды на немецкие подходы, и на следующий день, 21 мая, Вайцзеккер радировал послу, что ввиду высказываний наркоминдела «мы должны сейчас проявить сдержанность, выждать и посмотреть, не выскажутся ли русские более откровенно».

Но Гитлер, решивший напасть на Польшу 1 сентября, не мог позволить себе сидеть сложа руки. Примерно 25 мая Вайцзеккера и заведующего договорно-правовым отделом министерства иностранных дел Германии Фридриха Гауса вызвали и, согласно показаниям Гауса на Нюрнбергском процессе, им сообщили, что фюрер хочет «установить более терпимые отношения между Германией и Советским Союзом». Риббентроп набросал проект указаний фон Шуленбургу, подробно излагавший новую линию, которую посол должен был обсудить с Молотовым, добившись встречи с ним «как можно скорее». Этот проект находится среди захваченных документов МИД Германии.

Судя по примечанию на документе, он был показан Гитлеру 26 мая. Это весьма примечательный документ. Он раскрывает, что к этому времени германское министерство иностранных дел было уверено, что англо-русские переговоры будут успешно завершены, если Германия не вмешается решительным образом. Риббентроп поэтому предлагал Шуленбургу заявить Молотову следующее:

«Между Германией и Советской Россией не существует реального столкновения интересов в международных делах... Пришло время рассмотреть оздоровление и нормализацию германо-советских отношений... Итало-германский союз^[14] не направлен против

Советского Союза. Он направлен исключительно против англо-французской коалиции...

Если вопреки нашим желаниям начнутся военные действия с Польшей, мы твердо убеждены, что даже это никак не должно привести к столкновению интересов с Советской Россией. Мы даже можем пойти гораздо дальше и заявить, что при решении германо-польского вопроса — в какой бы форме это ни произошло — мы учтем русские интересы, насколько это возможно».

Затем Шуленбургу следовало подчеркнуть опасность для России союза с Великобританией.

«Мы не можем понять, что может реально побуждать Советский Союз активно участвовать в английской политической игре окружения (Германии. — Прим. перев.)... Это означало бы принятие на себя Россией одностороннего обязательства без какого-либо действительно ценного ответного английского обязательства... Британия не в состоянии предложить России действительно ценное *quid pro quo*, как бы ни были сформулированы договоры. Всякая [военная] помощь в Европе сделана невозможной “Западным валом”^[15]... Мы поэтому убеждены, что Британия снова будет придерживаться своей традиционной политики предоставить другим державам таскать для нее каштаны из огня».

Шуленбург также должен был подчеркнуть, что Германия не имеет «агрессивных намерений» против России. И наконец, ему поручалось сообщить Молотову, что Германия готова обсудить с Советским Союзом не только экономические вопросы, но и «возвращение к нормальным политическим отношениям».

Гитлер счел, что проект идет слишком далеко, и приказал задержать его. По словам Гауса, на фюрера произвело впечатление оптимистическое заявление Чемберлена 24 мая, когда английский премьер-министр сообщил палате общин, что в результате новых английских предложений он надеется на возможность достижения широкого соглашения с Россией «в скором времени». Гитлер боялся нарваться на отказ. Он не отказался от идеи «сближения» с Москвой, но решил, что пока лучше будет придерживаться более осторожного подхода.

Захваченные официальные немецкие документы подтверждают эти колебания фюрера. Подготовленные Риббентропом указания послу, которые были показаны Гитлеру 26 мая, так и не были отправлены. Гитлер отменил их. В тот же вечер Вайцеккер направил Шуленбургу радиogramму, в которой рекомендовал придерживаться «позиции полной сдержанности — Вы лично не должны предпринимать никаких шагов до следующего указания».

Эта криптограмма и письмо, которое статс-секретарь МИД Германии написал Шуленбургу, но задержал отправку до 30 мая, когда к нему была сделана весьма примечательная приписка, наглядно показывают замешательство в Берлине. В своем письме Вайцеккер сообщал, что в Берлине полагают, что англо-советское соглашение «будет не так легко предотвратить» и что Германия колеблется предпринять решительную попытку помешать этому из-за опасения вызвать в Москве «взрыв язвительного татарского хохота». Кроме того, конфиденциально сообщил статс-секретарь, Япония и Италия холодно относятся к предполагаемому шагу Германии в Москве, и эта холодность союзников сказалась на решении Берлина придерживаться сдержанной позиции. «Таким образом, — подытожил Вайцеккер, — мы сейчас хотим подождать и посмотреть, как далеко зайдут взаимные обязательства Москвы и Парижа — Лондона».

Вайцеккер задержал отправку письма, видимо считая, что Гитлер еще не принял окончательного решения. 30 мая он добавил к письму следующий постскриптум:

«P.S. К вышеизложенному я должен, с согласия фюрера, добавить, что тем не менее сейчас будет предпринято обращение к русским, хотя и значительно модифицированное, путем беседы, которую я должен провести с русским поверенным в делах».

Эта беседа с Астаховым мало чего дала, но она представляла собой начало нового почина со стороны немцев. Предлогом для приглашения советского поверенного в делах было обсуждение статуса советского торгпредства в Праге, которое русские стремились сохранить. В ходе беседы, вращавшейся вокруг этого вопроса, оба дипломата пытались выяснить, что друг у друга на уме. Вайцеккер сказал, что он согласен с Молотовым — политические и экономические вопросы не могут быть полностью отделены друг от друга — и выразил

заинтересованность в «нормализации отношений между Советской Россией и Германией». Астахов заметил, что Молотов не имел «намерения закрыть дверь для дальнейших советско-германских обсуждений».

Несмотря на взаимную осторожность, немцы несколько приободрились. Вечером 30 мая Вайцзеккер отправил срочную криптограмму Шуленбургу в Москву:

«Вопреки планируемой до этого момента тактике, мы сейчас, в конце концов, решили установить определенный контакт с Советским Союзом».

На протяжении всего июня в Москве между германским посольством и народным комиссаром внешней торговли А. Микояном велись предварительные переговоры о новом торговом соглашении.

Советское правительство по-прежнему с большим подозрением относилось к Берлину. Как сообщил 27 июня Шуленбург, Кремль полагает, что немцы, добиваясь торгового соглашения, хотят сорвать переговоры русских с Англией и Францией. «Они опасаются, — радировал он в Берлин, — что, как только мы этого добьемся, мы можем завести переговоры в тупик».

28 июня Шуленбург имел длительную беседу с Молотовым, которая, согласно его донесению в Берлин, протекала «в дружественной обстановке». Тем не менее, когда немецкий посол положительно отозвался о договорах о ненападении, которые Германия заключила с Прибалтийскими республиками,^[16] советский наркоминдел ехидно заметил, что «должен усомниться в надежности таких договоров, после того что происходит с Польшей».

Шуленбург был одним из уцелевших приверженцев старой школы Секта, Мальцана и Брокдорф-Рантцау, которая стремилась к сотрудничеству с Советской Россией после 1919 года и установила его в Рапалло. Как свидетельствуют его отчеты и телеграммы в 1939 году, он искренне пытался восстановить тесные отношения.

Внезапно 29 июня Гитлер приказал прервать переговоры с русскими, в том числе и по экономическим вопросам.

Немецкие секретные документы не содержат никаких сведений, объясняющих эту внезапную перемену настроения Гитлера. Шнурре

еще 15 июня предупредил, что прекращение экономических переговоров будет невыгодным для Германии политически и экономически.

Да и неровный ход англо-французских переговоров с Советским Союзом едва ли мог настолько обескуражить Гитлера, чтобы привести его к этому решению. Он знал из депеш германского посольства в Москве, что Россия и западные державы зашли в тупик в вопросе предоставления гарантий Польше, Румынии и Прибалтийским государствам. Польша и Румыния решительно отказывались разрешить проход советских войск через их территории, чтобы встретить нападение Германии. Латвия, Эстония и Финляндия также упорно не соглашались принимать советские гарантии — позиция, которую поощряла Германия, открыто грозя им карами, если их решимость ослабнет.

Стремясь найти выход из тупика, Молотов предложил в начале июня, чтобы Великобритания прислала в Москву на переговоры министра иностранных дел. Однако лорд Галифакс отказался поехать. Вместо него англичане решили послать второстепенного чиновника Форин оффис Стрэнга, которого мало кто знал в Англии и за ее пределами. Русские восприняли это как свидетельство того, что Чемберлен по-прежнему не относился всерьез к созданию союза против Гитлера.

18 июля советский торговый представитель в Берлине Е. Бабарин посетил Юлиуса Шнурре в министерстве иностранных дел и сообщил ему о желании России расширить и оживить советско-германские экономические отношения. Он передал памятную записку по вопросу о торговом договоре и заявил, что, если существующие разногласия между сторонами будут устранены, он уполномочен его подписать. 22 июля советская пресса сообщила, что в Берлине возобновились советско-германские торговые переговоры.

В этот же день Вайцеккер довольно радостно телеграфировал в Москву послу Шуленбургу весьма интересные новые инструкции. Говоря о торговых переговорах, он сообщил послу, что «мы будем действовать здесь в подчеркнуто позитивной манере, поскольку завершение их в возможно кратчайший срок желательно по общим причинам. Что же касается чисто политической стороны наших бесед с

русскими», добавил он, «мы рассматриваем период ожидания, о котором говорилось в нашей телеграмме [29 июня], закончившимся. Вы, следовательно, уполномочиваетесь возобновить контакты снова, но без излишней настойчивости».

Контакты фактически возобновились через четыре дня в Берлине, где 26 июля Шнурре по указанию Риббентропа пригласил на обед в фешенебельный берлинский ресторан советского поверенного в делах Астахова и Бабарина, чтобы выяснить их взгляды.

В секретном отчете о встрече Шнурре писал, что «русские оживленно и с интересом говорили о политических и экономических проблемах, представляющих для нас интересы».

Астахов, при полном одобрении Бабарина, заявил, что улучшение советско-германских политических отношений отвечает жизненно важным интересам обеих стран. В Москве, сказал он, никогда полностью не понимали, почему нацистская Германия столь враждебно относится к Советскому Союзу. Немецкий дипломат в свою очередь объяснил, что «германская политика на Востоке сейчас пошла совершенно другим курсом».

«С нашей стороны не может быть вопроса об угрозе Советскому Союзу. Наши цели лежат в совершенно другом направлении... Немецкая политика нацелена против Британии... Я могу вообразить далеко идущее урегулирование взаимных интересов с должным учетом важных русских проблем.

Однако эта возможность будет закрыта, как только Советский Союз вступит в союз с Британией против Германии. Сейчас подходящее время для понимания между Германией и Советским Союзом, но оно не будет более таким после заключения договора с Лондоном.

Что Британия может предложить России? В лучшем случае — участие в европейской войне и враждебность Германии. Что мы можем предложить в противовес этому? Нейтралитет и неучастие в возможном европейском конфликте и, если Москва пожелает, германо-русское понимание взаимных интересов, которое, как и в прошлые времена, будет приносить выгоду обеим странам... На мой взгляд, от Балтийского до Черного моря и на Дальнем Востоке не

существует спорных проблем [между Германией и Россией]. Кроме того, несмотря на все разногласия в наших взглядах на жизнь, имеется одна общая черта в идеологии Германии, Италии и Советского Союза: оппозиция к капиталистическим демократиям Запада».

Так поздно вечером 26 июля была предпринята первая серьезная немецкая попытка достичь договоренности с Советской Россией. Новый курс был изложен Шнурре по указанию Риббентропа. Астахов с удовлетворением выслушал его. Он обещал Шнурре, что немедленно сообщит о беседе Молотову.

На Вильгельмштрассе (местонахождение министерства иностранных дел) с нетерпением ожидали, какова будет реакция советской столицы. Через три дня, 29 июля, Вайцеккер направил в Москву диппочтой секретное послание Шуленбургу.

«Нам было бы важно узнать, какой отклик вызвали в Москве соображения, высказанные Астахову и Бабарину. Если у Вас будет возможность организовать еще одну беседу с Молотовым, прозондируйте его в подобном же духе...»

Двумя днями позже, 31 июля, статс-секретарь послал «срочную» телеграмму Шуленбургу:

«В связи с нашим посланием от 29 июля, прибывающим в Москву диппочтой сегодня:

Сообщите телеграммой дату и время Вашей следующей встречи с Молотовым, как только она будет назначена.

Мы очень надеемся на скорую встречу».

Впервые в исходящие из Берлина депеши вкралась нота срочности.

У Берлина имелись веские основания для спешки: 23 июля Франция и Великобритания наконец-то дали согласие на советское предложение о немедленном проведении военно-штабных переговоров для выработки военной конвенции, которая конкретно определит, как три государства будут вести борьбу против гитлеровских армий.

Однако пока английские и французские штабные офицеры ожидали тихоходного торгово-пассажирского судна, чтобы отплыть в

Ленинград, немцы действовали быстро. 3 августа был критическим днем для Берлина и Москвы.

В этот день Риббентроп, обычно доверявший ведение телеграфной переписки статс-секретарю Вайцзеккеру, отправил в Москву срочную шифrogramму Шуленбургу за своей подписью:

«Вчера у меня состоялась длительная беседа с Астаховым...

Я выразил желание германской стороны о перестройке германо-советских отношений и заявил, что на всем протяжении от Балтийского до Черного моря нет вопросов, которые нельзя разрешить к нашему взаимному удовлетворению. В ответ на пожелание Астахова о более конкретном обсуждении упомянутых вопросов... я заявил о своей готовности к таким беседам, если Советское правительство сообщит мне через Астахова, что оно также хочет подвести под германо-советские отношения новую и позитивную основу».

Через час после отправки Риббентропом своей телеграммы статс-секретарь Вайцзеккер послал Шуленбургу еще одну шифrogramму:

«Ввиду политической ситуации и в интересах срочности, мы хотим — без какого-либо предубеждения против Вашей предстоящей сегодня встречи с Молотовым — продолжить в более конкретной форме в Берлине обсуждение вопроса о гармонизации германо-советских намерений. С этой целью Шнурре примет сегодня Астахова и сообщит ему, что мы готовы к продолжению обсуждений в более конкретной форме».

Хотя внезапное желание Риббентропа к «конкретным» переговорам по всем вопросам от Балтики до Черного моря, должно быть, удивило русских, министр иностранных дел подчеркнул в своей телеграмме Шуленбургу, что он заявил советскому поверенному в делах, что «мы не спешим».

Это было блефом, и проницательный советский поверенный в делах, когда он встретился со Шнурре, легко раскрыл его.

Шнурре, однако, не растерялся и заявил Астахову, что, «хотя министр иностранных дел вчера и не упоминал о какой-либо срочности в контактах с Советским правительством, мы тем не менее

считаем целесообразным использовать ближайшие несколько дней для продолжения переговоров, чтобы создать основу как можно быстрее».

Для немцев, таким образом, дело свелось к ближайшим нескольким дням. Астахов сообщил Шнурре, что он получил «промежуточный ответ» от Молотова на германские предложения. Он был в основном негативным. Хотя Москва также желает улучшения отношений, «Молотов сказал, что пока ничего конкретного о позиции Германии неизвестно».

Советский наркоминдел в этот же вечер лично изложил свои соображения Шуленбургу. Посол в длинной депеше сообщил, что в беседе, длившейся более часа, Молотов «отказался от обычной сдержанности и казался необычно откровенным». Похоже, что так оно и было. Ибо после того как Шуленбург повторил мнение Германии, что между двумя странами «на всем протяжении от Балтийского до Черного моря» не существует разногласий, и подтвердил немецкое желание «достичь соглашения», непреклонный русский комиссар перечислил примеры враждебных акций рейха против Советского Союза: антикоминтерновский пакт, поддержка Японии против России и Мюнхенское соглашение.

«Как, — спросил Молотов, — можно примирить эти три момента с новыми немецкими заверениями? Доказательства перемены позиции германского правительства пока что по-прежнему отсутствуют».

Шуленбург, видимо, был несколько обескуражен. «Мое общее впечатление [сообщил он в Берлин], что Советское правительство в настоящее время преисполнено решимости заключить соглашение с Британией и Францией, если они удовлетворят все советские пожелания... Я верю, что мои заявления произвели впечатление на Молотова; тем не менее потребуются значительные усилия с нашей стороны, чтобы добиться перемены политического курса Советского правительства».

Хотя опытный немецкий дипломат неплохо разбирался в русских делах, он явно переоценивал успех переговоров с делегациями Англии и Франции в Москве. Он к тому же все еще не представлял, как далеко Берлин был готов сейчас пойти в своих «значительных усилиях», необходимых, по мнению посла, для достижения перемены курса советской дипломатии.

Но на Вильгельмштрассе росла уверенность, что этого можно достигнуть.

Прозорливый французский поверенный в делах в Берлине Жак Тарбе де Сэн-Ардэн уловил перемену в политической атмосфере германской столицы. 3 августа он сообщил в Париж: «В ходе последней недели в политическом климате Берлина наблюдается заметная перемена... Период неуверенности, колебаний, склонности к лавированию и даже компромиссам среди нацистских лидеров уступил место новой фазе».

* * *

11 августа итальянский министр иностранных дел Чиано вел переговоры с Риббентропом в поместье последнего около Зальцбурга. Риббентроп сообщил своему гостю, что решение напасть на Польшу неумолимо.

«Итак, Риббентроп, — поинтересовался Чиано, — что вы хотите? Коридор или Данциг?»

«Нет, больше мы этого не хотим, — ответил Риббентроп, глядя на него холодными оловянными глазами. — Мы хотим войны!»

Возражения Чиано, что конфликт с Польшей локализовать нельзя, что в случае нападения на Польшу Англия и Франция будут воевать, Риббентроп категорически отменил.

В ходе двух встреч Чиано с Гитлером в Оберзальцберге 12 и 13 августа фюрер повторил, что Франция и Англия воевать не будут. «Я лично, — заявил Гитлер, — абсолютно убежден, что западные демократии в последний момент отшатнутся от развязывания общей войны». На это Чиано ответил, что «он надеется, что фюрер окажется прав, но не верит в это». Итальянский министр затем подробно описал слабости Италии, и из его горестного повествования фюрер, должно быть, окончательно убедился, что Италия будет малополезной ему в предстоящей войне. Одна из причин стремления Муссолини отсрочить войну, сказал Чиано, состоит в том, что дуче «придает огромное значение проведению запланированной Всемирной выставки 1942 года» — это замечание, должно быть, поразило Гитлера, погруженного в изучение военно-штабных карт и расчетов. Гитлер, видимо, не менее

изумился, когда Чиано наивно достал проект коммюнике, в котором говорилось, что министры иностранных дел стран «оси» «подтвердили миролюбивые намерения своих правительств» и свое убеждение, что мир может быть сохранен путем «обычных дипломатических переговоров». Чиано пояснил, что дуче имел в виду мирную конференцию главных европейских стран, но из уважения к «сомнениям фюрера» готов согласиться на обычные дипломатические переговоры.

Гитлер на первой встрече не отклонил полностью идею проведения конференции, но напомнил Чиано, что «Россию нельзя более исключать из будущих встреч держав». Это было первым упоминанием Советского Союза, но не последним.

Чиано попытался выяснить время нападения на Польшу. Гитлер ответил: «До конца августа, самое позднее». Хотя потребуется всего две недели, объяснил он, для разгрома Польши, «окончательная ликвидация» потребует еще две — четыре недели — поразительно точный прогноз, как потом оказалось.

Но Италия в тот момент меньше всего интересовала Гитлера. Его мысли были прикованы к России. В конце встречи с Чиано 12 августа фюреру, как указывается в немецком отчете о встрече, передали «телеграмму из Москвы». Беседа была прервана на несколько минут, пока Гитлер и Риббентроп знакомились с ее содержанием.

Затем Гитлер обратился к Чиано: «Русские согласились на поездку в Москву немецкого политического представителя».

* * *

Происхождение этой телеграммы из Москвы сомнительно. Никакой такой телеграммы, исходящей из советской столицы, в германских архивах обнаружить не удалось.

Возможно, основанием для нее послужило переданное по телетайпу в Оберзальцберг 12 августа сообщение с Вильгельмштрассе об итогах встречи советского поверенного в делах со Шнурре Астахов сообщил министерству иностранных дел, что Молотов готов теперь обсудить поднятые немцами вопросы, включая Польшу и другие политические проблемы. Советское правительство предлагает в качестве места

переговоров Москву. Астахов разъяснил, что спешки быть не должно. Он подчеркнул, как писал в своем отчете Шнурре, который, по-видимому, был срочно послан в Оберзальцберг, «что основной акцент в полученных им от Молотова указаниях сделан на слове “постепенно”... Переговоры могут проводиться только постепенно».

Но Адольфа Гитлера не устраивали «постепенные» переговоры с Россией. Как он только что сообщил потрясенному Чиано, он назначил последнюю возможную дату нападения на Польшу на 1 сентября. Чтобы преуспеть в срыве англо-французских переговоров с русскими и повернуть свою собственную сделку со Сталиным, нужно было действовать быстро — не постепенно, а одним большим скачком.

Понедельник 14 августа был еще одним критическим днем. В этот день Риббентроп направил послу Шуленбургу срочную телеграмму. В ней послу поручалось срочно встретиться с Молотовым и зачитать ему длинное «устное» послание.

Таким образом, Гитлер наконец сделал решающую ставку. Германосоветские отношения, писал Риббентроп, «достигли исторического поворотного момента... Между Германией и Россией не существует реального столкновения интересов... Когда в прошлом обе страны были друзьями, дела шли хорошо, а когда были врагами, это имело худые последствия».

«Кризис, вызванный в польско-германских отношениях английской политикой (продолжал Риббентроп), и связанные с этой политикой попытки создания союза делают необходимым быстро внести ясность в германо-русские отношения. Иначе события... могут принять оборот, который лишит оба Правительства возможности восстановить германо-русскую дружбу — и в надлежащий момент совместно выяснить территориальные вопросы в Восточной Европе. Руководство обеих стран поэтому не должно пускать события на самотек, а своевременно предпринять действия...»

«Как нам сообщили, Советское правительство также считает желательным внести ясность в германо-русские отношения... Я готов нанести краткий визит в Москву, чтобы от имени фюрера изложить взгляды фюрера г-ну Сталину. На мой взгляд, только посредством такого прямого обсуждения можно добиться перемен... и тем самым

заложить основу для окончательного урегулирования германо-русских отношений».

Английский министр иностранных дел не захотел поехать в Москву, а германский министр иностранных дел сейчас не только был готов, но горел желанием приехать — контраст, который, как правильно рассчитали нацисты, должен был произвести впечатление на недоверчивого Сталина. Немцы считали также исключительно важным, чтобы их послание дошло до самого советского диктатора. Поэтому Риббентроп в телеграмме особо отметил желательность того, чтобы Шуленбург попросил об аудиенции со Сталиным, подчеркнув также, что «условием его поездки в Москву помимо совещания с Молотовым является также обстоятельная беседа со Сталиным».

Предложения Риббентропа содержали также слабо замаскированную приманку, на которую, как полагали не без оснований немцы, должен был клюнуть Кремль. Повторив, что «на всем протяжении от Балтийского до Черного моря нет вопросов, которых нельзя было бы разрешить к полному удовлетворению обеих стран», Риббентроп конкретно назвал «Прибалтийские государства, Польшу, юго-восточные вопросы и т. п.».

Германия была готова разделить Восточную Европу, включая Польшу, с Советским Союзом. Это было предложение, которое Англия и Франция не могли — а если бы и могли, то, очевидно, не захотели бы сделать. И, выдвинув это предложение, Гитлер, видимо уверенный, что оно не будет отклонено, в этот же день — 14 августа — созвал на совещание в Оберзальцберге своих высших военачальников, чтобы изложить планы и прогнозы предстоящей войны.

Германо-советские переговоры

15–21 августа 1939 года

Посол фон Шуленбург встретился с Молотовым вечером 15 августа и в соответствии с указаниями зачитал ему телеграмму Риббентропа о готовности министра иностранных дел приехать в Москву для урегулирования советско-германских отношений. Как затем доложил посол в Берлин, советский комиссар воспринял это сообщение «с большим интересом» и «тепло приветствовал немецкие намерения улучшить отношения с Советским Союзом». Однако, как опытный игрок в дипломатический покер, Молотов не проявил никаких признаков торопливости. Подобная поездка, которую предлагает Риббентроп, заметил он, «требует надлежащей подготовки для того, чтобы обмен мнениями мог привести к результатам».

Каким результатам? Лукавый русский комиссар высказал некоторые соображения. Будет ли германское правительство, спросил он, заинтересовано в договоре о ненападении между двумя странами? Готово ли оно использовать свое влияние в Токио, чтобы улучшить советско-японские отношения и «устранить пограничные конфликты» — ссылка на необъявленную войну, все лето бушевавшую на маньчжурско-монгольской границе. Затем Молотов спросил, что думает Германия относительно совместной гарантии суверенитета Прибалтийских государств.

Все эти вопросы, сказал он в заключение, должны быть обсуждены в конкретной форме, с тем чтобы в случае приезда сюда германского министра иностранных дел речь шла не об обмене мнениями, а о принятии конкретных решений. Молотов снова подчеркнул, что «надлежащая подготовка этих вопросов необходима».

Таким образом, первое предложение о германо-советском пакте о ненападении было сделано русскими — в тот самый момент, когда они вели переговоры с Францией и Великобританией о вступлении в случае необходимости в войну с целью противодействия дальнейшей

германской агрессии.^[17] Гитлер был полностью готов обсуждать такой пакт «в конкретной форме», поскольку заключение его исключало участие России в войне и давало ему возможность напасть на Польшу, не опасаясь советского вмешательства. А если Россия не будет участвовать в конфликте, то он был убежден, что Великобритания и Франция струсят.

Была лишь одна трудность — шла вторая половина августа и его не устраивал медленный советский темп, подразумевавшийся требованием Молотова о «соответствующей подготовке» визита министра иностранных дел в Москву.

На следующий день, 16 августа, Гитлер и Риббентроп сочинили ответ Молотову, который был срочно направлен в Москву.

Нацистский диктатор безоговорочно принял советские предложения. Шуленбургу поручалось снова встретиться с Молотовым и сообщить ему, что «Германия готова заключить пакт о ненападении с Советским Союзом сроком на 25 лет. Кроме того, Германия готова гарантировать вместе с Советским Союзом [суверенитет] Прибалтийских государств. Германия также готова оказать влияние на Японию в целях улучшения и нормализации русско-японских отношений».

Теперь всякое притворство, что германское правительство не спешит, было отброшено.

«Фюрер [говорилось далее в телеграмме] считает, что с учетом нынешней ситуации и возможности в любой день возникновения серьезных событий (пожалуйста, при этом объясните г-ну Молотову, что Германия не намерена бесконечно терпеть провокацию Польши) желательно принципиальное и быстрое выяснение германо-советских отношений и позиции каждой из стран по текущим вопросам».

По этим причинам я готов прибыть самолетом в Москву в любое время после пятницы 18 августа для рассмотрения всего комплекса германо-советских отношений и, если необходимо, подписать соответствующие договоры».

Риббентроп включил в телеграмму личные дополнительные указания послу, чтобы тот «срочно попросил» об ответе Советское правительство и Сталина, а также конфиденциально ориентировал

посла, что «мы особенно заинтересованы в том, чтобы моя поездка в Москву состоялась в конце этой недели или начале следующей».

На следующий день Гитлер и Риббентроп с нетерпением ожидали ответа из Москвы.

Но для сгорающих от нетерпения нацистских руководителей очередная встреча Шуленбурга с Молотовым оказалась неудачной. Полностью, несомненно, понимая причины лихорадочной спешки Гитлера, нарком иностранных дел вел игру с немцами, дразня и подначивая их. После того как Шуленбург вечером 17 августа зачитал ему эту телеграмму Риббентропа, Молотов, не обращая особого внимания на ее содержание, передал письменный ответ Советского правительства на первое послание имперского министра иностранных дел от 15 августа.

Ответ начинался с саркастического напоминания о многолетней антисоветской направленности политики нацистского правительства, в нем указывалось, что «до последнего времени Советское правительство... исходило из того, что германское правительство ищет повода для столкновений с СССР», в частности оно, «используя так называемый антикоминтерновский пакт, стремилось создать и создавало единый фронт ряда государств против СССР...». По этой причине, говорилось в ответе, СССР «принимал участие в деле организации фронта обороны против такой агрессии».

Если, однако, германское правительство сейчас намерено, указывалось далее в ответе, осуществить поворот от прежней политики в сторону серьезного улучшения политических отношений с СССР, Советское правительство может лишь приветствовать подобную перемену и со своей стороны готово пересмотреть свою политику в отношении Германии в плане ее серьезного улучшения.

Это улучшение, подчеркивалось в ответе, должно, однако, осуществляться постепенно посредством ряда «серьезных практических шагов».

Первый шаг: заключение торгово-кредитного соглашения.

Второй, «через короткий срок», — заключение пакта о ненападении.

Одновременно со вторым шагом Советы предложили «принять специальный протокол», уточняющий интересы договаривающихся

сторон по тем или другим вопросам внешней политики. Это был более чем намек, что в отношении раздела Восточной Европы по меньшей мере Москва положительно отнеслась к германской точке зрения, что договоренность возможна.

Что же касается предлагаемого визита Риббентропа, Молотов заявил, что Советское правительство с удовлетворением восприняло эту идею, поскольку «посылка столь видного политического и государственного деятеля подчеркивает серьезность намерений германского правительства.

Однако поездка германского министра иностранных дел требует тщательной подготовки...»

Молотов ни словом не обмолвился о настойчивом конкретном предложении Риббентропа приехать в Москву в конце недели, и Шуленбург, по-видимому ошеломленный ходом беседы, не настаивал на нем.

На следующий день, получив отчет посла, Риббентроп направил очередную «сверхсрочную» телеграмму Шуленбургу с указанием «немедленно договориться о новой беседе с Молотовым и сделать все возможное, чтобы она состоялась без задержки».

Послу поручалось заявить Молотову, что «германо-польские отношения с каждым днем обостряются. Мы должны считаться с тем, что инциденты могут случиться в любой день, и это сделает возникновение открытого конфликта неизбежным... Фюрер считает необходимым, чтобы возникновение германо-польского конфликта не застало нас врасплох, пока мы добиваем выяснения германо-русских отношений. Поэтому он считает предварительное выяснение необходимым, хотя бы для того, чтобы суметь учесть русские интересы в случае такого конфликта, что, конечно, будет трудным без такого выяснения».

Посол должен был сказать, что «первый шаг», упомянутый Молотовым, — заключение торгового соглашения — сделан 19 августа, договор заключен и наступило время приступить ко второму. С этой целью германский министр иностранных дел предлагает «немедленно отправиться в Москву» с полномочиями «урегулировать весь комплекс проблем».

В Москве он, Риббентроп, «будет в состоянии подписать специальный протокол, регулирующий интересы обеих сторон в вопросах внешней политики того или иного рода; например, согласовать сферы интересов в районе Балтики. Такое согласование будет возможным, однако, только посредством [прямых] устных переговоров».

«Пожалуйста, подчеркните [продолжал Риббентроп], что германская внешняя политика сегодня достигла исторического поворотного пункта... Добивайтесь быстрого осуществления моей поездки и соответственно отклоняйте любые новые русские возражения...»

19 августа действительно был решающим днем. Приказы немецким подводным лодкам и «карманным» линкорам о выходе в английские воды задерживались до получения сообщений из Москвы. Им необходимо было сняться с якоря немедленно, чтобы успеть занять свои намеченные позиции к началу военных действий — 1 сентября. Две группы армий, предназначенные для вторжения в Польшу, также должны были немедленно начать развертывание.

Напряжение в Берлине и особенно в Оберзальцберге, где Гитлер и Риббентроп нервно ждали решения Москвы, становилось почти невыносимым. Шнурре доложил, что переговоры с русскими о торговом соглашении завершились вчера вечером «полным согласием», но русские тянули его подписание, ссылаясь на необходимость получения указаний из Москвы.

Наконец в 7.10 вечера 19 августа поступила долгожданная телеграмма.

«Секретно

Сверхсрочно

Советское правительство согласно, чтобы имперский министр иностранных дел приехал в Москву через неделю после опубликования сообщения о подписании экономического соглашения. Молотов заявил, что если о заключении экономического соглашения будет объявлено завтра, то имперский министр иностранных дел смог бы прибыть в Москву 26 или 27 августа.

Молотов передал мне проект пакта о ненападении.

Подробный отчет о двух беседах, которые я имел с Молотовым сегодня, а также текст советского проекта передаются срочной телеграммой.

Шуленбург».

Первая беседа в Кремле, начавшаяся в 14.00 и длившаяся около часа, была, как сообщил посол, не очень-то удачной. Русских, казалось, невозможно было убедить принять гитлеровского министра иностранных дел.

«Молотов отстаивал свое мнение, — писал в шифротелеграмме посол, — что в настоящее время невозможно даже приблизительно определить время поездки, поскольку требуется тщательная подготовка... На выдвигаемые мною неоднократно и весьма настойчиво доводы о необходимости спешить, Молотов возразил, что пока что даже первый шаг — заключение экономического соглашения — еще не был осуществлен. Прежде всего необходимо подписать и опубликовать это соглашение и получить отклики на него. Затем настанет очередь пакта о ненападении и протокола.

Мои возражения, видимо, не оказывали влияния на Молотова, так что первая беседа закончилась заявлением Молотова, что он изложил мне соображения Советского правительства и ему нечего добавить к этому».

Но вскоре у него появились новые соображения.

«Не прошло и получаса после окончания беседы, — писал Шуленбург, — как Молотов попросил меня снова посетить его в Кремле в 16.30. Он извинился за доставленное мне беспокойство и объяснил, что докладывал Советскому правительству».

После этого комиссар иностранных дел сообщил ему, что Риббентроп может приехать в Москву 27 или 28 августа, если торговое соглашение будет подписано и опубликовано завтра.

«Молотов не назвал причин, — указывал Шуленбург в своей телеграмме, — внезапного пересмотра им своего решения. Я полагаю, что вмешался Сталин».

Это предположение было, несомненно, правильным. Где-то между 15 и 16.30 — это явствует из телеграммы Шуленбурга — Сталин оповестил Молотова о своем фатальном решении.

В своей депеше об итогах беседы с Молотовым 19 августа Шуленбург сообщил, что его попытка уговорить наркома иностранных дел согласиться на более раннюю дату поездки Риббентропа в Москву «оказалась, к сожалению, неудачной».

Но немцам необходимо было, чтобы она была успешной. Весь график вторжения в Польшу, более того, сама возможность проведения наступления до начала осенних дождей зависела от этого. Если Риббентроп не будет принят в Москве до 26 или 27 августа, а затем русские к тому же затянут переговоры, как опасались немцы, соблюсти намеченную дату — 1 сентября — не удастся.

На этой критической стадии Адольф Гитлер сам обратился к Сталину. Проглотив свою гордость, он лично попросил советского диктатора, которого он так часто и столь длительное время всячески поносил, срочно принять германского министра иностранных дел. Его телеграмма Сталину была спешно направлена в Москву в 18.45 в воскресенье, 20 августа, буквально через несколько часов после получения депеши Шуленбурга. Фюрер поручил послу «немедленно» вручить ее Молотову.

«Г-ну Сталину, Москва.

Я искренно приветствую подписание нового германо-советского торгового соглашения^[18] как первый шаг в перестройке германо-советских отношений.

Заключение пакта о ненападении с Советским Союзом означает для меня определение курса германской политики на длительное время. Германия тем самым возобновляет политический курс, который приносил выгоду обоим государствам в течение минувших столетий...

Я согласен с проектом пакта о ненападении, переданным Вашим министром иностранных дел г-ном Молотовым, но считаю настоятельно необходимым уточнить связанные с ним вопросы как можно скорее.

Содержание дополнительного протокола, которого хочет Советский Союз, может быть, я убежден, уточнено в возможно

кратчайший срок, если ответственный германский государственный деятель сможет лично прибыть в Москву для переговоров. Иначе Правительству Рейха неясно, как можно быстро уточнить и согласовать дополнительный протокол.

Напряженность в отношениях между Германией и Польшей стала невыносимой... Кризис может разразиться в любой день. Германия преисполнена решимости с этого момента и впредь отстаивать интересы Рейха всеми имеющимися в ее распоряжении средствами.

По моему мнению, ввиду намерения двух наших государств вступить в новые отношения друг с другом желательно не терять время. Поэтому я еще раз предлагаю вам принять моего министра иностранных дел во вторник 22 августа, самое позднее, в среду 23 августа. Имперский министр иностранных дел будет облечен всеми чрезвычайными полномочиями для составления и подписания пакта о ненападении, а также протокола. Более длительное пребывание министра иностранных дел в Москве, чем один или, самое большее, два дня невозможно ввиду международного положения. Я был бы рад получить ваш скорый ответ.

Адольф Гитлер».

В течение последующих 24 часов — с вечера 20 августа, когда телеграмма Гитлера Сталину передавалась по проводам в Москву, — до следующего вечера фюрер находился в состоянии, близком к коллапсу. Он не мог заснуть. Посреди ночи он позвонил Герингу, чтобы рассказать о своем беспокойстве относительно реакции Сталина на свое послание и излить раздражение по поводу задержек в Москве. В 3 часа ночи 21 августа министерство иностранных дел получило «сверхсрочную» телеграмму от Шуленбурга, сообщавшую, что телеграмма Гитлера еще не получена. В 10.15 утра в понедельник 21 августа встревоженный Риббентроп направил срочную радиogramму Шуленбургу: «Пожалуйста, сделайте все возможное, чтобы поездка обязательно состоялась. Дата [поездки], как в телеграмме». Вскоре после полудня посол известил Берлин: «Я увижусь с Молотовым в 15.00 сегодня».

Наконец в 9.35 вечера 21 августа телеграфные провода доставили в Берлин ответ Сталина:

«Рейхсканцлеру Германии господину А. Гитлеру.

Благодарю за письмо.

Надеюсь, что германо-советское соглашение о ненападении создаст поворот к серьезному улучшению политических отношений между нашими странами.

Народы наших стран нуждаются в мирных отношениях между собою. Согласие германского правительства на заключение пакта ненападения создает базу для ликвидации политической напряженности и установления мира и сотрудничества между нашими странами.

Советское правительство поручило мне сообщить Вам, что оно согласно на приезд в Москву г. Риббентропа 23 августа.

И. Сталин».

По своей циничности Сталин не уступал Гитлеру. Теперь путь для них собраться вместе и завершить одну из самых неприглядных сделок нашей бесчестной эпохи был открыт.

Ответ Сталина был передан фюреру в Бергхоф в 10.30 вечера. Вскоре после этого музыкальная передача немецкого радио была внезапно прервана и диктор объявил: «Имперское правительство и Советское правительство договорились заключить пакт о ненападении друг с другом. Имперский министр иностранных дел прибудет в Москву в среду 23 августа для завершения переговоров».

На следующий день, 22 августа 1939 года, Гитлер, получив личное заверение Сталина, что Россия будет соблюдать дружественный нейтралитет, вновь вызвал высших военных командующих в Оберзальцберг, где прочел им лекцию о своем собственном величии и о необходимости вести войну жестоко и безжалостно, а также сообщил им, что, вероятно, отдаст приказ, чтобы нападение на Польшу началось через четыре дня, в субботу 26 августа, то есть на шесть дней ранее намеченной даты. Сталин, смертельный враг фюрера, сделал это возможным.

Гитлер считал «весьма вероятным», что Англия и Франция не будут воевать, но такой риск тем не менее необходимо было учитывать. Но разве он не рисковал ранее — при оккупации Рейнской области, при захвате Австрии, Судетской области и остальной части Чехословакии?

Во всяком случае, наступило время для всех их показать свои боевые качества. Гитлер создал Великую Германию, напомнил он генералам, «политическим блефом». Теперь пришла необходимость «проверить военную машину». Армия должна приобрести опыт настоящих боев до главной решающей схватки на Западе. Польша даст нам такую возможность.

Говоря об Англии и Франции, Гитлер сказал:

«У Запада есть только две возможности вести против нас военные действия:

1. Блокада: она не будет эффективной из-за нашей самообеспеченности и наших источников помощи на Востоке.

2. Атака с Запада с “линии Мажино”. Я считаю ее невозможной.

Другая возможность — нарушение нейтралитета Голландии, Бельгии и Швейцарии. Англия и Франция не нарушат нейтралитета этих стран. Фактически они не смогут помочь Польше».

Будет ли война длительной?

«Никто не рассчитывает на длительную войну. Если бы фон Браухич^[19] сказал мне, что потребуется четыре года, чтобы завоевать Польшу, я ответил бы: тогда этого делать нельзя. Глупо говорить, что Англия хочет вести длительную войну».

Разделавшись, таким образом, по меньшей мере, как ему хотелось, с Великобританией и Францией, Гитлер вынул свой козырной туз. Он заговорил о России.

«У противника имелась еще одна надежда, что Россия станет нашим врагом после завоевания Польши. Противник не рассчитывал на мои великие способности к решительным действиям. Наши враги — это червяки. Я видел их в Мюнхене.

Я был убежден, что Сталин никогда не примет английского предложения. Только слепой оптимист мог поверить, что Сталин будет настолько безрассудным, чтобы не разглядеть намерений Англии. Россия не заинтересована в сохранении Польши... Отставка Литвинова была решающим фактором. Мне мгновенно стало ясным,

что это признак изменения отношения Москвы к западным державам.

Я постепенно добился перемены в отношениях с Москвой. В связи с торговым договором мы завязали политические переговоры. Наконец от русских поступило предложение относительно договора о ненападении. Четыре дня назад я предпринял чрезвычайный шаг, который привел к тому, что Россия вчера объявила о готовности подписать его. Личный контакт со Сталиным установлен. Послезавтра Риббентроп заключит этот договор. Теперь Польша оказалась в том положении, которого я хотел... Начало для ликвидации господства Англии положено. Теперь, когда я завершил политическую подготовку, путь для солдат открыт».

Путь для солдат будет открыт в том случае, если Чемберлен не устроит еще один Мюнхен. «Единственное, чего я боюсь, — заявил Гитлер своим военачальникам, — что какая-то сволочь (швайнехунд) выступит с предложением о посредничестве».

Военные операции, подчеркнул Гитлер, не должны зависеть от того, как он может поступить с Польшей после ее разгрома. Новая германская граница, сказал фюрер, будет основана на «разумных принципах». Возможно, он создаст небольшое Польское буферное государство между Германией и Россией.

На следующий день, 23 августа, после совещания в ОКБ (Верховное главнокомандование вермахта) начальник генерального штаба ОКХ Гальдер записал в своем дневнике: «День начала вторжения в Польшу определенно намечен на 26-е (суббота)».

Риббентроп в Москве

23 августа 1939 года

Вооруженный письменными полномочиями Гитлера заключить договор о ненападении «и другие соглашения» с Советским Союзом, которые должны вступить в силу с момента их подписания, Риббентроп вылетел в Москву 22 августа. Многочисленная немецкая делегация провела ночь в Кенигсберге, Восточная Пруссия, где нацистский министр иностранных дел, по словам переводчика Шмидта, трудился всю ночь, постоянно разговаривая по телефону с Берлином и Берхтесгаденем и составляя множество записей для своих переговоров со Сталиным и Молотовым.

Два гигантских четырехмоторных транспортных самолета «кондор» с немецкими делегатами прибыли в Москву в полдень 23 августа, и, наскоро перекусив в посольстве, Риббентроп спешно отправился в Кремль, чтобы предстать перед советским диктатором и его наркомом иностранных дел. Первая встреча длилась три часа и, как Риббентроп информировал Гитлера телеграммой с грифом «сверхсрочно», окончилась благополучно для немцев. Судя по депеше министра иностранных дел, никаких трудностей в согласовании условий пакта о ненападении, который исключал участие Советского Союза в войне Гитлера, не было вообще. Фактически единственное затруднение, докладывал он, было явно незначительным и касалось дележа добычи. Русские, писал он, потребовали, чтобы Германия признала небольшие порты Либяу и Виндау в Латвии «как входящие в их сферу интересов». Поскольку вся Латвия должна была остаться на советской стороне линии, разграничивающей интересы двух держав, это требование не вызывало затруднений, и Гитлер быстро согласился. Риббентроп также уведомил фюрера после первого раунда переговоров, что «предусматривается подписание секретного протокола о разграничении взаимных сфер интересов во всем Восточном районе».

Договор о ненападении и секретный протокол были подписаны позднее, тем же вечером на второй встрече в Кремле. Немцы и русские так легко достигли соглашения, что эта пиршественная встреча, которая длилась почти до следующего утра, была по большей части посвящена не какому-то упорному торгу, а оживленному дружественному обсуждению международного положения, страна за страной, с неизбежными обильными тостами, обычными для крупных торжественных межгосударственных церемоний в Кремле. Составленный одним из присутствовавших членов немецкой делегации служебный отчет запечатлел эту почти невероятную сцену.

На вопросы Сталина о намерениях германских партнеров — Италии и Японии — Риббентроп дал обнадеживающие ответы. Что касается Англии, советский диктатор и нацистский министр иностранных дел, который теперь чувствовал себя как рыба в воде, сразу же нашли общий язык. Английская военная делегация, доверительно поведал Сталин своему гостю, «так и не сказала Советскому правительству, чего она в действительности хочет...». Риббентроп в ответ подчеркнул, что Британия всегда пыталась нарушить добрые отношения между Германией и Советским Союзом. «Англия слаба, — хвастливо утверждал он, — и хочет, чтобы другие воевали за ее самонадеянные притязания на мировое господство».

«Сталин охотно согласился, — говорится в немецком отчете, — и со своей стороны заметил: “Если Англия и господствует в мире, то это объясняется глупостью других стран, которые всегда позволяли одурачить себя”.»

К этому времени советский правитель и гитлеровский министр настолько поладили между собой, что упоминание антикоминтерновского пакта более не смущало их. Риббентроп еще раз объяснил, что пакт был направлен не против России, а против западных демократий. Сталин вставил замечание, что «антикоминтерновский пакт в действительности напугал главным образом Лондонское Сити (то есть английских банкиров) и английских лавочников».

В этот момент, как свидетельствует немецкий отчет, благожелательное отношение Сталина привело Риббентропа в столь хорошее расположение духа, что тот даже попытался раз-другой

сострить — примечательное событие для этого полностью лишенного юмора человека.

«Имперский министр иностранных дел [продолжает отчет] шуточно заметил, что Сталин, безусловно, был меньше напуган антикоминтерновским пактом, чем Лондонское Сити и английские лавочники. Что думал немецкий народ по этому поводу, видно из анекдота, который берлинцы, известные своим остроумием и юмором, сочинили, что Сталин еще сам присоединится к антикоминтерновскому пакту».

В заключение нацистский министр иностранных дел ударился в рассуждения, как горячо немецкий народ приветствует соглашение с Россией. «Сталин ответил, — говорится в немецком отчете, — что он действительно верит этому. Немцы желают мира».

Этот фарс достиг своего апогея, когда наступило время произносить тосты.

«Сталин по своей инициативе предложил тост за фюрера: “Я знаю, как немецкий народ горячо любит своего фюрера. Поэтому я хотел бы выпить за его здоровье”.»

Молотов выпил за здоровье имперского министра иностранных дел. Молотов и Сталин неоднократно пили за пакт о ненападении, новую эру в германо-советских отношениях и за немецкий народ.

Имперский министр иностранных дел в свою очередь предложил тост за Сталина, тосты за Советское правительство и за успешное развитие отношений между Германией и Советским Союзом.

Однако, несмотря на подобный теплый обмен речами между людьми, которые еще недавно были смертельными врагами, Сталин, по-видимому, в уме испытывал сомнения относительно соблюдения нацистами подписанного пакта о ненападении. Когда Риббентроп собрался уйти, он отвел его в сторону и сказал: «Советское правительство очень серьезно воспринимает новый договор. Он может в качестве гарантии дать свое честное слово, что Советский Союз не предаст своего партнера».

Что же подписали новые партнеры?

Опубликованный договор содержал обязательство, что обе договаривающиеся стороны воздержатся от всякого нападения друг на друга. Если одна из них «окажется объектом военных действий со стороны третьей державы, другая Договаривающаяся Сторона не будет поддерживать ни в какой форме эту державу». Ни Германия, ни Россия не будут «участвовать в какой-нибудь группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой Стороны».

Текст основных статей почти идентичен тексту советского проекта договора, который Молотов вручил Шуленбургу 19 августа и о принятии которого Гитлер сообщил в своей телеграмме Сталину. Русский проект уточнял, что договор о ненападении вступит в силу только в том случае, если одновременно будет подписан «особый протокол», который станет неотъемлемой частью пакта.

Согласно свидетельству Фридриха Гауса, участвовавшего в вечерней встрече, высокопарная преамбула, подчеркивающая установление дружественных советско-германских отношений, которую Риббентроп хотел включить в договор, была выброшена по настоянию Сталина. Советский диктатор возразил, что «Советское правительство не может вдруг внезапно преподнести своему народу германо-советскую декларацию о дружбе после того, как нацистское правительство шесть лет подряд лило на него навоз ушатами».

Таким образом, Гитлер получил то, чего он конкретно хотел: срочное согласие Советского Союза не присоединяться к Великобритании и Франции, если они сдержат свои договорные обязательства прийти на помощь Польше в случае нападения на нее.

Цена, которую заплатил Гитлер, была изложена в «Секретном дополнительном протоколе» к договору.^[20]

«При подписании договора о ненападении между Германией и Союзом Советских Социалистических Республик нижеподписавшиеся уполномоченные обеих сторон обсудили в строго конфиденциальном порядке вопрос о разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе...

1. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Финляндия,

Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР...

2. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарева, Висла и Сана.^[21]

Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития.

Во всяком случае оба правительства будут решать этот вопрос в порядке дружественного обоюдного согласия».

Вновь Германия и Россия, как и во времена немецких королей и русских императоров, договорились о разделе Польши. А Гитлер предоставил Сталину свободу рук в восточной Балтике.

И наконец, в Юго-Восточной Европе русские подчеркнули свою заинтересованность в Бессарабии, которая отошла от Советского Союза к Румынии в 1918 году, а немцы декларировали свою незаинтересованность в этой территории — уступка, о которой Риббентроп позднее пожалеет.

«Этот протокол, — говорилось в документе, — будет сохраняться обеими сторонами в строгом секрете».^[22]

И действительно, его содержание стало известным только после войны и захвата секретных архивов Германии.

24 августа торжествующий Риббентроп вылетел в Берлин, а на следующий день Ворошилов, встретившись с главами английской и французской военных делегаций, заявил им: «Ввиду изменившегося политического положения нет смысла продолжать обсуждение».

* * *

Два года спустя, когда немецкие войска вторглись в Россию, в нарушение этого пакта, Сталин по-прежнему продолжал оправдывать свою одиозную сделку с Гитлером, заключенную за спиной англо-французских военных делегаций, проводивших переговоры в Москве.

«Мы обеспечили нашей стране мир в течение полутора годов, — утверждал он в выступлении по радио 3 июля 1941 года, — и возможность подготовки своих сил для отпора, если фашистская Германия рискнула бы напасть на нашу страну вопреки пакту. Это определенный выигрыш для нас и проигрыш для фашистской Германии».

Так ли? Этот вопрос все еще остается предметом споров. То, что эта грязноватая тайная сделка дала Сталину такую же передышку, какую царь Александр I получил от Наполеона в Тильзите в 1807 году, а Ленин от немцев в Брест-Литовске в 1918 году, было очевидным. Вскоре она также обеспечила Советскому Союзу выдвинутые оборонительные рубежи против Германии за пределами существовавших границ Советского Союза, включая базы в Прибалтийских государствах и Финляндии — за счет поляков, латышей, эстонцев и финнов. И самое главное, как подчеркивалось позднее в официальной советской «Истории дипломатии», она гарантировала Кремлю, что, если Россия позднее подвергнется нападению Германии, западные державы уже будут бесповоротно втянуты в войну против «третьего рейха» и Советский Союз не должен будет один противостоять немецкой вооруженной мощи, как этого боялся Сталин летом 1939 года.

Все это, несомненно, верно. Но есть и другая сторона медали. К тому времени, когда Гитлер собрался напасть на Россию, армии Польши и Франции, а также Английский экспедиционный корпус на континенте были уничтожены, а Германия имела в своем распоряжении ресурсы всей Европы и никакой западный фронт не связывал ей руки.

На протяжении 1941, 1942 и 1943 годов Сталин будет с горечью сетовать на отсутствие второго фронта в Европе против Германии и что Россия вынуждена нести бремя борьбы почти со всей германской армией. В 1939–1940 годах имелся Западный фронт, отвлекавший немецкие силы. Да и Польша не была бы захвачена за две недели, если бы русские поддержали ее вместо удара в спину. Более того, войны, возможно, не было бы вообще, если бы Гитлер знал, что ему придется помимо Польши, Англии и Франции сражаться также с Россией. Даже политически робкие немецкие генералы, если верить их показаниям на

Нюрнбергском процессе, могли воспротивиться развязыванию войны против такой грозной коалиции. Согласно свидетельству французского посла в Берлине, в конце мая и Кейтель и Браухич предупреждали Гитлера, что у Германии очень мало шансов выиграть войну, в которой Россия будет участвовать на вражеской стороне.

Ни один государственный деятель, и в том числе даже диктаторы, не может предсказать ход событий на длительный срок. Можно доказывать, как это делал Черчилль, что каким бы хладнокровно-расчетливым ни было решение Сталина о заключении сделки с Гитлером, оно также «в тот момент было в высшей степени реалистичным». Первым и первостепенным соображением Сталина, равно как и любого другого главы государства, была безопасность страны. Он был убежден летом 1939 года, как он позднее скажет Черчиллю, что Гитлер собирается начать войну. Он был преисполнен решимости не допустить того, чтобы Россию завлекли в чреватую опасностью позицию, где ей пришлось бы одной противостоять вермахту. Если прочный союз с западными державами окажется невозможным, тогда почему бы не повернуться лицом к Гитлеру, который стучится к нему в дверь?

К концу июля 1939 года Сталин был убежден — и это очевидно, — что Франция и Великобритания не только не хотят прочного союза, но и что целью правительства Чемберлена и Великобритании является побудить Гитлера вести свои войны в Восточной Европе. Он, по-видимому, сильно сомневался в том, что Великобритания с большей готовностью выполнит свои гарантийные обязательства перед Польшей, чем Франция выполнила свои обязательства перед Чехословакией. И все происходившие за последние два года события на Западе лишь усиливали его подозрения: отклонение Чемберленом советских предложений после «аншлюса» и нацистской оккупации Чехословакии о созыве конференции для выработки планов по сдерживанию дальнейшей нацистской агрессии; умиротворение Чемберленом Гитлера в Мюнхене, куда Россию не допустили; задержки и колебания Чемберлена в проведении переговоров об оборонительном союзе против Германии, когда роковые летние дни 1939 года быстро сменяли друг друга.

Одно было очевидным — почти всем, за исключением Чемберлена, — англо-французская дипломатия — нерешительная и невнятная — теперь потерпела полное банкротство. (А также и польская дипломатия.) Французский посол в депеше в Париж так описал реакцию польского министра иностранных дел Бека на подписание германо-советского пакта: «Бек совершенно спокоен и, кажется, нисколько не озабочен. Он считает, что, по существу, почти ничего не изменилось». Шаг за шагом западные демократии отступали перед Гитлером. С Советским Союзом на их стороне они все еще могли убедить германского диктатора не начинать войну или, если бы это не удалось, сравнительно быстро победить его в вооруженном конфликте. Но они позволили этой последней возможности ускользнуть из их рук. ^[23]

Теперь, в самое невыгодное время, в самых худших обстоятельствах, они были обязаны прийти на помощь Польше, когда она подвергнется нападению.

Упреки и обвинения в Лондоне и Париже по адресу двуличного Сталина были громкими и злобными. Советский деспот на протяжении многих лет громко осуждал «фашистских зверей» и призывал миролюбивые государства объединиться, чтобы остановить нацистскую агрессию. Сейчас он сам превратился в ее пособника. Кремль мог доказывать, что он и сделал, что Советский Союз сделал лишь то, что сделали Великобритания и Франция годом ранее в Мюнхене: купили мир и время для перевооружения за счет малого государства. Если Чемберлен был прав и поступил честно, умиловив Гитлера в сентябре 1938 года принесением в жертву Чехословакии, был ли Сталин не прав и бесчестен, замирившись с Гитлером год спустя за счет Польши, которая в любом случае отвергала советскую помощь?

О циничной секретной сделке Сталина с Гитлером с целью раздела Польши и получения свободы рук, чтобы поглотить Латвию, Эстонию, Финляндию и Бессарабию, за пределами Берлина и Москвы никто не знал, но она вскоре станет очевидной благодаря советским действиям и шокирует многие страны мира даже сейчас. Русские могли бы сказать — что они и сделали, — что они всего лишь вернули себе территории, которые были отняты у них в конце первой мировой

войны. Но населявшие эти земли люди не были русскими и не проявляли желания присоединиться к России.

После вступления в Лигу Наций Советский Союз завоевал определенный моральный престиж как защитник мира и ведущий противник фашистской агрессии. Теперь этот моральный капитал был полностью растрочен.

Помимо всего прочего, согласившись на эту неприглядную сделку с нацистской Германией, Сталин подал сигнал к началу войны, которая почти наверняка превратится в мировой конфликт. Это он, безусловно, знал.^[24] Как потом окажется, это был самый крупный просчет всей его жизни.

Дэвид Мэйсон
«Странная война»^[25]

Американский сенатор Бора придумал выражение «призрачная», или «мнимая», война.^[26] Черчилль, говоря об этом периоде, употребил определение Чемберлена «сумерки войны», а немцы называли ее «сидячей войной» («зитцкриг»). Это было время, когда противники в Европе бросали друг на друга свирепые взгляды, стараясь угадать, что намеревается предпринять другая сторона, период воинственных поз, усталости и вялости, когда настоящих военных действий почти не велось.

Война, однако, началась весьма оживленно. Вскоре после заявления Чемберлена о войне с Германией в воскресенье 3 сентября вой сирен оповестил о первой — как оказалось потом ложной — воздушной тревоге, и самолет английских военно-воздушных сил вылетел на разведку в зону Кильского канала, где обнаружил ряд немецких военных кораблей, стоявших на якоре, — привлекательная цель для воздушной атаки. Но было очень холодно, и когда пилот Макферсон попытался связаться по радио с базой, то обнаружил, что радиопередатчик замерз. К тому времени, когда он вернулся на аэродром, было уже поздно организовывать бомбардировочный налет, но первый лорд Адмиралтейства Уинстон Черчилль разрешил провести его в понедельник, 4 сентября.

На следующее утро Макферсон вторично вылетел на разведку. Совершая полет на небольшой высоте из-за густой облачности, он вновь обнаружил немецкие военные корабли около Кильского канала. Получив его донесение, эскадрилья из 29 бомбардировщиков под командованием лейтенанта Дорана после обеда вылетела в район Киля. Когда они достигли цели, облачность рассеялась и самолеты сбросили бомбы, добившись попаданий в «карманный» линкор «Адмирал Шеер» и легкий крейсер «Эмден». Но успех рейда был незначителен. Бомбы отскочили от бронированной палубы «Адмирала Шеера» прежде, чем успели взорваться. Крейсер «Эмден» получил незначительные повреждения, которые вывели его на несколько дней из строя. Но и этот ущерб был нанесен не столько бомбами, сколько подбитым бомбардировщиком, который врезался в крейсер. Так или иначе, это была дорогостоящая операция для Королевских воздушных сил. Из 29 самолетов, участвовавших в налете, семь не вернулись на базу. Макферсон и Доран, однако, были награждены орденами за свое

участие в этой первой наступательной операции союзников во второй мировой войне.

Эта пауза между первым разведывательным полетом над Кильским каналом и атакой имела зловещее значение, которое тогда никто не понял. Задержка на целые сутки дала возможность Германии первой нанести удар — ситуация, которая будет часто повторяться в ходе войны. Вечером в воскресенье 3 сентября немецкая подводная лодка 11–30 атаковала и торпедировала пассажирский лайнер «Атениа», шедший из Англии в Канаду. Капитан подлодки Лемп позднее заявит, что он принял лайнер, шедший зигзагообразным курсом с потушенными огнями, за патрульный крейсер. Так или иначе, но лайнер затонул, и из 1102 пассажиров и 315 человек экипажа 112 человек погибли, включая 28 американцев. Этот инцидент вызвал беспокойство во многих странах, но министр пропаганды Геббельс попытался извлечь из него пользу, объявив по Берлинскому радио, что Черчилль затопил лайнер с помощью спрятанной бомбы, чтобы испортить отношения между Германией и Америкой.

В то время как на Западе происходили эти эпизодические стычки, Польша содрогалась под страшным натиском германского вторжения и молила Англию о помощи в виде немедленной бомбежки немецких аэродромов и промышленных центров, находящихся в пределах радиуса действий английской бомбардировочной авиации. К 9 сентября положение поляков стало таким отчаянным, что их послу в Лондоне было дано указание:

«Пожалуйста, тщательно разьясните нашу позицию правительству Англии и попросите дать более определенный ответ относительно планов ведения войны и оказания помощи Польше».

Когда посол изложил эту просьбу, ему заявили, что Англия не имеет намерения бомбить Германию, прежде чем Германия сама не сбросит бомбы на Англию, поскольку подобные агрессивные акты могут неблагоприятно сказаться на настроениях общественности. В свете обещания о поддержке, данного Польше всего месяц назад англичанами и французами, подобный ответ едва ли можно назвать удовлетворительным.

Война «конфетти»

Основной ответ Англии на события в Восточной Европе заключался не в бомбардировочных операциях, а в «рейдах правды», как их назвал английский министр авиации Кингсли Вуд. Эти «рейды правды» сводились к разбрасыванию с воздуха над Германией миллионов пропагандистских листовок в надежде, что немцы, узнав об испорченности своих правителей, взбунтуются и свергнут их. Делался также расчет на то, что эти рейды устроят немцев и их руководителей, продемонстрировав им уязвимость Германии для боевых воздушных налетов.

Первый такой рейд состоялся ночью 3 сентября, когда на территорию Германии было сброшено 6 миллионов экземпляров «Письма к немецкому народу» — более 13 тонн бумаги.

Рейды продолжались почти каждую ночь, и к 27 сентября, согласно данным министерства авиации, над германским рейхом английской авиацией было сброшено около 18 миллионов листовок — достижение, которым правительство заметно гордилось.

Член парламента от консервативной партии генерал Спирс, однако, дал иную оценку этим действиям: «Позорно сражаться “конфетти” против совершенно безжалостного врага. Мы делаем из себя посмешище». А вице-маршал авиации Харрис позднее заметил: «Я лично считаю, что единственное, чего мы добились, — это обеспечили потребности Европейского континента в туалетной бумаге на пять долгих лет войны. Многие из этих листовок были столь глупо и поребячески написаны, что, пожалуй, хорошо, что их скрывали от английской общественности, даже если нам приходилось рисковать и терять напрасно экипажи и самолеты, сбрасывая эти листовки на врага».

Основной результат этих безвредных для Германии мер свелся к тому, что они вызвали широкое возмущение в Англии неспособностью оказать удовлетворительную помощь Польше. Были люди, которые

призывали правительство подкрепить объявление войны более активными действиями и, ввиду отказа от бомбардировочных операций против городов и промышленных центров, высказывались за бомбежку зажигательными бомбами Шварцвальда (Черного леса). Один из лейбористских лидеров, Хью Дальтон, имевший много близких друзей среди поляков, гневно заявил Кингсли Вуду: «Дым и чад немецких лесов научат немцев, весьма сентиментально относящихся к своим лесам, что война не всегда приятна и выгодна и что ее нельзя вести исключительно на территории других народов».

В ответ он услышал, что сожжение Шварцвальда противоречило бы Гаагской конвенции. Когда другой член парламента, Лео Эмери, поддержал этот призыв, потребовав быстрых действий до того, как сухой лес намокнет под осенними дождями, Кингсли Вуд заявил ему: «О, что вы, это делать нельзя, это частная собственность. Вы от меня еще потребуете затем бомбить Рур».

Отчаявшись, Дальтон сказал, что готов лично полететь в Польшу, чтобы продемонстрировать тем самым солидарность между двумя странами. Вуд отклонил это предложение как «нецелесообразное».

Несмотря на боевые действия на море, сохранилась надежда, что, поскольку поляки, очевидно, покорились своим завоевателям и тревожное затишье воцарилось в этой несчастной стране, могут возникнуть перспективы мира. Однако в своем очередном обзоре военного положения в палате общин 3 октября 1939 года Чемберлен занял твердую позицию по отношению к Германии.

Но если не было признаков того, что какая-либо из сторон готова пойти на уступки, то равным образом ничто не свидетельствовало о том, что союзники собираются взять военную инициативу в свои руки. Упор делали на обороне. Английский военно-морской флот с начала войны базировался в Скапа-Флоу (якорная стоянка на Оркнейских островах, укрытая кольцом мелких островков и узких проливов, использовавшаяся еще во времена первой мировой войны).

Возросшие скорость и боевой потенциал немецких подводных лодок заставили усилить противолодочную оборону базы. Были установлены дополнительные сетевые заграждения и блокированы затопленными судами подходы к базе, а для отражения воздушной угрозы выделены две эскадрильи истребителей. Однако в ночь на 14 октября немецкая

подводная лодка 11–47 проникла в Скапа-Флоу и потопила линкор «Ройал Оук», продемонстрировав неудовлетворительное состояние обороны. Поскольку завершить широкие дополнительные мероприятия по укреплению Скапа-Флоу ранее весны 1940 года было невозможно, в качестве временной базы Флота метрополии решили использовать Розит.

А наступления все не было

В Западной Европе война приняла такой же нереальный оборонительный «призрачный» характер, как и в Англии. Британский экспедиционный корпус был переброшен на Западный фронт, где он подкрепил уже находившиеся там значительные французские силы. Командовать корпусом был назначен лорд Горт, который сам находился под командованием французских генералов, но имел право обращаться к английскому правительству в случаях, когда, по его мнению, приказы французского командования могли поставить английские войска в опасное положение.

Хотя, казалось, было сделано многое, никаких активных действий не велось. К 27 сентября английский военно-морской флот перевез через Ла-Манш без единой жертвы 152 тысячи солдат и офицеров и 9400 военнослужащих ВВС, 24 тысячи автомашин и боевых машин, 36 тысяч тонн боеприпасов, 25 тысяч тонн горючего и около 60 тысяч тонн замороженного мяса. В Англии проходили обучение 50 тысяч добровольцев.

Семьдесят шесть англо-французских дивизий (из них четыре английских, а все остальные французские) стояли против 32 немецких дивизий, укрывшихся за «линией Зигфрида».^[27] Однако французы, несмотря на соглашение от 19 мая 1939 года, не пришли на помощь Польше переходом в наступление на Западе (которое, безусловно, отвлекло бы немецкие вооруженные силы с польского фронта). Объясняя причины, по которым они не предприняли немедленных действий, французы утверждали, что их сухопутная армия, хотя и значительная по размерам, совершенно не готова к боевым операциям, а авиация исключительно слаба, что укрепления «линии Зигфрида» мощны и что немедленное наступление неизбежно привело бы к полной катастрофе. Свое поведение французы называли «стратегическим выжиданием».

Проволочка вновь обернулась грубой ошибкой. К концу сентября главнокомандующий немецкими сухопутными войсками Браухич довел численность своих сухопутных сил на Западе до 100 дивизий, использовав войска, испытанные в успешной польской кампании. Была упущена блестящая возможность. Немецкий генерал фон Меллентин, увидев «линию Зигфрида», сказал:

«Я вскоре понял, какой авантюрой была польская кампания и на какой риск пошло наше верховное главнокомандование. Второсортные войска, удерживавшие “Западный вал”, были плохо вооружены и недостаточно обучены, а оборонительные позиции далеко не были теми неприступными укреплениями, какими их изображала наша пропаганда.

Чем больше я глядел на эти оборонительные позиции, тем менее понятным становилось для меня совершенно пассивное поведение французов. Это негативное отношение неизбежно должно было сказаться на боевом духе французских солдат и нанести больше вреда, чем наша пропаганда, какой бы эффективной она ни была».

Генералы Йодль и Кейтель позднее заявят, что наступление на Западном фронте во время польской кампании встретило бы только незначительное и непродолжительное сопротивление, — но вместо наступления армии союзников приступили к укреплению оборонительных сооружений.^[28] Фактически обе стороны строили доты и дзоты, ставили заграждения из колючей проволоки и камуфлировали свои позиции. С обеих сторон авиация совершала разведывательные полеты, но других операций, по существу, не велось.

Один из английских комментаторов писал: «“Живи и давай жить другим” — такова по-прежнему политика на Западном фронте в Сааре, и каждого, кто выстрелит из винтовки, сочтут явно антисоциальным элементом...

Среди наших солдат отмечается явное нежелание приставить винтовку к плечу и пальнуть в безобидного немца. Дважды в апреле немцы делали вид, что переходят в атаку, и во второй раз захватили несколько французских постов на нашем фланге. Это сочли

чрезвычайно неблагоприятным поступком, подражать которому не следует».

Немецкий обозреватель в этот период писал: «Через наш перископ мы видим французов. Они пилят дрова. Одеты в длинные тяжелые шинели, они ходят группами в два-три человека, курят, они явно скучают».

Французское командование утверждало, что в первый месяц войны французские войска вторглись на немецкую территорию, правда неглубоко и на узком фронте и всего на несколько недель. Французские патрули с большой осторожностью и неумело вели разведку перед укрепленной «линией Мажино». Затем в октябре были замечены подошедшие к немцам подкрепления, начались холода, и французы благоразумно отошли назад в свои удобные и надежные казематы и форты.

Первый убитый англичанин

Чтобы рассеять скуку среди бездействовавших английских войск, английский король посетил Западный фронт между 5 и 9 декабря и, таким образом, находился на «боевом театре войны», когда — спустя три месяца после начала войны — английские войска понесли первые потери: капрал Т. В. Прайди был убит в случайной стычке английского патруля с немцами. Поскольку за три первых месяца первой мировой войны Англия потеряла более 50 тысяч человек, нельзя сказать, чтобы англичане находили эту войну дорогостоящей с точки зрения потерь в живой силе, но это не помешало Чемберлену спросить генерал-майора Монтгомери, дивизию которого он посетил в декабре: «Я не думаю, чтобы немцы собирались наступать. А вы?»

Так как английские и французские армии предпочли охранять «линию Мажино» и не попытались начать согласованное наступление, Гитлер смог убедить скептически настроенных генералов, что объявление войны было не более чем символическим сопротивлением. Таким образом, события в начале войны или, скорее, отсутствие событий способствовали росту доверия генералов к Гитлеру и существенно укрепили его личную власть. Даже когда генералы критически отнеслись к его «решению польского вопроса» — зверскому уничтожению всей польской интеллигенции, руководителей, духовенства и евреев, — он сумел снова добиться их доверия и поддержки, заверив их, что союзники будут продолжать стремиться избежать войны и примут предложения о мире.

Выступая по радио 12 ноября о первых «десяти неделях войны», Черчилль, лояльность которого к Чемберлену была столь же ошибочной, как и высказанная им в тот раз оценка, сказал: «Я не сомневаюсь, что время на нашей стороне. Я даже готов заявить, что, если мы проживем эту зиму без каких-либо крупных или важных событий, мы фактически выиграем первую кампанию этой войны...»

Черчилль был далек от истины, но он не был одинок в своем заблуждении. Начальник штаба английских вооруженных сил лорд Исмей также писал в своих мемуарах: «Мне стыдно признаться, что вначале я приветствовал затишье. В своем заблуждении я считал, что время на нашей стороне, и был склонен согласиться с неудачным высказыванием г-на Чемберлена, что Гитлер опоздал на автобус. Как потом оказалось, мы все больше и больше отставали от Германии в наращивании вооружений».

Неестественное затишье в войне продолжалось, и Чемберлен подытожил положение в своем выступлении в Мэншен-Хауз 9 января 1940 года: «Эта новая война, которая, вероятно, будет роковой в истории мира, началась тихо, но это затишье перед бурей. Огромные полчища людей, вооруженных самыми мощными орудиями уничтожения, которые способна изобрести наука, следят друг за другом из-за своих оборонительных позиций. Время от времени мы слышим гул орудий, но генерального сражения пока еще не было. Как долго это продлится, мы не знаем».

Черчилль сердится

Оживление в спокойную международную обстановку внес Черчилль, выступивший по радио 20 января 1940 года с подстрекательским заявлением. Отметив превосходство военно-морских сил союзников на море, он затем сказал:

«Мы надеемся с течением времени обеспечить такую степень безопасности мореплавания, которая позволит торговле всех стран, суда которых следуют нашим указаниям,^[29] не только существовать, но и процветать. Участь нейтральных государств является иной. На суше и на море они становятся жертвами, против которых обращена ненависть и злоба Гитлера... Каждое из этих государств задумывается над тем, кто будет следующей жертвой, на которую преступные авантюристы из Берлина обрушат свой сокрушительный удар... Но что бы произошло, если бы все эти нейтральные государства, охваченные мгновенным порывом, исполнили свой долг в соответствии с уставом Лиги Наций и стали в один ряд с Британской и Французской империями против агрессии и зла? Сейчас их положение плачевно. Они запуганно и покорно склоняются перед угрозами немцев применить насилие, утешая себя мыслью, что Англия и Франция победят, что эти две страны будут строго соблюдать все законы и соглашения и что нарушений можно ожидать лишь с немецкой стороны. Каждое из этих государств надеется, что если оно будет хорошо кормить крокодила, то крокодил сожрет его последним. Все они надеются, что шторм кончится прежде, чем наступит их очередь быть проглоченными. Но шторм не стихнет. Он захватит юг. Он перекинется на север. Нет других шансов на быстрый конец, за исключением объединенных действий, и если когда-либо Англия и Франция, утомленные борьбой, пойдут на позорный мир, единственным уделом небольших государств Европы может быть лишь их раздел между противостоящими друг другу, но схожими по своему варварству нацизмом и большевизмом».

В Лондоне поспешили разъяснить, что выступление Черчилля отражает только его личные взгляды, а не мнение правительства.

Черчилль вновь выразил недоумение, испытываемое англичанами по поводу «странной войны», в своей речи в Торговой палате Манчестера 27 января. Говоря о ходе и проблемах войны, он сказал: «Почему так получается, что мы все еще не подверглись воздушным атакам? Этот вопрос постоянно у меня на уме».

Тремя днями позже Гитлер выступил с речью во Дворце спорта в Берлине, в которой если и не дал прямого ответа на вышеуказанный вопрос, то намекнул на приближающуюся развязку: «Первая фаза борьбы закончилась с уничтожением Польши». Вторая фаза, сказал Гитлер, война с бомбами, которой жаждет Черчилль, может начаться сейчас.

Но прежде чем наступила эта обещанная вторая фаза, должно было пройти еще два месяца, а речи продолжались. 8 февраля в своем обзоре военных событий Чемберлен вновь сослался на то, что суровые зимние условия практически приостановили военные операции.

В марте эти типичные для позиции европейских государств в тот период пререкания и колебания передались Соединенным Штатам. 19 марта посланник США в Канаде Джеймс Кромвель осудил нацистское правительство, заявив, что Германия «откровенно и открыто» стремится уничтожить социальный и экономический строй, составляющий основу правительства Соединенных Штатов. Через три дня государственный секретарь США Корделл Хэлл публично отчитал его за то, что подобное заявление «может осложнить отношения между правительством США и другими правительствами».

Прошло почти семь месяцев, когда этой «псевдвойне» пришел неожиданный и бесповоротный конец. 8 апреля, в тот самый момент, когда английские эсминцы ставили мины у берегов Норвегии, немецкие военные корабли шли, в соответствии с планом «Везерюбунг», на север вдоль норвежского побережья, перебрасывая войска и снаряжение в стратегические пункты вторжения в Норвегию, которое ввергнет Европу и другие страны мира в настоящую войну.^[30]

Энтони Аптон
Зимняя война^[31]

Война между Финляндией и СССР, длившаяся с 30 ноября 1939 года до 13 марта 1940 года и известная на Западе как «Зимняя война», была прямым следствием советско-германского пакта о ненападении, заключенного в августе 1939 года. Секретный протокол к этому договору, который определял сферы влияния договорившихся сторон, включил Финляндию в сферу влияния Советского Союза.

Когда Советский Союз получил свою часть Польши, он начал принимать меры по обеспечению безопасности северо-западных подступов к его территории, особенно балтийские подступы к Ленинграду. Между 28 сентября и 11 октября 1939 года Прибалтийские республики — Эстония, Латвия и Литва — были вынуждены подписать договоры о взаимной безопасности, которые разрешали СССР иметь гарнизоны и базы на их территории. Следующим логическим шагом для России было достижение подобной же договоренности с Финляндией.

5 октября правительство Финляндии получило приглашение направить своего представителя в Москву для обсуждения «конкретных политических вопросов». Финляндское правительство хорошо представляло, какими могут быть эти вопросы. В 1938 году и в начале 1939 года СССР предлагал Финляндии уступить некоторые острова в Финском заливе для укрепления обороны Ленинграда. Финляндское правительство отклонило эти предложения. Стало очевидным, что теперь русские требования будут возобновлены и расширены. Однако отказываться от приглашения на переговоры было нельзя, и финляндское правительство попросило Ю. К. Паасикиви^[32] стать этим представителем. Он возглавлял финляндскую делегацию, которая заключила мирный договор в Тарту в 1920 году — правовая основа последующих отношений между Финляндией и Советской Россией.^[33] Этот договор был дополнен пактом о ненападении, подписанным в 1932 году, который должен был оставаться в силе до 1945 года.^[34]

Врученные Паасикиви инструкции разъясняли, что финляндское правительство не может вести переговоры о каком-либо пакте о взаимной помощи, территориальных уступках или создании баз на финляндской земле. Утверждалось, что это было бы несовместимо с провозглашенной Финляндией политикой нейтралитета.

Самое большое, на что Финляндия была теперь готова, это согласиться с русскими просьбами передать СССР три острова на подступах к Ленинграду при условии получения соответствующей компенсации. Таким образом, не могло быть и речи о заключении соглашений того сорта, которые были достигнуты с Прибалтийскими республиками. Чтобы подкрепить свою позицию, правительство Финляндии мобилизовало армию и начало эвакуацию крупных городов и пограничных районов.

Переговоры открылись в Москве 12 октября 1939 года между Сталиным и Молотовым, с одной стороны, и Паасикиви — с другой. Советский Союз предложил пакт о взаимной помощи либо общего характера, либо относящийся только к зоне Финского залива. СССР, далее, потребовал передать ему в аренду полуостров Ханко для создания военной базы с гарнизоном численностью 5 тысяч человек, уступить все внешние острова, включая самый крупный и самый западный остров — Сурсари;^[35] отодвинуть государственную границу на Карельском перешейке примерно на 40 миль дальше от Ленинграда; ликвидировать все укрепления по обеим сторонам новой границы; передать СССР финскую половину полуострова Рыбачьего на севере страны и заключить соглашение, что ни одна из сторон не будет вступать в какие-либо пакты, направленные против другой стороны. В свою очередь СССР предлагал в качестве компенсации территорию в Советской Карелии в два раза большую, чем та, которую уступала Финляндия, и выражал готовность разрешить Финляндии построить укрепления на Аландских островах, которые в то время были демилитаризованы, но вооружения которых Финляндия добивалась с 1938 года.

Сталин объяснил, что эти предложения обусловлены исключительно интересами обороны Ленинграда, за исключением предложения, касающегося полуострова Рыбачьего. Его передача даст СССР контроль над входом в фиорд Петсамо, где Финляндия имеет незамерзающий порт на Ледовитом океане, поскольку СССР стремится предотвратить высадку десанта противника в Петсамо и нанесение удара по Мурманску. Другие предложения обусловлены тем, что противник может попытаться подойти к Ленинграду либо морем

через Финский залив, либо по суше через южную Финляндию и что Финляндия сама не сможет помешать этому.

Сталин указал, что его предложения позволят СССР в сочетании с новыми базами в Эстонии закрыть доступ в Финский залив, а новая граница на Карельском перешейке даст возможность Красной Армии организовать сухопутную оборону Ленинграда против нападения с севера.

Было разъяснено, что советские предложения являются минимальными условиями, продиктованными международной ситуацией, порожденной войной в Европе. Сталин признал, что они, возможно, не понравятся Финляндии, но Ленинград, второй по величине город Советского Союза, имеет население, которое немногим уступает по численности населению всей Финляндии, и государственная граница в ближайшей точке проходит всего в 32 километрах от города. «Мы не можем ничего поделать с географией, так же как и вы... Поскольку Ленинград передвинуть нельзя, придется отодвинуть от него подальше границу...» Имевшиеся у Паасикиви инструкции были явно недостаточными перед лицом этих требований, и он уехал в Хельсинки для консультаций.

Горькое наследие

Внешне позиция и доводы Сталина в сложившейся международной обстановке были разумными, и если бы вопрос касался только безопасности Ленинграда, можно было бы, без сомнения, выработать какое-то решение, приемлемое для обеих сторон. Но положение усугублялось событиями прошлой истории. С 1809 по 1917 год Финляндия входила в состав Российской империи как автономное Великое княжество Финляндское. Первоначально, хотя в стране и находились русские гарнизоны, внутренняя автономия Финляндии соблюдалась. Однако в 1890-х годах правительство России начало проводить в Финляндии политику русификации, что вело к ущемлению законодательных и конституционных прав финского населения. Это вызвало упорное сопротивление со стороны финнов, в результате большинство финских политических деятелей, игравших ведущую роль в 1939 году, выросли и воспитались в атмосфере национального сопротивления русскому империализму. Кроме того, сказались и последствия революции 1917 года.

Правительство большевиков признало независимость Финляндии в декабре 1917 года, хотя в то время в стране находились крупные гарнизоны революционно настроенных солдат. Когда в январе 1918 года финские социалисты попытались последовать примеру, поданному революцией в России, и создать республику рабочих, вспыхнула ожесточенная гражданская война. В этой войне русские войска передавали оружие и оказывали тайное содействие финским «красным», тогда как буржуазное правительство Финляндии получало помощь от Швеции и Германии. Революционные красные отряды были разгромлены, их участники подверглись жестоким репрессиям, а руководители нашли убежище в России.

Во время гражданской войны в России правительство Финляндии помогало контрреволюционным действиям немцев, операциям британского флота и другим антибольшевистским движениям, в ряде

случаев предоставляя свою территорию для проведения этих операций; к тому же оно относилось к финским коммунистам как к предателям и русским агентам. Поэтому, хотя после заключения мирного договора 1920 года отношения между Советским Союзом и Финляндией были формально корректными, деятельность финских коммунистов служила постоянным напоминанием, что в один прекрасный день СССР может попытаться переиграть случившееся в 1918 году, используя финскую коммунистическую партию в качестве своего инструмента.

С другой стороны, советские руководители считали, что финляндское правительство относится к ним с глубокой враждебностью. Они не могли полагаться на финские заверения, что территория Финляндии вновь не будет предоставлена в распоряжение врагов СССР. Напротив, они подозревали, что финляндское правительство будет радо возможности уничтожить коммунистическую угрозу. В результате этого наследия прошлого ни СССР, ни Финляндия не доверяли друг другу. Ни одна из сторон не была готова поверить в декларируемые мотивы другой, и основа для честного компромиссного решения отсутствовала.

Поэтому неудивительно, что правительство Финляндии сочло русские предложения совершенно неприемлемыми. Никто не хотел сдавать в аренду полуостров Ханко или рассматривать столь кардинальные изменения границы. И только два влиятельных лица — сам Паасикиви и маршал Маннергейм,^[36] главнокомандующий вооруженными силами Финляндии на время войны, — выступили в пользу далеко идущих уступок. Эти двое были готовы принять большинство русских требований, касающихся Карельского перешейка, и предложить некоторые прибрежные острова в качестве баз вместо полуострова Ханко, ибо ни один из них не имел иллюзий относительно намерений СССР и других стран мира. Оба они верили, что, если Финляндия позволит войне разразиться, ей придется сражаться в одиночку и она потерпит быстрое поражение.

Правительство отклонило их совет. Финские министры считали, что Советский Союз не начнет войну, и находились в плену иллюзий, что, если дело дойдет до войны, другие страны помогут Финляндии. Эти губительные иллюзии подогревались жестами сочувствия со стороны

многих государств, включая США, хотя шведское правительство дало ясно понять, что оно не сможет вмешаться своими вооруженными силами в советско-финляндскую войну, Маннергейм и Паасикиви указывали, что нет никаких доказательств, что какая-то другая держава сможет предложить эффективную помощь. Еще более тревожным было то обстоятельство, что Германия — традиционный противорес России в районе Балтики — убеждала Финляндию принять русские предложения.

Неуступчивость финнов

Паасикиви вернулся в Москву 23 октября. На этот раз ему придали компаньона — министра финансов Таннера. Отчасти потому, что правительство подозревало Паасикиви в слишком мягком отношении к русским. Делегация была уполномочена предложить только незначительные изменения пограничной линии на Карельском перешейке и не делать никаких уступок в вопросе о базах. В ходе второго раунда переговоров 23–24 октября Сталин слегка смягчил запросы в отношении Карельского перешейка и численности гарнизона на Ханко, но не отказался от основных требований. Финские предложения он отклонил как полностью неприемлемые. Молотов, явно удивленный жесткой позицией финских представителей, спросил: «Вы что, намерены спровоцировать конфликт?» Терпение русских явно иссякло.

Делегация снова возвратилась домой, и дискуссии между членами правительства и лидерами сейма возобновились. Маннергейм продолжал настаивать на компромиссе и заявил, что армия не сможет продержаться более двух недель, но и на этот раз лишь Паасикиви поддержал его. Шведский премьер-министр Хансон подтвердил в письме прежнюю позицию. Тем не менее финляндская делегация в третий раз отправилась в Москву будучи готовой предложить только небольшую Дополнительную уступку в отношении границы на перешейке и подтвердить отказ от предоставления баз. Финский министр иностранных дел Эркко был убежден, что русские блефуют. «Русские не хотят конфликта», — заявил он Таннеру, а Паасикиви было предложено «забыть, что Россия является великой державой».

Вечером 31 октября Молотов, выступая в Верховном Совете СССР, изложил советские предложения, переданные Финляндии, дав при этом понять, что упрямство Финляндии вызвано вмешательством враждебных Советскому Союзу государств. Это выступление потрясло финляндское правительство и еще более финский народ, который

впервые узнал о масштабах русских требований и бурно выступил против уступок, сыграв тем самым на руку правительству.

Когда 3 ноября в Москве возобновились переговоры, они сразу же зашли в тупик. Молотов сказал: «Мы, гражданские люди, не достигли никакого прогресса. Теперь будет предоставлено слово солдатам». Но на следующий день Сталин, явно желая достичь урегулирования, выдвинул различные альтернативы аренде полуострова Ханко — например, купить его — и, наконец, предложил вместо него арендовать некоторые прибрежные финские острова. Таннер и Паасикиви считали, что это открывает путь к урегулированию, однако финляндское правительство отвергло предложения Сталина. На последней встрече 9 ноября Сталин по-прежнему пытался достичь компромисса по вопросу о базах, но финляндская делегация не могла даже обсуждать его. Переговоры затем прекратились, и 13 ноября делегация отбыла в Хельсинки.

Наступило временное затишье, и правительство Финляндии почувствовало уверенность, что оно избрало правильную линию. Никаких шагов по возобновлению переговоров оно не предприняло, эвакуированные жители начали возвращаться по домам, планировалось возобновить занятия в школах, усилились требования о демобилизации. Из отчетов о переговорах в Москве ясно, что Сталин искренне хотел достичь мирного решения, но не собирался отказываться от основных требований. Когда 9 ноября стало очевидным, что добиться этого не удастся, он разрешил использовать другие средства.

Финляндию следовало припугнуть угрозой нападения, а если она не уступит, то подвергнется вторжению и договор 1920 года будет пересмотрен. С этой целью секретарь финской коммунистической партии Арви Туоминен был приглашен приехать из Стокгольма, чтобы стать премьер-министром «Финляндского народного правительства», составленного из коммунистов-эмигрантов; были предприняты шаги по созданию «Финской народной армии». Туоминен, однако, отказался, но его место премьер-министра занял другой финский эмигрант — О. В. Куусинен. Красная Армия начала сосредоточивать свои войска, была развернута пропагандистская кампания с упором на то, что финляндское правительство является орудием международного

капитализма и готовит Финляндию в качестве плацдарма для империалистического нападения на СССР. Красная Армия не будет сидеть сложа руки, пока это происходит. Она поможет финскому народу сорвать эти интриги.

Трудно сказать, могло ли правительство Финляндии даже тогда спасти себя, пойдя на уступки. 26 ноября в Майниле на Карельском перешейке произошел странный инцидент — в результате артобстрела погибли несколько советских солдат. Финляндскому правительству была направлена нота, обвинявшая финских артиллеристов в ответственности за это событие и требовавшая отвода от границы финских войск. В ноте говорилось, что СССР не хочет раздувать этот инцидент: это, по-видимому, подразумевало, что даже теперь Финляндия может еще отказаться от своей позиции. Но дело в том, что финны не открывали огня. Были ли эти снаряды выпущены случайно или имел место спланированный инцидент — неизвестно, но в любом случае это произошло на советской стороне границы. Поэтому финляндское правительство, считая себя невиновным, отвергло обвинения и предложило обсудить лишь взаимный отвод войск от границы. Это, несомненно, стало решающим событием.

Советское правительство увидело, что даже сейчас финны не вняли предупреждениям и не пойдут на уступки. И оно приступило к действиям: 29 ноября отозвало своих дипломатических представителей и, игнорируя запоздалое финское предложение об одностороннем отводе войск, 30 ноября начало военные действия против Финляндии на суше, на море и в воздухе. 1 декабря было объявлено о создании Финляндского народного правительства. Это «правительство» обратилось с призывом к народу Финляндии свергнуть своих угнетателей и приветствовать Красную Армию как освободительницу. 2 декабря Финляндское народное правительство подписало договор с СССР, приняв все советские требования в обмен на обещание о передаче всей Советской Карелии. Таким образом, СССР создал марионеточный режим, который он готовился навязать Финляндии путем военной оккупации, и тем самым автоматически исключил возможность достижения компромиссного решения с реальным правительством Финляндии.

Создание этого марионеточного правительства во главе с Куусиненом было наибольшей ошибкой, сделанной Советским Союзом, поскольку правительство Куусинена не получило никакой поддержки внутри Финляндии. Напротив, продемонстрировав советские намерения, оно способствовало сплочению и усилению сопротивления финнов. Ошибка быстро стала очевидной, но к этому времени Советское правительство уже связало себе руки и должно было продолжать политику, оказавшуюся весьма обременительной и создавшую трудности, которые, безусловно, не имелись в виду, когда эта политика начала осуществляться.

Финская армия

Численность населения Финляндии в 1939 году не превышала 4 миллионов человек, что позволяло создать армию из 16 дивизий. Но денег не хватало, и поэтому в армии имелось девять дивизий и возможность создать еще три дополнительных после начала войны. Финская армия состояла из трех компонентов: небольшого костяка профессиональных офицеров и унтер-офицеров, вокруг которого из ежегодно призываемых новобранцев создавался второй компонент — армия мирного времени. После прохождения службы демобилизованные солдаты зачислялись в резерв — третий компонент армии.

Страна была поделена на девять военных округов, каждый из которых выставлял одну дивизию, с постоянным местным штабом, складами и арсеналами. По получении извещения о призыве резервисты являлись на свои пункты сбора, получали снаряжение, и дивизия готовилась к переброске на фронт.

Однако в техническом оснащении армии имелись серьезные недостатки. Пехотинцам не хватало автоматического оружия, что лишь отчасти компенсировалось наличием пистолетов-пулеметов «суоми». Не хватало обмундирования и палаток. Особенное беспокойство у командования вызывала острая нехватка артиллерии. Каждая дивизия имела по штату 18 81-мм минометов, но заказ на 120-мм минометы остался невыполненным. На вооружении дивизии находилось 36 артиллерийских орудий, выпущенных еще до 1918 года, запас боеприпасов составлял 640 снарядов на орудие, и даже к концу войны внутреннее производство снарядов не превышало 3500 снарядов в день. Резервной артиллерии было мало. В армии насчитывалось всего 112 противотанковых 37-мм пушек, зенитной артиллерии не было (имевшиеся 100 зенитных орудий предназначались для обороны городов). Испытывался недостаток автотранспорта и средств связи.

Военно-воздушные силы насчитывали около 100 самолетов,^[37] имелся также небольшой военно-морской флот и хорошо развитая система береговой обороны, унаследованная Финляндией от России в 1917 году.

До некоторой степени эти недостатки в материально-техническом оснащении компенсировались высоким морально-боевым духом и индивидуальной подготовкой личного состава, обученного боевым действиям в озерно-лесистой местности. В зимних условиях широко использовались отряды лыжников.

Однако в подготовке также имелись слабые места. Практики в проведении крупных наступательных операций почти не было, и это заметно сказалось на действиях войск в тех редких случаях, когда подобные попытки делались. Еще более серьезным недостатком было то, что офицеры — особенно на высших уровнях — не имели опыта в управлении крупными соединениями в боевых условиях. Средства на проведение крупных военных учений выделялись редко, и все эти узкие места теперь предстояло устранить непосредственно на поле боя.

Советские вооруженные силы

Красная Армия существенно отличалась от финской. В ее рядах в 1939 году насчитывалось около 180 дивизий, но в русско-финляндской войне участвовало только около 45 дивизий.

Наиболее крупное различие лежало в технической оснащённости. По штату советская стрелковая дивизия имела в два раза больше пулеметов и в два раза больше полевой артиллерии, чем финская, кроме того, имелись многочисленные корпусная артиллерия и танки. В ходе войны Советский Союз в общей сложности использовал против финнов около 1,2 миллиона человек, 1,5 тысячи танков и 3 тысячи самолетов. В дополнение к этому русские располагали неограниченным запасом боеприпасов, многочисленным моторизованным транспортом и средствами связи; их материальное преимущество было, следовательно, ощутимым.

Советское командование рассчитывало на скоротечную кампанию, которая должна была завершиться оккупацией всей Финляндии. Но советские войска не оправдали этих надежд, так как Красная Армия, по существу, оказалась неспособной эффективно использовать превосходную военную технику и оснащение. Советская военная теория была вполне современной и учебные уставы впечатляющими, но эта теория оказалась непригодной для практических действий в специфических условиях финского ТВД, и в этом заключалась основная слабость русских. Их войска, обученные для действий на открытой местности, не научились еще эффективно действовать в лесах и оказались привязанными к дорогам.

Но самым слабым местом Красной Армии были неуклюжая шаблонность в проведении операций и очевидная неспособность наладить взаимодействие различных родов войск. На ранних стадиях войны пехота, танки и артиллерия нередко вели боевые действия, слабо поддерживая друг друга. В этом, возможно, частично отразились последствия великой «чистки», которая привела к уничтожению

офицерского корпуса в 1936–1938 годах, а усиление влияния политических комиссаров, по-видимому, сдерживало развитие предприимчивости и личной инициативы. Каковы бы ни были причины, Красная Армия в 1939 году не сумела применить на практике сложные современные доктрины, предусмотренные военной теорией, или претворить в жизнь талантливо составленные стратегические планы советского командования. В результате Красной Армии фактически пришлось прекратить боевые действия против финнов и срочно провести всестороннюю переподготовку, прежде чем возобновить их с перспективой на успех.

Вызывает удивление, что русские оказались плохо оснащенными для ведения военных действий в зимних условиях. Они не имели хорошо обученных лыжных батальонов, а попытки использовать импровизированные части закончились неудачей, русские пехотинцы не имели белых маскхалатов, их автомашины и оружие часто не были приспособлены для использования при сильных морозах. За исключением первых нескольких недель, вся кампания проходила в исключительно тяжелых зимних условиях, так что эти недостатки серьезно сказались на ней.

Действия советских военно-воздушных сил также были малоудовлетворительными. Несмотря на полное господство в воздухе, советская авиация не оказала решающего влияния на исход войны. Конечно, зимние условия и длинные темные ночи ограничивали действия воздушных сил. Надо также отметить, что советская авиация резко сковывала передвижения финских войск в дневное время, но русские не смогли решающим образом воздействовать с воздуха на фактический ход боевых действий или нанести серьезный ущерб внутреннему фронту Финляндии. Даже с учетом высокой боевой подготовки немногочисленной финской авиации и средств ПВО советские потери — около 800 самолетов — были весьма высокими. Это свидетельствует о том, что качество самолетов и подготовка летчиков были неудовлетворительными.

Несмотря на эти недостатки, на первый взгляд казалось, что огромный материальный перевес сам по себе должен был обеспечить Красной Армии быструю победу. На географической карте длинная советско-финляндская граница выглядела беззащитной при столь

значительном неравенстве сил, но карта вводила в заблуждение. Большинство пограничных районов в 1939 году представляло собой малонаселенную местность с густыми лесами, многочисленными болотами и озерами, труднодоступную для армии того времени, и поэтому финнам не нужно было иметь непрерывную линию фронта, за исключением Карельского перешейка. В большинстве других районов необходимо было оборонять только дороги, а прилегавшие к ним в плотную леса и озера лишали наступавшие по дорогам войска свободы маневра и не позволяли использовать крупные силы. Русские войска оказались вынужденными как бы пробиваться через ряд узких ущелий. Сравнительно небольшие отряды могли заблокировать их продвижение, а линии коммуникаций по обеим сторонам границы были столь слабо развиты, что обеспечивали снабжение лишь ограниченных сил.

Финляндское командование подсчитало, что вдоль всей границы длиной примерно 600 миль русские могут одновременно ввести в действие не более 12 дивизий: семь на перешейке и еще пять на всем остальном фронте. Поэтому для девяти финских дивизий, действовавших в благоприятных для обороны условиях, сдерживание наступления этих русских сил не выглядело невозможным. Фактически же русские преподнесли финнам неприятный сюрприз, бросив в наступление сразу 26 дивизий — хотя и не все они могли наступать вместе в одном строю. Но даже и в этом случае у Финляндии имелись неплохие перспективы навязать Красной Армии дорогостоящую войну на уничтожение. В конечном итоге Россия выиграет эту войну, но, по расчетам финнов, прежде чем это случится, к ним придет помощь извне. Они никогда не помышляли сражаться с Россией в одиночку сколько-нибудь длительное время.

Опасный район

По мнению финляндского командования, единственным опасным участком фронта был Карельский перешеек. Только там русские могли бросить в бой значительные силы, чтобы прорваться в глубь Финляндии. На этом перешейке финны построили оборонительную полосу, которая проходила на некотором расстоянии от границы, чтобы финские части прикрытия смогли при отходе выиграть время для сосредоточения своих войск. Полоса имела два основных опорных пункта: Койвисто на западе, с ее мощными батареями береговой обороны, и линии укреплений вдоль реки Вуоксы на востоке до места ее впадения в Ладожское озеро. Между рекой и морем тянулась обширная зона озер и болот с единственным сравнительно широким доступным районом в центре, где пролегали железная и шоссейная дороги, ведущие к Выборгу (Виипури). Таким образом, этот сектор Сумма был наиболее уязвимым.

Весь фронт обороны занимал около 40 миль. Помимо полевых укреплений, траншей, минных полей, полос колючей проволоки и противотанковых препятствий в линию обороны входили 75 железобетонных фортов, построенных в 20-е годы и устаревших к 1939 году (они не были рассчитаны на то, чтобы выдержать обстрел из современных орудий), а также 44 современных железобетонных бункера. Эти железобетонные укрепления были сосредоточены в наиболее уязвимых секторах, примерно три дота на один километр, но с учетом пересеченного рельефа местности перекрестный огонь не везде был возможен. К тому же установленные пулеметы были устаревших моделей, а противотанковые орудия отсутствовали. Такой, следовательно, была пресловутая «линия Маннергейма», наполовину состоявшая из обычных полевых укреплений и не выдерживавшая никакого сравнения с «линией Мажино». ^[38]

После начала военных действий Маннергейм занял пост главнокомандующего вооруженными силами Финляндии и создал

свою штаб-квартиру в Миккели. Первоначальная диспозиция финских войск была следующей.

Карельский перешеек обороняла Карельская армия под командованием генерал-лейтенанта Эстермана. Она состояла из двух армейских корпусов — 2-го корпуса (генерал-лейтенант Экист) в составе трех полевых дивизий, оборонявшихся на «линии Маннергейма» от Финского залива до реки Вуокси, и одной дивизии в резерве. Это были хорошо обученные кадровые войска. Левее их вплоть до Ладожского озера оборонялись две дивизии 3-го армейского корпуса (генерал-лейтенант Хейнрикс); перед «линией Маннергейма» находились четыре группы сил прикрытия, в состав которых входили пограничники, отборные егерские батальоны, несколько отрядов кавалерии и частей местной самообороны (шюцкор).

Северо-западнее Ладожского озера находился 4-й армейский корпус (генерал-майор Хеглунд) из двух дивизий и частей прикрытия. Его левое крыло опиралось на город Иломанси.

Далее к северу вплоть до Ледовитого океана генерал-майор Туомпо командовал цепочкой специальных батальонов и рот, оборонявших каждую пересекавшую границу дорогу. В резерве у Маннергейма имелись две пехотные дивизии — одна около Выборга, другая, находившаяся еще в процессе формирования, в г. Оулу на северо-западе Финляндии. Артиллерии у нее не было, а один из ее трех полков был переброшен на перешеек.

Согласно плану, финские войска намеревались с боями отступить к «линии Маннергейма» и там остановить русских. Северо-западнее Ладоги 4-й армейский корпус должен был предотвратить выход войск противника в тыл финской армии, оборонявшейся на Карельском перешейке, позволив им продвинуться вдоль берега Ладожского озера, а затем нанести контрудар во фланг и тыл. Далее на север намечалось блокировать продвижение русских сил и при наличии резервов ударами во фланг и тыл уничтожить их.

С советской стороны на Карельском перешейке наступала 7-я армия под командованием генерала^[39] Мерецкова; в ее состав входило 12 стрелковых дивизий, танковый корпус и три танковых бригады. Севернее Ладоги действовали 8-я армия (шесть стрелковых дивизий и

две танковые бригады), 9-я армия (пять дивизий) и базировавшаяся на Мурманск 14-я армия (три дивизии).

Советский план предусматривал прорыв армией Мерецкова финской обороны на перешейке, захват Выборга, а затем наступление на Хельсинки. Одновременно 8-я армия должна была, обогнув Ладогу, выйти в тыл финских позиций на перешейке. 9-й армии предстояло перейти границу в трех местах и наступать в направлении городов Кухмо, Суомуссалми и Салла и попытаться выходом к Ботническому заливу у г. Оулу рассечь Финляндию на две части. И наконец, 14-я армия должна была оккупировать район Петсамо (Печенга) и перекрыть финнам доступ к Баренцеву морю.

Наиболее неожиданной для финнов частью советского плана была крупная численность русских войск, наступавших севернее Ладоги, что спутало расчеты финского командования.

Начало боевых действий

Первый период боев на перешейке развивался согласно финскому плану. Отступление сил прикрытия длилось до 5 декабря, когда русские подошли к «линии Маннергейма». Финны утверждают, что в этих боях они добились значительных успехов и нанесли тяжелые потери наступающим. Но главное — финские войска приобрели боевой опыт, особенно по борьбе с танками, в которой они широко использовали бутылки с горючей жидкостью.

Другой характерной чертой этих боев была тактическая неповоротливость Красной Армии. Массированные атаки велись в плотных боевых порядках, в результате их легко и с большими потерями для наступающих можно было отразить; танки и артиллерия никак не могли наладить эффективное взаимодействие с пехотой.

Севернее Ладоги события пошли не так, как ожидали финны. На фронте 4-го армейского корпуса советские 168-я и 18-я дивизии медленно продвигались вдоль берега озера и были остановлены к 10 декабря на линии укреплений, тянувшейся от Кителя до Сиксуярви. Но на левом фланге корпуса русские продвинулись до Кол-лаа, где были остановлены после ожесточенных боев 7—10 декабря. Далее на север одна советская дивизия наступала на Толвоярви, а другая упорно пробивалась к Иломантси.

Маннергейм вынужден был направить подкрепления из своего резерва к Толвоярви и к Иломантси и 8 декабря создать здесь новый фронт под командованием полковника Талвела. Свежие финские войска сумели остановить наступление противника и стабилизировать фронт. Но Маннергейм уже был вынужден изыскивать резервы, чтобы сдержать эти неожиданно сильные русские атаки севернее Ладоги.

3 декабря пришлось срочно перебросить полк из Оулу против 54-й стрелковой дивизии русских, наступавшей на Кухмо. Другая советская дивизия 7 декабря достигла Суомуссалми, и ее удалось задержать остатками резерва, прибывшего из Оулу. Советское наступление на

Салла было остановлено только 20 декабря вновь созданной Лапландской группой войск генерал-майора Валениуса. У Петсамо финские войска отступали под сильным нажимом русских до 18 декабря, когда им удалось наконец остановить наступавших около Наутси.

На этом фоне началась первая советская атака на «линию Маннергейма». Русским потребовалось около 10 дней, чтобы развернуть девять дивизий и танковый корпус для этой атаки.

Основной удар, который начался артподготовкой 16 декабря, русские наносили в секторе Сумма. Около 70 русских танков прорвались в глубь финских позиций, но финские солдаты не покинули свои укрепленные траншеи и бункера. Советская пехота, наступавшая самостоятельно, была остановлена пулеметным и артиллерийским огнем. С наступлением темноты финские противотанковые части начали борьбу с оставшимися среди финских укреплений советскими танками. То же самое повторилось и в два последующих дня — каждый раз от 70 до 100 советских танков прорывались через финские рубежи, и каждый раз оборонявшиеся удерживали свои позиции. 22 декабря наступление русских выдохлось. Эта битва окончилась явно неудачно для русских, так как финны даже не ввели в бой свои резервы. Однако многие прозорливые финские командиры были обеспокоены той легкостью, с которой русские танки прорывались через финские оборонительные позиции; они понимали, что, если бы русская пехота тесно взаимодействовала с танками, могла бы возникнуть крайне опасная ситуация.

Финское командование, имея в резерве еще не участвовавшую в боях дивизию, сочло, что наступавшие советские войска потрясены и дезорганизованы, и поэтому решило провести широкое контр наступление силами пяти дивизий с целью окружения советских войск.

Это наступление, начавшееся 23 декабря, однако, было плохо скоординировано. Русские отнюдь не были дезорганизованы, они умело закопались в землю и энергично оборонялись. Финны потеряли около 1,5 тысячи человек, а их моральному духу был нанесен жестокий удар. Тем не менее русские, вероятно, были растеряны, они

прекратили наступательные действия на перешейке, и к концу декабря советское вторжение было приостановлено.

Политика и дипломатия

На политическом фронте финны вначале не могли поверить, что Советское правительство не блефует. Поэтому было решено создать правительство национального единства с целью возобновления переговоров, если это удастся, или в противном случае организовать самое решительное сопротивление. Новым премьер-министром стал Ристо Рюти,^[40] министром иностранных дел назначили Таннера, а Паасикиви — министром без портфеля. В новое правительство вошли все политические партии, за исключением фашистов.

Правительство немедленно попыталось через Швецию и США войти в контакт с СССР, дав понять, что оно сейчас сделает «новые политические предложения», а 3 декабря также обратилось в Лигу Наций. 4 декабря Советское правительство изложило свою позицию. Объявив, что правительство Куусинена является законным правительством Финляндии, Советское правительство заявило, что не считает себя находящимся в конфликте с Финляндией и вопрос о переговорах с хельсинкским правительством, следовательно, не может возникнуть. Финляндское правительство тогда обратилось в Лигу Наций за помощью против агрессии, и 14 декабря 1939 года Лига Наций исключила СССР и призвала государства — члены этой организации оказать всю возможную помощь Финляндии.

Это обращение вызвало широкий отклик в различных странах, поскольку международное мнение почти полностью было на стороне Финляндии. Единственным исключением была, однако, Германия, что имело решающее значение.

Гитлер знал, что он должен уплатить цену, предусмотренную пактом о ненападении с Советским Союзом, поэтому Германия официально поддерживала и активно помогала СССР. Она не продавала военные материалы и не разрешала провозить их через свою территорию; немцы также оказали сильный нажим на Скандинавские страны, чтобы

те отвергли предложения Англии и Франции послать свои войска в Финляндию через их территории.

Из-за этой позиции Германии и войны в Европе вся помощь Финляндии направлялась морем в Норвегию, а затем по суше через Швецию, так как Германия не включила в свои требования запрет на провоз военных материалов или отдельных добровольцев. Это был медленный и сложный маршрут. Большинство выделенной помощи так и не поступило своевременно в Финляндию; то, что она получила, можно разделить на три категории: экономическая помощь, военные материалы и добровольцы. Ряд стран произвел сбор средств в пользу Финляндии или предоставил займы, в частности США и Швеция, последняя также поставляла сырьевые материалы. Большинство военного снаряжения финнам, однако, пришлось покупать, хотя Швеция одолжила им значительное количество. Больше всего оружия и оснащения поставили Великобритания и Франция, включая 100 самолетов, но другое снаряжение по большей части было устаревшим ввиду собственных военных потребностей. Швеция поставила 80 тысяч винтовок, 85 противотанковых орудий, 104 зенитных орудия и 112 полевых орудий.^[41] Это был наиболее ценный вклад, поскольку оружие поступило своевременно и использовалось в боях. На более поздних стадиях войны Финляндия особенно нуждалась в обученной живой силе. Только Швеция могла предоставить ее, но она последовательно отказывалась сделать это. Великобритания и Франция планировали послать свои войска, но эти планы остались на бумаге, и лишь небольшие группы добровольцев прибыли в Финляндию, которых предстояло экипировать и обучить. Это заняло столько времени, что всего лишь два батальона шведов приняли участие в боевых действиях в последние дни войны. Так что, по существу, практической помощи от добровольцев Финляндия не получила.

Трудно дать общую оценку иностранной помощи. Моральное значение ее для Финляндии было огромным, ибо она помешала финским войскам и общественности осознать свое опасно изолированное положение. Материально важное значение имела шведская помощь, особенно противотанковые и зенитные орудия, но другое поставленное военное оснащение было различного качества и

типа и его реальная ценность сомнительна. Поэтому будет справедливым сказать, что помимо морального эффекта полученная Финляндией помощь не оказала решающего влияния на исход боевых действий. Она была желательной, но слишком небольшой и запоздалой.

Финны контратакуют

В связи с затишьем на Карельском перешейке центр военных действий сместился на север, где финны предприняли ряд успешных контратак. Все эти операции имеют общие черты. Русские войска, привязанные к дорогам, были вынуждены остановиться из-за сопротивления финнов, бездорожья, трудностей снабжения и тяжелых климатических условий. Затем финны, используя отряды лыжников, наносят удары во фланг и тыл русским. Русские колонны подчас оказываются окруженными, но вместо отступления окапываются и занимают круговую оборону — финны называли такие окруженные группировки «мотти».

На северном берегу Ладоги 168-я стрелковая дивизия русских была остановлена у Кителя, ее правый фланг прикрывала 18-я дивизия. Две первые попытки финнов 12 и 17 декабря атаковать их провалились. Но русские были то ли слишком измотанными, то ли непредприимчивыми, чтобы развить этот успех и перейти в наступление. 26 декабря финны начали третью попытку. Финские атаки достигли своего апогея 5 января, когда 18-я дивизия была рассечена на части, окружена и перешла к обороне, а 11 января финские лыжники достигли берега Ладоги в тылу 168-й дивизии, которая быстро заняла круговую оборону «мотти» у Кителя.

Эта крупная группировка — целая дивизия — снабжалась по воздуху советской авиацией, и уничтожить ее финнам не удавалось, поэтому они старались не допустить к ней пробивавшиеся по льду Ладожского озера на выручку советские части. 6 марта русские все же прорвали финские заслоны и установили связь с окруженными войсками.

18-я дивизия фактически была уничтожена, и финны захватили большую часть ее тяжелого оружия. Две окруженные группы войск этой дивизии, однако, упорно оборонялись и выстояли до конца войны. Хотя 4-й армейский корпус финнов добился ощутимых успехов, эти

успехи были неполными. Финны рассчитывали ликвидировать русские части, перебросить корпус на другие фронты, но эти расчеты сорвались из-за неожиданно затянувшегося сопротивления окруженных русских войск.

Далее на север финны одержали победу в сражении у Толвоярви над 139-й стрелковой дивизией русских. Финская атака началась 12 декабря, и после двух дней ожесточенных боев 139-я дивизия начала беспорядочное отступление, преследуемая финскими частями. На поддержку ей подошла 75-я дивизия, но ее постигла та же участь: к 21 декабря она также оказалась вынужденной отступить назад к Аиттойоки, где линия фронта стабилизировалась до конца войны. В ходе наступления финны захватили 60 танков и 30 орудий, но параллельная наступательная операция финнов против 155-й советской дивизии в Иломантси потерпела неудачу, хотя и там линия фронта не изменится до окончания войны. Полковник Талвела заслуживает высокой похвалы за эти успехи, особенно за искусное маневрирование своими немногочисленными силами.

Еще далее на север финны одержали свою крупнейшую победу у Суомуссалми. Здесь 163-я советская дивизия сосредоточилась в деревне. Финны начали контрнаступление обычными ударами во фланг и тыл, но долгое время не могли добиться успеха. Наконец, получив два новых полка в качестве подкрепления, финны сломили сопротивление русских, и 29 декабря уцелевшие русские войска ударились в бегство по бездорожью. Дивизия как организованная сила прекратила свое существование. Финны захватили трофеи — 11 танков, 25 орудий и 150 автомашин.

Этот успех оказался возможным благодаря непонятной бездеятельности выдвигавшейся на поддержку 44-й стрелковой дивизии. Это свежее соединение, встретившее сопротивление всего лишь мелких частей, вместо того чтобы поспешить на выручку 163-й дивизии, остановилось и заняло оборону. Дивизия оказалась растянутой на многие километры вдоль дороги. Как только финны подтянули свежие войска, они начали фланговые атаки. К 5 января 1940 года 44-я дивизия начала распадаться на части, и небольшие группы русских попытались укрыться в лесах, где их преследовали

финские лыжные патрули. Доставшиеся финнам трофеи впечатляют: 35 танков, 50 орудий, 25 противотанковых пушек, 250 грузовиков.

Победа под Суомуссалми была полной. Наступление русских на Оулу было ликвидировано, и попытку возобновить его русские больше не предпринимали.

Освободившуюся после боев 9-ю дивизию финское командование решило использовать против советской 54-й дивизии у Кухмо. Финские войска прибыли на этот фронт 28 января. Атаки на фланги и тыл занявшей оборону 54-й советской дивизии начались 29 января. Но эта дивизия оказалась крепким орешком, и хотя финнам удалось вскоре расчленить ее на отдельные группы — «мотти», они продолжали стойко защищаться. Новая 23-я стрелковая дивизия подошла ей на помощь и сковала значительную часть финских войск.

В феврале русские направили в этот район на помощь лыжную бригаду. Это была единственная попытка русских повторить достижения финских лыжных батальонов, но бригада под командованием полковника Долина формировалась в спешном порядке после начала войны, и, как оказалось, недостаточно было только научить солдат ходить на лыжах. Неудачное тактическое использование бригады привело к катастрофе. Финские патрули преследовали ее в глуши лесов, и к 15 февраля бригада распалась на отдельные мелкие группы.

Но, несмотря на это, сражение под Кухмо обернулось стратегическим поражением для финнов. Окруженные советские войска, снабжаемые по воздуху, продолжали сражаться до конца войны, а 9-я дивизия финнов оказалась полностью скованной.

И наконец, 2 января финны начали подобную же операцию под Салла, но на этот раз фланговые атаки финнов были отбиты и русские удержали свои позиции.

Эта серия операций представляет собой уникальный и примечательный военный успех финнов. Будь у них больше свежих войск и достаточно артиллерии, они могли бы добиться полного уничтожения русских войск на этом фронте. Но, несмотря на эти тактические успехи, стратегическая победа ускользнула от финнов: им необходимо было высвободить большую часть своих войск на этом

фронте для боев на Карельском перешейке, в результате же эти войска остались на месте.

* * *

Ход военных действий в январе значительно приободрил финнов. В стране росло впечатление, что Финляндия выигрывает войну. В правительстве также усилились оптимистические настроения, хотя и не в такой мере, но к середине января даже обычно осторожный Маннергейм полагал, что, если обещанная материальная помощь и добровольцы придут, можно будет обороняться еще довольно длительное время.

Несмотря на это, правительство знало, что оно должно договориться о мире. Сперва была предпринята попытка возобновить контакт с помощью Германии, и германское правительство действительно сделало запрос в Москве: оно было заинтересовано в прекращении этой войны. Но у немцев создалось впечатление, что самое большее, на что мог бы согласиться Советский Союз, — это расширить состав правительства Куусинена. Это было уловкой, потому что СССР уже решил вступить в переговоры с Хельсинки, но не хотел иметь Германию в качестве посредника. Русские, по-видимому, опасались, что Германия может в результате посредничества добиться влияния в Финляндии.

Были использованы другие каналы. Финская писательница социалистка Хелла Вуолийоки обратилась 1 января к Таннеру с предложением выехать в Стокгольм и встретиться с советским послом Коллонтай, с которой она была знакома, и 8 января 1940 года Таннер уполномочил ее установить контакт. Коллонтай положительно отнеслась к этой инициативе, и последовал ряд неофициальных обменов мнениями. В итоге их 29 января советское посольство направило шведскому правительству ноту, в которой сообщалось, что СССР не имеет возражений в принципе против заключения соглашения с правительством Рюти — Таннера. В ноте далее говорилось, что Финляндия должна заявить об уступках, которые она сейчас готова сделать, и что требуемые советской стороной новые условия превысят те, которые предлагались осенью. Путь к миру был теперь открыт, поскольку Советский Союз тактично выразил свою

готовность отказаться от правительства Куусинена и тем самым от своей цели установить контроль над всей Финляндией.

Однако стало очевидным, что полуостров Ханко остается частью советских требований, а на это финские руководители еще не были готовы пойти. Таннер сам отправился в Стокгольм и встретился с Коллонтай. Он намекнул, что Финляндия могла бы предложить один из прибрежных островов, но Москва дала понять, что не начнет переговоры на такой основе. Представляется вероятным, что в конце января, до начала русского наступления на Карельском перешейке, Финляндия могла бы получить мир примерно на тех же условиях, которые русские предлагали осенью, но без обещанной тогда компенсации, но финны находились под впечатлением своих военных успехов и усиливающихся намеков на готовящееся военное вмешательство Англии и Франции и считали, что должны получить более выгодные условия. Только военное поражение убедило их более серьезно отнестись к русским предложениям.

10 февраля на заседании Военного совета Рюти и Таннер с участием Маннергейма обсудили перспективы; все согласились, что Финляндия может избрать один из трех доступных ей курсов действий, перечисленных в следующем порядке по своей желательности: первый — заключить мир с СССР, предложив остров вместо полуострова Ханко; второй — продолжать войну при активном содействии Швеции, если его можно будет добиться; третий — в качестве последнего средства — принять предложение о вооруженном вмешательстве, которое сейчас выдвигает Англия и Франция. Эта программа действий 12 февраля была представлена правительственному комитету по иностранным делам, где большинство ясно высказалось в пользу заключения мира, — но как раз в этот день финский фронт на Карельском перешейке рухнул.

Прорыв «линии Маннергейма»

Неудача декабрьского наступления привела советское Главное командование к выводу, что только полностью подготовленный штурм финских укрепленных позиций может увенчаться успехом. Основная передислокация соединений Красной Армии началась 26 декабря, когда была сформирована новая армия — 13-я под командованием генерал^[42] Грендаля, занявшего позиции на правом фланге 7-й армии. 28 декабря были изданы новые оперативные приказы. От массированных атак отказались — вместо этого упор был сделан на постепенное, шаг за шагом, продвижение, после того как артиллерия разрушит железобетонные укрепления. Почти целый месяц шло обучение войск, в ходе которого отработывалась атака на доты, особое внимание уделялось взаимодействию пехоты, танков и артиллерии.

7 января в командование вновь созданным Северо-Западным фронтом вступил маршал^[43] Тимошенко. Боевые действия на перешейке возобновились 15 января, когда советская артиллерия приступила к систематическому разрушению финских укрепленных позиций.

Финны имели шесть дивизий в первой линии обороны, главный сектор обороняла 3-я дивизия. В резерве находились три дивизии. Эти резервные войска сооружали две новые линии укреплений — «промежуточную» позицию и «тыловую», но эти «линии» состояли из укреплений полевого типа, с противотанковыми препятствиями и проволочными заграждениями. Когда бои возобновились, ни одна из них полностью завершена не была.

Новая советская 13-я армия имела в своем составе девять стрелковых дивизий, одну танковую бригаду и два отдельных танковых батальона. Она должна была нанести удар между озером Муоланъярви и рекой Вуокса. 7-я армия с 12 стрелковыми дивизиями, пятью танковыми бригадами и двумя отдельными танковыми батальонами должна была атаковать сектор Сумма и выйти к Виипури

(Выборгу). Специальная группа из трех дивизий и танковой бригады приготовилась форсировать по льду Финский залив, выйти западнее Выборга и обойти с фланга тыловую линию обороны финнов.

Советские активные частые операции начались 1 февраля. Используя 400 орудий для обработки финских позиций, русские затем бросили в атаку вместе танки и пехоту, танки часто тащили за собой бронированные сани с пехотинцами. С воздуха наступающих поддерживала авиация. Атакующие солдаты и танки систематически уничтожали доты, танки прикрывали пехоту и вели огонь по амбразурам дотов. В этих условиях финнам часто приходилось оставлять доты и обороняться в траншеях. Когда наступила ночь, русские отошли, и финны, измотанные боями в траншеях на сильном морозе, попытались восстановить доты. Эту тактику русские повторили на следующий день, а затем еще несколько дней подряд.

Затем 11 февраля 123-я стрелковая дивизия ворвалась в глубь обороны финнов в ключевом пункте сектора Сумма и к вечеру вышла в тыл финских позиций. Из посланного на выручку двумя днями ранее резервного батальона почти никто не уцелел. Финны старались контратаками восстановить линию фронта, но не смогли, и 15 февраля Маннергейм разрешил командиру 2-го армейского корпуса отступить на «промежуточную» линию обороны. Таким образом, «линия Маннергейма» была прорвана в этом ключевом секторе после двух недель упорных боев. Во всех других секторах финнам, хотя и с трудом, удалось сдержать русские атаки.

Прорыв в секторе Сумма был поворотным пунктом войны. Тщательное планирование русскими своих атак позволило им полностью использовать слабые места в структуре финской обороны. Решающее значение имели также физическая усталость оборонявшихся и нехватка артиллерийских боеприпасов.

Финны завершили отход на вторую линию обороны к 17 февраля, в результате «линия Маннергейма» от реки Вуоксы до моря была оставлена.

19 февраля Маннергейм освободил генерала Эстермана от командования Карельской армией по его просьбе и заменил его генералом Хейнриксом, который в свою очередь передал командование 3-м армейским корпусом полковнику Талвела.

Русские продолжали атаки на «промежуточную» линию и к 21 февраля прорвали ее в двух местах. Командующий 2-м армейским корпусом генерал Экист при поддержке Хейнрикса настаивал на отводе войск, однако Маннергейм, который знал о начавшихся мирных переговорах и хотел удержать как можно больше территории под финляндским контролем, дал согласие только на составление планов. Затем 25 февраля 13-й пехотный полк, находившийся в боях с 11 февраля, не выдержав сильной атаки русских, распался. На следующее утро генерал Экист предпринял контратаку, используя 15 оставшихся боеспособных танков. Но они оказались бесполезными: более половины были уничтожены, остальные застряли в глубоком снегу, и контратака провалилась. Вечером 27 февраля Маннергейм приказал покинуть «промежуточную» позицию.

Тыловая линия укреплений начиналась перед Виипури (Выборгом), затем поворачивала на северо-восток к озеру Вуокса. Потенциально это была сильная позиция из-за сильно пересеченной скалистой местности, малодоступной для танков, часть которой могла к тому же быть затоплена. Слабый сектор находился в местечке Тали, где имелся сравнительно равнинный участок. Железобетонных укреплений в этой полосе обороны не было, но имелись многочисленные дзоты, полевые укрепления и противотанковые препятствия. К этой полосе обороны русские вышли между 29 февраля и 2 марта.

Согласно выработанному плану, русские намеревались обойти Выборг с двух сторон: одна группа войск наступала по льду Финского залива западнее города, вторая была нацелена на станцию Тали. Третья группа должна была форсировать Вуоксу около Вуосалми на стыке 3-го армейского корпуса и попытаться отрезать его. Финляндское командование осознавало также опасность русского броска по льду Выборгского залива. 28 февраля оно начало срочно укреплять оборону побережья, перебросив туда целую дивизию. Этот район был усеян многочисленными островами, а скалистый берег с глубокими заливами был удобен для обороны.

Бросок по льду

Русское наступление по льду залива было проведено решительно и смело. Лед мог выдержать только легкие танки, но они успешно блокировали удерживаемые финнами острова и поддержали наступающие войска при выходе на побережье. К 4 марта русские захватили плацдарм у Вилайоки, а местные финские контратаки были отбиты.

К 4 марта стратегическая дорога Выборг — Хельсинки оказалась под обстрелом, и финляндское командование начало подбрасывать все имеющиеся подкрепления в этот район. Но одновременно русские начали перебрасывать по льду новую дивизию, и финские части разрозненно втягивались в бои, оголяя главную позицию под Выборгом.

На самом перешейке основные русские силы достигли пригородов Выборга 3 марта и сразу же атаковали 3-ю и 5-ю финские дивизии, оборонявшие город.

Северо-восточнее Выборга находился ключевой сектор Тали, который обороняла 23-я пехотная дивизия. Финны, открыв шлюзы, приступили к затоплению этого района, но лед быстро замерзал и мог выдержать пехотинцев. К 9 марта русские войска глубоко вклинились в полосу укреплений. Один отборный пехотный отряд форсировал затопленный район — по пояс в ледяной воде, несмотря на сильный мороз, — и вышел в тыл финского батальона, который оставил свои позиции и в панике разбежался. Таким образом, к 13 марта Красная Армия фактически прорвала оборону финнов в секторе Тали. Однако на правом фланге их наступления 13-я армия первоначально не смогла добиться успеха, и 2 марта командующий армией был заменен.^[44] Русские предприняли новые атаки 11 и 12 марта и пробились в глубь финских позиций, вынудив финнов к отступлению.

В целом общая военная обстановка на 13 марта была следующей. Русское наступление на перешейке не прекращалось, и русские,

очевидно, готовы были продолжать свои атаки по меньшей мере до выхода на линию Выборг—Антра—Кякисалми.^[45] Кроме того, они приготовились возобновить наступление против 4-го армейского корпуса севернее Ладоги.

У финнов все силы были втянуты в бои, и некоторые части были столь измотаны, что утратили боеспособность. Казалось очевидным, что через несколько дней финские войска будут вынуждены оставить Выборг и отступить. Если бы финнам удалось организованно отвести свои части, а затем продержаться до наступления весенней распутицы, они могли бы получить шесть — восемь недель передышки. Но без крупных подкреплений обученных солдат, артиллерии и средств противотанковой обороны их перспективы были мрачными. Такова была военная ситуация, на фоне которой принималось решение о заключении мира на советских условиях.

Планы англо-французских союзников

Когда 12 февраля произошла катастрофа в секторе Сумма, финляндское правительство не могло еще решиться уступить полуостров Ханко и продолжало изучать альтернативные решения.

Англия и Франция какое-то время обдумывали вопрос о военном вторжении в Скандинавию, но подходили к нему с разных позиций. Французы хотели открыть второй фронт в Скандинавии и тем самым отвести войну подальше от своей границы, а англичане были заинтересованы в том, чтобы перекрыть доступ Германии к шведской железной руде. Для этого было бы достаточно захватить ключевые порты на побережье Норвегии, прежде всего Нарвик, а затем взять под свой контроль железную дорогу от Нарвика к месту добычи руды. Только по этой железной дороге можно было перебросить войска в Финляндию, и поскольку резолюция Лиги Наций призывала всех членов организации оказывать помощь Финляндии, она могла служить юридическим прикрытием для Англии и Франции в задуманном нарушении нейтралитета Скандинавских стран. Поэтому оказание помощи Финляндии было идеальным предлогом для такой операции.

Правительства двух стран рассмотрели ряд проектов, прежде чем 5 февраля Верховный совет союзников утвердил план действий. Согласно ему две англо-французские бригады в середине марта 1940 года должны будут захватить Нарвик и железную дорогу, ведущую к Лулео на берегу Ботнического залива. Одновременно будут оккупированы Тронхейм и Берген. Затем в апреле будут перебросены более крупные силы союзников, чтобы создать второй фронт против ожидавшегося немецкого вторжения в Южную Швецию. Часть этих сил окажет также помощь Финляндии, взяв на себя оборону северной части восточного фронта финских войск. Но эта помощь Финляндии была, безусловно, второстепенной по сравнению с главной целью кампании.

К 12 февраля финны знали основные положения этого плана и что союзники хотят получить приглашение Финляндии, чтобы иметь предлог для его осуществления. Подробностей, понятно, финляндское правительство не знало. Маннергейм с самого начала высказал сомнения по поводу этого плана и затем твердо придерживался этой точки зрения. Финляндское правительство также не испытывало энтузиазма в отношении плана союзников, но надеялось, что его — как возможный вариант — можно использовать для того, чтобы припугнуть Швецию и заставить ее вмешаться в войну или же выторговать у СССР более мягкие условия.

23 февраля русские сообщили шведскому правительству свои условия заключения мира: аренда полуострова Ханко сроком на 30 лет, передача СССР всего Карельского перешейка и северо-восточного побережья Ладожского озера (это примерно соответствовало границе, установленной Петром Великим в 1721 году), а также договор о совместной обороне Финского залива. Взамен Советский Союз соглашался вывести свои войска из района Петсамо.

Финляндское правительство не могло сперва решиться вести переговоры на такой основе. Оно продолжало изучать альтернативные варианты, но в этот же самый день Швеция подтвердила, что она не только не вмешается в конфликт, но и не разрешит проход англо-французских войск через свою территорию. На следующий день английский посланник разъяснил Таннеру обстоятельства, связанные с осуществлением планов западных союзников. Выяснилось: в Финляндию придут не более 20 тысяч союзных солдат и офицеров; они не смогут прибыть ранее 15 апреля; Финляндия должна пригласить западных союзников, а также договориться о транзите их войск через Норвегию и Швецию. Несмотря на неудовлетворительный характер этих предложений, финляндское правительство продолжало колебаться. 26 февраля Таннер снова приехал в Стокгольм, где ему было заявлено, что шведская помощь будет ограничена посылкой 16 тысяч индивидуальных добровольцев, более того, если западные союзники попытаются добиться прохода своих войск через Швецию с помощью силы, им будет оказано сопротивление, и тогда «Швеция окажется в войне на стороне русских и против Финляндии». Шведский премьер-министр настаивал на принятии русских условий. В этом случае Швеция предоставит экономическую помощь на

реконструкцию и рассмотрит возможность заключения оборонительного союза с Финляндией для гарантии ее новых границ.

Теперь наконец финляндское правительство вплотную встало перед необходимостью принятия решения. Дальнейшие контакты с англо-французскими представителями не привели к прояснению двусмысленного содержания плана союзников, и правительство Финляндии (за исключением двух министров) согласилось начать переговоры на основе русских условий. К этому его подталкивал обусловленный СССР последний срок принятия предложения о переговорах — 1 марта. Это решение поддержала комиссия по иностранным делам сейма, и был составлен проект ноты Советскому правительству. В этот момент английское и французское правительства, увидев, что их план находится под угрозой срыва, выдвинули более щедрое предложение. Сейчас они обещали 50 тысяч войск к концу марта!

Чтобы уточнить эти новые предложения, финляндское правительство притормозило намеченное принятие советских условий и затянуло ответ, запросив у СССР дополнительные разъяснения. Союзники в свою очередь оказали нажим на Финляндию, добиваясь от нее получения приглашения на вооруженное вмешательство до 5 марта, однако не сообщали, что они предпримут перед лицом отказа Норвегии и Швеции разрешить проход войск. Дело в том, что правительства Англии и Франции сами этого не знали, но, по-видимому, убедили себя, что, когда наступит решающий момент, Швеция и Норвегия пойдут им навстречу. Эта неопределенность в планах союзников, а также странные колебания в размерах и сроках предлагаемой союзниками помощи встревожили финнов. В конечном итоге финляндское правительство разгадало замыслы союзников. Решающим днем стало 5 марта, когда произошли три события: западные союзники согласились отложить срок передачи им приглашения до 12 марта; Советский Союз дал знать, что Финляндия по-прежнему может заключить мирный договор на прежних условиях, несмотря на истечение обусловленного срока — 1 марта, и финляндское правительство вернулось к первоначальному решению о проведении переговоров на этой основе.

Мирный договор

6 марта финляндская делегация во главе с премьер-министром Рюти выехала в Москву. Предложение финнов о немедленном прекращении огня было отклонено. Переговоры начались 7 марта, и советская делегация, возглавляемая Молотовым, отказалась рассматривать какие-либо изменения предложенных ранее условий. Вместо этого русские выдвинули два совершенно новых требования о передаче им части территории в районе Салла — Куусамо и о строительстве железнодорожной ветки от Мурманской железной дороги до Кемиярви и затем далее к Ботническому заливу.

Правительство в Хельсинки было возмущено этим, как оно считало, нечестным приемом советской стороны, но 9 марта оно получило доклад о военной обстановке, который предсказывал возможность полного развала финской обороны в ближайшее время. На основе этого доклада Маннергейм решительно потребовал заключения мира, и правительство уполномочило делегацию — в случае единодушного согласия — подписать договор на русских условиях. 11 марта западные союзники в последней попытке помешать Финляндии заключить мир публично заявили о своем предложении прийти ей на помощь, но на этот раз финны остались верны принятому решению. 12 марта финляндское правительство направило делегации официальный мандат на подписание договора. В самый последний момент посланник Англии заявил финляндскому правительству, что западные союзники преодолеют норвежское и шведское сопротивление их планам, но заявление запоздало.

В этот же вечер в Москве состоялось подписание договора, и военные действия прекратились в 12.00 13 марта.

Согласно Московскому мирному договору 1940 года, в состав территории СССР включался весь Карельский перешеек, западное и северное побережье Ладожского озера; территория восточнее Меркярви с Куолярви, часть полуострова Рыбачьего. Финляндия

сдавала в аренду СССР сроком на 30 лет полуостров Ханко и прилегающие к нему острова и морскую территорию «для создания там военно-морской базы», а также соглашалась на строительство на своей территории железной дороги Кандалакша — Кемиярви. Советский Союз снял свое предложение о заключении пакта о взаимной помощи и обязался вывести свои войска из области Петсамо.

Советские делегаты отстаивали условия договора ссылками на соображения военной безопасности. База на полуострове Ханко позволит закрыть проход в Финский залив враждебным кораблям; новая граница обеспечит организацию более глубокой обороны Ленинграда; обладание холмистой местностью в районе Салла (Куолоярви) обеспечит защиту Мурманской железной дороги, а передача полуострова Рыбачьего создаст надежный форпост для обороны Мурманска с запада. Договор, разумеется, обеспечивал не столь широкую безопасность, которую дало бы подчинение Финляндии правительству Куусинена, но он отвечал минимальным требованиям военной безопасности с точки зрения СССР.

Установить, почему СССР в конечном итоге избрал подобное минимальное решение вместо полного завоевания Финляндии, невозможно. Судя по позиции Сталина на переговорах в 1939 году, он всегда предпочитал узкое урегулирование. Он хотел избежать участия в европейской войне, сохранив за собой возможность извлечь, если удастся, из нее выгоды. Для него навязывание Финляндии правительства Куусинена было второстепенным вариантом, да к тому же этот вариант оказался основанным на неверных предпосылках и, таким образом, стал нецелесообразным. К тому же война вышла из-под контроля. Задуманная как небольшая побочная военная операция, она переросла в крупную кампанию. Советский Союз выделил на ее проведение 1,2 миллиона солдат и офицеров, 1,5 тысячи танков и 3 тысячи самолетов. Неприемлемо большая часть советских вооруженных сил оказалась вовлечена в действия в критический период времени. Война в Западной Европе вот-вот должна была разгореться, и Сталин хотел высвободить советские вооруженные силы — как для использования открывающихся возможностей, так и для защиты против возможных опасностей.

Последствия

С этой точки зрения согласие русских отказаться от правительства Куусинена 29 января 1940 года представляется разумным. Еще более примечательно то обстоятельство, что последующие военные успехи не ввели Советское правительство в искушение вернуться к более амбициозным планам, но в этом главным фактором, безусловно, явилась растущая угроза военного вмешательства Англии и Франции. Сталин не хотел воевать с этими государствами, если бы мог получить желаемое без войны. Поэтому советское предложение начать переговоры осталось открытым, несмотря на растущие успехи на фронте и колебания финнов.

Советский Союз заплатил высокую цену. Согласно советским данным, советские потери составили 48 тысяч убитыми и 158 тысяч ранеными. Маннергейм считал, что советская сторона, скорее всего, потеряла убитыми 200 тысяч человек. Помимо человеческих жертв русские потеряли также много танков и самолетов. Был нанесен трудно поддающийся оценке урон престижу Красной Армии. К тому же приобретения, закрепленные Московским договором, оказались иллюзорными, тогда как условия договора делали очевидным, что, если Советский Союз когда-либо в будущем попадет в трудное положение, Финляндия не преминет использовать это в своих интересах. Компенсирующих выгод русские не приобрели: ни военная база на Ханко, ни новая государственная граница не принесли русским большой пользы, когда Германия напала на Советский Союз в 1941 году.

Реальным приобретением был военный опыт. Главный военный совет совещался в Кремле три дня — с 14 по 17 апреля 1940 года, анализируя уроки финской войны, и изложил свои выводы и рекомендации о необходимых переменах в приказе № 120 от 16 мая 1940 года. В приказе подчеркивалась необходимость использования пехотой более гибких тактических приемов, улучшения

взаимодействия различных родов войск, надлежащей подготовки к ведению военных действий в зимних условиях, и в первую очередь необходимость интенсивной и приближенной к боевым условиям подготовки войск. Красная Армия в июне 1941 года была более эффективной военной силой в результате опыта, приобретенного в финской войне.

Для финнов ситуация, разумеется, была мрачной. С военной точки зрения положение дел было катастрофическим. Новая государственная граница проходила вблизи от важных промышленных и административных центров, она была длиннее и более открытой, чем старая. Нельзя было больше планировать выигрыш времени для проведения мобилизации путем уступки части малоценной территории противнику в пограничных районах. В будущем финляндская армия должна будет удерживать позиции и сражаться на самой границе. Финские войска потеряли 25 тысяч убитыми и 45 тысяч ранеными из армии, общая численность которой не превышала 200 тысяч человек. Кроме того, необходимо было полностью переоснастить ее современным оружием. Можно отметить, что финляндское командование справилось с этой задачей: к июню 1941 года Финляндия имела армию в составе 16 дивизий, гораздо лучше оснащенных, чем в 1939 году, и высокобоеспособных как в обороне, так и в наступлении.

Имелись также серьезные политические и экономические последствия. Финляндия уступила почти десятую часть своей территории, второй по величине город и важный промышленный комплекс на реке Вуоксе. В ходе реконструкции — помимо бремени военной реформы — Финляндии пришлось компенсировать свои утраченные активы и переселить 400 тысяч беженцев, покинувших отошедшую к СССР территорию. Эта сложная задача решалась энергично: военное поражение не подорвало жизнеспособность финского общества.

Политические последствия преодолеть было не так-то просто, ибо Финляндия оказалась политически изолированной. Горький опыт русского военного вторжения усилил убеждение финляндского правительства и населения страны во враждебности СССР; и финны, естественно, стали искать политическую поддержку повсюду, где ее

можно было найти. Это привело к роковому военному сотрудничеству с нацистской Германией и новой войне в июне 1941 года.

«Зимняя война» была еще одним печальным эпизодом в длинной бурной истории отношений между финским и русским народами. Но она, кроме того, была одним из эпизодов, пожалуй ненужным в общей истории второй мировой войны. Помимо того что эта война побудила Финляндию к нападению на Советский Союз в июне 1941 года, она сыграла важную роль в возникновении иллюзии, что СССР в военном отношении является второсортной державой.

Но эта война к тому же чуть было не привела к еще более серьезным последствиям. Если бы Финляндия приняла предложение англо-французских союзников о помощи, а английские и французские войска нарушили нейтралитет Скандинавских стран и начали военные действия против Красной Армии, кто может сказать, как это повлияло бы на последующий ход мировой войны? Судя по результатам боевых действий англо-французских войск в Норвегии, катастрофы им едва ли бы удалось избежать, а в дополнение к этому Англия и Франция могли бы оказаться в состоянии войны с Советским Союзом, равно как и с Германией. Финляндия заслуживает глубокой благодарности со стороны западных союзников за то, что она спасла их от безумной и глупой затеи.

Вальтер Варлимонт

В гитлеровских высших штабах^[46]

В двух молниеносных кампаниях с сентября 1939 года по июнь 1940 года Германия разбила наголову армии Польши, Франции и Англии. Мир был поражен эффективностью немецкой военной машины, и было справедливо предположить, что раскручивали эту машину штабы, укомплектованные военными талантами, великолепно организованные, полностью контролировавшие обстановку и информированные о ней. Однако это совсем не соответствовало истине. В действительности даже в период высшего немецкого военного триумфа уже были очевидны слабости структуры командования вермахта.

Гитлер часто говорил, что вооруженные силы страны никогда не бывают «готовы» полностью к войне. Однако противник также не бывает полностью готов, поэтому важно в своей подготовке опередить потенциального противника.

Как бы то ни было, но остается удивительным, что в начале второй мировой войны даже военный штаб штаб-квартиры Гитлера не был «готов». Наш мобилизационный план, конечно, предусматривал такой штаб — Высшее командование вооруженными силами, или Оберкомандвермахт (ОКВ). И действительно, ОКВ по мобилизации получило некоторое пополнение: в том числе такую фигуру, как генерал Роммель, ставший комендантом ОКВ, ведавшим вопросами безопасности и организации штаба.

В период «легких войн», начиная с аншлюса Австрии и кончая присоединением Мемеля^[47] к рейху, Гитлер приобрел привычку пользоваться своим «специальным штабным поездом фюрера» для посещения завоеванных территорий, иногда немедленно после вступления в них немецких войск. Во время этих поездок его сопровождал всего один или два офицера. Штаб ОКВ, включая его

самую важную часть — оперативное отделение, оставался в тылу: в тихой заводи, какой являлся тогда Берлин.

В штабном поезде фюрера размещалось его ближайшее окружение: представители «государства, партии и вермахта», как было принято говорить в то время. Они-то и входили в состав первой штаб-квартиры фюрера. Однако фактически военный элемент этого антуража был весьма немногочисленным: он состоял всего из двух старших генералов ОКВ Кейтеля и Йодля вместе с одним-двумя офицерами связи и адъютантов и потому не имел возможности выполнять задачи, выпадающие на долю высшего военного штаба страны. В действительности это оказалось благоприятным обстоятельством, поскольку дело касалось проведения фронтовых операций, так как на протяжении короткой Польской кампании руководство операциями оставалось в ответственных руках командования сухопутных войск и их генерального штаба, а Гитлер не имел возможности вмешиваться в действия войск — как он делал это впоследствии с такими губительными результатами.

Таким образом, процедура, сымпровизированная для формирования этой первой штаб-квартиры фюрера, привела к характерной для немецкой высшей военной организации слабости, которая породила бедствия на протяжении всех последующих событий: Гитлер одновременно был верховным главнокомандующим и диктатором; его личное влияние доминировало и пронизывало всю организацию и при нем не было четко организованного военного штаба с ответственным старшим генералом во главе для противовеса ему.

Единственного, весьма странного примера достаточно, чтобы продемонстрировать недостаток координации внешней и военной политики: 17 сентября 1939 года генерал Йодль, будучи извещен о том, что войска Красной Армии вступают на территорию Польши, с ужасом спросил: «Против кого?»

Даже в чисто военных вопросах штаб ОКВ был не способен высказать свое мнение «за» или «против» сумасбродной политики Гитлера. Эта основная слабость приводила к более серьезным последствиям, обуславливала все большую неспособность ОКВ добиться установления удовлетворительных рабочих

взаимоотношений с любым главнокомандованием трех видов вооруженных сил.

С самого начала армия, военно-морской флот и военно-воздушные силы возражали против принципа существования «настоящего оперативного штаба вермахта», стоящего над их генеральными штабами; по их мнению, такой штабной орган был несовместим с возложенными на них обязанностями. Как бы ни были весомы и основательны их аргументы, результатом было противодействие организации штаба вооруженных сил страны, основанного на твердых принципах. В конечном счете споры по этому вопросу только сыграли на руку Гитлеру, который давно уяснил, что единственной угрозой его безграничной жажде власти является объединенный вермахт.

До начала войны структура и обязанности оперативного штаба ОКБ не отличались от тех, которые установил еще фельдмаршал Бломберг^[48] в 1935 году. Штаб состоял всего из 12–15 офицеров, что само по себе ограничивало его эффективность. Более того, офицеры штаба сами избегали расширения круга функций штаба; например, в его составе не были предусмотрены отделы военной разведки, тылового обеспечения или управления оккупированными территориями. В результате этого штаб ОКБ в значительной степени зависел от главнокомандования видов вооруженных сил, что делало бессмысленными его притязания на роль генерального штаба вооруженных сил.

То обстоятельство, что в начале 1938 года Гитлер принял на себя непосредственное командование вооруженными силами, не повлекло за собой повышения престижа или расширения власти оперативного штаба ОКБ. До начала войны Гитлер вряд ли выполнял свою новую функцию; не проявлял он и какого-либо интереса к проблемам организации своего штаба и был склонен предоставить внутренней борьбе между видами вооруженных сил идти своим чередом.

Начальником оперативного штаба ОКБ был генерал (впоследствии фельдмаршал) Кейтель, занимавший этот пост и при Бломберге. У него не было никаких командных функций, и на иерархической лестнице он занимал место ниже главнокомандующих видами вооруженных сил; не был он и председателем Комитета начальников генеральных штабов. Три главнокомандующих видами вооруженных сил лично встречались

вместе только в редких случаях и всегда в присутствии Гитлера. Предыдущая карьера Кейтеля в оперативном штабе не подготовила его к исполнению высоких командных или штабных постов, и он ограничивал свои военные обязанности безоговорочной переработкой указаний фюрера в приказы, в большинстве случаев не вступая ни в какие споры. Назначая его на должность начальника оперативного штаба ОКБ, Гитлер торжественно заверил Кейтеля, что он будет его «единственным доверенным лицом и советником по военным вопросам». Однако вскоре он сделался немногим больше чем «начальник канцелярии».

Главный помощник Кейтеля по оперативным вопросам генерал Йодль быстро ухитрился превратиться в действительного советника Гитлера в этой области. Его несомненный военный талант, однако, сводился на нет всепоглощающей верой в фюрера. Он слишком преклонялся перед «гением фюрера», не смея сам и не допуская других ни на йоту уклоняться от указаний Гитлера, и считал своим долгом и долгом штаба служить верховному главнокомандующему вермахта в качестве «рабочего», а не «генерального» штаба.

Такая позиция вышеназванных двух генералов привела ко многим несчастливым последствиям в руководстве военными действиями: сохранились расхождения во мнениях и раздоры — к тому же еще со времен Бломберга — между офицерами ОКБ, новыми «фронтовиками», смотрящими на все глазами нацистских бонз, и более консервативными старшими офицерами, в основном армейскими. Фактически эти раздоры имели место и в других высших штабах; даже в самом оперативном штабе ОКБ, например, не было взаимного доверия между Йодлем и мной, его заместителем.

В результате всего этого в начале войны оперативный штаб Гитлера оставлял впечатление очень слабого оперативного органа. Внутри его раздирали указанные выше расхождения во мнениях, а внешне он был на ножах со штабами видов вооруженных сил и ни у кого не пользовался авторитетом. Короче говоря, оперативный штаб ОКБ был совершенно не способен оказать необходимую помощь государственному деятелю, не имевшему ни малейшего опыта в управлении вооруженными силами и который вдобавок был склонен развязать новую мировую войну. Даже если бы у нас имелась

тщательно разработанная и логическая стратегическая концепция, оперативный штаб ОКБ был не способен обеспечить целеустремленное управление всеми видами вооруженных сил.

Пока длилась Польская кампания, остававшемуся в Берлине штабу было приказано разведать возможность размещения ставки ОКБ в Западной Германии. Она должна была разместиться возможно ближе к фронту, но за пределами дальности огня французской артиллерии. Около ставки фюрера предполагалось разместить ставку главнокомандующего сухопутными войсками.

До начала войны Гитлер всегда считал, что его ставка должна находиться в столице рейха; в 1939 году он даже отверг предложение построить защищенный командный пункт в районе немного западнее Берлина под смехотворным предлогом, что он не может двигаться на запад, когда армия марширует на восток. Теперь стало ясно, что он отказался от этой точки зрения.

Намного большую важность для всего хода войны — и для послевоенных событий — имело второе решение Гитлера: начать наступление на запад осенью 1939 года. Это решение было принято в середине сентября единолично, наедине, в тиши штабного вагона: он ни с кем не обсудил этот вопрос; он ни у кого не попросил совета; он посвятил в эту тайну только своего адъютанта Шмундта, и то лишь после того, как принял это решение. Шмундт раскрыл этот секрет начальнику оперативного штаба ОКБ, якобы единственному советнику фюрера по военным вопросам. Когда 20 сентября я собрался посетить ставку главнокомандующего сухопутными силами, Кейтель под строгим секретом поделился со мной этой новостью и при этом всем своим видом выразил изумление этим решением.

Несмотря на предупреждение Кейтеля, немедленно по прибытии в Берлин я тут же проинформировал генерала Штюльпнагеля, первого заместителя главнокомандующего сухопутными войсками, зная, что его начальником ему поручено подготовить для Гитлера меморандум о том, что потребовались бы годы, прежде чем немецкая армия будет готова вести войну на западе иного характера, нежели оборона «Западного вала». Поскольку я разделял эту точку зрения — Йодль никогда не разговаривал со мной по этому вопросу, — мне казалось (и по-прежнему кажется и теперь), любые методы были оправданы,

чтобы предотвратить медленное сползание к развязыванию второй мировой войны.

В довоенный период как открытая, так и тайная оппозиция игре Гитлера в политику силы была неэффективной; его молниеносные победы своими поверхностными эффектами неоднократно создавали видимость его правоты. В тот момент, однако, казалось, что для блага нашей страны и народа должны быть предприняты величайшие усилия, чтобы удержать его, пока еще не поздно. Однако все попытки в этой области оказались бесплодными.

В оперативном штабе ОКВ других мнений, кроме мнения, которого придерживались в «высших сферах» (как говорил Йодль), не было. Фактически после Польской кампании и временного возвращения Гитлера в Берлин старшие генералы оперативного штаба стали еще более изолированы, чем до этого. Генералы Кейтель и Йодль переехали из помещений штаба в рейхсканцелярию, где жил и работал Гитлер. Это по его желанию они должны были принять участие в совещаниях тесного кружка, своего рода «малого военного совета», как это имело место в сентябре в штабном эшелоне фюрера. В рейхсканцелярии их единственным компаньоном был Гитлер и его адъютанты и помощники; генералы были обречены на выслушивание потока его нескончаемых речей, особенно во время ежедневных инструктивных заседаний; Йодль, кроме того, присутствовал на завтраках фюрера вместе с высшими сановниками «третьего рейха».

Тем временем старшие офицеры оперативного штаба оставались в тихой заводи штабного здания в Берлине. Единственной их работой было получение указаний из рейхсканцелярии и подготовка приказов, содержание которых чаще всего противоречило их собственным убеждениям; это занятие перемежалось сбором информации и данных, которые с неохотой предоставляло им высшее командование и штабы видов вооруженных сил. Однако этой информации неизменно не хватало, для того чтобы на ее основе повлиять на предвзятые идеи Гитлера. Армейские офицеры, входившие в состав оперативного штаба ОКВ, в особенности были лишены моральной или интеллектуальной поддержки своих непосредственных начальников, поэтому им приходилось обращаться за утешением в генеральный штаб сухопутных войск.

Два поразительных инцидента особенно ярко иллюстрируют расхождения между нацистской идеологией и мышлением военных. Вскоре после окончания Польской кампании Гитлер спохватился, что военное немецкое управление обращается с поляками разумным и цивилизованным образом; осознав это, он пришел в ярость и, совершенно не считаясь с военной целесообразностью, внезапно передал управление оккупированными территориями одному из партийных функционеров, который в качестве «генерал-губернатора» слишком буквально выполнял указание фюрера превратить оккупированную Польшу в «ад на земле». Даже Кейтель пришел в ужас от грубости и пренебрежения законностью, проявленных Гитлером в припадке ярости.

Второй инцидент произошел 5 ноября 1939 года, когда главнокомандующий сухопутными войсками прибыл в рейхсканцелярию, чтобы сделать последнюю попытку отговорить Гитлера от плана наступления на Западном фронте; Браухич при этом ссылаясь на недостаточно крепкую дисциплину в некоторых соединениях армии во время Польской кампании. Аргументы Браухича заделли чувствительное место Гитлера: его гордость воспитанием немецкой молодежи в нацистском духе. Он оборвал Браухича и потребовал конкретных доказательств его утверждений.

Присутствовавший при этом Кейтель как пробка выскочил из кабинета фюрера и с обычной истерической суетливостью приказал мне достать «Список генеральского состава армии», по-видимому, для того, чтобы Гитлер мог немедленно подобрать замену Браухичу. Получив этот список, они так увлеклись поиском преемника, что пропустили незамеченным время, назначенное для отдачи приказа о переходе Западного фронта в наступление. Когда Кейтель снова появился в моем кабинете, я спросил его, отдал ли Гитлер приказ о наступлении, несмотря на возражения Браухича. Кейтель поспешил возвратиться в кабинет Гитлера и вскоре вышел оттуда с решением фюрера начать наступление 12 ноября, несмотря на все возражения и на то, что было слишком поздно начинать боевые действия в текущем году.

Насколько мне помнится, генерал Йодль не присутствовал при этом инциденте. Однако в последующие дни он весьма хладнокровно

участвовал в знаменательном процессе неоднократных переносов даты начала наступления — не менее 13 раз, каждый раз от двух до семи суток — процедура, представлявшая собой издевательство над стратегическим планированием. Однако Йодль показал, чего он стоит, во время Норвежской кампании в апреле 1940 года. В этом случае при первых признаках кризиса Гитлер проявил жалкую растерянность и был готов приказать отступить из Нарвика, главного объекта всей кампании. Только твердость характера, проявленная Йодлем, удержала фюрера. В этой тяжелой обстановке Йодль впервые полностью опирался на свой штаб. В виде исключения даже Гитлер признал по окончании кампании, какую большую услугу оказал ему Йодль. В последующем это привело к тому, что он еще больше стал полагаться на советы Йодля.

Противоречивые давления, которым подвергался Йодль, иллюстрируются проблемой вступления Италии в войну, вставшей примерно в то же время. Гитлер оказывал сильнейший нажим на Муссолини, вплоть до обмана, чтобы побудить его к вступлению в войну. Вместе с молодыми офицерами оперативного штаба ОКВ Йодль был против этого; в конце концов он представил Гитлеру докладную записку, суммировавшую все аргументы против отказа Италии от статуса невоюющей державы и ее активного участия в боевых действиях. Поэтому офицеры оперативного штаба ОКВ были обеспокоены и сбиты с толку, когда первое свидание Гитлера с Муссолини, состоявшееся в начале войны, внезапно изменило ситуацию. В марте 1940 года Гитлер возвратился со второй встречи с дуче, состоявшейся на перевале Бреннер, «сияющий и очень довольный», поскольку Италия, казалось, была готова к скорому вступлению в войну. Как часто случалось в штаб-квартире фюрера, политика грубо попрала военную необходимость: даже военный советник Гитлера был готов допустить, чтобы требования военной стратегии были отставлены на второй план.

С началом кампании на Западе наконец началась целеустремленная работа оперативного штаба. Гитлер приказал подготовить три командных пункта для его штаб-квартиры: на севере, в центре и на юге в тылу «Западного вала», а до этого штаб должен был следовать в штабном вагоне за штабным поездом фюрера.

Впервые полевая ставка оперативного штаба прибыла 10 мая 1940 года в северный район «Западного вала», недалеко от Бонна.

Однако и здесь штаб-квартира не находилась в одном месте. Гитлер и его ближайшее окружение — из военных только Кейтель, Йодль и их адъютанты — расположились в подземных укрытиях, в так называемом 1-м районе штаб-квартиры; остальной состав штаба — небольшое число офицеров и горстка обслуживающего персонала — остановился на небольшой ферме, именовавшейся 2-м районом штаб-квартиры. Другие отделы штаба квартировали в штабном поезде, поставленном неподалеку. Остальные управления и отделы ОКВ находились в помещениях, занимавшихся ими в мирное время в Берлине. Там же размещались управления главнокомандующего военно-морским флотом.

Главнокомандование сухопутных войск было вынуждено разместиться в охотничьем замке близ Бонна; там же в специальном штабном поезде стоял и штаб люфтваффе с Герингом во главе; здесь же квартировали Риббентроп и Гиммлер, считавшие себя членами штаб-квартиры.

В общем «Гнездо в скалах» — кодовое название, присвоенное фюрером расположению своей штаб-квартиры, — жило в эйфории, вызванной нашими успехами в Западной кампании, превзошедшими все ожидания. Тем не менее, по мере того как становилось ясно, что в действительности всеми действиями войск управляет главнокомандование сухопутных войск в тесном взаимодействии с люфтваффе, в оперативном штабе ОКВ нарастало беспокойство: выходило, что штаб-квартире ОКВ или оперативному штабу функции управления войсками не определены.

Офицеры оперативного штаба из 2-го района штаб-квартиры пытались как-то изменить ситуацию, посещая возможно чаще войска, находившиеся во фронтовых районах, и поддерживая тесные контакты с генеральными штабами сухопутных и военно-воздушных сил. С другой стороны, Гитлер — при бесспорной поддержке своего ближайшего окружения — старался использовать каждую возможность самому взять на себя управление боевыми действиями.

Все было использовано, чтобы подтолкнуть его к вмешательству в действия сухопутных войск: естественно, армия была наиболее

мощным компонентом среди видов вооруженных сил; фюрер очень подозрительно относился к командованию сухопутными войсками, придерживавшемуся независимых традиционных взглядов; ведь у Гитлера был личный опыт в качестве солдата, приобретенный в окопах первой мировой войны; он считал, что лично внес большой вклад в техническое перевооружение сухопутных сил и в составление основных планов операций на Западном фронте. Поэтому теперь он на каждом шагу давал указания армейскому командованию о том, что надо делать, тогда как ему следовало отдавать общие директивы. Фактически Гитлер начал грубо попирать все принципы и нормы управления действиями оперативных и стратегических масштабов, принятые до этого в немецких вооруженных силах.

Поэтому после одного или двух столкновений, происшедших на этой почве, в конце мая 1940 года имел место ряд событий, известных в истории как «драма», или «чудо», Дюнкерка — в зависимости от того, с какой стороны смотреть на эти события. Историки могут соглашаться или не соглашаться в определении степени ответственности Гитлера за эту утраченную победу, ответственности, которую он делит с командующим группой армий «А» генерал-полковником (позже фельдмаршалом) Рундштедтом. Но для всех причастных к этому делу ясно одно: если бы армия имела полную свободу действий, вопрос о неудаче, последовавшей после сражения в районе Дюнкерка, не мог бы возникнуть.

Если бы Гитлер не настоял на принятии на себя ответственности за управление, ни Йодль, ни тем более Кейтель не имели бы причин и возможности ворошить его воспоминания о первой мировой войне и поддерживать вмешательство в управление операцией фюрера, считавшего, что фландрская равнина непроходима для танков. Не будь там Гитлера, никто не придавал бы значения хвастливым утверждениям Геринга, что авиация сама может осуществить окружение англо-французских армий на морском побережье в районе Дюнкерка, что в действительности было уловкой, имевшей целью не дать армии присвоить себе всю славу победы.

В этой обстановке предложения молодых офицеров штаба ОКВ совершенно не принимались во внимание; как правило, мы узнавали о решениях Гитлера после того, как они были уже приняты, и любые

аргументы, приводимые по поводу этих решений, дальше Йодля не доходили. Несколькими неделями ранее, во время Норвежской кампании, Йодль был готов выслушивать наши предложения, однако теперь его уши закрылись для нас. Гитлер снова продемонстрировал отсутствие у него даже искорки полководческого таланта. Но на этот раз здравый военный смысл у Йодля уступил место его «вере» в «гений» фюрера.

Высший военный штаб Германии теперь работал исключительно на одного-единственного человека и управлялся его интуицией и его ошибками; всякое независимое инициативное долгосрочное планирование офицерами оперативного штаба ОКВ все более и более становилось бесплодным. Поэтому обращение французов с просьбой о перемирии во второй половине июня также было для нас полной неожиданностью. Притом же Гитлер внезапно покинул свою штаб-квартиру для встречи с Муссолини в Мюнхене, не оставив никаких указаний.

В течение последующих нескольких дней оперативный штаб со всех сторон осаждали военные и невоенные чины с предложениями, большинство которых сводилось к повторению суровых условий, продиктованных нам французами в 1918 году в Компьене. Однако Гитлер возвратился из Мюнхена совсем с другими идеями. Его первоочередной целью стало предотвратить отказ нового французского правительства от решения прекратить борьбу и не допустить, чтобы оставшиеся французские вооруженные силы продолжили войну с заморских французских территорий под руководством новых лидеров. Фюрер хотел разоружить Францию насколько возможно, но был против любых условий, особенно капитуляции военно-морского флота, которые не могли быть реализованы в тот момент; он хотел получить от Франции все, что было возможно, но не унижать ее; Гитлер намеревался пожать реальные плоды победы и удовлетворить территориальные притязания итальянцев после мирных переговоров с Англией, так же как и с Францией, которые приведут к окончанию войны.

В то время в штаб-квартире мы не только остро воспринимали все эти перипетии, принесенные перемирием. Мы были твердо убеждены в том, что конец войны не за горами. Однако вместо ее окончания

ворота, ведущие к расширению второй мировой войны, распахнулись широко и безвозвратно.

Фред Уинтерботэм
«Самый секретный источник»^[49]

25 мая 1945 года по распоряжению премьер-министра я послал телеграммы всем командующим союзными войсками и их штабам на Европейском театре военных действий, которые получали разведывательные данные из «самого секретного источника», как называл его Уинстон Черчилль.

В телеграмме предлагалось не разглашать источник информации, которую они получали, чтобы не причинить ущерба будущим операциям Интеллидженс сервис и не давать повода нашим противникам возложить вину за свое поражение на этот источник. Через 30 лет время изменило оба эти условия секретности. Методы, применявшиеся Интеллидженс сервис и дешифровщиками, получили широкую огласку и были известны правительствам и разведывательным службам всего мира, а наши противники в минувшей войне стали нашими союзниками.

Однако право победителя в войне не раскрывать, каким образом и как часто он разгадывал шифры противника, и в нашей книге это право сохраняется. В разгар военных действий германские военные ведомства рассылали свыше 2 тысяч радиogramм в день. Поэтому можно признать, что, когда нам время от времени удавалось перехватить несколько радиogramм и разгадать шифр, их содержание охватывало очень широкий круг вопросов. <...>

Теперь уже не секрет, что сотрудники Блечли^[50] использовали для разрешения загадки «Энигмы»^[51] новую науку — электронику. Я не современник века компьютеров и не пытаюсь их понять, но в начале 1940 года меня торжественно ввели в святилище, где стояла колонка бронзового цвета, которую венчало изображение, похожее на какую-то восточную богиню, которой суждено было стать оракулом Блечли, по крайней мере когда ей этого захочется. Это было волшебное творение, внушающее благоговейный страх. Нам всем, конечно, было интересно, получит ли этот великий эксперимент практическое применение, и если да, то успеют ли этого достигнуть к началу «горячей войны», которая, как мы теперь чувствовали, обязательно разразится весной. Гитлер дал нам шесть месяцев передышки. Все военные ведомства, я думаю, полностью использовали каждый день. Мы все знали, что этого слишком мало, но, по крайней мере, в этой одной жизненно важной области открывались огромные, поразительные возможности,

ибо в наших руках была та самая шифровальная машина, которую немцы станут использовать для связи во время войны.

Это было, должно быть, где-то в конце февраля 1940 года, когда люфтваффе, очевидно, получили достаточно машин «Энигма», чтобы хорошо обучить операторов и приступить к отправке ряда практических радиোগрам. Радиোগраммы были довольно краткими, но, видимо, содержали ингредиенты, которых ожидала «бронзовая богиня». Мензис^[52] дал указания, чтобы ему немедленно докладывали обо всех успешных результатах, и как раз в то время, когда на смену жестоким холодам этой морозной зимы пришли первые солнечные апрельские дни, оракул Блечли заговорил. Мензис вручил мне четыре полоски бумаги, каждая из которых содержала краткое распоряжение люфтваффе, касающееся назначений личного состава в части. С разведывательной точки зрения они не представляли большой ценности, если не считать мелких сведений административного характера, но для сотрудников Блечли-Парка, для Мензиса и, конечно, для меня они были как волшебный золотой клад. Чудо свершилось.
<...>

План

Стюарт Мензис попросил меня передать драгоценные первые результаты Чарльзу Меджерсту, начальнику отдела воздушной разведки министерства авиации, который вскоре был повышен в должности и стал помощником начальника разведывательного управления штаба военно-воздушных сил. Чарльз был невысок, коренаст, черноволос и обладал быстрым умом, тихим голосом и очень приятным чувством юмора. Он был когда-то моим начальником в министерстве авиации. Я его хорошо знал: в 30-х годах мы вместе совершали инспекционные поездки по Ближнему Востоку. Когда в то утро я вошел в его кабинет, он, как обычно, улыбнулся мне, и, хотя его стол был завален бумагами, я заметил, что он выкроил время для встречи со мной. Я вручил ему полоски бумаги. Он взглянул на них, но мысли его были явно заняты чем-то другим, потому что он просто вернул мне бумажки и сказал: «Надо будет добыть что-нибудь поважнее». Очевидно, он принял их за маловажные клочки информации, а не за волшебные творения, хотя Мензис рассказал ему все об «Энигме» и о наших надеждах научиться расшифровывать некоторые радиogramмы.

Еще до того как отправиться к Чарльзу, я обдумывал со всех сторон вопрос о том, как лучше использовать этот новый источник информации. С тех пор как я получил эти радиogramмы, я практически больше ни о чем не думал. Наверное, именно отсутствие интереса со стороны Чарльза побудило меня в тот же вечер засесть за разработку плана использования этих новых материалов, если, как мы надеялись, они вырастут в важнейший источник информации.

<...> Поскольку мы до сих пор получали только радиogramмы люфтваффе, я предложил в качестве первого шага попросить у министерства авиации трех офицеров из нелетного состава, знающих немецкий язык... Я предложил прикомандировать к ним одного из сотрудников моего отдела, который познакомил бы их со всеми известными сведениями о германских военно-воздушных силах и

помог бы новым сотрудникам правильно указывать наименования и места базирования эскадрилий и других частей. Поскольку ожидалось, что через несколько дней в эфире появятся передачи радиостанций немецких сухопутных войск, я высказал предложение направить запрос в дальнейшем и военному министерству относительно предоставления в наше распоряжение соответствующих офицеров... По традиции в военно-морских силах были сильны изоляционистские настроения, и идея сотрудничества с представителями двух младших видов вооруженных сил могла показаться морякам неприемлемой. Однако я считал, что, если группа начнет действовать и особенно если будет захвачена военно-морская «Энигма», появится больше шансов на присоединение представителей ВМС. Поэтому я предложил Стюарту, чтобы сначала к работе приступила группа из представителей сухопутных войск и ВВС. <...>

Те из нас, кто работал на три вида вооруженных сил в Интеллидженс сервис, давно надеялись, что когда-нибудь будет создано объединенное разведывательное управление всех трех видов вооруженных сил... Я считал, что если каждый вид вооруженных сил будет действовать сам по себе, то не удастся создать необходимый механизм для обработки возможной продукции «Энигмы» за недели, оставшиеся до начала «горячей войны», не говоря уже о том, что нельзя будет обеспечить секретность работы.

Стюарт согласился с моими доводами, но отметил, что остается опасность нарушения секретности при рассылке материалов в штабы объединений действующей армии для использования этих материалов с наибольшей пользой. Этот вопрос охватывала вторая часть моего плана, которая, как я опасался, могла вызвать возражения со стороны начальников разведывательных управлений видов вооруженных сил. Интеллидженс сервис располагала собственной сетью высокоэффективных коротковолновых радиостанций, которая обеспечивала нам прямую связь с нашими организациями почти во всех частях света. Я высказал мнение, что если можно расширить эту сеть, возложив на нее шифрование и передачу информации основным штабам вне пределов метрополии, то мне должны разрешить сформировать небольшие подразделения из подготовленных шифровальщиков и радистов и придать их этим штабам. Тем самым будет достигнута двойная цель: обеспечение прямой связи для

информации и наличие на местах офицеров, уполномоченных следить за соблюдением всех необходимых мер сохранения тайны. <...>

Вскоре после того, как приступили к работе мои коллеги из сухопутных войск и ВВС, была разгадана немецкая военно-морская «Энигма». <...>

Адмиралтейство не могло пользоваться системой СПС,^[53] так как ему приходилось посылать приказы и указания многим кораблям и конвоям в море (для этого Адмиралтейство пользовалось своими шифрами). Исключением были случаи, когда военно-морские офицеры пользовались СПС вместе с представителями сухопутных войск и военно-воздушных сил главных баз.

Тогда я счел необходимым полностью разграничить наши разведывательные данные, полученные с помощью «Энигмы», от других видов информации, которые шли под грифом «секретно» или «совершенно секретно» (американская категория «сверхсекретно» еще в практику не вошла). Поэтому я переговорил со всеми начальниками разведывательных управлений, чтобы решить, под каким грифом такая информация будет доводиться до лиц, включенных в находящийся у меня утвержденный список рассылки. Было предложено название «ультрасекретно», но окончательно договорились называть ее «Ультра». Я присутствовал при рождении нового источника информации, который оказал такое глубокое влияние на ход войны, а теперь дал ему имя. По мере роста наших успехов в разгадке «Ультра» стало ясно, что расшифровываемые нами радиogramмы исходили из самых высоких инстанций: от Гитлера и его верховного командования, от начальников штабов сухопутных войск, военно-воздушных и военно-морских сил и от командующих группами армий, воздушными флотами и танковыми группами. <...>

В течение двух долгих лет мы вели исключительно интеллектуальный поединок с гигантской германской военной машиной. Именно наши коллективные усилия создали разведывательную систему «Ультра», которая дала ключ к стратегии маршала авиации Даудинга, заключавшейся в том, чтобы измотать люфтваффе и спасти нашу авиацию от сокрушительных ударов, нацеленных на нее Герингом во время битвы за Англию. Это «Ультра» сообщила нам обо всех приготовлениях к операции «Морской лев», то

есть к вторжению в Англию. Позднее те же разведывательные данные позволили генералу Окинлеку сражаться в Северной Африке с Роммелем и его Африканским корпусом, подобно увертливому боксеру, появляясь там, где Роммель меньше всего его ожидал, и нанося сильный удар, потом исчезая, чтобы предпринять стремительную атаку в другом месте. Искусство Окинлека заставило Роммеля остановиться у самых ворот Египта. Иначе мы потеряли бы все Средиземное море вместе с разбросанными на Ближнем Востоке имперскими силами, с нефтью, военно-морскими базами и морским путем в Индию. <...>

Битва за Францию

...Даже крайне ограниченное количество информации, полученной от «Ультра» во время битвы за Францию, сыграло известную роль хотя бы в том, что показало Уинстону Черчиллю и генеральному штабу в Лондоне истинные масштабы краха Франции и ускорило решение о срочном выводе войск с континента. <...>

Примерно в начале апреля 1940 года количество радиোগрамм «Ультра» стало увеличиваться. Однако в первые дни войны «бронзовая богиня» еще не совсем созрела и действовала с перебоями. По счастливой случайности в сбитом у берегов Норвегии немецком самолете мы нашли машину «Энигма» с полным комплектом рабочих ключей. Позднее такое же ценное имущество было захвачено у немецкого танкового подразделения связи, проскочившего слишком далеко во время битвы за Францию. В мае 1941 года моряки захватили немецкую подводную лодку с машиной «Энигма» и картой рабочих ключей в полной сохранности. Это не только обеспечило нам прямой доступ ко многим радиопередачам, которые с помощью «Энигмы» осуществляли штабы военно-морских и военно-воздушных сил противника, но и оказало бесценную услугу ученым из Блечли: они смогли завершить работу над «бронзовой богиней». Мы продолжали обрабатывать небольшой, но устойчивый приток информации «Ультра» до начала 1942 года. К тому времени появилось новое поколение усложненных «богинь», которые разместились в кирпичном «храме» и обслуживались несколькими тысячами людей, работавших в условиях строгой секретности. Они, исследовав своими тонкими пальцами секреты «Энигмы», в совершенстве овладели расшифровкой всех немецких радиোগрамм.

Но тогда, в апреле 1940 года, многие радиোগраммы «Ультра» касались исключительно вопросов материально-технического обеспечения войск. <...>

В последние две недели апреля 1940 года в радиограммах «Ультра» начали фигурировать приказы о перемещении войск, и мы наконец получили конкретное доказательство, что немецкие сухопутные войска и авиация перебрасываются к западной границе... Один вопрос, который ясно вытекал из радиограмм «Ультра», касался участия люфтваффе в предстоящей операции. Два воздушных флота — люфтфлотте-2 под командованием моего старого знакомого Кессельринга и люфтфлотте-3 под командованием Шперле — вместе насчитывали свыше тысячи истребителей и около 400 пикирующих бомбардировщиков помимо 1800 бомбардировщиков дальнего действия и разных самолетов связи. Это почти вдвое превышало численность французской и английской авиации, и я знал, что Кессельринг использует эти силы так же безжалостно, как он пробивал себе путь к высокой командной должности. В воздухе нам нечего было ждать пощады...

1 мая, за восемь дней до начала германского вторжения, французский военный атташе в Швейцарии сообщил французскому генеральному штабу, что немцы начнут наступление между 8 и 10 мая и что главный удар они нанесут в районе Седана. Передали эту информацию командующим войсками или она затерялась в генеральном штабе, я не знаю. Я никогда не слышал об этом в то время — был очень занят разведкой. На этом этапе «Ультра», разумеется, хранила молчание относительно оперативных приказов. Очевидно, не было необходимости передавать их по радио: каждый командир дивизии, должно быть, в точности знал, что ему делать, и, без сомнения, широко использовались телефоны. Кроме того, немцы отлично понимали необходимость поддерживать объем радиопередач на обычном уровне, чтобы обеспечить скрытность подготовки к наступлению. Несмотря на предупреждение военного атташе, французы, как мне кажется, не вели никакой воздушной разведки. <...>

В роковой день 10 мая, показавший полную силу наступления немецкой группы армий «Б» под командованием генерала фон Бока, оттеснившей союзников в Бельгии, началось также продвижение танковой армады фон Клейста через Арденны. К 11 мая союзники отступили в Бельгии на заранее подготовленный рубеж обороны, 13 мая группа армий «Б» одержала победу над французскими войсками в

большом танковом сражении, но прорваться немцам не удалось. Казалось, что линия обороны союзников теперь держится, но западня была готова вот-вот захлопнуться. 14 мая генерал Вальтер фон Браухич послал Рейхенау радиограмму с распоряжением продолжать наступление на фронте 6-й армии, а 15 мая поступило сообщение, что мощный танковый удар под Седаном завершился прорывом немцев. <...>

19 мая немцы форсировали Шельду у Антверпена. В тот же день генерал Гамелен был снят с поста главнокомандующего французской армией и заменен генералом Максимом Вейганом.

Утром 23 мая была перехвачена и расшифрована важнейшая радиограмма главного командования сухопутных войск. Генерал фон Браухич, который видел общую картину смятения союзников, приказывал обеим группам армий «со всей решительностью продолжать наступление в целях окружения противника». <...>

Лорд Горт впоследствии говорил мне, что первая радиограмма Браухича повлияла на его решение как можно скорее двинуться к морю. Он знал, что, если английские экспедиционные силы будут разгромлены и пленены, ничто не сможет помешать оккупации Англии нацистами, при условии что они смогут переправиться через Ла-Манш. Лорд Горт был настоящим солдатом, исполненным решимости спасти своих людей, а может быть, и страну от опасности, угрожающей всему Западу. Для Черчилля радиограммы Браухича тоже послужили сигналом к ускорению операции «Динамо» и сосредоточению мелких судов для эвакуации войск из Дюнкерка. Мы знали из радиограмм «Ультра», что Браухич не блефует, и тот факт, что и другие благодаря «Ультра» были теперь убеждены в опасности, стал крайне важным новым фактором в ведении войны. <...>

Я считаю, что в период с 1934 года до падения Франции политические деятели и генеральный штаб очень мало использовали данные, добытые разведкой. К счастью, во время битвы за Францию «Ультра» с честью выдержала свой первый экзамен. Она показала, как мы и подозревали, что в нашем поле зрения будет связующее звено между Гитлером и высшими штабами видов вооруженных сил. <...>

Характер радиопередач в системе «Ультра» начал вырисовываться во время битвы за Францию. Очевидно, существовало правило, что все

командующие армиями и группами армий должны ежедневно представлять донесения об обстановке главнокомандованию сухопутных войск или верховному главнокомандованию. Эти донесения часто подтверждали то, что нам уже было известно. Вместе с тем они позволяли нашим командующим на фронтах проверять уже имеющиеся сведения, а в ходе войны давали возможность премьер-министру и начальникам штабов в Лондоне оценивать общую обстановку. <...>

К августу 1940 года Черчилль отбросил все свои предвзятые идеи, основанные на опыте войны 1914–1918 годов. Не могу сказать, полностью ли он соглашался со своими начальниками штабов, но знаю, что, получив в руки «Ультра», он стал сам руководить военными действиями. Так было до конца 1942 года.

Битва за Англию

После падения Франции в перехвате радиোগрамм на короткое время наступило затишье. Расшифрованные радиোগраммы касались преимущественно дислокации войск и штабов во Франции для оккупационных целей и в то время не представляли для нас большого интереса. Однако вскоре начал увеличиваться поток радиোগрамм люфтваффе, и объем работы вырос. В середине июля «Ультра» выдала радиোগрамму, которую мы все ждали. Ее, очевидно, передали под большим секретом из ставки Гитлера главнокомандующим сухопутными, военно-морскими и военно-воздушными силами. Однако Геринг передал по радио ее суть генералам, командовавшим воздушными флотами. В своей радиোগрамме он сообщал, что, несмотря на безнадежное военное положение, Англия не проявляет признаков готовности заключить мир. Поэтому Гитлер решил подготовить и, если потребуется, провести против Англии десантную операцию.

Цель операции — устранить Англию как базу, с которой могут продолжаться военные действия против Германии, и, если потребуется, полностью ее оккупировать. Операция будет называться «Морской лев». Я тотчас отправил текст этой радиোগраммы премьер-министру. В ней впервые было употреблено название «Морской лев», и теперь нам стало гораздо легче опознавать любые действия, связанные с планом вторжения. Бесспорно, именно эта радиোগрамма подала Черчиллю мысль выступить со своей знаменитой речью, в которой он заявил немцам, что мы будем бить их на побережье и повсюду. <...>

«Ультра» давала нам общую картину и множество деталей. Теперь министерство авиации могло получить практически точную информацию о группировке воздушных флотов, включая данные об аэродромах базирования авиационных частей. В этом ему помог целый ряд перехваченных радиোগрамм разных немецких эскадрилий. Теперь,

когда немецкие авиационные части располагались не так далеко от Англии, можно было запеленговать радиостанции и, таким образом, установить точно их местонахождение. Мы также знали через «Ультра», что предпринимаются лихорадочные меры для доведения эскадрилий до штатной численности, но вследствие плохой работы ремонтной и снабженческой служб количество боеготовых самолетов составляло лишь около 75 процентов. Отсюда можно было сделать вывод, что, хотя на бумаге Англии противостояло около 3 тысяч самолетов, в том числе около 1800 бомбардировщиков, вероятно, только три четверти этого количества боеспособны в данный момент, а если потери будут превышать пополнение, то процент боеготовности, очевидно снизится. Из многих секретных источников информации, включая сведения, полученные мной от Эриха Коха, было ясно, что Гитлер нападет на Россию весной 1941 года и если он хочет своевременно закончить операцию «Морской лев», чтобы успеть перебросить главные силы на Восток, то должен начать вторжение в Англию не позднее середины сентября. Времени оставалось не так много. <...>

К концу июля стали попадаться радиограммы, свидетельствующие о разногласиях между командованием сухопутных войск и командованием военно-морских сил относительно того, как удовлетворить огромные потребности в судах для морских перевозок, но из поступающих теперь радиограмм «Ультра» было ясно, что главное внимание по-прежнему уделяется действиям авиации. Исходя из того, что против нас нацелены огромные воздушные флоты, а командование сухопутных войск и командование военно-морских сил Германии никак не могли договориться о взаимодействии, мы могли догадываться, что решающую роль сыграют бои в воздухе. Это был обнадеживающий признак, и, я думаю, каждый, включая премьер-министра, считал, что, если мы сумеем отразить попытки Геринга уничтожить наши военно-воздушные силы, Гитлер, вероятно, вовсе откажется от идеи вторжения в Англию.

Следующее важное распоряжение Геринга поступило 1 августа 1940 года и подтвердило это мнение. Он приказывал люфтваффе разгромить английские военно-воздушные силы любой ценой и как можно скорее. <...>

В августе началось сосредоточение барж. Было ясно, что если за воздушным сражением должно последовать вторжение с моря, то потребуется огромное количество морских транспортных средств. Из сообщений «Ультра» было также ясно, что германская армия имела туманное представление о том, что в действительности требуется для крупной десантной операции. <...> Радиограммы стали язвительными, и начала вырисовываться общая картина крайней спешки в организации вторжения. <...>

8 августа Геринг отдал приказ о проведении операции «Адлер» («Орел»): «От рейхсмаршала Геринга всем частям 2, 3 и 5-го воздушных флотов. Операция “Адлер”. Через короткое время вы очистите небо от английской авиации. Хайль Гитлер». Через час в расшифрованном виде этот приказ был доложен начальникам штабов видов вооруженных сил Великобритании и премьер-министру... Хотя сигнал был дан, больших, массированных налетов, ожидавшихся 11 августа, не последовало. <...>

12 августа поступила радиограмма, в которой 13 августа вновь называлось днем «Орла». В ней указывалось, что люфтваффе-2 атакует аэродромы в Кенте и в районе Темзы, а люфтваффе-3 — далее к западу. Но утром 13 августа Геринг вдруг приказал отложить налеты до второй половины дня. Возможно, это было связано с плохой погодой, а может быть, Геринг хотел успеть на побережье, чтобы наблюдать, как полетит его армада. Во всяком случае, нарушился порядок. Перехваченная нами радиограмма Геринга, видимо, не дошла до некоторых немецких авиационных частей, и утренний налет прошел неорганизованно. Тем не менее к концу этого дня нашей авиации хватило работы.

Следующий день был спокойнее, но вечером Геринг, должно быть, решил назавтра дать настоящее большое представление. Оно не состоялось 11-го из-за погоды, а 13-го — из-за неразберихи с передачей приказа. Теперь он, наверное, руководил операцией сам и на этот раз рассчитывал не допустить ошибок. Радиограмма «Ультра» точно указывала, что в налете будут участвовать 2, 3 и 5-й воздушные флоты; разосланные Герингом приказы предупредили нас, что удары будут тщательно спланированы по времени, чтобы держать наши силы обороны в напряжении весь день. Первый налет на аэродром в Кенте

должна была совершить утром под прикрытием истребителей группа из 40 самолетов 2-го воздушного флота. Затем, вскоре после полудня, более крупная группа бомбардировщиков 5-го воздушного флота под прикрытием истребителей должна была нанести удар по аэродромам на северо-восточном побережье. Когда стало ясно, что 5-й воздушный флот будет действовать в этом районе, Даудинг^[54] предупредил Трэффорда Ли-Мэллори и Ричарда Сола, командира 13-й группы, которые размещались на северо-восточном побережье. Второй налет 5-го воздушного флота с баз Дании намечалось произвести спустя час после первого. Первый удар 5-го воздушного флота был нанесен из Норвегии, но благодаря заблаговременному предупреждению «Ультра» и точному обнаружению противника радиолокаторами дальнего действия самолеты были перехвачены 13-й группой еще далеко в море. Хотя нескольким бомбардировщикам удалось прорваться, противник потерял из 100 самолетов 15.

Дальность действия немецких бомбардировщиков была слишком велика и не позволяла противнику использовать истребители для прикрытия. Второй налет 5-го воздушного флота из Дании встретила 12-я группа. Противник и на этот раз причинил нам некоторый ущерб, но потерял 8 из 50 самолетов. Английская авиация не понесла никаких потерь, и после этого 5-й воздушный флот больше не пытался прорваться в Англию. После полудня опять наступила очередь 2-го воздушного флота, и в соответствии с планом последовали два налета с интервалом в один час на Эссекс и Кент. Около 5 часов вечера вступил в действие 3-й воздушный флот. До 80 бомбардировщиков с сильным прикрытием совершили мощный налет на южное побережье западнее Портсмута, и примерно в половине седьмого вечера 2-й воздушный флот нанес еще один удар по аэродромам Кента. Эти массированные налеты — совершенно очевидно — имели целью поднять в воздух как можно больше английских истребителей. Геринг хотел быстро расправиться с нами. Если бы Даудинг попался на эту удочку, потери были бы больше, чем могли себе позволить английские военно-воздушные силы. Даудинг решил отражать каждый налет небольшим количеством истребителей. <...>

Благодаря тактике Даудинга мы смогли так долго выдерживать удары по аэродромам. Разумеется, когда определялась организация

истребительного авиационного командования, никто не ожидал, что в нашем распоряжении окажется такое средство, как «Ультра». Поэтому «Ультра» явилась для Даудинга подлинным даром. Она давала ему бесценную общую картину вражеского наступления и кроющийся за ним стратегии. Кроме того, она позволяла получить некоторые сведения об истинных потерях противника. Это становилось ясно из заявок на пополнение самолетами и экипажами разных соединений. Причина, по которой проводилась операция «Адлер», была совершенно ясна: операция «Морской лев» не могла состояться до тех пор, пока не будет уничтожена английская авиация, а наши самолеты продолжали подниматься в воздух. <...>

Теперь, когда битва за Англию была в разгаре и шли другие подготовительные действия к операции «Морской лев», радиogramмы «Ультра» указывали на продолжающееся отсутствие взаимодействия и сотрудничества между командованием сухопутных войск и командованием военно-морских сил. Казалось, они были не способны договориться о планах морской десантной операции, причем командование сухопутных войск постоянно находило препятствия своим широким транспортным мероприятиям. «Ультра» рисовала картину беспорядка, и это нас ободряло.

Геринг, все еще, видимо, убежденный, что может выполнить задачу силами люфтваффе, не проявлял особого интереса к планам командования сухопутных войск. «Ультра» давала нам много полезных сведений: войска двигаются к берегу; транспортные самолеты сосредотачиваются для крупных воздушных перебросок; всевозможные предметы снабжения теряются во время перевозок по железным дорогам; остаются трудности с получением и установкой двигателей на баржи; командование военно-морских сил продолжает требовать рассредоточения барж, чтобы обезопасить их от ударов английской авиации. <...> Утром 18 августа «Ультра» предвещала повторение массированных налетов по плану операции «Адлер». Даудинг был заранее предупрежден. В воздух поднялись английские самолеты, и люфтваффе за один день понесли самые тяжелые до сих пор потери. <...>

С моей точки зрения, способ ведения боя, применяемый Даудингом, не вызывал никакого сомнения, а его понимание и истолкование

сообщений «Ультра» вносило важный вклад в наши успехи на этом этапе войны. Соображения секретности требовали, чтобы лишь очень немногие люди имели доступ к расшифрованным радиограммам Геринга, и, наверное, некоторые молодые летчики из центральных районов страны считали, что вся слава достается их товарищам на юге.

Я видел, что Даудинг и Кейт Парк чрезвычайно осторожно обращаются с сообщениями «Ультра», никогда ничем не выдавая, что источником совершенно секретных предупреждений, которые передаются командирам главных секторных аэродромов, являются перехваченные радиограммы. <...>

30 и 31 августа. Геринг, должно быть, начал терять терпение. Он снова взял в свои руки управление воздушными флотами, и, к счастью, мы заблаговременно узнали о предстоящих гигантских рейдах. Положение наших военно-воздушных сил было отчаянным. Мы знали, что, если люфтваффе сумеют еще одну-две недели выдержать темп, взятый ими в течение последних двух недель, мы вполне можем оказаться перед лицом катастрофы. Но люфтваффе тоже зализывали раны. По данным «Ультра», немецкий самолетный парк уже не пополнялся. Организация ремонта и снабжения не была рассчитана на такую войну. По мнению Геринга, битва за Англию должна была закончиться за две недели и с небольшими потерями для люфтваффе. Теперь у немцев осталось в строю едва 50 процентов самолетов. Это были важные сведения. Они свидетельствовали о том, что, несмотря на отчаянное положение наших военно-воздушных сил, люфтваффе были сломлены; их моральный дух тоже пострадал.

Тогда — в последней попытке сломить нашу авиацию — Геринг совершил свою величайшую за всю войну ошибку. Если бы он продолжал наносить удары по аэродромам Южной Англии еще две недели, то он вполне мог бы уничтожить наши оставшиеся истребители. Но в 11 часов утра 7 сентября Геринг отдал приказ Кессельрингу, перехваченный и расшифрованный нами, произвести налет 300 бомбардировщиков на лондонские доги, обеспечив при этом массивное истребительное прикрытие. Налет был назначен на конец дня и, по мнению Геринга, должен был привести к уничтожению последних английских истребителей.

Благодаря «Ультра» радиограмма Геринга попала в руки премьер-министра и Даудинга через несколько минут после отправки. <...>

Премьер-министр решил лично наблюдать за налетом. Он спросил по телефону, нет ли более точных сведений о времени налета, но я мог только предполагать, что он состоится между 4 и 5 часами вечера. Был один из ясных сентябрьских дней. Я знал, что Черчилль наблюдает за развитием событий с крыши министерства авиации в Уайтхолле, то есть недалеко от здания Интеллидженс сервис, с крыши которого вел наблюдение я. Предвечернее солнце освещало волны вражеских бомбардировщиков, летевших высоко над Темзой в направлении доков — объекта, указанного в приказе Геринга. Это был фейерверк среди бела дня. Все речные пожарные суда были скрытно собраны, все пожарные машины в округе тайно подняты по тревоге. Несмотря на то что наши истребители сновали высоко в небе, одно лишь численное превосходство давало противнику возможность сбрасывать бомбы в наиболее уязвимые места города. Над доками поднимались облака черного и белого дыма, мощный гул рвущихся бомб эхом раздавался по всему городу. Лондон впервые переживал массивную бомбардировку. <...>

Операция «Морской лев»

Прошел месяц с начала массированных налетов дня «Орла», месяц туго натянутых нервов, надежд, что кто-нибудь, может быть Геринг, передаст по радио планы вторжения, хотя по расположению барж и устройств для погрузки самолетов нетрудно было догадаться о районах вторжения.

Было также ясно, что вторжение должно состояться теперь или, как мы надеялись, никогда. 14 сентября дожди утихли, но погода еще не настолько улучшилась, чтобы можно было провести массированный налет. Но в воскресенье 15 сентября все предвещало, увы, идеальный день для немецких самолетов — облачный, но с достаточными разрывами, чтобы не сбиться с пути. Рука Геринга направляла последний, как он надеялся, удар. К середине дня бомбардировщики волна за волной пошли на Лондон.

Даудинг, правильно оценив обстановку — низкое моральное состояние экипажей немецких бомбардировщиков, отсутствие достаточного прикрытия вследствие малой емкости баков истребителей, отчаянное положение наших военно-воздушных сил, — а также понимая, что операция «Морской лев» может состояться теперь или никогда, бросил в бой все, что имел. 11-я группа атаковала немецкие самолеты у побережья, а 12-я группа, действовавшая теперь целыми эскадрильями, перехватила их около Лондона. Непредвиденно большое количество наших истребителей было тяжелым ударом для люфтваффе: ведь немецким летчикам все время говорили, что у нас ничего не осталось. Они в панике повернули назад. Геринг, наверное, пришел в ярость. Он тут же приказал повторить налет и на этот раз выполнить задачу до конца. Его радиোগрамма была своевременно перехвачена. Это был как раз тот случай, когда быстрое действие «Ультра» и прямая связь с Даудингом сыграли историческую роль. Истребители пополнились горючим и боеприпасами и были готовы встретить вторую волну. Немецкие самолеты снова сбросили бомбы

где попало и обратились в бегство. Это был потрясающий день. Ходили слухи, будто адмиралы собираются охранять памятник Нельсону на Трафальгарской площади, чтобы статую на ее вершине не заменили статуей Даудинга. Однако он не удостоился чести, которую заслужил в немалой степени благодаря умелому обращению с информацией «Ультра»...

Сигнал «Кромвель», предупреждающий о начале вторжения, оставался в силе. Одним из главных признаков подготовки немцев к вторжению были широкие приготовления на бельгийских и голландских аэродромах к погрузке транспортных самолетов, которые, как предполагалось, к тому времени смогут беспрепятственно доставлять войска и предметы снабжения в Англию. Утром 17 сентября офицер, руководивший этими работами в Голландии, получил радиограмму от генерального штаба, в которой было сказано, что Гитлер разрешил демонтировать устройства для погрузки самолетов на голландских аэродромах. Это была довольно короткая радиограмма, но ее значение было так велико, что Хамф^[55] передал мне ее по телефону, как только ее расшифровал. Она требовала некоторых разъяснений, чтобы Черчилль мог понять ее смысл. Поэтому я отметил все ее значение в своей аннотации. Если погрузочное устройство демонтируется, вторжение не может состояться. <...>

Угроза вторжения миновала, но дел не убавилось. Зимой 1940/41 года ночь за ночью Геринг мстил нам массированными бомбардировками. <...>

«Ультра» не приносила сведений о намечающихся ночных бомбардировках. Налеты продолжались весь конец сентября и октябрь. В половине седьмого вечера все ждали ужасающего воя бомб. В ноябре, поскольку налеты на Лондон, по-видимому, не давали желаемого эффекта, Геринг решил начать бомбардировки других больших городов. Иногда мы заранее узнавали о таком налете, но точное наименование объекта бомбардировок кодировалось, а кода мы, конечно, не знали.

Однако около 3 часов дня 14 ноября кто-то, по-видимому, допустил промах, и вместо обычного кодового названия города в радиограмме был упомянут город Ковентри. <...> Официальная история гласит, что

министерство авиации было предупреждено о налете за два дня. Что касается «Ультра», то время налета было известно точно.

Был еще один налет, о котором мы узнали через «Ультра». Он вызвал второй большой пожар в Лондоне в декабре 1940 года. <...>

Я думаю, правильно говорят, что, если бы мы проиграли битву за Англию, нам пришлось бы капитулировать точно так же, как позднее пришлось бы капитулировать, если бы мы проиграли битву за Атлантику. Многих утешала мысль, что в этот критический период у руля стоял Даудинг. <...> Ведь именно он выиграл битву за Англию, и именно он сохранил секретность операции «Ультра».

Анри Гутар

Падение Франции 20 мая—25 июня 1940 года^[56]

После сражения у Дюнкерка генерал Вейган, вступивший в командование французскими войсками 19 мая по возвращении из Бейрута, получил возможность оценить обстановку. В результате потерь, понесенных в боях, сдачи в плен сотен тысяч на реке Маас и на севере, капитуляции 1-й армии в Лилле и, наконец, эвакуации более 100 тысяч французских войск из Дюнкерка силы французской армии на фронтах серьезно сократились.

Потери включали 24 пехотные дивизии (13 из них активных, в том числе шесть из семи моторизованных дивизий, бывших на фронте на 10 мая), все три легкие механизированные дивизии, две легкие кавалерийские и одну бронетанковую дивизию. Кроме того, мы лишились ценной поддержки английских дивизий, исключая 51-ю пехотную и бронетанковую дивизии, которые, будучи отрезаны от остальных войск армии лорда Горта, не смогли эвакуироваться и продолжали сражаться в нижнем течении реки Сомма, пока в конце концов не возвратились в Англию.

На фронте протяженностью 360 километров от берега моря до «линии Мажино» мы располагали 43 активными пехотными дивизиями (некоторые из них понесли тяжелые потери), тремя легкими кавалерийскими всего с 36 бронеавтомобилями (из штатных 112) и тремя бронетанковыми дивизиями с 40 танками (из штатных 200). Для удержания «линии Мажино» от Мозеля до Юры у нас имелось всего 17 дивизий — только одна из них активная — вместе с войсками, оборонявшими форты «линии Мажино». Тем временем в тылу французских армии остатки бельгийской и Мааской армий переформировывались в семь легких пехотных дивизий. Их переформирование должно было закончиться к 15 июня. К этому времени, по мнению Вейгана, наличные силы составят всего 60 дивизий против 130 немецких дивизий, в том числе 10 танковых. Но предоставит ли противник нам это время — до 15 июня — для перегруппировки сил? В любом случае в связи с его превосходством в численности и вооружении предстоящее сражение было бы безнадежным для нас и возможно было только одно решение.

«После Дюнкерка, — писал генерал Гамелен^[57] и имел для этого основания, — мы не смогли бы удерживать фронт между Соммой и Эной остававшимися у нас силами. Таким образом, у нас оставалось

только два выхода: либо просить перемирия, или отступить в колониальные владения Франции. Только второе решение было достойно Франции, но в этом случае нельзя было медлить; следовало создать плацдармы, прикрывающие наши порты, и немедленно приступить к эвакуации... Наше восстановление зависело от колониальных владений и Англии».

Для этого, по-видимому, необходимо было завязать оборонительное сражение на Сомме и Эне с последующим отступлением вдоль главной оси, что дало бы нам месяц отсрочки для перевозки наших войск в Северную Африку по Средиземному морю и мобилизации ресурсов нашей империи. Эти ресурсы могли бы изменить обстановку к концу июня 1940 года и позже.

Однако генерал Вейган иначе представлял себе будущее. 24 мая он сказал секретарю военного кабинета Бодуэну: «Оставшиеся у нас пятьдесят дивизий образовали бы непрочную линию фронта, что в случае неизбежного прорыва затруднило бы организованное отступление и отход в необходимом направлении, даже если бы он был подготовлен заранее». Далее он пришел к такому заключению: «Армия должна твердо удерживать позиции на Сомме и Эне, а когда ее сопротивление будет сломлено, оставшиеся очаги сопротивления должны держаться до конца, чтобы сохранить нашу честь».

25 мая на заседании Военного комитета он открыл прения, внося невероятное предложение: «Сократить протяженность фронта, избрав либо линию, идущую от морского побережья до Луары, с правым флангом, висящим в воздухе, и оставив “линию Мажино”, либо удерживать линию фронта, включающую “линию Мажино”, но оставив при этом Париж». Это означало создать либо правую, либо левую часть плотины, чтобы удержать наводнение.

Стоять насмерть

Затем Вейган, отказавшись от своего же предложения, также отверг предложение отступить с линии Сомма—Эна до линии Сена—Марна «в связи с отсутствием резервов для осуществления планомерного отступления», хотя много отступлений с такими же резервами осуществлялось ранее и впоследствии в период между 1941 и 1945 годами. Таким образом, он возвратился к своему решению, выдвинутому в предыдущий день: «Удерживать существующую на данный момент позицию. Она может быть прорвана... тогда должны быть образованы отдельные очаги сопротивления. Каждая часть армии должна с честью обороняться до конца».

В своих мемуарах Вейган объясняет: «Я с самого начала имел в виду это решение: стоять насмерть на позиции между Соммой и Эной». Но что же произойдет после частичной капитуляции, ведь ясно, что не каждый будет стоять насмерть? 26 мая генерал сказал Бодуэну: «Если мы не устоим, мне предстоит мрачная перспектива встретиться с немцами в Компьене, как двадцать два года назад, но в противоположной роли». (Вейган присутствовал при подписании немцами капитуляции в 1918 году в железнодорожном вагоне в Компьене.)

Каковы были планы Гитлера? Атакуют ли немцы Англию после Дюнкерка, используя «безопасный коридор», созданный люфтваффе, минными заграждениями и подводными лодками, или сосредоточат свои усилия на уничтожении французов? Гитлер, который стремился к союзу с Англией, как он заявил в штабе Рундштедта в Шарлевиле 24 мая, несомненно, предпочитал уничтожить ее «континентальный меч» — Францию, а затем заставить Англию присоединиться к нему. Во всяком случае, еще 29 мая в Камбре он проинформировал командующих группами армий о своем решении быстро «перегруппировать танковые соединения для развития действий в южном направлении, чтобы покончить счеты с французской армией».

В соответствии с этим решением танковые силы немцев были выведены из Фландрии, и генерал Бок, оставив свою 18-ю армию добивать противника в Дюнкерке, отвел подчиненные ему 4, 6 и 9-ю армии на реку Сомму, удлинив фронт группы армий Рундштедта (2, 12 и 16-я армии), уже развернутых на реках Эна и Элет. Десять танковых дивизий были организованы в пять танковых корпусов, три из которых были приданы Боку и два Рундштедту.

Под командованием Бока 15-й танковый корпус генерала Гота занял исходную позицию в нижнем течении Соммы между морским побережьем и Амьеном в направлении низовья Сены. Два других танковых корпуса (14-й и 16-й — группа Клейста) развернулись в среднем течении Соммы и с плацдармов Амьена и Перонне двинулись в направлении на Париж. Вслед за ними танковая группа Гудериана (34-й и 41-й танковые корпуса) форсировала Эну и развернула наступление в юго-восточном направлении к швейцарской границе, заходя в тыл «линии Мажино» и французским восточным армиям.

Со своей стороны Вейган принял следующую диспозицию:

на левом фланге 3-я группа армий (Бессон) должна была прикрывать пути к низовью Сены и Парижу силами 10, 7 и 6-й армий, располагавшихся на фронте от района низовья Соммы до Невшателя;

в центре 4-я группа армий (Хюнтцигер) силами 4-й армии имела задачу прикрывать направление на Лангр, находясь в районе реки Эна; 2-я армия оставалась южнее Седана;

на правом фланге 2-я группа армий должна была защищать «линию Мажино» и Рейн силами трех армий: 3, 5 и 8-й.

Хотя «линия Мажино» была сильна, наш новый фронт, обращенный на север между рекой Маас и морем, был слабее, в особенности его левый фланг. На реке Эна — рубеж, который наши войска заняли 16 мая, — мы имели время для организации обороны, тогда как на реке Сомма этого времени не оказалось. Здесь мы не могли прикрыть бреши, имевшиеся в обороне, потому что на южном берегу Соммы немцы захватили обширные и неприступные предмостные плацдармы у Амьена и Перонне, с которых они в любое время могли перейти в наступление. Кроме того, плотность наших оборонительных линий была мала: всего одна дивизия на каждые 11–15 километров фронта.

Последнее прибежище: «очаги сопротивления»

Французские резервы, способные закрыть брешь в линии фронта или перейти в контратаку, были исключительно слабы. Поэтому, чтобы компенсировать недостаточность сил, способных оказать сопротивление немецким танковым соединениям, Вейган распорядился создать систему опорных пунктов, названных «очагами сопротивления»; созданные в населенных пунктах и лесных массивах и вооруженные 75-мм пушками в качестве противотанковых средств, эти опорные пункты должны были продолжительное время оказывать сопротивление противнику, даже будучи обойдены с флангов и окружены. «Эта система, — писал генерал Рекуин, — была лишь последним прибежищем, позволявшим этим слабым, но отважным войскам с честью оказать сопротивление, прежде чем быть сокрушенными».

Поэтому было необходимо, писал впоследствии генерал де Голль, не только завязать чисто оборонительное сражение в стиле 1918 года, но и отказаться от идеи создания непрерывного фронта и маневрировать, маневрировать... Фактически он предложил генералу Вейгану создать из еще остававшихся в строю 1200 танков и нескольких пехотных дивизий две контратакующих группировки: одну севернее Парижа и вторую южнее Реймса — и «наносить неожиданные удары на флангах того или иного из немецких механизированных корпусов, которые, продвигаясь вперед после прорыва наших оборонительных линий, оказались бы расчлененными по фронту и растянутыми в глубину».^[58]

На рассвете 5 июня люфтваффе яростно атаковали позиции и тылы французской 3-й группы армий, а танковые соединения немцев с плацдармов в Амьене и Перонне перешли в наступление, используя мосты, уцелевшие от разрушения и находившиеся к западу от Амьена. Фюрер тут же объявил по радио: «Сегодня началось второе большое наступление с использованием новых огромных ресурсов!»

Немцы не замедлили обнаружить, что у противника что-то изменилось. К этому времени французские солдаты, получившие боевой опыт и сосредоточенные в опорных пунктах, начали оказывать упорное сопротивление и французские 75-мм пушки стали наносить большие потери немецким танковым частям. «Французы оказывают сильное сопротивление», — писал генерал Лист.^[59] «Нигде не видно признаков деморализации. Мы являемся свидетелями появления новой французской тактики ведения боя».

В 13.00 командующий французской группой армий донес: «Хотя немцы просочились в наше расположение, опорные пункты держатся. На западе 15-й танковый корпус был остановлен на второй линии обороны, в 12 километрах от Соммы. В центре 14-й и 16-й танковые корпуса задержаны на первой линии обороны. На востоке войска 9-й немецкой армии остановлены в районе Шмен-де-Дам».

На следующие сутки, хотя в центре французы продолжали сдерживать оба танковых корпуса противника, на флангах сопротивление французов ослабло. На западе 15-й танковый корпус немцев подавил опорные пункты 10-й армии, обойдя и окружив две дивизии, удерживавшие левый фланг французов. На востоке немцы оттеснили войска 6-й армии на южный берег Эны. «К вечеру, — пишет Вейган, — под влиянием этих успехов противника на наших флангах я должен был принять решение отступить на рубеж рек Авр — Эна. Наши резервы оказались слишком слабы и не смогли предотвратить прорывы противника в наше расположение».

Утром 7 июня 17-я танковая дивизия немцев, обойдя опорные пункты на левом фланге французских сил, достигла пункта, расположенного в 40 километрах от Руана!

Контрнаступление, предпринятое наспех сформированной группой, состоявшей из остатков танковой дивизии, трех легких кавалерийских и одной пехотной дивизии, оказалось безуспешным, и 51-я шотландская пехотная дивизия и 9-й корпус оказались отрезанными от 10-й армии. На востоке мы еще удерживались на реках Авр, Уаза и в нижнем течении реки Эна. Получив донесения о происшедших изменениях обстановки, военный кабинет решил, что сражение проиграно.

Действительно, сражение на Сомме было проиграно. 8 июня 7-я танковая дивизия Роммеля, прорвав фронт, потеснила 10-ю армию, расколов ее на две части, одна из которых откатилась в направлении на Гавр, а другая — на юг в направлении на Понтуаз. Разрыв фронта французов в низовье Сены еще более расширился. Вейган начал принимать меры по ликвидации этой брешы и прикрытию Парижа.

На востоке, после форсирования Эны, немцы образовали плацдарм в Суассоне. 6-я французская армия отступила к реке Марне. 3-я группа армий образовала фронт в секторе нижнего течения Сены и на Марне, прикрыв Париж. «Если этот фронт будет прорван, — заявил Вейган, — координированная оборона этой территории будет невозможна».

9 июня танки Роммеля вышли на правый берег Сены у Эльбёфа. Полностью изолированный левый фланг 10-й французской армии был прижат к морю в районе западнее Дьеппа и после неудачной попытки эвакуироваться морем 12 июня капитулировал перед танками Роммеля.

Диспозиция французских войск сложилась следующим образом: от побережья моря до Вернона — 10-я армия; в прикрытии Парижа — 7-я и Парижская армии; на реке Марна — 6-я армия. К утру 9 июня сражение завязалось к востоку от Эны; теперь наступила очередь вступить в бой группе армий Рундштедта, причем в результате сопротивления французских войск, на двое суток задержавшего продвижение немецких 14-го и 16-го танковых корпусов к югу от Амьена, эти корпуса были отобраны у Бока и переданы в группу армий Рундштедта. Теперь в его подчинении находилось четыре танковых корпуса из пяти. Все они были брошены в наступление на Шампань. Главная сцена боевых действий переместилась на восток.

Сражение на реке Эна

На реке Сомма благодаря наличию захваченных ранее плацдармов немцы получили возможность перейти в наступление своими танковыми соединениями без предварительной подготовки. На реке Эна немецкой пехоте понадобилось проложить путь для танков, и 9 июня пехотные части 12-й армии атаковали позиции 4-й французской армии на Эне в районе Невшателя.

На нашем правом фланге 14-я пехотная дивизия отбросила немецкие части, форсировавшие реку, и захватила 800 пленных. В центре на различных участках фронта 2-я дивизия также отбила все атаки, а именно в этом секторе 39-й и 41-й танковые корпуса Гудериана должны были форсировать Эну.

Лишь к концу суток, узнав о захвате небольшого плацдарма на одном из участков левого берега реки, Гудериан решил за ночь переправить на этот участок 1-ю танковую дивизию с задачей начать наступление в 10 часов следующего дня, за этой дивизией должна была последовать 2-я танковая дивизия. Вечером начальник штаба сухопутных войск вермахта Гальдер записал: «...противник ожесточенно сопротивляется по всему фронту».^[60]

Однако Вейган, по-видимому, не считал, что продолжительное сопротивление возможно. На совещании 9 июня он сообщил: «Наши армии ведут последний оборонительный бой. Если он будет проигран, они будут обречены на быстрое уничтожение». В этот вечер он подготовил доклад председателю Военного комитета для вручения на следующий день. В нем говорилось: «Окончательный прорыв наших фронтов может произойти в любой момент... Наши армии в этом случае будут сражаться до конца, но их полный разгром был бы вопросом времени».

В 6.00 10 июня 1-я танковая дивизия немцев переправилась на левый берег Эны, за ней последовала пехота. Вслед за этим они перешли в наступление на вторую линию обороны 4-й французской

армии. «Наши танки не встречают сопротивления на открытой местности, — писал Гудериан, — потому что, согласно новой тактике французов, они организуют оборону в населенных пунктах и лесных массивах и у этих опорных пунктов наша пехота встречает упорное сопротивление: бои идут за каждый дом и каждое укрепление».

Однако к 16.00 французские опорные пункты были подавлены, и немецкие танки продолжили наступление. Примерно часом позже они были атакованы с фланга французской бронетанковой группой. «Однако, — доносил французский командир, — наши танки пришли слишком поздно. Они вскоре были обнаружены, и элемент внезапности был потерян. Завязалась беспорядочная схватка, в которой наши тяжелые танки “В” — сильнейшие в мире в тот период — нанесли тяжелые потери немецким танковым частям». Гудериан, сам попавший в эту схватку, так описывает эту сцену: «В одном пункте я безуспешно пытался вывести из строя танк “В” с помощью трофейной французской противотанковой 47-мм пушки, однако все снаряды рикошетом отскакивали от толстой брони французского танка! Трофейные 37-мм и 25-мм пушки также оказались неэффективными. В связи с этим мы понесли тяжелые потери».

Французские танки продвинулись на 3–4 километра, выручив полк, попавший в окружение в ближайшей деревне, и уничтожили около ста немецких танков и бронев автомобилей. Однако противнику было дано время для перегруппировки его сил в тылу, и поскольку это не было своевременно обнаружено, дальнейшие действия французских танков были нерешительными. «Здесь, в районах Седана и Динана, — докладывал начальник штаба Северо-Восточного фронта, — наши механизированные части не имели возможности использовать эффективно свою ударную мощь. Перед подавляющим численным превосходством противника наши танки и пехота были бессильны изменить ход борьбы, несмотря на блестящие успехи местного характера».

Тем временем 2-я танковая дивизия немцев, в свою очередь развернувшись со своего исходного плацдарма, во второй половине дня подошла к северной окраине Реймса, тесня 6-ю французскую армию к Марне. Обойденная с левого фланга, наша 4-я армия должна была оставить позиции на Эне, поддерживая при этом связь с 6-й

армией слева и 2-й армией справа. К сожалению, только остатки поредевших и изнуренных частей достигли новой линии фронта, шедшей по Марне и Рейну, что означало конец организованного сопротивления.

В тот же день — 10 июня — к западу от Парижа немцы форсировали Сену в ее нижнем течении, тогда как на востоке они подходили к Марне. Таким образом, Парижу создалась угроза с обоих флангов. Вечером того же дня правительство приняло решение покинуть столицу, что в конце концов привело его в Бордо. Генерал Вейган со своим штабом также покинул Париж. Тогда же стало известно, что Италия вступает в войну.

К утру следующего дня немцы навели три переправы в нижнем течении Марны. Еще далее к востоку танковая группа Клейста форсировала Эну: теперь в Шампани действовало восемь танковых дивизий немцев. Реймс пал.

Надежд удержать Париж уже не оставалось. В 11.00 Вейган с согласия Военного комитета объявил Париж «открытым городом». Французские войска оставили столицу, не имея какой-либо стратегической цели: они ни к чему не были готовы, потому что добиться изменения обстановки во французской метрополии уже было невозможно и прикрывать в тылу было нечего, так как главнокомандующий не собирался отступить в Африку через Средиземное море. Дороги, на которых отступавшие войска были захлестнуты потоком беженцев, были дорогами, неизбежно ведущими к полной капитуляции, — что бы ни говорили тогда об этом.

Утром 11 июня Вейган подсчитал потери: на бумаге у нас все еще оставалось 52 дивизии, однако они были эквивалентны всего 30 дивизиям. Фактически 11 дивизий имели не более 50 процентов состава, 13 дивизий — 25 процентов, тогда как от 10 дивизий мало что уцелело. В резерве главнокомандующего имелась всего одна дивизия.

Французскому штабу представлялось только два решения: либо продолжать удерживать «линию Мажино», а в центре и на левом фланге отступить в южном направлении, что неминуемо привело бы к окружению всех наших сил; либо начать отступление всеми армиями. Вейган выбрал последнее. Цель отступления — «прикрытие центра страны так долго, насколько будет возможно».

Был установлен конечный рубеж отступления, проходящий через Кан, Алансон, Тур, Бриар, Морван, Кот-д'Ор и Юра. Гарнизоны на «линии Мажино» должны были продолжать сопротивление, пока не закончится общее отступление.

В 19.00 11 июня состоялось заседание Верховного совета, на котором присутствовали маршал Петэн, генералы Вейган и де Голль от Франции и Черчилль, Идеи и генералы Исмей и Спирс — от Англии. Вейган обрисовал обстановку в мрачных тонах и заявил, что «последняя линия обороны прорвана и все резервы израсходованы. Мы находимся на острие ножа и не знаем, в какую сторону рухнем с минуты на минуту». После выступления Вейгана был вызван генерал Жорж, который доложил, что, если «противник возобновит атаки танками и авиацией, существует опасность, что наши силы будут сломлены». К этому Вейган добавил, что, «как только наши боевые порядки будут опрокинуты, а это случится скоро, надежд на восстановление фронта нет из-за отсутствия резервов. В этом случае я не вижу возможности предотвратить захват всей Франции».

«Эти три часа бесплодных переговоров ни к чему не привели», — вспоминает генерал де Голль. «Я подумал: насколько пуста эта болтовня, потому что она не направлена на единственное плодотворное решение: эвакуация за море».

12 июня обстановка еще более усложнилась. Оборонительные позиции, прикрывавшие Париж, атакованы не были, но на западе крупные силы противника форсировали Сену в ее нижнем течении. На востоке, южнее Марны, немцы достигли Монмирая; в Шампани их танковые соединения продвигались с молниеносной быстротой.

«Предел достигнут, — пишет Вейган, — наша последняя линия обороны повсюду разваливается. Битва за Францию проиграна. Мое решение твердо. Через несколько часов я буду просить правительство заключить перемирие».

С этого времени главнокомандующий утратил всякий интерес к военным операциям и обратил все свои усилия на достижение перемирия. Сам он пишет: «Я обеспечил наилучшие условия для отступления, но на этом моя роль главнокомандующего отходила на второй план. Более важными становились мои обязанности в качестве

советника правительства, требовавшие все больше времени». Однако пока наши высшие руководители вели словесные бои за столом заседаний, отступление должно было продолжаться, а перемирие следовало еще запросить и получить у победителя.

Падение Парижа

13 июня противник после форсирования Сены к западу от Парижа продолжал преследовать 10-ю армию, отступавшую в Бретань. В этот же день Парижская и 7-я армии оставили оборонительные линии вокруг Парижа и двинулись в обход столицы на восток и на запад, чтобы образовать временную оборонительную линию к югу от Парижа. На марше они постоянно подвергались ударам авиации противника и угрозе окружения немецкими танковыми силами. То же испытала и отступавшая 4-я армия. Таким образом, Париж был полностью очищен от наших сил.

Маневр французских армий оказался неудачным. Обессиленные четырьмя сутками боев и ночными переходами, войска не производили впечатления организованной силы. К 13 июня некоторые дивизии имели в своем составе не более нескольких сотен людей. Связь была нарушена. Движение колонн войск по-прежнему было затруднено потоками беженцев, следовавших одними с ними дорогами из Парижа, Северной Франции и Бельгии.

14 июня немецкие войска вошли в Париж... в котором им предстояло оставаться четыре года. В этот день немецкое командование распорядилось продолжать преследование отступающих французов в трех направлениях:

— на юго-запад, в направлении на реку Луара, был направлен 14-й танковый корпус с задачей отрезать французские войска, отходившие на Бордо;

— на юго-восток, в направлении на Дижон и Лион, — 16-й танковый корпус с задачей помочь итальянцам форсировать альпийские перевалы, атаковав с тыла удерживавшие их войска;

— на восток, в направлении на плато Лангр и швейцарскую границу, — танковую группу Гудериана с задачей отрезать пути отступления французских войск от «линии Мажино».

Вечером 14 июня французская ставка прибыла в Виши. Парижская и 7-я армии отступили на рубеж реки Луара, оставив прорехи в линии фронта на востоке и на западе. 15 июня французский генеральный штаб донес Вейгану, находившемуся в Бордо: «Армии полностью потеряли контакт между собой. Организовать непрерывный фронт невозможно из-за отсутствия резервов».

На западе противник пробивался к «Бретонскому редуту», тогда как на востоке танковые соединения продолжали движение на Дижон, чтобы пленить 2-ю группу армий, накануне начавшую отступление с «линии Мажино». Предпринятое с опозданием, отступление этой группы по вине Вейгана оказалось безуспешным, и 16 июня эта группа капитулировала перед подошедшим танковым корпусом Гудериана. Лишь один французский пехотный корпус успел перейти границу Швейцарии и был интернирован.

Тем временем 1-я немецкая армия, подошедшая из района Саара, перешла в наступление с севера на район Вогез. Одновременно с ней на этот же район с востока начала наступать 7-я армия вермахта. Теснимые со всех сторон и будучи отрезаны от путей отхода, 3, 5 и 8-я французские армии были оттеснены в Вогезы. 22 июня Зейган приказал этим армиям капитулировать. Всего сдалось в плен 400 тысяч человек.

«С 17 июня и далее, — пишет генерал Ротон, — давление немцев было ошеломляющим. Исключая бои на Луаре, координированные оборонительные действия больше нигде не осуществлялись». Теперь весь вопрос заключался в заключении перемирия. Действительно, в ночь с 16 на 17 июня кабинет Рейно пал и был замещен правительством Петэна. Первым шагом этого правительства была просьба о перемирии. 17 июня Петэн обратился по радио к французскому народу с призывом прекратить сопротивление. «Это, — писал генерал Жорж, — наконец сломало волю французской армии к борьбе».

17 июня фюрер отдал особый приказ о том, что «оккупация Шербура и Бреста является делом чести немецкой армии». Генерал Гот, командовавший 15-м танковым корпусом, наступавшим в авангарде 4-й армии в направлении низовья Луары, немедленно бросил 7-ю танковую дивизию Роммеля на Шербур, а 5-ю танковую дивизию

— на Брест. 18 июня немецкие танки вошли в Ренн, где взяли в плен штаб 10-й армии с ее командующим, ликвидировав, таким образом, «Бретонский редут». На следующий день две танковые дивизии легко заняли Шербур и Брест и затем продолжили движение на юг, к нижнему течению Луары и к Рошфору.

19 июня между Сомюром и Туром противник подавил последние очаги сопротивления на Луаре. Остатки французских войск были отведены к реке Шер. С 21 по 25 июня, несмотря на сопротивление арьергардов, жертвовавших собой, чтобы прикрыть отступающие части, и даже изолированных групп, устраивавших засады на дорогах, уставших от непрерывного отступления и встречавших там свою гибель, немцы продолжали свой безжалостный марш, приведший их на линию Руайан, Ангулем, Клермон-Ферран, Сент-Этьенн и, наконец, Гренобль. Только тогда перемирие было заключено. Но с 10 июня мы были в состоянии войны с Италией, и другое сражение, франко-итальянское, уже шло на Юго-Восточном фронте, где французская Альпийская армия, несмотря на свою малочисленность, вписала в историю выдающуюся главу. Объявляя о начале войны, дуче заявил, что Италия вступила в войну, чтобы «освободить» Савойю, Ниццу, Корсику... и так далее. Однако итальянские армии, развернутые вдоль границы Альп, задержались с наступлением до тех пор, пока немцы не достигли долины реки Рона, преследуя по пятам небольшую французскую Альпийскую армию генерала Орли. Лишь после 20 июня итальянцы перешли в наступление своими двумя армиями (1-я и 4-я) в составе 24 дивизий, из которых 19 дивизий были в первом эшелоне. В их тылу восемь дивизий 7-й армии были готовы поддержать наступление. Таким образом, на Альпийском фронте было сосредоточено 32 итальянские дивизии.

Против этих сил стояла французская Альпийская армия, насчитывавшая всего три дивизии категории «В»: 64, 65 и 66-я пехотные дивизии и три «крепостных сектора» (гарнизоны укрепленных секторов Приморские Альпы, Дофинэ и Савойя), каждый эквивалентный крепостной дивизии. Таким образом, шесть французских дивизий противостояли 32 итальянским. Однако простое сосредоточение итальянских войск в высокогорных узких долинах, в которых они не могли развернуться, привело лишь к увеличению их потерь от огня французской артиллерии, заранее пристрелявшей «зоны

поражения» и имевшей отличные наблюдательные посты на вершинах гор. 11 июня генерал Орли привел в действие весьма эффективный план уничтожения проходов в горных перевалах, что чрезвычайно затруднило наступление итальянцев в пограничной зоне и снабжение их наступающих войск.

Все атаки итальянцев на горные перевалы были отбиты оборонявшими их немногочисленными подразделениями. Однако к 21 июня в приграничной зоне итальянцам удалось достичь некоторых частных успехов. На этих достигнутых ими рубежах, ни один из которых не вышел за пределы приграничной зоны, итальянская армия дождалась перемирия. Все оборонительные позиции французов — от Швейцарии до моря — остались нетронутыми до конца боевых действий.

Чтобы уяснить причину отсутствия энтузиазма среди итальянцев, мы должны вспомнить, что итальянский народ, втянутый в войну страдавшим манией величия Муссолини, был настроен против войны с Францией. Более того, немцы — которые должны были открыть горные перевалы своим союзникам, связав Альпийскую армию с тыла, — сами были задержаны до перемирия изолированными французскими частями на реке Изер, в Шартрезе и на Лак дю Бюржет.

Неверие в возможность победы

Как могла Франция пасть так быстро? В первую мировую войну французские офицеры и солдаты вызвали восхищение всего мира своей стойкостью и масштабами понесенных жертв: 1,5 миллиона павших. Во второй мировой войне сыновья были достойны своих отцов. Они доказали это на реке Эна и в других местах и в дальнейшем подтвердили это вновь в Африке, при Бир-Хашейме и в Тунисе, и позже в Италии, где они шли в авангарде победы, открывая дорогу на Рим для союзников, и, наконец, во Франции и Германии до Рейна и Дуная.

Но в 1940 году недостаточно вооруженные, плохо используемые тактически в соответствии с устаревшими наставлениями 1918 года, неудачно развернутые стратегически и ведомые командирами, не верившими в победу, они были разгромлены в самом начале сражения. Первый их главнокомандующий, Гамелен, с фатализмом наблюдал за приближением катастрофы. «Надвигаются ужасные дела», — говорил он и, как только завязались первые бои, перестал руководить боевыми действиями, потому что это были не «его действия», а генерала Жоржа. Другой главнокомандующий, Вейган, призывал только к «борьбе до последнего солдата за сохранение чести», а затем — к заключению перемирия. Более того, 19 июня он произнес многозначительные слова: «Я был призван только тогда, когда повсюду началась неразбериха!»

Франции в 1940 году не доставало вождя калибра Жоффра, который не впал в отчаяние в конце августа 1914 года, когда все казалось потерянным. И превыше всего во главе Франции необходимы были Клемансо или Черчилль. Фаталистическое приятие поражения нашими верховными лидерами проявилось вскоре после первых неудач. Уже 5 июня, в день сражения на Сомме, Вейган сказал на Военном комитете: «Если начинающийся бой будет проигран, то вступить в переговоры с противником не было бы трусостью», что могло бы показаться

довольно странным способом выражения стремления к победе. Однако маршал Петэн согласился с ним и заявил, что «абсолютно поддерживает» генерала Вейгана.

К 8 июня, когда Роммель врывался в Эльбёф, сражение считалось безоговорочно проигранным, и на утреннем совещании Вейган говорил о «зияющей ране», которая раскрылась в расположении 10-й армии. В этот день генерал де Голль, недавно назначенный заместителем военного министра, посетил Вейгана в его штабе. Последовал следующий разговор:

«...Нескольких минут беседы было достаточно, чтобы понять, что он примирился с мыслью о поражении и принял решение о перемирии...

— Как видите, — сказал мне главнокомандующий... — немцы... переходят Сомму. Я не в состоянии им помешать.

— Ну что ж, и пусть переходят. А дальше?

— Дальше последуют Сена и Марна.

— Так. А затем?

— Затем? Но ведь это же конец!

— Конец? А весь мир? А наша империя? Генерал Вейган горестно рассмеялся.

— Империя? Это несерьезно! Что же касается остального мира, то не пройдет и недели после того, как меня здесь разобьют, а Англия уже начнет переговоры с Германией». ^[61]

Со своей стороны маршал Петэн сказал государственному министру Л. Марэну, что он нисколько не боится встречи с Гитлером, он бы охотно обратился к нему как солдат к солдату и, таким образом, добился от него большего, чем добьются в результате переговоров между дипломатами.

Однако существовало и другое решение, кроме окончательного пассивного ожидания развала французской армии. В ночь с 9 на 10 июня председатель Военного комитета Рейно вызвал к себе де Голля, чтобы посоветоваться по поводу нависшей над Парижем угрозы и неизбежности объявления войны Италией. «Перед лицом столь неблагоприятных известий я мог предложить только одно: пойти на

крайние усилия, немедленно перебазироваться в Африку и присоединиться к коалиционной войне... При данных условиях и в данных территориальных рамках единственным выходом являлась капитуляция. Либо надо было с этим примириться — к чему уже склонялись многие, — либо следовало изменить рамки и условия борьбы. «Новая Марна» была возможна, но только на Средиземном море».^[62]

Однако генерал Вейган не видел этого решения. В 18.00 10 июня он также посетил председателя Военного комитета. Де Голль присутствовал при этом свидании, и вот что он записал:

Генерал Вейган «сел и тут же приступил к изложению своей точки зрения по поводу сложившейся обстановки. Вывод его был очевиден: мы должны немедленно просить перемирия». Председатель Военного комитета пытался оспаривать мнение главнокомандующего, однако Вейган «упрямо настаивал на своем: сражение в метрополии проиграно, необходимо капитулировать».^[63]

В 18.00 12 июня, отдав приказ о всеобщем отступлении, Вейган в первый раз официально доложил Военному комитету о необходимости заключить перемирие. «Главное — избежать полного развала армии, — говорит он, — и поэтому мы должны немедленно просить у немецкого правительства перемирия». Далее он добавляет: «Теперь Франция может без стыда просить о перемирии. Я горжусь тем, как мы дрались на Сомме, этот бой восстановил честь французской армии, и дальнейшие переговоры будут достойны ее».

Затем маршал Петэн зачитал заранее подготовленную записку, заканчивавшуюся указанием о «необходимости просить заключения перемирия, чтобы спасти, что еще осталось от Франции, что позволит восстановить страну».

Было очевидно, что если правительство эвакуируется в Африку, чтобы продолжать сражаться плечом к плечу с союзниками — с оставшимся целым флотом, с авиацией (почти той же численности, которую она имела по состоянию на 10 мая, сохранившейся в результате ее пополнения, полученного от промышленности и из Америки), с сухопутными силами, находившимися на заморских территориях, — то Гитлер не согласится на создание «свободной зоны», на том, «что осталось от Франции», ни на небольшую армию

для обеспечения порядка, который позволил бы «восстановить страну». Таким образом, начиная с этого момента предотвращение эвакуации правительства становилось главной целью военных начальников и группировки Пьера Лавалья.

13 июня на заседании Совета министров Вейган повторил свое требование. «Если мы хотим сохранить дисциплину в армии, — сказал он, — мы должны быстро прекратить боевые действия». К нему присоединился Петэн, заявивший: «Перемирие неизбежно, мы должны добиться его незамедлительно».

На следующий день правительство прибыло в Бордо. Оттуда председатель Военного комитета Рейно направил президенту США последнюю просьбу — оказать помощь Франции. В этот день Петэн заявил, что 15 июня является конечной датой обращения о заключении перемирия, и вызвал Вейгана в Бордо.

Не считаясь с этим, еще вечером 14 июня Рейно продолжал вести подготовку личного состава и центров формирования к переброске в Северную Африку. Генерал де Голль был отправлен в Лондон для согласования вопроса о выделении 500 тысяч тонн тоннажа через две недели. В то же время Лаваль, прибывший в Бордо 14 июня, сразу приступил к созданию условий, которые в конце концов привели к полному порабощению Франции. «По прибытии, — пишет он, — я встретился с испанским послом и условился с ним о формальностях обращения с просьбой о перемирии. На следующий день я посетил Петэна и объяснил ему мои соображения о том, каким образом он будет сделан главой государства».

Тогда же Рейно выдвинул предложение, вызвавшее сумятицу среди сторонников перемирия. Он предложил генералу Вейгану последовать примеру начальника генерального штаба Дании и сдаться в плен с одной из армий метрополии, тогда как правительство выедет в Северную Африку, чтобы продолжать борьбу вместе с Англией, с нашими мощным флотом, авиацией и сухопутными войсками, которые могли бы быть вывезены из французской метрополии. «Я с негодованием отверг это предложение, — пишет Вейган. — Я никогда не соглашусь навлечь такой позор на наше знамя!..»

Какой «позор» увидел Вейган в этом предложении, трудно понять. По-видимому, он считал менее позорным отказаться от борьбы всеми

нашими военно-морскими, воздушными и заморскими сухопутными силами, чем сдачу в плен сил, находившихся в метрополии, которая фактически уже не находилась под контролем французов.

Падение кабинета Рейно

16 июня Рейно получил ответ Рузвельта на свое обращение о помощи. Ответ был разочаровывающим, так как, обещая оказать помощь вооружением и снаряжением, Рузвельт указал, что без решения конгресса он не может принять какие-либо военные решения.

Затем председатель Военного комитета огласил предложенный Черчиллем «план нерасторжимого союза между Англией и Францией», который был передан генералом де Голлем по телефону из Лондона. Этот план был отвергнут советом под предлогом того, что он превратил бы Францию в английский доминион. После этого кабинет Рейно подал в отставку. По заранее принятой договоренности главой правительства был выдвинут Петэн.

«Тогда я вызвал Петэна, — пишет президент Франции Лебрен, — и предложил ему сформировать кабинет министров. Он вытащил из портфеля и представил мне список своих коллаборационистов». Тут же Лебрен подписал декрет, назначавший новых министров, которые немедленно провели первое заседание кабинета. Оно длилось не более 10 минут. Новому министру иностранных дел было поручено запросить немцев и итальянцев об условиях перемирия при посредстве Мадрида и Ватикана соответственно.

Вечером 17 июня по французскому радио было объявлено о причинах поражения, заставивших правительство Петэна просить немцев о перемирии и об условиях заключения мира.

15 июня начальник оперативного штаба ОКВ Кейтель поручил полковнику Боме составить проект условий перемирия. «В первом проекте, — пишет Боме, — предусматривалась полная оккупация метрополии Франции и полное разоружение французских вооруженных сил».

Однако 17 июня после получения французских предложений Гитлер дал новые указания генералам Кейтелю и Йодлю. О них Боме рассказывает следующее:

«Фюрер сказал, что Франция должна быть изолирована от Англии, и чтобы добиться этого, она должна получить условия, побуждающие ее к этому. Поскольку правительство Петэна, по-видимому, настроено благожелательно, ему должен быть “построен золотой мост”, так как иначе существует опасность бегства французского правительства в Северную Африку с флотом и авиацией для продолжения войны оттуда. Это усилило бы позиции Англии и разожгло бы войну на Средиземноморском театре, где Италия находится в изоляции».

Затем Гитлер уточнил свои указания:

1. Французское правительство должно сохраниться и сохранить свой суверенитет. Только при этом мы можем быть уверены, что Французская колониальная империя не перейдет в руки Англии.

2. Таким образом, полная оккупация метрополии Франции нецелесообразна. Французское правительство должно сохранить свои суверенные права.

3. Французская армия будет отведена в свободную зону и там демобилизована. Должно быть дозволено сохранение некоторых частей, предназначенных для поддержания порядка. Флот должен быть нейтрализован. Ни при каких обстоятельствах мы не должны требовать передачи флота нам, так как в этом случае он уйдет на заморские территории или в Англию.

4. Территориальные требования будут предъявлены при заключении мирного договора и в настоящее время рассматриваться не должны.

5. Никакие требования, относящиеся к колониальной империи, не должны формулироваться в настоящее время. Они только будут способствовать захвату колоний Англии. Более того, в случае отказа французов удовлетворить наши требования, если бы мы их предъявили, в настоящее время мы не смогли бы добиться силой удовлетворения наших требований.

Но Гитлеру еще предстояло добиться одобрения этих условий со стороны Муссолини, и этой цели было посвящено совещание фюрера и дуче, состоявшееся в Мюнхене.

«В Мюнхене, — пишет Боме, — несмотря на сильное сопротивление итальянцев, Гитлер добился принятия этих умеренных условий. Его целью было, сказал он, получить перемирие любой ценой. Муссолини уступил».

Судьба флота была главным вопросом. Гитлер сыграл «на большом усилении мощи, которую этот флот представлял бы собой для Англии». И заключал: «Поэтому предпочтительно достичь соглашения с французским правительством, для того чтобы нейтрализовать его флот во французских портах под немецким и итальянским контролем.

В качестве приманки французам была бы дана гарантия в том, что флот будет возвращен им после заключения мира».

19 июня немецкое правительство объявило о готовности «объявить условия прекращения боевых действий» и запросило имена уполномоченных вести переговоры.

Тот же самый вагон

21 июня французская делегация была допущена в тот самый вагон, в котором было подписано соглашение о перемирии 1918 года и где Гитлер и высшие сановники «третьего рейха» ожидали ее. Прочтя преамбулу акта о перемирии, Гитлер в знак прощания поднял руку и оставил вагон, после чего Кейтель вручил французам текст соглашения, который, как он сказал, изменен быть не может. Французская делегация удалилась в палатку, чтобы изучить документ. Главе французской делегации генералу Хюнтцигеру было разрешено позвонить в Бордо генералу Вейгану. Хюнтцигер сообщил ему, что полученный им документ не содержит каких-либо условий мира и что немецкая делегация отказалась обсуждать этот вопрос в настоящее время. Ему просто вручили текст соглашения о перемирии, состоящий из 24 пунктов, которые не подлежат изменению.

На следующий день в результате переговоров было достигнуто соглашение о том, что корабли французского военно-морского флота могут базироваться в заморских портах, немцы сделали ряд других мелких уступок. После этого Кейтель вручил французам ультиматум. Им давался один час на принятие решения о подписании перемирия, в противном случае переговоры будут прерваны и французская делегация будет выдворена за линию фронта. Через восемь минут после вручения ультиматума глава французской делегации подписал акт о перемирии, предварительно получив по телефону от Вейгана приказ об этом. Однако акт вступал в силу лишь после подписания его Италией, на что потребовалось еще двое суток, формально боевые действия прекратились 24 июня.

Почему Гитлер отказался обнародовать свои мирные условия? Отто Мейснер, начальник рейхсканцелярии, объясняет: «В 1940 году Гитлер часто говорил, что он не вступил в соглашение с Францией потому, что хотел посмотреть, как бы поступила Англия после выхода Франции из войны. Соглашение с Францией только осложнило бы заключение

мирного соглашения с Англией, затруднив англо-немецкие отношения».

Позже, на процессе в Нюрнберге, адмирал Редер сказал: «Фюрер хотел оставить за собой любые возможности потребовать от Франции более или менее большую контрибуцию в зависимости от того, что он мог бы получить от Англии»... Более того, генерал Гальдер 23 сентября 1940 года записал в своем дневнике: «Гитлер никогда не откажется от идеи заставить не Англию, но Францию расплатиться за эту войну».

Каковы же были бы его требования? Отто Абец^[64] раскрывает их: «Во время перемирия Гитлер рассматривал тщательно разработанный план раздела Франции, который предусматривал: включение северных департаментов в будущую Фландрию, автономию для Бретани, перенесение границы от Рейна далеко за пределы границы 1871 года и включение Бургундии в границы Германии».

Хотя Гитлер хотел заключить перемирие с Францией, очевидно, в тот момент он не мог предъявить такие требования! Тогда же Гебельс записал в своем дневнике: «Мы должны держать французов в руках и тем временем выкачать из Франции все, что возможно».

25 июня перемирие вошло в силу. Петэн объявил по французскому радио: «Честь спасена! Теперь мы должны обратить наши усилия в будущее. Начинается новый порядок!»...

Позже Петэн говорил о «национальной революции» и о «возрождении Франции» — как будто все это было возможно в разгар мировой войны в стране, две трети которой оккупированы противником; находясь в Виши, всего в 40 километрах от танковых сил немцев; в стране, республиканский строй которой был упразднен, а парламент распущен. Приложенные Петэном усилия к заключению перемирия привели лишь к захвату им власти для установления «нового порядка», который был обречен на короткую — тираническую — жизнь.

Алистер Хорн
Операция «Катапульта»,
или Как британский флот по приказу Черчилля
расстрелял эскадру недавнего союзника^[65]

3 июля 1940 года впервые со времен наполеоновских войн и адмирала Нельсона корабли военно-морского флота Великобритании и военно-морских сил Франции вступили в ожесточенную схватку друг с другом. Снаряды весом более тонны, выпущенные из пятнадцатидюймовых английских орудий, вспарывали броню французских линейных кораблей, мирная гладь Средиземного моря вскипала гигантскими гейзерами, синеву неба заволокло черным маслянистым дымом сражения.

Всего за несколько недель до этого французские и английские войска плечом к плечу сражались против армий Гитлера, вторгшихся во Францию. Теперь же самые мощные корабли королевского флота Великобритании безжалостно расстреливали французские боевые корабли, укрывшиеся на военно-морской базе Мерс-эль-Кебир в Северной Африке.

Эта акция привела в ярость французов, обрадовала Гитлера, вызвала беспокойство в Англии и возмущение во многих странах мира и оказала ощутимое воздействие на ход второй мировой войны. Это был шаг, который Уинстон Черчилль, отдавший приказ о нападении, назвал «греческой трагедией», добавив: «Но никогда еще ни одно действие не было более необходимым для спасения Англии».

В сентябре 1939 года Англия и Франция объявили войну нацистской Германии, напавшей на Польшу. Затем последовали месяцы «странной войны». 28 марта 1940 года английское и французское правительства подписали торжественное обязательство, что они не будут заключать сепаратный мир с Гитлером. Однако 10 мая бронетанковые дивизии вермахта, прорвав фронт союзников в Арденнах и разбив французские

части у Седана, устремились к Ла-Маншу, отсекая союзнические армии на территории Бельгии от войск во Франции, и прижали английские экспедиционные войска к морю. Эвакуация этих войск из Дюнкерка была расценена в Англии и США как чудо, но многим французам, в беспорядке отступавшим в глубь страны и вскоре капитулировавшим, она казалась актом исторического предательства со стороны Альбиона.

В середине июня премьер-министр Франции Поль Рейно обратился к Черчиллю с просьбой освободить его от принятого в марте обязательства не заключать сепаратного мира с Германией.

14 июня пал Париж. Двумя днями позже Черчилль, стремясь укрепить волю французов к сопротивлению, направил два драматических ответных послания, в которых излагались условия английского согласия и делалась попытка подбодрить французов. В первом из них Англия соглашалась на то, чтобы французское правительство выяснило у Германии предложения о перемирии, но только при обязательном условии, что французский флот будет отправлен в британские порты до переговоров с немцами. Далее в послании подчеркивалась решимость Великобритании, несмотря на любые трудности, продолжать войну против Гитлера. В тот же день под давлением генерала де Голля, настаивавшего на необходимости какого-нибудь «драматического жеста», чтобы побудить Францию продолжать борьбу, Черчилль выдвинул историческое предложение о провозглашении «нерасторжимого союза» с Великобританией.^[66]

К этому времени французское правительство уже эвакуировалось в Бордо. Когда английские послания были переданы, премьер-министр Рейно находился в подавленном состоянии. Но послание Черчилля подбодрило его. Премьер-министр ответил, что будет «бороться до конца». В этот момент к тому же произошло трагическое недоразумение: Черчилль направил через английского посла дополнительное уведомление, что первое послание следует считать «временно приостановленным», пока рассматривается предложение о союзе, но Рейно было сообщено, что оно считается «аннулированным». Незначительное, возможно, семантическое различие, которое, по мнению Черчилля, вероятно, привело французское правительство к недооценке всей той серьезности, с

которой Англия взирала на судьбу французского флота. Большинство французских руководителей в Бордо, однако, встретили предложение Черчилля о «нерасторжимом союзе» с подозрением и враждебностью. В обстановке, где превалировали пораженческие настроения, 73-летний главнокомандующий французской армией генерал Вейган провозгласил, что в течение трех недель «Англии свернут шею, как цыпленку». Маршал Петэн заявил, что английское предложение равносильно «слиянию с трупом». Два первых послания Черчилля, в которых речь шла о французском флоте, так и не были рассмотрены разваливающимся правительством Рейно.

Вечером 16 июня Рейно подал в отставку, и маршал Петэн, 84-летний герой битвы за Верден в 1916 году, возглавлявший группу пораженцев, сформировал новое правительство. На следующий день Черчилль возобновил свои требования, чтобы новое правительство Франции не передавало «противнику великолепный французский флот». Но к этому времени в Бордо уже сложилось мнение, что отправка французских военных кораблей в Англию была бы бессмысленной; если Англии в скором времени действительно «свернут шею», то французский флот в конечном счете все равно окажется в кармане у Гитлера.

18 июня первый лорд Адмиралтейства [военно-морской министр Англии] Александер и начальник штаба ВМС адмирал Дадли Паунд были срочно направлены во Францию для личной встречи с адмиралом Дарланом, главнокомандующим французским флотом. По словам Черчилля, «они получили много торжественных заверений, что флоту никогда не будет позволено очутиться в руках немцев». Но, отмечает Черчилль, Дарлан не предпринял никаких мер с целью «вывести французские военные корабли за пределы досягаемости быстро приближавшихся немецких войск».

22 июня Франция подписала перемирие с Германией в знаменитом железнодорожном вагон-салоне, стоявшем в Компьеньском лесу.^[67]

В соответствии с перемирием, Петэн согласился, что французский военный флот, за исключением той его части, которая сохраняется для защиты французских интересов в ее колониальной империи, будет сосредоточен в портах и разоружен «под германским или итальянским контролем». В ходе переговоров было сказано немало слов «о чести»,

однако, с точки зрения Лондона, Франция не сделала ничего, чтобы сдержать данное ею в марте торжественное обязательство или рассеять английские опасения о дальнейшей судьбе французского флота.

Насколько были оправданы эти опасения Англии?

В предвоенный период в основе строительства английского военно-морского флота лежал принцип «уровня двух держав», означавший, что английский военно-морской флот должен по числу боевых единиц превосходить объединенную мощь военно-морских сил двух любых вероятных противников Великобритании. В 1940 году Англия все еще обладала самым крупным военно-морским флотом в мире. Но этот флот уже понес потери в ходе операций по охране конвоев в Северной Атлантике, в неудачной норвежской кампании и у Дюнкерка. Большинство английских линейных кораблей участвовало в операциях по прикрытию конвоев от угрозы немецких надводных рейдеров, таких, как «карманный» линкор «Граф Шпее» (настигнутый в конце декабря 1939 года и поврежденный в бою тремя английскими крейсерами, этот рейдер был затем затоплен своей командой в Монтевидео).

На бумаге английский флот имел ощутимый перевес по числу крупных кораблей: 11 линкоров, три линейных крейсера и пять линкоров в постройке, тогда как Германия располагала двумя «карманными» линкорами, двумя линейными крейсерами новейшей постройки и строила еще два линейных корабля.

Но вступление Италии в войну в июне 1940 года серьезно изменило соотношение сил. Итальянцы располагали современным и быстроходным флотом, хотя боеспособность его была неизвестна (фактически итальянский флот оказался малоэффективным, однако предвидеть это было невозможно), и поэтому англичане были вынуждены держать в Средиземном море по меньшей мере шесть линейных кораблей против шести итальянских. Для Тихого океана против Японии, которая, как ожидали, недолго останется нейтральной, англичанам выделить было нечего, а Лондон не был уверен, что военные корабли нейтральных Соединенных Штатов будут защищать английские владения и морские коммуникации в этом регионе.

Таким образом, для островной Великобритании с ее заморскими имперскими владениями, зависевшей от сохранения военно-морского

могущества, переход боевого флота Франции в руки Германии был бы подлинной катастрофой. Франция имела четвертый по численности военный флот в мире. Он состоял из пяти старых линейных кораблей, двух современных линейных крейсеров («Дюнкерк» и «Страсбург»), вооруженных восемью 13-дюймовыми орудиями и способных противостоять германским линейным крейсерам «Шарнгорст» и «Гнейзенау», и двух мощных линкоров, постройка которых близилась к завершению («Жан Бар» и «Ришелье»), а также 18 крейсеров, двух авианосцев и значительного числа превосходных эсминцев.

Ключевую роль в военно-морском флоте Франции играл 58-летний адмирал Жан Луи Ксавье Дарлан. Со времени встречи с ним в декабре 1939 года Черчилль «считал его одним из тех истинных французов, которые ненавидят Англию» и никогда не доверял ему.

Сам Дарлан на встрече с двумя руководителями английского Адмиралтейства в Бордо 18 июня 1940 года дал обещание ни при каких обстоятельствах не передавать флот Германии.

Тем не менее статья 8 германо-французского соглашения о перемирии вызвала у англичан самые серьезные опасения — особенно слова о разоружении флота «под германским или итальянским контролем». Для англичан слово «контроль» означало, что Гитлер получал возможность распорядиться французскими кораблями по своему усмотрению.

На заседании 24 июня английское правительство пришло к выводу, что «полагаться на оговорки, содержащиеся в этой статье, невозможно». Опасения Черчилля подогревал генерал Эдуард Спирс, специальный английский представитель во Франции, который прямо заявил, что — независимо от намерений Дарлана — если Гитлер захочет в последующем завладеть французскими кораблями, ему достаточно будет пригрозить сжечь Марсель, а если эта угроза не сработает, то предать огню Лион или пообещать уничтожить Париж. Учитывая прошлое вероломство Гитлера, это был весомый аргумент. Французы были бы бессильны сдержать свое слово, даже если бы захотели. Доверие Черчилля к режиму Петэна было еще более подорвано, когда, вопреки своим обещаниям, французское правительство вернуло Германии 400 пленных немецких летчиков,

сбитых во время битвы за Францию. Их возвращение должно было усилить люфтваффе в предстоящей битве за Англию.

В этой атмосфере взаимных упреков и озлобленности произошла еще одна — и, возможно, решающая — ошибка в официальной переписке между Англией и Францией. В зашифрованной радиотелеграмме, переданной 24 июня главному офицеру связи Дарлана в Лондоне, в которой речь шла о возможной дислокации французского флота, был опущен важный параграф, касавшийся возможности перебазирования французских кораблей в порты Соединенных Штатов, шаг, который, безусловно, рассеял бы опасения Великобритании. По мнению некоторых нынешних французских историков, этот промах или недосмотр — если он действительно был случайным, — возможно, стал непосредственной причиной последовавшей затем трагедии.

Этот недосмотр или упущение представляется особенно примечательным в свете того исключительного значения, которое и Англия и Франция придавали позиции и возможной роли Соединенных Штатов по отношению к французским военным кораблям. Еще 26 мая 1940 года, до событий в Дюнкерке, президент Рузвельт телеграфировал своему послу в Париже Буллиту, что он считает французский флот «исключительно важным для восстановления Франции и французских колоний и для будущего контроля над Атлантикой». Французский флот, подытожил президент, «не должен быть закупорен в Средиземном море».

Поскольку, по мнению Черчилля, условия германо-французского перемирия создали «смертельную опасность» для Великобритании, необходимо было предпринять немедленные контрмеры. Английская разведывательная служба считала, что Гитлер, возможно, попытается начать вторжение в Англию 8 июля. До этой даты и надо было решить вопрос о судьбе французского флота, чтобы иметь возможность сосредоточить английские военные корабли в водах метрополии. Решающее заседание кабинета министров состоялось 27 июня. К этому времени часть кораблей французского флота находилась в портах самой Франции, и предпринять что-либо против них было невозможно. Несколько военных кораблей оказались в английских портах, их можно было захватить силой, если команды отклонят

английские условия. Недостроенные линкоры «Жан Бар» и «Ришелье» стояли соответственно в Касабланке и Дакаре, где их караулили английские военные корабли. Особой проблемы они не представляли. Сильная французская эскадра под командованием вице-адмирала Рене Годфруа базировалась в Александрии и находилась в оперативном подчинении адмирала Кэннингхэма. Эти адмиралы поддерживали дружеские отношения. Вопреки приказу Дарлана о перебазировании эскадры в один из французских портов в Тунисе, Годфруа согласился не выводить свои корабли из Александрии. (Эта эскадра фактически оставалась в Александрии до полной победы англо-американских экспедиционных сил в Северной Африке.) Главная угроза для Великобритании исходила из небольшой военно-морской базы Мерс-эль-Кебир на побережье Алжира, западнее Орана. Здесь находилось сильное военно-морское соединение под командованием адмирала Жансуля. Адмирал Паунд предупредил Черчилля, что корабли Жансуля — в германских руках или самостоятельно — могут вынудить Англию уйти из Средиземного моря и тем самым создать угрозу возможности защитить Ближний Восток и вообще вести войну в Средиземноморье.

Ко 2 июля английское правительство направило адмиралу Жансулю четыре предложения на выбор:

1. Увести корабли в английские порты и продолжать сражаться вместе с Англией.
2. Направиться, имея на борту экипажи уменьшенного состава, в один из английских портов, откуда экипажи будут репатриированы.
3. Направиться с экипажами уменьшенного состава в какой-либо французский порт в Вест-Индии, например на Мартинику, где корабли можно передать под охрану Соединенных Штатов до конца войны.
4. Потопить свои корабли.

В случае отказа Жансуля принять одно из этих четырех предложений английскому военно-морскому флоту приказывалось уничтожить французские корабли, особенно «Дюнкерк» и «Страсбург», используя все имеющиеся средства. Этот «смертельный удар», как Черчилль позднее назовет его, был предпринят по личному настоянию английского премьер-министра вопреки сдержанному отношению к этому плану членов Комитета начальников штабов. Они сомневались, что операция «Катапульта», как был закодирован этот

план, увенчается полным успехом. Сам же Черчилль считал, что «на карту было поставлено само существование нашего государства и спасение всего нашего дела».

Проведение операции «Катапульта» было поручено «соединению “Эйч”» («Н») — ударной группировке, собранной в Гибралтаре.

В ее состав входил крупнейший английский военный корабль — линейный крейсер «Худ» водоизмещением 42 тысячи тонн, два линкора — «Резолюшен» и «Валиант», 11 эсминцев и авианосец «Арк Ройал». Соединением командовал вице-адмирал Джеймс Соммервилл, получивший утром 1 июля приказ: «Быть готовым к “Катапульте” 3 июля».

Мысль о том, что им надо будет открыть огонь по французским кораблям, привела в ужас адмирала Соммёрвилла и всех его старших офицеров. Адмиралтейству было направлено альтернативное предложение о передаче приглашения французским кораблям «выйти в море» и позволить захватить себя соединениям «Н». Соммервилл предупредил, что наступательная операция со стороны Англии «немедленно оттолкнет всех французов, где бы они ни находились, и превратит побежденного союзника в активного врага».

Учитывая то смешанное со страхом почтение, с которым относились к Черчиллю в Адмиралтействе, это был весьма смелый шаг, и Соммервилл получил резкую отповедь. 2 июля ему были направлены окончательные приказания, включая текст личного обращения к адмиралу Жансулю. «Мы полны решимости сражаться до конца, и если мы победим — а мы думаем, что победим, — мы никогда не забудем, что Франция была нашим союзником... Мы торжественно заявляем, что в случае победы мы восстановим величие и территорию Франции».

В полдень 2 июля соединение «Н» вышло из Гибралтара и направилось к Орану. На следующее утро Соммервилл послал на эсминце «Фоксхаунд» капитана Седрика Холланда к адмиралу Жансулю. Ранее 50-летний Холланд служил в Париже в качестве военно-морского атташе, он свободно говорил по-французски, хорошо знал французский флот и был лично знаком с Жансулем. Весьма эмоциональный Холланд симпатизировал французам и тяжело переживал поражение Франции. Помимо всего прочего у него были

также серьезные сомнения относительно добропорядочности вверенной ему миссии и ее шансов на успех. Своей жене он доверительно сообщил, что адмирал Жансуль — «это дубоватый старый отставник».

Каким бы Жансуль ни был в свои 59 лет, по меньшей мере, он утверждал, что «настроен проанглийски на все сто процентов». В то же время это был гордый офицер, твердо следовавший принятым правилам и до конца преданный Дарлану. Он был раздосадован тем, что Соммервилл, вместо того чтобы прибыть самому, прислал всего лишь капитана, и заявил, что слишком занят, чтобы принять Холланда. Его самолюбие задел также радиосигнал, переданный с эсминца, в котором говорилось, что «английский флот ждет в море у Орана, чтобы приветствовать вас».

Поскольку эсминец «Фоксхаунд» стоял на якоре у входа в Мерс-эль-Кебир, а французский флот находился внутри гавани, Жансуль послал в качестве своего представителя лейтенанта Бернара Дюфе, старого приятеля Холланда. Последний объяснил, что имеющееся при нем послание может быть передано только лично французскому адмиралу. Жансуль ответил на это приказом «Фоксхаунду» «немедленно удалиться прочь». Холланд, сделав вид, что подчиняется приказу, быстро спустился в небольшую моторную лодку и на полной скорости направился к флагманскому кораблю Жансуля «Дюнкерк». Добиться личной встречи с адмиралом ему опять не удалось, но он продолжал упорствовать и все же сумел передать Жансулю английское послание с изложением условий. Эти условия тут же были переданы по радио Дарлану. Но при этом вновь была допущена трагическая ошибка — в своей радиограмме Жансуль опустил предложенную англичанами возможность направиться со своим флотом в Вест-Индию. Позднее, когда французские власти подвергли его суровой критике за это упущение, в объяснение Жансуля сквозила галльская гордость: он считал невозможным принять любые подобные предложения, находясь под прицелом английских орудий.

Пока велись переговоры, самолеты с авианосца «Арк Ройал» сбросили магнитные мины у побережья, чтобы помешать французскому флоту выйти из гавани, что, разумеется, не способствовало ходу переговоров.

До 3 июля, несмотря на капитуляцию Франции, жизнь на борту французских военных кораблей шла своим обычным чередом. Первым английскую эскадру увидел 26-летний моряк Морис Путц, который проводил групповые спортивные занятия на высоком холме за Мерс-эль-Кебиром. С высоты холма французы заметили приближающиеся с запада корабли и вскоре распознали знакомый силуэт «Худа», с которым многим французским кораблям довелось участвовать в совместных патрульных операциях в Атлантике.

На борту «Дюнкерка» (где Холланд по-прежнему добивался личной встречи с Жансулем) многие члены экипажа пришли в ужас, когда по флоту был отдан приказ «приготовиться к бою». В ходе второй встречи Холланда с Дюфе был отдан приказ развести пары.

Время шло. На борту своего корабля Соммервилл разгадывал бесчисленные кроссворды, а старшие офицеры «Арк Ройал» играли в мажонг.

Около 4 часов дня Жансуль наконец согласился на встречу с Холландом. В течение полутора часов они вели переговоры в душевной каюте. Вначале французский адмирал кипел от гнева, затем смягчился и стал разговаривать с Холландом в более примирительном тоне. Он сообщил о полученном приказе Дарлана от 24 июня, в котором говорилось, что если какая-либо иностранная держава сделает попытку захватить французские корабли, то эти корабли должны без промедления либо уйти в Соединенные Штаты, либо потопить себя. С учетом имеющейся ныне информации можно, однако, предполагать, что Жансуль, скорее всего, пытался выиграть время и, если повезет, дожидаться наступления темноты, чтобы ускользнуть из гавани. Холланд, в частности, лишь в последний момент узнал, что Дарлан сразу же отдал приказ всем находящимся в Средиземном море французским кораблям идти к Жансулю. Этот зашифрованный приказ, перехваченный английским Адмиралтейством, побудил Черчилля передать окончательное распоряжение соединению «Н». «Быстрее кончайте дело, иначе вам придется иметь дело с подкреплениями».

В 5 часов 15 минут Соммервилл направил Жансулю ультиматум, гласивший, что, если через 15 минут одно из английских предложений не будет принято, «я должен буду потопить ваши корабли».

Когда убитый горем Холланд покидал французский флагманский корабль, он услышал, как прозвучал сигнал боевой тревоги. Все корабли, казалось, готовились к выходу в море, тем не менее он отметил в своем рапорте: «Мало кто спешил занять места по боевому расписанию» — словно французы все еще не могли заставить себя поверить, что англичане от слов перейдут к делу.

Холланд на своей моторной лодке, рискуя жизнью, помчался к эсминцу «Фоксхаунд», который находился прямо на линии огня.

Он успел удалиться на милю от Мерс-эль-Кебира, когда в 5 часов 54 минуты Соммервилл, оттягивавший, насколько возможно, развязку, наконец отдал приказ открыть огонь.

С расстояния 10 миль — предел видимости — его линейные корабли выпустили 30 залпов из своих 15-дюймовых орудий, снаряды весом в тонну каждый обрушились на французские корабли, вызвав страшные разрушения. Один из первых снарядов попал в «Дюнкерк», разрушил орудийную башню, уничтожил главный генератор и вывел из строя гидравлическую систему. Один из офицеров, видевший это попадание, сказал, что от удара «часть брони, как гигантский поршень, рухнула вниз и раздавила всех, находившихся в башне, в лепешку». Старый линкор «Бретань» загорелся от попаданий нескольких крупнокалиберных снарядов. Над линкором в небо взметнулся гигантский столб клубящегося дыма, затем корабль перевернулся. Более тысячи человек из его команды погибли. Другой старый линкор, «Прованс», превращенный в груды обломков, выбросился на берег. У эсминца «Могадор» прямым попаданием была оторвана корма. Но главная цель англичан — линейный крейсер «Страсбург» — остался неповрежденным.

Французы открыли ответный огонь, но он был малоэффективен. Канониры не успели полностью подготовиться к бою и стреляли по движущимся целям, которые вскоре вышли за пределы досягаемости огня. Тем не менее осколками снарядов на «Худе» были ранены двое моряков, а снаряды береговых батарей начали подымать столбы воды в опасной близости от английских кораблей. В 6 часов 4 минуты, менее чем через четверть часа сокрушительного огня, английские орудия смолкли. Приказ о прекращении огня частично был отдан по гуманным соображениям, а частично по техническим причинам:

английские корабли, двигавшиеся в кильватерном строю мимо базы на запад, не могли более вести огонь по гавани, которую скрыли высокие прибрежные скалы.

Прокладывая себе путь среди обломков, укрытые пеленой дыма, «Страсбург» и пять эсминцев на полной скорости вырвались из гавани, прошли над неудачно поставленными английскими минами и устремились в открытое море. Превосходно маневрируя, французский линейный крейсер вскоре растворился в наступивших сумерках. Прошло добрых полчаса, прежде чем Соммервилл обнаружил его исчезновение. После захода солнца устаревшие самолеты-торпедоносцы «Сордфиш» были подняты с авианосца «Арк Ройал», но безуспешно. На следующую ночь «Страсбург» прибыл в Тулон, где к нему присоединился десяток крейсеров и эсминцев из Алжира и Орана. Вскоре после этого адмирал Соммервилл отправил самолеты-торпедоносцы прикончить «Дюнкерк». Не обходимости в этом не было. Поврежденный линейный крейсер никогда больше не вступит в бой, а торпедная атака привела лишь к новым тяжелым человеческим жертвам, так как от взрывов торпед детонировали глубинные бомбы на тральщике, помогавшем эвакуировать оставшихся на «Дюнкерке» членов экипажа.

Таким образом, операция «Катапульта», как и опасались ее критики, завершилась по меньшей мере — с чисто военно-морской точки зрения — лишь половинчатым успехом. Испытывая отвращение к этому, по его выражению, «грязному делу», адмирал Соммервилл в письме к жене писал: «Боюсь, что получу здоровую нахлобучку от Адмиралтейства за то, что позволил ускользнуть линейному крейсеру... Не удивлюсь, если меня после этого снимут с командования. Я не буду возражать, потому что это была совершенно ненужная и кровавая затея... По правде говоря, мне она была не по душе». Он также назвал это нападение «крупнейшей политической ошибкой нашего времени», будучи уверенным, что оно восстановит весь мир против Англии. Капитан Холланд был так потрясен случившимся, что попросил освободить его от командования авианосцем «Арк Ройал».

В Лондоне Уинстон Черчилль изложил этот «прискорбный эпизод» молчавшей палате общин. Он отдал должное мужеству французских

моряков, но упорно отстаивал неизбежность этого «смертельного удара». Когда он закончил выступление, еще раз подчеркнув решимость Великобритании «вести войну с величайшей энергией», все члены палаты вскочили на ноги, долго и бурно выражая свое одобрение. Слезы катились по щекам Черчилля, когда он вернулся на свое место.

В Мерс-эль-Кебуре адмирал Жансульт похоронил более 1200 офицеров и матросов, из которых 210 погибли на его флагманском корабле. Из ведущих персонажей этой трагедии Жансульт был предан забвению и не был реабилитирован ни вишистским правительством, ни послевоенной Францией. Адмирал Дарлан был убит в Алжире в декабре 1942 года молодым французским роялистом.

Из кораблей, участвовавших в этом сражении, могучий «Худ» взорвался и погиб почти со всем своим экипажем в бою с немецким линкором «Бисмарком» в мае 1941 года — снаряд попал в пороховой погреб. Авианосец «Арк Ройал» был потоплен немецкой подводной лодкой в ноябре 1941 года. Гордый «Страсбург», как почти и все другие французские корабли, ускользнувшие из Мерс-эль-Кебура, был затоплен своим экипажем в Тулоне, когда немецкие войска вторглись в «до этого не оккупированную» зону Франции в ноябре 1942 года.

С любой точки зрения «смертельный удар» в Мерс-эль-Кебуре надолго омрачил англо-французские отношения. Можно ли было избежать его? Был ли он необходим?

В историческом плане наиболее важным последствием операции «Катапульта» было ее воздействие на Франклина Рузвельта и общественное мнение в США. В июле 1940 года призывы Черчилля к американцам оказывали на них ощутимое влияние, но американцы сомневались, что Великобритания захочет или сможет продолжать борьбу в одиночку. Одним из наиболее влиятельных (и красноречивых) скептиков, отрицательно оценивших способность Англии, был американский посол в Лондоне англофоб Джозеф П. Кеннеди. Поэтому, принимая решение потопить флот своего бывшего союзника, Черчилль, несомненно, учитывал воздействие своего шага на Америку. Недаром в своих мемуарах, говоря о Мерс-эль-Кебуре, он указал: «Стало ясно, что английский военный кабинет ничего не страшится и ни перед чем не остановится».

Несколько месяцев спустя Гарри Гопкинс, пользовавшийся полным доверием американского президента, сообщит, что это драматическое нападение на французский флот более всего убедило Рузвельта в решимости Черчилля (и Великобритании) продолжать войну.

Лен Дейтон
Битва за Англию^[68]

Любая война полна неожиданностей и внезапных событий. Вторая мировая война изобиловала ими: от падения Франции до двух ядерных бомб, сброшенных на японские города в августе 1945 года. Однако ни одно событие не оказалось таким непредвиденным, как воздушные бои между английскими военно-воздушными силами и люфтваффе, разразившиеся летом 1940 года над Англией.

Операция «Морской лев»

Несомненно, после падения Франции Гитлер — и большинство его советников — предпочел бы переговоры о мире с Англией. Зять Муссолини, граф Чиано, в своем дневнике отметил: «Гитлер сейчас похож на азартного игрока, который, сорвав большой куш, хотел бы выйти из-за игорного стола, больше не рискуя».

Гитлер был настолько убежден в том, что игра закончена и Англия проиграла, что расформировал 15 своих дивизий, а 25 дивизий перевел на штаты мирного времени. Но англичане также оказались азартными игроками, они хотели рискнуть и отыграться.

В середине июля 1940 года Гитлер издал директиву № 16. Она начиналась следующей фразой: «Поскольку Англия, несмотря на ее безнадежное военное положение, не проявляет признаков готовности прийти к компромиссу, я решил подготовить десантную операцию против Англии и, если необходимо, провести ее». Операции было присвоено кодовое наименование «Морской лев». Многие историки утверждают, что приведенная выше фраза свидетельствует, будто Гитлер всерьез не собирался проводить эту операцию. Более убедительным подтверждением нереальности директивы № 16 считают сроки готовности к ее проведению: «Вся подготовка должна быть закончена к середине августа».

Получив эту директиву, главнокомандующий военно-морскими силами гросс-адмирал Редер отреагировал на нее немедленно. Адмиралы согласились с ней, указав, однако, что никакие даты действий не могут быть определены, пока люфтваффе не завоюют господство в воздухе над Дуврским проливом (Английский канал). В то же время они представили свой проект операции, и 28 июля командование сухопутных войск внимательно изучило его. Операторы военно-морских сил предложили район высадки десанта близ Дувра. Используя наиболее узкую часть пролива, они могли бы поставить минные поля на флангах коридора, по которому двигались бы корабли

сил вторжения. Несмотря на трудности действий в мелководных районах Английского канала, в них находилась бы группа подводных лодок, другая же группа прикрывала бы фланг, обращенный к Северному морю. Согласно расчетам, военно-морскому флоту требовалось 10 суток для доставки первой ударной волны десанта на английский берег. Командование сухопутных войск пришло в ужас от этих расчетов.

Армия заявила флоту о необходимости высадить десант на участке южного побережья Англии от Фолкстона до Брайтона (главное направление) и на направлении Шербур — Плимут (отвлекающий десант). Сухопутным силам требовались танки и транспортные средства, что означало использование всех паромов для перевозки автотранспорта, а также средств переправки через пролив. Первый эшелон десанта должен был высадиться на берег за трое суток. Первоочередными объектами захвата намечались обширные районы Южной Англии, простирающиеся почти до самого Лондона. Если принимать все это серьезно, первый эшелон должен был включать 280 тысяч человек, 30 тысяч единиц транспортных средств и танков и 60 тысяч лошадей! Ознакомившись с предложениями флота, главнокомандующий сухопутными войсками вермахта Браухич и его начальник штаба Гальдер твердо заявили: «Мы не можем осуществить нашу часть этой операции с помощью средств, предоставляемых военно-морским флотом».

31 июля Гитлер вызвал главнокомандующих сухопутными и военно-морскими силами на свою дачу в Баварских Альпах, близ Берхтесгадена. Первым доложил свою точку зрения Редер. Подготовка идет так быстро, как позволяют обстоятельства. Военно-морские силы обшарили все порты оккупированной Европы в поисках подходящих транспортных средств, однако переоборудование их в военных целях и доставка в порты Дуврского залива не могут быть закончены ранее 15 сентября. Ввиду требования армейского командования о высадке на более широком фронте и в связи с перспективой осенних штормов, было бы лучше планировать высадку на май 1941 года, сказал Редер.

Гитлер не рассердился на это предложение, но указал, что английская армия будет более подготовлена к отражению вторжения в

следующем году, и заметил, что погода в мае вряд ли намного лучше, чем в сентябре.

Отправив Редера домой, Гитлер продолжил рассмотрение плана операции «Морской лев» с командованием сухопутных войск. По поводу одного пункта он зашел настолько далеко, что выразил сомнение в «технической осуществимости» всей операции. Однако никакие сомнения подобного рода не отразились на директиве, изданной на следующий день. Она была подписана генералом-фельдмаршалом Кейтелем и исходила от верховного командования вермахта, лично контролируемого Гитлером. Подготовку надлежало закончить к 15 сентября. Тем временем люфтваффе должны были развернуть наступление крупными силами. В зависимости от результатов воздушных налетов в конце августа Гитлеру предстояло принять решение о вторжении.

Первоначальный состав группировок всех родов люфтваффе, выделенных для участия в десантной операции к началу битвы за Англию, был следующим:

Группировка, базировавшаяся на аэродромах севера Франции:

Истребители	809 (666) [69]
Истребители-бомбардировщики	246 (168)
Пикирующие бомбардировщики	316 (248)
Двухмоторные бомбардировщики	1131 (769)
Дальние разведчики (постановщики мин, разведчики погоды)	67 (48)

Группировка, базировавшаяся на аэродромах запада Норвегии и Дании:

Истребители	84 (69)
Истребители-бомбардировщики	34 (32)
Бомбардировщики	129 (95)
Дальние разведчики	67 (48)
Ближние разведчики	28 (15)

Английская авиация имела в своем составе 609 (531) истребителей.

Переложив на Геринга и подчиненные ему силы решение ближайшей задачи, армейское командование провело ряд десантных учений, а военно-морские силы начали сосредоточивать в портах многочисленные транспортные средства, стянутые с многих рек и каналов оккупированной Европы. Везде кипела работа по переоборудованию транспортных средств для нужд десантных сил.

Черчилль не принимал всерьез угрозу вторжения. 10 июля он призвал военный кабинет не обращать внимания на операцию «Морской лев»: «...это была бы чрезвычайно рискованная и самоубийственная операция», — сказал он. В этом свете можно оценить смелое решение Черчилля отправить весной 1940 года танковые части в Египет. Этим же можно объяснить поддержку им Бивербрука, нового министра авиационной промышленности, который мобилизовал рабочую силу и реквизировал частные предприятия, направляя их на увеличение производства истребителей в ущерб производству других видов вооружения.

На этом этапе войны любое вторжение в Англию — с моря или с воздуха — встретило бы мощный отпор. Проводимые англичанами эксперименты — покрытие в прибрежных районах поверхности моря горячей пленкой — сулили потрясающие результаты; командование бомбардировочной авиации тайно готовило свои эскадрильи к применению химического оружия.

Кое-кому все это дает основание высказать предположение, что в 1940 году не существовало реальной угрозы вторжения, и делать вывод, что боевые действия истребительного авиационного командования не были решающей битвой за Англию. Но это — обманчивое утверждение. Если бы люфтваффе уничтожили английскую истребительную авиацию, фашистские бомбардировщики смогли бы сбросить со счетов все остальные преграды вторжению одну за другой. Получив такое господство в воздухе, которого люфтваффе добились в Польше всего за три дня, немецкие бомбардировщики, наводимые с помощью радиопеленгования, смогли бы уничтожить все главнейшие объекты от Уайтхолла до главных сил Флота метрополии. Для сил вторжения и ударной авиации не осталось

бы непреодолимых преград, окажись небо над Англией во власти немцев.

Битва за Англию. Тактика

В прошлом продолжительность боев определялась количеством наличных боеприпасов, а также усталостью воинов и наступлением темноты. Только когда армии начали получать снабжение и боеприпасы на поле боя, термин «бой» перестал означать короткое столкновение при дневном свете. К XX столетию продолжительность боев стала неограниченной. Битва за Англию длилась не часами, а месяцами. Ее можно разделить на четыре этапа. Каждый из них характеризуется изменением тактики немцев и преследуемых ими целей, однако временные границы этих этапов четко не определены. Разные тактические приемы подчас применялись одновременно, и различные типы целей нередко подвергались ударам в один и тот же день.

Первый этап. Начавшись в июле, он продолжался около месяца и заключался в нанесении ударов по английским прибрежным конвоям и в воздушных боях над Дуврским проливом.

Второй этап. С 12 августа, названного немцами «Днем орла», когда начали наноситься главные удары. Они продолжались несколько более недели.

Третий этап. Руководители английских военно-воздушных сил назвали его «критическим периодом». Основными объектами ударов были аэродромы английской истребительной авиации на юго-востоке Англии. Продолжался с 24 августа до 6 сентября.

Четвертый этап. С 7 сентября. Удары авиации сосредоточены по Лондону, вначале в дневное, а затем в ночное время.

На первом этапе в районе Дуврского пролива люфтваффе сформировали группу в составе 80 пикирующих бомбардировщиков и 120 истребителей. Задача — закрыть пролив для английского судоходства. В июле и в начале августа немцы имели разумные основания для пресечения английского судоходства в этом районе. Было решено, что люфтваффе развернут действия всей авиации на

этом театре боевых действий только после приказа Гитлера. Предполагалось, что верховный главнокомандующий будет координировать действия всех сил, участвующих в операции, приурочивая наступление с воздуха таким образом, чтобы вторгающаяся армия нашла силы английской обороны оглушенными и парализованными ударами с воздуха, как это получилось в Польше и во Франции.

Тем временем удары по конвоям в проливе осуществлялись немецким командованием по поговорке: «Нос вытащил — хвост увяз». Когда англичане посылали свои истребители для непосредственного прикрытия конвоя, немецкие истребители втягивали их в бой на уничтожение и вынуждали расходовать их ресурсы прежде, чем немецкие бомбардировщики подойдут для удара по судам. Если командование английскими истребителями уклонялось от втягивания их в бой, бомбардировщики люфтваффе беспрепятственно топили суда.

Командующий английской истребительной авиацией Даудинг в своих первоначальных планах вообще не предусматривал прикрытия судоходства и, оказавшись в такой неожиданной ситуации, был вынужден доложить штабу военно-воздушных сил и Адмиралтейству, что решить задачу прикрытия судов в море он может, только вводя в бой опасно большую часть своих сил. Поэтому конвои могут получить лишь минимальное воздушное прикрытие.

На этом этапе система радиолокационного наблюдения англичан была не слишком эффективна, поэтому немецкие истребители и бомбардировщики могли набирать высоту и строиться в боевые порядки за пределами «видимости» английских радиолокаторов. На пересечение пролива немецким самолетам требовалось всего пять минут, тогда как истребителю типа «спитфайр» требовалось 15 минут для набора высоты, чтобы вступить в бой с появившимся противником.

С ростом потерь в судах давление свыше на Даудинга усиливалось. От него потребовали перебазировать истребители на прибрежные аэродромы, чтобы самолеты можно было поднимать в воздух с появлением противника. Некоторое число истребителей

перебазировали, однако для них было чрезвычайно опасно находиться так близко к боевым порядкам противника.

Используя сравнительно небольшие силы, немецкие командиры действовали тактически грамотно: разведав предварительно систему английской обороны, определив время, необходимое англичанам на то, чтобы обнаружить силы немцев, они наносили удары по многочисленным прибрежным конвоям. Обычно истребители держались в ближнем прикрытии бомбардировщиков, периодически отделяясь от них для разведки приближающихся английских истребителей.

Ответные действия Даудинга были нерешительными. Немецкий главнокомандующий Кессельринг обнаружил, что при одновременной атаке двух конвоев английская оборона вынуждалась к разделению сил на два направления. Этот прием хорошо сработал в 8 часов 24 июля, когда были нанесены два скоординированных удара: один по конвою, находившемуся в районе Дувра, другой — по конвою, который входил в устье Темзы. Прикрытие конвоя — 54-я эскадрилья из Рошфорда, — высланное против одной группы самолетов, обнаружило и вторую группу самолетов противника, и ему пришлось разделить силы, чтобы атаковать обе группы. Нападавшие на конвои бомбардировщики потерь не понесли, но и сами не причинили кораблям ущерба. Около 11 часов две ударные группы по 10–12 бомбардировщиков в каждой появились в устье Темзы для повторной атаки конвоя. Английский начальник Парк, руководивший обороной, направил для прикрытия конвоя 54-ю эскадрилью и, зная, что у немецких истребителей, сопровождавших бомбардировщики, скоро кончится горючее, поднял в воздух еще и 610-ю эскадрилью с задачей перехватить отходящие истребители противника. В действительности же 610-я эскадрилья наткнулась на 52-ю истребительную дивизию немцев, высланную для прикрытия отходивших «мессершмиттов». Завязался бой. Обе стороны потеряли по три истребителя.

25 июля. Типичный день боев в Дуврском проливе. Командующий авиацией немцев в зоне проливов Кессельринг затеял игру в «кошки-мышки» с конвоем ЗУИ/-8 (21 угольщик и каботажные суда), шедшим Дуврским проливом в западном направлении. Только 11 из них прошли мыс Данджнесс, и только два судна дошли до пункта назначения, не

получив повреждений. Вскоре после полудня группа истребителей «мессершмитт», летевшая бреющим полетом, направилась к Дувру. Их цель — отвлечь на малые высоты английские истребители и, расчистить путь для пикирующих бомбардировщиков. Английская 65-я эскадрилья ринулась в бой, завязавшийся на таких малых высотах, что один немец на вираже врезался в воду. Против сорока «мессершмиттов» в бой вступили еще две эскадрильи истребителей англичан. Как только вся английская истребительная авиация в районе конвоя была скована боем, конвой беспрепятственно атаковали три дивизии пикирующих бомбардировщиков (300–380 самолетов), подошедшие на средних высотах.

Корабли охранения конвоя открыли по ним огонь зенитной артиллерии и запросили о срочной присылке истребителей прикрытия. На помощь бросились девять истребителей «спитфайр». Прибыв, они увидели, что Кессельринг выслал на перехват им превосходящую численностью группу «мессершмиттов». Среди сбитых «спитфайров» был самолет командира английской группы.

Управляющий боем командир сектора ПВО понял, что, высылая на атаку немецкие силы равное число своих самолетов, он скоро останется без истребителей. Поэтому после полудня, когда очередная группа из 50 бомбардировщиков «Ю-88» подошла для удара по конвою, он выслал на перехват только восемь истребителей 64-й эскадрильи. Их встретило прикрытие бомбардировщиков. Английские истребители неустрашимо пошли в атаку. На помощь им взлетели оставшиеся самолеты 64-й эскадрильи. Последние пошли в лобовую атаку на бомбардировщики. «Юнкерсы» потеряли строй и повернули назад. «Мессершмитты» прикрытия также отступили.

Когда конвой пришел на траверз Фолкстона, «мессершмитты» стали поливать суда конвоя пулеметным огнем с малых высот, чтобы отвлечь внимание судовых артиллеристов от 60 пикирующих бомбардировщиков Ю-87, зашедших в атаку со стороны полуденного солнца. Эта атака была мастерски приурочена к перерыву в воздушном прикрытии, и «юнкерсам» удалось потопить пять судов конвоя. Одновременно с бомбардировщиками конвой также был атакован фашистскими торпедными катерами. К наступлению ночи два поврежденных английских эсминца из охранения конвоя укрылись в

гавани Дувра. После этого дня Адмиралтейство приняло решение отказаться от проводки конвоев Дуврским проливом в дневное время.

8 августа в проливе произошел еще один характерный бой. К этому дню потери англичан составили 18 судов и четыре эскадренных миноносца. В светлое время суток пролив стал настолько опасен, что эсминцы были выведены из него. Адмиралтейство стало планировать переход конвоев Дуврским проливом с наступлением темноты. Первый такой конвой SW-9 в составе 24 судов был сформирован в Саутенде. К проводке конвоев через этот опасный пролив, ставший таким в результате ударов немецкой авиации, английские власти толкала не только экономическая необходимость, но и вопросы престижа. Германская пропаганда утверждала, что Дуврский пролив закрыт немцами. Вечером 7 августа, выйдя из устья Темзы в охранении восьми кораблей эскорта, в том числе двух миноносцев, конвой направился вдоль побережья на запад.

На французском берегу против Фолкстона, в самой узкой части пролива, немцы устроили радиолокационную станцию, позволявшую наблюдать за прохождением конвоев. С наступлением рассвета их торпедные катера атаковали конвой и потопили три судна, нанеся повреждения еще трем судам.

Для уничтожения конвоя немецкое командование выделило авиакорпус под командованием Рихтхофена, специалиста по бомбометанию с пикирования. Высота облачности в этот день была около 700 метров, что затрудняло действия пикирующих бомбардировщиков. Их атакам мешали и аэростаты воздушного заграждения, буксируемые судами конвоя. Англичане выделили для прикрытия конвоя около пяти эскадрилий (примерно 80 истребителей). Несмотря на сопровождение истребителей, пикирующие бомбардировщики «Ю-87», прибывавшие в район местонахождения конвоя малыми группами, почти не смогли вести прицельное бомбометание по судам.

В полдень Рихтхофен применил другой тактический прием. Более 30 истребителей «Me-109» и «Me-110» сопровождали три дивизии «Ю-87» (около 300 бомбардировщиков), шедших плотными боевыми порядками. Английская сеть радиолокационного наблюдения своевременно обнаружила приближение крупной воздушной цели.

Поэтому англичане успели прислать на прикрытие конвоя более 30 истребителей «спитфайр» и «харрикейн». Прибыв в район конвоя, «мессершмитты» искусно связали боем английские самолеты, обеспечив «юнкерсам» возможность беспрепятственно бомбардировать суда конвоя. За 10 минут были потоплены четыре торговых судна, а другие семь получили тяжелые повреждения. Во время атаки конвой распался, уцелевшие суда разошлись в разных направлениях, чем ослабили защиту аэростатами.

Решив уничтожить конвой до последнего судна, Рихтхофен к концу дня организовал еще один удар по остаткам конвоя, пытавшимся собраться в районе острова Уайт. В этой атаке участвовали 82 «Ю-87» и почти столько же истребителей. Английские самолеты, наведенные радиолокационными станциями, успели прибыть в район боя, однако завязавшаяся схватка в воздухе окончилась безрезультатно. К концу дня конвой был разгромлен; в районе боя стояла штормовая погода, поэтому многие суда, получив тяжелые повреждения, быстро тонули. По окончании атаки всего шесть судов еще двигались в направлении ближайших портов. Из них дошли только четыре судна. В штормовом море никто из спасшихся с потопленных судов не уцелел. Не было организовано и спасение английских летчиков со сбитых над морем самолетов. Зато у немцев была организована эффективная служба спасения на воде и все летчики были снабжены индивидуальными средствами спасения.

В августе в Дуврском проливе такие «престижные» конвои больше не появлялись. Если бы от их проводки отказались несколькими неделями раньше, не было бы и таких тяжелых потерь в английской истребительной авиации: за три недели июля она потеряла над морем не менее 220 летчиков. Было и одно светлое «окошко» в этот безрадостный день. Английское министерство авиации, принимая на веру доклады своих летчиков, объявило об уничтожении 60 немецких самолетов (фактические потери в этот день составили: у немцев — 31 самолет, у англичан было сбито 19 истребителей).

Тем временем наступил второй этап действий — «День орла». Еще в июле радиоразведка люфтваффе и немецкого почтового управления установила свои пункты радиоперехвата вдоль побережья Дуврского пролива. Операторы этих пунктов обнаружили интенсивный

радиообмен англичан в полосе 12-метрового диапазона частот. Ряд специалистов предположили, что к этому радиообмену имеют отношение 100-метровые мачты неустановленного назначения, расставленные вдоль английского побережья пролива. В последующем немецкие радиоразведчики обнаружили другие факты, заслуживавшие внимания. На возбужденные радиопереговоры летчиков истребительной авиации отвечали более спокойные голоса по высокочастотному радиотелефону. Неизменная интенсивность и район радиообмена увязывались с руководством действиями самолетов английских военно-воздушных сил и информированием их о численности находящихся в воздухе соединений немецких самолетов, их местонахождении, курсах и высотах их полетов.

Разведка немцев, проанализировав все эти донесения, 7 августа направила такое разведывательное донесение оперативному командованию: «Поскольку английские истребители управляются с земли по радиотелефону, их силы привязаны к соответствующим наземным радиостанциям и, таким образом, ограничены в подвижности, даже принимая во внимание вероятность того, что часть наземных станций могут быть мобильными. Следовательно, сосредоточение крупных сил истребительной авиации в определенных пунктах за короткое время не может быть ожидаемо».

Это было губительной ошибкой в оценке обстановки. Считая, что управление английской авиацией осуществляется примитивным способом по радиотелефону с наземных постов управления эскадрильями, привязанными каждая к своему местному посту, командование люфтваффе пришло к заключению, что удары, наносимые крупными силами авиации, будут отражаться только силами местного базирования. При этом немцы даже не принимали во внимание существование у англичан радиолокационных станций (РЛС).

С целью проверить это предположение и вскрыть возможность взаимодействия английских истребителей с вышеуказанными станциями было решено до «Дня орла» посвятить один день нанесению ударов по указанным станциям и аэродромам истребительной авиации, расположенным у южного побережья Англии.

С учетом данных метеорологической разведки, проведенной немецкими самолетами-разведчиками в Атлантике, начало операции было назначено на 13 августа, а днем раньше должны проводиться подготовительные удары. Английская разведка в этот период также добилась неплохих результатов, прослушивая радиосети люфтваффе. У самолетов — разведчиков погоды немецкие штабы запрашивали состояние погоды не вообще, а в вероятных районах планируемых ударов. Ответы на такие запросы передавались с воздуха. Важную роль для определения намерений немцев имело то обстоятельство, что каждый немецкий самолет, готовящийся к боевому вылету, проверял свою радиостанцию с выходом в эфир. Наблюдение за такими сигналами позволило довольно точно установить число самолетов, которые будут использованы в следующие 24 часа. С приближением дня начала операции английский командующий имел довольно ясное представление, что его атакуют силы противника, далеко превосходящие то, с чем он имел дело до этого.

12 августа в 8.40 16 «Me-109» взлетели с аэродрома Кале. Их задачей было провести точечное бомбометание по английским радиолокационным станциям. К этому времени самолеты «Me-109» 52-й авиадивизии уже пересекли Дуврский пролив и подходили к Кенту. С ближайшего аэродрома на перехват им были посланы «спитфайры» 610-й эскадрильи. В завязавшемся воздушном бою немцы преднамеренно сместили район боя к востоку, чтобы расчистить путь «Me-109» ударной группы. Последние вышли к проливу на высоте 5500 метров и направились к Дувру. Первая четверка «мессершмиттов» вышла из строя и спикировала на 100-метровые мачты радиолокационной станции Дувра. Точно сброшенные бомбы сотрясли пилоны и уничтожили технические строения. Следующая четверка направилась на север, к графству Кент, где находилась еще одна РЛС. Сброшенная бомба упала так близко к постройке, в которой находился радиопередатчик, что бетонное сооружение сдвинулось с фундамента. В Рай бомбы поразили почти все сооружения станции. Последняя четверка «мессершмиттов» нанесла удар восемью 500-килограммовыми бомбами по Певенси, близ Брайтона, где вся станция взлетела на воздух. Из четырех атакованных радиолокационных станции уцелела только одна — в графстве Кент.

В образовавшейся в результате налета 160-километровой прорехе в системе радиолокационного наблюдения ни один истребитель не мог быть наведен на авиационные соединения, устремившиеся в эту дыру для атаки аэродромов истребительной авиации в Липмне и Хокинге. Особенно большой ущерб был нанесен аэродрому и авиации, базировавшимся в Хокинге.

Около полудня уцелевшая радиолокационная станция обнаружила большую группу самолетов, приблизившуюся к Брайтону с моря. Это была бомбардировочная авиадивизия — около 100 «Ю-88», в непосредственном сопровождении 120 «Ме-109». Сверху их прикрывали еще 25 истребителей «Ме-110». Не доходя до Брайтона, все соединение изменило курс на запад и последовало вдоль побережья в направлении на остров Уайт. Подойдя к мысу Спитхед, немцы круто повернули на север и сквозь разрыв в цепи аэростатов заграждения ринулись в атаку на причалы и доки военно-морской базы и города Портсмут. 15 «Ю-88» последовали дальше на запад.

213-я эскадрилья «харрикейнов», вылетевшая на перехват, не смогла войти в зону над Портсмутом: все небо там было покрыто разрывами зенитных снарядов с кораблей, находившихся в базе, и береговых батарей ПВО. Особенно интенсивной атаке подвергся линкор «Куин Элизабет», однако как ему, так и другим кораблям удалось избежать серьезных повреждений. Сильно пострадали от бомбежки береговые сооружения. Три «Ю-87» были сбиты. При выходе из зоны боя немецкие самолеты были атакованы «харрикейнами». В последней схватке был сбит самолет командира немецкого соединения.

Тем временем 15 «Ю-88», не участвовавших в атаке главных сил, вышли на остров Уайт и нанесли бомбовый удар по радиолокационной станции в Вентнор — одной из наиболее мощных на всем побережье Англии. Станция была уничтожена.

При отходе этой группы она была настигнута двумя эскадрильями «спитфайров», поздно замеченных «мессершмиттами» прикрытия, державшимися на слишком большой высоте. В результате 10 «Ю-88» были сбиты прежде, чем прикрывавшие их истребители пришли на помощь.

В это время свежая группа «мессершмиттов» из числа участвовавших в утреннем налете на радиолокационные станции была

выслана для удара по прибрежному аэродрому Менстон. Этот удар пришелся на время, когда истребители прикрытия английского аэродрома ушли на базу. Взрывами более 150 бомб и пулеметным огнем были уничтожены мастерские, ангары и находившиеся на поле двухмоторные ночные истребители «бленхейм». Начавшаяся в июле битва за Англию непрерывно продолжалась уже полтора месяца, поэтому, наряду с большой усталостью летного состава, налет сильно отразился на моральном состоянии английских летчиков. Сотни пилотов и чинов технического персонала укрылись в бомбоубежищах и оставались в них в течение нескольких дней, несмотря на угрозы, приказы и увещания их офицеров.

Но и в воздухе у английских летчиков проявлялись признаки морального и физического истощения. Один из «спитфайров», совершивших посадку на аэродром Менстон в этот день, пилотировался молодым летчиком-сержантом, постоянно участвовавшим в боевых вылетах со времени эвакуации Дюнкерка. Теперь он просто избегал вступления в бой и вел себя таким образом в течение нескольких дней. Он покидал строй при первом появлении противника, расходовал впустую весь боевой запас и уходил на свой аэродром. «Он не просто устал, он просто трусил», — жаловался один из офицеров эскадрильи. Опасаясь, что трусость сержанта может перекинуться и к другим пилотам, его отстранили от полетов и отправили в отпуск в ожидании перевода в другую часть.

Для немцев это был день явного триумфа люфтваффе: отличной подготовкой к всеобщему наступлению. И все же, когда командующий 2-м воздушным флотом Кессельринг послал вечером этого дня группу разведчиков-бомбардировщиков «дорнье» для удара по объектам на побережье графства Кент, они обнаружили, что пораженные утром радиолокационные станции ремонтируются и скоро приступят к работе. Только станция Вентнор была поражена настолько, что не поддавалась восстановлению.

Немецкая разведка с сожалением доносила, что ни одна английская радиолокационная станция не прекратила радиообмена. Ни один из возвратившихся экипажей не смог доложить, что ему удалось уничтожить радиомачты у англичан.

Задуманная Герингом операция «День орла» не имела достаточно убедительного замысла. Постановка слишком многих целей и задач вызвала распыление сил. Должны были уничтожаться суда и наземные объекты, торговые порты и гавани, прибрежное судоходство. Бомбардировке подлежали места базирования всех родов авиации, а также заводы, производящие самолеты, комплектующие части и вооружение. Корабли военно-морского флота также должны были атаковаться на всем протяжении от Дувра до Скапа-Флоу. Последнее было особенно трудно, так как люфтваффе не имели бронебойных бомб, необходимых для потопления крупных боевых кораблей.

Среди этого множества целей и задач Геринг не определил приоритетных, и никто не знал, как намереваются уничтожить истребительную авиацию англичан: бомбовыми ударами по местам базирования или в воздухе, вовлекая ее в воздушные бои.

Если стратегия была неопределенной, то и тактика была не лучше, потому что разведка люфтваффе имела лишь смутное представление о системе обороны англичан с помощью истребительной авиации. Например, налет на Портсмут и Вентнор был спланирован таким образом, что атакующие силы на части маршрута шли параллельно побережью Англии. Это было бы хорошо при подходе с моря, так как приближающиеся самолеты сливались бы с поверхностью моря на экранах радиолокаторов. Однако при этом было упущено из виду, что радиолокационная станция в Полинге, находящаяся восточнее, отлично просматривала приближающиеся самолеты, не говоря уже о бесчисленных постах визуального наблюдения, рассеянных по всему побережью и имеющих телефонную связь с системой наведения истребителей.

Упущением разведки люфтваффе было и то, что на картах, которыми пользовались немецкие штабы, не было указано: какими аэродромами пользуется истребительная авиация, какими — другие рода авиации и какие аэродромы не используются. В целом действия немцев свидетельствовали о глубоком непонимании системы управления истребительной авиацией англичан.

Не меньшую неинформированность разведка люфтваффе проявила в отношении расположения и сравнительного значения объектов авиационной промышленности Англии. Большинству английских

школьников было известно, что на «спитфайрах» и «харрикейнах» установлены моторы «Роллс-Ройс Мерлин». Всего два завода выпускали эти моторы, и один из них находился в Дерби — всемирно известном местонахождении фирмы «Роллс-Ройс». Производство истребителей «спитфайр» было еще более уязвимо, так как лишь один завод выпускал эти самолеты, и это было хорошо известное предприятие «Супермарин», находящееся в Саутгемптоне, в опасной близости к базам немецкой бомбардировочной авиации.

Эти три цели заслуживали любых жертв ради их уничтожения, однако до даты «Дня орла» не предусматривалось нанесения ударов, которые оказались бы смертельными для истребительного командования.

13 августа «День орла» начался серией невероятных ошибок немецких штабов. Начнем с того, что разведчики погоды дали неверный прогноз, и немцам пришлось начинать в условиях низкой облачности, дымки и мороси. Герингу пришлось лично отложить операцию. Однако сигнал отбоя получили не все соединения. Одним из них была 2-я авиадивизия бомбардировщиков, вылетевшая в составе 70 самолетов «дорнье». При пересечении берега Франции к ним присоединилась истребительная авиадивизия — около ста «Ме-110», также не получившая сигнала об отмене вылета. Следуя в плотной облачности, немецкие бомбардировщики не были замечены английскими истребителями вплоть до самого выхода на цель, находившуюся близ устья Темзы, где и отбомбились, одновременно ведя бой с подоспевшими истребителями англичан. На отходе немцев атаковала 111-я эскадрилья, сбившая пять бомбардировщиков противника.

Тем временем неразбериха у немцев продолжалась. 2-я истребительная авиадивизия, вылетевшая на прикрытие 54-й бомбардировочной авиадивизии «Ю-88», потеряла своих опекаемых в условиях плохой видимости, когда бомбардировщики, едва оторвавшись от берега, повернули обратно по причине плохой погоды.

Другая группа бомбардировщиков из состава 54-й авиадивизии, вылетавшая на бомбардировку Портленда с задачей отвлечь английских истребителей от главных сил, была отозвана в базу, однако прикрывавшие их истребители «Ме-110» не получили этого

приказания и продолжали полет самостоятельно. На подходе к Портленду их перехватили истребители английской 238-й эскадрильи. Хотя радиолокационная станция во Вентноре еще не вошла в строй, остальная сеть радиолокационного наблюдения и наведения уже заработала.

К полудню погода улучшилась. В штабах люфтваффе застучали телетайпы, передавая новые приказание, в воздух начали подниматься самолеты ударных групп, на этот раз знаменуя официальное начало операции. Планом предусматривалось нанести массированный бомбовый удар по военным объектам всей Южной Англии, обращая особое внимание на аэродромы истребительной авиации. Основным недостатком этого плана было то, что в люфтваффе понятия не имели, на каких именно аэродромах базировались истребители англичан. Случилось так, что все атакованные немцами аэродромы не имели отношения к истребительному командованию.

На острие удара следовала группа пикирующих бомбардировщиков «Ю-87», наносившая бомбовый удар по аэродрому Детлинг близ Мейдстоуна. Путь этой группе был расчищен отборной группой истребителей из состава 26-й авиадивизии. Эта группа вступила в бой со «спитфайрами», прикрывавшими аэродром, и отвлекла их на большие высоты, открыв, таким образом, путь для «юнкерсов». Последние отбомбились без помех, как на учении. Англичане лишились 22 самолетов и 76 человек летного состава, убитых на аэродроме.

Английское командование быстро усвоило полученный урок, и когда самолеты из 53-й истребительной авиадивизии пытались отвлечь английских истребителей к западу от острова Уайт, последние уже не поддавались на эту уловку. Фактически этот маневр ухудшил положение подходивших к району боя немецких бомбардировщиков. Девять «Ю-88» были обнаружены «спитфайрами» 609-й эскадрильи, и шесть из них были сбиты.

Фактически в этот день немцы потеряли шесть самолетов, англичане — 13 истребителей. На земле было уничтожено не менее 47 английских самолетов.

Немецкие ночные бомбардировщики также активно действовали в эти сутки, нанося удары по крупным городам Англии, Шотландии и

Уэльса. Из всех этих атак две добились исключительно точных попаданий по авиазаводам в Белфасте и Бирмингеме.

В эти сутки самолеты люфтваффе совершили 1485 вылетов. Английские истребители ответили на это 700 вылетами. На следующий день количество самолето-вылетов было значительно меньше с обеих сторон, но теперь противники сцепились в боевой схватке, и поскольку летние дни становились значительно короче, люфтваффе должны были напрячь все силы, чтобы добиться быстрого, решающего завершения схватки.

Обе стороны продолжали преувеличивать нанесенный противнику ущерб. Это не слишком вредило англичанам, поскольку их стратегия заключалась просто в сбережении сил истребительного авиакомандования до тех пор, пока погода слишком испортится для того, чтобы предпринять попытку вторжения. Они никогда не надеялись уничтожить немецкие военно-воздушные силы.

Немцы же должны были уничтожить английскую истребительную авиацию, чтобы перенести затем удары на объекты, поражение которых обеспечивало бы вторжение. Поэтому для стратегии люфтваффе было жизненно важно постоянно иметь текущую картину состояния сил противника. Однако они этого не учли. В люфтваффе слишком полагались на донесение штабов о результатах боевых вылетов и не выделяли в первую очередь цели, наиболее важные с точки зрения поддержания боеспособности английской истребительной авиации. Даже когда цели избирались правильно, у немцев была тенденция сбрасывать их со счетов после боевых вылетов, как больше не существующие.

Разведка немцев точно оценивала боевой состав истребительной авиации противника по состоянию на июль. Однако она ошиблась в расчете пополнения материальной частью, поступающей от промышленности. Еще большую ошибку немцы допустили в расчете возможностей пополнения за счет ремонта самолетов.

Такие же ошибки были допущены в оценке возможностей пополнения истребительной авиации летным составом. Обстановка в этой области была тяжелой, но не такой, как считали в разведке люфтваффе.

Для того чтобы испытать боевые возможности истребительного авиакомандования, было решено атаковать противника одновременно со всех направлений. 5-й воздушный флот, базировавшийся на аэродромах Норвегии и Дании, приобрел значительный опыт нанесения изолированных ударов и воздушной разведки в районах Шотландии и севера Англии. Теперь этот флот должен был участвовать вместе с главными силами в намечаемой частной однодневной операции. Она началась 15 августа и, как уже бывало, сопровождалась еще одной путаницей в штабах люфтваффе. Синоптики предсказали на этот день плохую погоду, с низкой плотной облачностью. На основании этого прогноза Геринг решил не начинать в этот день действия главных сил. Вместо этого он решил провести разбор предыдущих боев, связанных с «Днем орла». С присущей ему склонностью к помпезности Геринг назначил совещание в своем дворце Каринхол в районе Берлина, куда и должно было прибыть все высшее командование авиационных сил, участвующих в операции.

К полудню облачность рассеялась, небо стало ясным и ветер почти стих. Самолеты-разведчики донесли, что такая ясная погода наблюдается на всем протяжении от Центральной Франции до большей части Англии.

Детальные планы намеченных массированных ударов крупными силами авиации давно были разосланы всем воздушным флотам. В головной эшелон атакующих сил был выделен 2-й авиакорпус, состоявший из трех дивизий бомбардировщиков различных типов. Командир корпуса вместе с другими вылетел на совещание к Герингу. Начальник штаба корпуса полковник Дикман, взглянув на ясное небо, решил проявить инициативу и отдал приказ на вылет по плану операции.

По этому плану бомбардировочные авиадивизии корпуса должны были нанести удары по четырём аэродромам в Южной Англии: Хокинг, Лимпне, Рочестер и Истчерч. Над вылетевшими авиадивизиями появился «зонтик» из истребителей, взлетевших позже, чтобы сэкономить горючее. Введя в действие 2-й авиакорпус, Дикман привел в движение другие соединения — от Ланниона в Бретани до Ставангера в Норвегии, в результате в воздухе разыгралась битва более интенсивная, чем в любой день операции. 5-й воздушный флот высрал

в бой подразделение самолетов-разведчиков «Хейнкель-115С» для отвлекающих действий у побережья Шотландии, с целью оттянуть на север от района основного удара самолеты 13-й группы истребителей. Главные силы включали 72 бомбардировщика «Хейнкель-111», часть, специализировавшаяся в применении торпед против торговых судов. Сопровождал их 21 истребитель «Ме-110».

Для этих дальних рейдеров день начался неудачно. Навигационная ошибка привела главные силы так близко к району действия отвлекающего подразделения, что операторы английского радиолокатора приняли их за одну крупную группу. По тревоге была поднята в воздух дежурная 72-я эскадрилья, которая набрала высоту 6 тысяч метров и обнаружила под собой около ста самолетов противника. Англичане разделились на две группы: одна пошла в атаку на истребители сопровождения, вторая — на бомбардировщики. Управляющий действиями истребительной авиации в этом секторе проявил мужество, стянув в район боя дежурные эскадрильи с севера и с юга: от Шотландии до Йоркшира. Этот смелый тактический шаг позволил разгромить немецкую группу: англичане сбили 15 немецких самолетов, потеряв один истребитель.

Южная группа самолетов 5-го воздушного флота, состоявшая из бомбардировщиков «Ю-88», вылетела без истребительного прикрытия. Эта группа, атакованная двумя эскадрильями, прорвалась к намеченной цели, отбомбив аэродром в Дрифилде и уничтожив на аэродроме девять бомбардировщиков. Однако при этом было сбито семь «Ю-88».

Даже учитывая английские бомбардировщики, уничтоженные на аэродромах, немцы заплатили дорогую цену. Из самолетов 5-го воздушного флота было потеряно 20 процентов участвовавших сил. Это разочаровало командование люфтваффе. Стало ясно, что северные группы английских истребителей не были обескровлены отправкой самолетов для восполнения потерь южной группы — 11-й. Было также доказано, что немецкие соединения бомбардировщиков не могут действовать без эскорта одномоторных истребителей.

После этого дня боев одномоторный истребитель приобрел первостепенное значение. Ушли в прошлое теории, что скоростной бомбардировщик может уйти от преследования истребителей. С этого

дня стало очевидно, что любой налет должен обеспечиваться самолетами, не уступающими тем, которые использует обороняющаяся сторона.

Теперь люфтваффе могли применять крупные силы бомбардировочной авиации только в пределах дальности действия их истребителей «Me-109». В свою очередь, это позволило командованию английской истребительной авиации базировать все свои силы на аэродромах, находящихся за пределами радиуса полета тех же «Me-109». С этого времени, если понадобится, они все еще смогут вести борьбу с немецкими рейдерами с аэродромов, не подвергающихся бомбардировке.

Из статистики потерь вытекало еще одно обстоятельство. Соединения бомбардировщиков люфтваффе могли избежать подрывающих моральное состояние потерь, только обеспечив два истребителя сопровождения на каждый бомбардировщик, следующий в боевом строю.

В этот день, например, немецкая авиация произвела 786 самолето-вылетов, из которых только 520 самолето-вылетов сделали бомбардировщики. Поэтому почти половина парка бомбардировщиков воздушных армий оставалась в бездействии на земле из-за недостатка истребителей сопровождения. На юге 2-й и 3-й воздушные флоты использовали истребители «Me-109» как обычно, но и они не смогли предотвратить серьезные потери в самолетах более уязвимых типов, например «Ю-87» и «Me-110». Немецкая авиация наносила большой ущерб аэродромам, подвергшимся ее ударам, однако сплошь и рядом она поражала объекты, не связанные с обеспечением истребительной авиации.

В воздушных боях, завязавшихся в тот день на всем протяжении от Шотландии до Девоншира, англичане потеряли сбитыми 34 истребителя и 16, уничтоженных на аэродромах. Люфтваффе потеряли около 75 самолетов. Недаром немцы стали называть этот день «Черным четвергом»...

Наиболее важный результат был сформулирован Герингом: «... потери в летном офицерском составе настолько возросли, что впредь в составе каждого летного экипажа должно быть не более одного офицера, а пикирующие бомбардировщики “Ю-87” должны иметь

прикрытие не менее трех истребителей каждый». К этому он добавил: «Сомнительно, есть ли резон продолжать наносить удары по локационным станциям, потому что ни одна из них, подвергшаяся бомбардировке, еще не была выведена из строя».

Это была одна из величайших ошибок, допущенных немцами в войне. День 16 августа характерен продолжением давления на англичан. После 1786 самолето-вылетов, произведенных немцами в «Черный четверг», в следующие сутки их самолеты совершили 1700 вылетов.

Несмотря на приказ Геринга, радиолокационная станция Вентнор была атакована вторично. Пикирующие бомбардировщики вывели ее из строя на семь суток. Вечером этого дня летчики люфтваффе продемонстрировали свою тактическую выучку, когда два «Ю-88» проникли до аэродрома Брайз Нортон, близ Оксфорда. Их маршрут подхода и время налета были избраны таким образом, чтобы оказаться над аэродромом в тот момент, когда английские истребители, вышедшие из боя, возвратились на базу для дозаправки. Немецкие бомбардировщики сделали круг над аэродромом, как бы заходя на посадку, и даже выпустили шасси, чтобы быть похожими на английские бомбардировщики типа «бленхейм».

Бомбы, сброшенные на ангары, в которых находились заправляемые самолеты, уничтожили 47 машин; в дополнение к этому было повреждено 11 истребителей, находившихся в ремонтных мастерских. Немцы ускользнули, не встретив отпора. Эта атака продемонстрировала постоянно встававшую перед обороной дилемму — самолеты, оставляемые во время таких мощных атак на аэродромах, уничтожаются бомбами и пулеметным огнем противника. В то же время если поднимать в воздух все самолеты, то и им всем в одно и то же время придется возвратиться на базу для посадки на дозаправку и вооружение. Это означало бы неприкрытое небо и уязвимость еще большего числа самолетов от следующих атак.

В этот день английские летчики обратили внимание на изменение боевых порядков немецких самолетов. Истребители люфтваффе больше не держались на большой высоте над боевыми порядками бомбардировщиков, а шли на одной высоте с ними в голове и по бокам строя.

К 18 августа на летчиках английской авиации еще более явно стали сказываться симптомы глубокой усталости, последствия многодневного непрерывного участия в воздушных боях или дежурствах по готовности. В некоторых эскадрильях пилоты спали под самолетами или прямо в кабинах самолетов, редко кому удавалось выспаться две или три ночи подряд. Истребительные эскадрильи по плану командования истребительной авиации систематически передислоцировались с одних аэродромов на другие в целях уменьшения потерь на земле, а это также прибавляло усталости летному составу. Бесконечные вылеты по тревоге, полеты на больших высотах, недосыпание, потеря товарищей и физическое напряжение начали сказываться на моральном состоянии. Многие пилоты после боя на вопросы офицеров разведки отвечали, что не могут ничего вспомнить.

19 августа англичане ввели некоторые изменения в тактику своих истребителей. Приоритетной задачей была установлена оборона своих аэродромов. Истребительным частям было приказано избегать воздушных боев с истребителями сопровождения бомбардировщиков противника, любой ценой отвлекать их от прикрываемых ими боевых порядков и прежде всего стремиться к уничтожению бомбардировщиков. Этот простой тактический план устанавливал характер боевых действий, которые должны были вести истребительные части. Для защиты аэродромов базирования необходимо было перехватывать немецкие силы как можно раньше, чтобы не дать им возможности перестроиться в боевые порядки для бомбометания. Это также означало, что некоторые эскадрильи будут выделены для барражирования в районах своих аэродромов вместо вылета навстречу противнику.

Можно было возразить, что, раз люфтваффе сократили число вылетов из-за недостатка истребителей, следовательно, лучшей тактикой было бы сбивать истребители противника. Однако это обманчиво простой вывод. Уничтожение бомбардировщиков подразумевало, что экипажи немецких бомбардировщиков будут требовать еще больше истребителей сопровождения и настаивать, чтобы они держались на одной высоте с бомбардировщиками, а это означало бы, что немецкие истребители становились уязвимыми для английских самолетов.

День за днем велись ожесточенные бои, но это не приносило решительных результатов ни одной из сторон. Геринг провел совещание высшего командного состава. Не определив особо важные объекты ударов, он предложил воздушным силам самим выбирать цели своих атак (исключая Лондон) и усилить удары по аэродромам английских бомбардировщиков, чтобы помешать нанесению контрударов с их стороны.

Потери, понесенные пикирующими бомбардировщиками «Ю-87», и недостаточные успехи их ударов под давлением решительных оборонительных действий английских истребителей привели к решению прекратить их действия.

Геринг начал склоняться к признанию, что части, вооруженные двухмоторными истребителями «Ме-110», не имеют успеха, который он им предсказывал. Он предложил, чтобы их сопровождали истребители «Ме-109»: истребители прикрывают истребителей!

С точки зрения планирования боевых действий исключение самолетов «Ме-110» из класса истребителей вызвало бы немедленное сокращение парка истребителей на сотни самолетов. И все же это было признанием того, что было уже очевидно: отборные экипажи уничтожались, а уцелевшие были деморализованы. Будучи атакованным, истребитель «Ме-110» не был способен мгновенно набрать скорость, чтобы уклониться от огня атакующего истребителя противника.

При решении вопроса, как помочь воздушным армиям, Геринг пошел по другому пути. Он апеллировал к чувству ответственности летчиков истребительной авиации за прикрытие сопровождаемых ими самолетов. Он приказал, чтобы экипажи бомбардировщиков и летчики-истребители получили возможность встречаться друг с другом на земле и чтобы каждый экипаж всегда сопровождал одни и те же истребители. Бомбардировщики должны следовать более плотным строем, потребовал он и пригрозил, что будет отдавать под суд летчиков-истребителей, повернувших назад из-за плохой погоды.

Так или иначе, стало ясно, что одномоторный истребитель является ключом к победе в развернувшихся воздушных боях. Поэтому была проведена перегруппировка сил истребительной авиации и на главных

направлениях были сосредоточены части, имеющие на вооружении истребители «Me-109».

По данным разведки люфтваффе, на 16 августа потери англичан в истребителях с июля составили 574 машины и около 200 истребителей было потеряно на земле по различным причинам. Считая, что промышленность могла поставить не более 300 истребителей за этот же срок, немецкая разведка полагала, что англичане имеют не более 430 истребителей, из которых в строю около 300 машин. В действительности англичане имели более 700 истребителей, а к концу августа эта цифра должна была вырасти до 1081 машины, и еще 500 истребителей находились в ремонте.

Пополнение пилотами — вот в чем была главная слабость англичан. За неделю, прошедшую со «Дня орла», из строя вышло почти 80 процентов командиров эскадрилий. Их места заняли офицеры, часто не имевшие никакого боевого опыта.

Но если командирам эскадрилий не хватало боевого опыта, то ведомые ими пилоты часто имели налет на одноместном истребителе не более 10 часов. И при этом командование было вынуждено еще более сократить время учебной подготовки. Теперь пилотов обучали полетам всего за две недели, после чего их отправляли в бой. До июля этот же курс проходили за шесть месяцев.

Третий этап, характерный нанесением ударов по английским аэродромам, — это промежуток времени между 24 августа и 6 сентября. Налеты немецкой авиации сосредоточились на аэродромах 11-й истребительной группы, расположенных в прибрежной зоне, простирающейся от устья Темзы на запад до Портленда.

В первые дни этого критического периода немцы передислоцировали части своих истребителей «Me-109» из района Шербура в район Кале, создав, таким образом, крупную группировку истребительной авиации.

Командование воздушных флотов выполняло приказ Геринга производить воздушные налеты круглосуточно. Группы бомбардировщиков различного состава, вплоть до одиночных бомбардировщиков, днем и ночью совершали налеты на все районы Англии.

Днем немецкие самолеты непрерывно появлялись у французского берега в районе Кале, сбивая с толку операторов английских радиолокаторов и не давая им возможности определить момент формирования крупной группы самолетов люфтваффе и своевременно обеспечить подъем в воздух своих истребителей. Этот прием часто позволял крупным формированиям немцев атаковать прибрежные цели и уходить безнаказанными. Теперь немецкие боевые порядки сопровождалось большим числом истребителей, шедших в тесном строю с бомбардировщиками выше и ниже последних. Новая тактика позволила снизить потери бомбардировщиков, однако число сбитых немецких истребителей возросло.

С точки зрения командования люфтваффе, такая тактика оказалась эффективной. Тесные боевые порядки пробивали себе путь к намеченным объектам бомбовых ударов и иногда опустошали их.

Чтобы прорваться к аэродромам 11-й истребительной группы англичан, расположенным вокруг Лондона, немецкое командование часто направляло одну группу бомбардировщиков прямым курсом на цели бомбовых ударов, маскируя вторую группу, шедшую окружным путем через устье Темзы. 25 августа в предрассветные часы подобный ночной налет был произведен окружным путем на бомбежку нефтяных цистерн в Темзхейвен. Один из бомбардировщиков ударной группы сбился с курса и отбомбился по жилым кварталам Лондона. Этот факт привел в смятение английский военный кабинет и штаб 2-го воздушного флота немцев, только лондонцы не обратили на него внимания: предместья английской столицы уже подвергались бомбардировкам, все уже ожидали налетов. Тем не менее этот одиночный бомбардировщик являлся предвестником начала тотальных бомбардировок.

Черчилль немедленно распорядился произвести налет возмездия на Берлин. В следующую ночь 81 английский бомбардировщик участвовал в налете на фашистскую столицу, не ожидавшую такого сюрприза. Нацистское руководство, обещавшее, что ни одна бомба не упадет на головы берлинцев, поклялось отомстить за это «зверство».

В последующем боевые порядки немецких истребителей возвратились к прежней тактике прикрытия бомбардировщиков с больших высот, держась над ними. Разведка истребительного

командования англичан сообщила, что немецкие истребители держались на высотах от 6 до 8 тысяч метров, а бомбардировщики обычно следовали на высоте 4 тысяч метров, причем для бомбометания некоторые порядки снижались до 1200 метров.

Летом 1940 года завязалась и вторая битва за Англию: ночные истребители стали каждую ночь вылетать на поиск — чаще всего неудачный — одиночных ночных бомбардировщиков, разбойничавших в небе Южной Англии. Английское командование не питало никаких иллюзий относительно возможности успешной борьбы с многочисленными ночными бомбардировщиками немцев. Поиски необходимых средств и тактики обороны против них в конце концов позволили прийти к желаемому результату. Искомым решением оказалось создание радиопомех наведению ночных бомбардировщиков немцев на цели. Но это пришло не сразу.

Так, серия ночных налетов была совершена на Ливерпуль. На протяжении четырех ночей подряд этот город и порт подвергались ударам групп в составе до 150 бомбардировщиков. Сильнейшие повреждения были нанесены докам и промышленным объектам.

Тем временем продолжались и дневные налеты. 26 августа облачная погода создала достаточное прикрытие, позволившее воздушным флотам нанести удары по аэродромам истребительной авиации в графствах Кент и Эссекс, а одной группе бомбардировщиков — по восточным предместьям Лондона. Опасаясь массовой атаки на Лондон, англичане подняли в воздух семь эскадрилий. Подходившее с юга соединение бомбардировщиков «Дорнье-17» оказалось лишенным прикрытия истребителей «Ме-109», которые, придя на предел дальности своего полета, были вынуждены повернуть обратно. Бомбардировщики также повернули на обратный курс, но понесли тяжелые потери.

Погода продолжала стабилизироваться, однако в первую половину дня 29 августа экраны английских радиолокаторов оставались пустыми. Лишь около 15 часов к английскому побережью направились небольшие группы бомбардировщиков «Хейнкель-111» и «Дорнье-17». Поскольку за ними просматривались более крупные воздушные цели, англичане подняли в воздух 13 эскадрилий истребителей. Несколько позже указанные цели были опознаны как большая группа

истребителей. Это были пятьсот «Me-109», сосредоточенных из всех воздушных флотов. За ними следовала большая группа «Me-110». Немецкие истребители шли значительно выше бомбардировщиков.

Опасаясь, что ловушка захлопнется за вылетевшими на перехват бомбардировщиков английскими эскадрильями, управлявший их действиями английский авиационный начальник своевременно отозвал эти эскадрильи до вступления их в бой. При этом он руководствовался недавно полученной инструкцией не вступать в бой с немецкими истребителями в небе Англии.

Эта тактика англичан, требовавшая сбивать бомбардировщики и уклоняться от боя с истребителями противника, заметно способствовала подрыву морального состояния экипажей немецких бомбардировщиков, начавших нести серьезные потери.

День 30 августа ознаменовался изменением тактики немецкой авиации и началом боев, поставивших англичан на грань поражения. На рассвете в устье Темзы группа бомбардировщиков «Дорнье-17» под прикрытием истребителей «Me-110» атаковала следовавший на север конвой. Случайно в этом районе оказалась эскадрилья «харрикейнов», завязавшая бой с «Me-110».

Бой над устьем Темзы был спланирован немцами для отвлечения внимания противника от их главных сил. Первый эшелон из шестидесяти «Me-109» пересек южный берег Англии в 10.30. Офицер, управлявший действиями английских истребителей, проигнорировал их, только оповестив свои эскадрильи о возможном скором появлении бомбардировщиков противника. Через 30 минут в небо над английским берегом вторгся второй эшелон: 40 бомбардировщиков «Хейнкель-111» и 30 «Дорнье-17», сопровождаемые сотней истребителей. К 12 часам все истребители английской 11-й группы были подняты в воздух и почти все вступили в бой.

Второй налет немцев последовал немедленно. Снова их атаки были нацелены на аэродромы. Вслед за ним последовала третья волна, подошедшая к Дувру несколькими эшелонами еще до отхода второй волны. Как и предыдущие, она была нацелена на аэродромы истребительной авиации. Девять бомбардировщиков совершили обход через устье Темзы и, атакуя с малых высот, нанесли объектам

исключительно большие разрушения. В этих налетах немцы впервые применили тактику одновременного бомбометания по площадям.

Потери в этот день составили у немцев 36 самолетов, у англичан — 25 истребителей. Однако немцы смогли нанести опустошительные удары по аэродромам и, главное, нашли способ прорвать оборону противника. Теперь англичане не успевали произвести повторные заправки истребителей, чтобы встретить последующие эшелоны самолетов противника.

Особенно удачным для немцев был день 31 августа. В этот день немцам удавалось все. Для прикрытия 150 бомбардировщиков немецкие истребители совершили не менее 1300 вылетов. Первая волна истребителей на рассвете сбила три «харрикейна». За ней последовал налет бомбардировщиков. Атаки снова были нацелены на аэродромы. Удары наносились искусно и решительно. Не понеся потерь, немцы сбили четыре истребителя. Много истребителей было уничтожено на земле. До конца дня было совершено еще два налета.

Результаты дня: 33 истребителя — потери англичан, потери люфтваффе — 39 самолетов. Однако не только потери в истребителях беспокоили английское командование. Еще более угрожающими были низкая подготовка и переутомленность летного состава. Так, например, за две недели боев в августе 616-я эскадрилья потеряла четырех пилотов убитыми, пять ранеными, один пилот попал в плен и двух отчислили за отказ от вылета. Целые эскадрильи отказывались выполнять боевые приказы. Усталость начала сказываться и на моральном состоянии немецких частей: одна эскадрилья была расформирована за отказ от вылета в бой. Много немецких истребителей «Me-109» было потеряно при аварийных посадках на воду или на сушу в результате нехватки горючего.

За те же две недели англичане потеряли 466 истребителей, а пополнение составило всего 269 машин. Из тысячи пилотов было потеряно 231 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Шесть из семи аэродромов 11-й истребительной группы были выведены из строя.

В последующие дни немецкая авиация продолжала наносить удары по аэродромам. 2 сентября группа бомбардировщиков «Дорнье-17», сопровождаемая истребителями «Me-109», бомбила аэродромы

Южной Англии. На перехват вылетела всего одна эскадрилья с последнего оставшегося в строю аэродрома. Господство в воздухе над Южной Англией было почти достигнуто. Наступило то, что позже назовут «критическим периодом». Если бы командование люфтваффе продолжило удары по аэродромам до полного их уничтожения, оно бы добилось полного господства в воздухе в этом районе. Однако этого сделано не было. Авиасоединениям была поставлена задача разрушения предприятий авиационной промышленности, что дало возможность англичанам приступить к восстановлению аэродромов истребительной авиации.

За два месяца потери немцев составили 800 самолетов, что сказалось на интенсивности боевых действий; парк истребителей сократился до 600 машин; 1 сентября число самолето-вылетов люфтваффе составило только 640 и в последующие пять дней ни разу не достигало тысячи.

По приказу оперативного штаба люфтваффе, датированному 1 сентября, атаки соединений всех воздушных армий были нацелены на 30 предприятий авиационной промышленности. В первый день бомбардировке подвергся авиазавод «Виккерс — Армстронг», погибло 700 рабочих.

Четвертый этап действий люфтваффе начался с переходом к дневным налетам на центральные районы Лондона. До этого Гитлер запрещал совершать налеты на Лондон, но английская авиация после ночного налета на Берлин 25 августа продолжала бомбить столицу фашистской Германии, и фюрер дал команду приступить к террористическим налетам на Лондон.

7 сентября в первом таком налете участвовало огромное соединение, насчитывавшее в своем составе до тысячи самолетов. Из них примерно одну треть составляли бомбардировщики. С земли оно выглядело подобно черному штормовому облаку, парившему на высоте примерно 3200 метров и покрывавшему площадь около 2100 квадратных километров.

По-видимому, англичане не ожидали этого налета. Поэтому первой реакцией при обнаружении немецкой воздушной армады было прикрытие аэродромов истребительной авиации и подъем с них всех способных летать самолетов.

Шедшая в авангарде 2-я бомбардировочная авиадивизия, до вступления в бой отпустившая своих истребителей сопровождения, израсходовавших горючее, атаковала цели в восточной части Лондона. Шедшие за ней другие волны бомбардировщиков нанесли удары по докам и промышленным предприятиям, расположенным на берегах Темзы. Только после того как главные силы немцев отбомбились, офицеры, управлявшие действиями английской истребительной авиации, сообразили, что на этот раз Лондон был главной целью налета, и перенацелили на отходящего противника все находившиеся в воздухе истребители.

В последовавшем бою англичане понесли невиданное поражение. Немецкие истребители сопровождения применили ряд новых контрманевров, парировавших тактические приемы англичан. Например, атака на один из флангов боевого порядка бомбардировщиков, имевшая целью отвлечь истребители сопровождения, уже не приводила к желаемому результату, потому что немецкие истребители, прикрывавшие боевой порядок сверху, смещались на обнаженный атакуемый англичанами фланг, а истребители, находившиеся на неатакованном фланге, перемещались на верхний ярус прикрытия. Тем более в этот день боевые порядки немцев шли на значительно большей высоте — 7 тысяч метров вместо обычных 5 тысяч метров, что также затрудняло действия английских истребителей.

В дополнение к смятению, вызванному бомбардировкой Лондона, во время которой немцы испытали свою новую фугасную бомбу весом 1630 килограммов, английская разведка решила, что вторжение с моря неизбежно, и поэтому были приведены в действие планы отражения вторжения, что повлекло за собой панику и сумятицу во всей стране. На самом же деле у гитлеровцев ничего не было готово к высадке.

Во второй половине дня последовало еще несколько налетов, продолжавшихся всю ночь. Весь Лондон был в огне пожаров.

Дневное бомбометание оказалось намного точнее, чем ночное, поэтому командующий истребительной авиацией в секторе Лондона Парк решил не допустить нового дневного опустошительного налета немецкой авиации на Лондон. 8 сентября для отражения следующего налета он передислоцировал свои истребительные эскадрильи на

передовые аэродромы для перехвата атакующих сил, налетающих на Лондон с дуврского направления. 9 сентября этот замысел принес плоды: две группы немецких бомбардировщиков, шедшие на бомбежку доков и центральной части Лондона, были оттеснены английскими истребителями и сбросили бомбы по другим районам города и предместьям.

К этому времени лето кончилось, и погода стала быстро ухудшаться. Несколько раз в дневное время ударным группам немецкой авиации удавалось доходить до Лондона незамеченными и так же скрытно возвращаться на свои базы.

К 13 сентября численность боевого состава английской истребительной авиации дошла до крайне низкого предела: в строю боеспособных истребителей оставалось только 80 «харрикейнов» и 47 «спитфайров». Однако резервы были на подходе.

За неделю боев над Лондоном к 15 сентября обе стороны уже многому научились. Немцы наконец сообразили, что радиолокационные станции можно выводить из строя, создавая им радиопомехи. Англичане, проанализировав данные всех видов разведки, определили, что 15 сентября противник планирует совершить два налета бомбардировщиков на Лондон в дневное время. В соответствии с этим выводом были спланированы действия и дислокация истребителей.

Ожесточенный воздушный бой 15 сентября, в котором с обеих сторон участвовали крупные силы, — празднуемый как День битвы за Англию — дал лондонцам возможность увидеть почти 200 английских истребителей в небе над городом. Немцы в этот день выслали 400 истребителей прикрывать не более 100 бомбардировщиков. На этот раз немецкие истребители шли в авангарде бомбардировщиков с превышением последних по высоте.

В боях над Лондоном английская авиация не достигла господства в воздухе. В ночное время и днем немецкие воздушные флоты продолжали совершать налеты на Англию еще в течение долгого времени. Господство в воздухе над Дуврским проливом и Южной Англией все еще продолжало оспариваться, а между тем только господство немцев в воздухе могло обеспечить их вторжение с моря.

Сохранив до конца боеспособные силы, истребительное командование англичан выиграло битву за Англию. 17 сентября стало известно об официальном принятии решения отложить проведение операции «Морской лев» до дальнейшего распоряжения. В летних боях над Англией люфтваффе значительно выдохлись. Теперь Гитлер принялся за изучение карт России.

Результаты

7 сентября ожесточенные воздушные бои над Лондоном начались далеко после полудня, однако, несмотря на это, все новые и новые волны бомбардировщиков продолжали появляться в небе столицы Англии. Отбомбившиеся ранее эскадрильи бомбардировщиков совершили повторные вылеты на бомбометание в вечерние часы, и так продолжалось всю ночь до утра.

8 эту ночь не было необходимости в наведении бомбардировщиков на цели по радиопеленгам или в обозначении целей: вся восточная часть Лондона была охвачена пожарами и летчики за многие километры обнаруживали назначенные им цели.

На следующую ночь немецкие бомбардировщики возвратились. Они возвращались еженощно в течение 76 суток (исключая 2 ноября, когда погода была слишком плохой).

Ночные бомбардировки оказали незначительное влияние на ход войны. Эти налеты не нанесли ущерба торговле, промышленности или моральному состоянию народа, достаточного для того, чтобы приблизить Англию к капитуляции.

Хотя англичане считали создавшуюся обстановку отчаянно опасной, Гитлер оценивал ее иначе: раз безопасность тыла в Западной Европе обеспечена, это дает возможность и достаточно времени для подготовки к «блицкригу» против России.

Каков же был план действий люфтваффе при вступлении в эту тотальную попытку подавить волю Англии к дальнейшему сопротивлению? По-видимому, он заключался в следующем:

1. Подавить Англию посредством одних воздушных бомбардировок.
2. Лишить английскую авиацию господства в воздухе, чтобы обеспечить силы вторжения от ударов с воздуха. Фактически это означало уничтожение английской истребительной и бомбардировочной авиации.

3. Установить свое собственное господство в воздухе, чтобы обеспечить возможность нанесения воздушных ударов по английской армии и военно-морскому флоту. Это означало бы уничтожение английской истребительной авиации и возможность отзыва немецкой истребительной авиации для обороны Германии.

4. Подготовить условия для вторжения в Англию с моря. Это означало бы нейтрализацию английских бомбардировочной авиации и военно-морского флота при одновременном сохранении в целости английских портов и гаваней, чтобы вторгающиеся немецкие войска могли использовать их. В этом плане постановка минных заграждений с воздуха почти не предусматривалась.

В общем, люфтваффе имели возможности решения указанных задач. Однако стремление Геринга добиться прежде всего первой из перечисленных целей с самого начала обрекло эту кампанию на неудачу.

Привлечение и сплочение ученых, командования вооруженных сил и промышленности в Англии в целях реализации мероприятий по ведению войны было тем, чего немцы не догадались сделать. За это они и были наказаны. К этому времени многие видные ученые Германии уже бежали из страны или попали в концентрационные лагеря. Конечно, сейчас мало кто сомневается в том, что, если бы нацистский режим отказался от политики антисемитизма, он бы опередил всех в создании дальнобойных ракет с ядерными боеголовками и выиграл войну.

Вместо того чтобы экономно и целеустремленно использовать оставшиеся немецкие научные силы, фашистское военное ведомство призывало их в армию наряду с чернорабочими и клерками. Странная политическая система нацистской Германии позволяла производителям тратить силы и средства на дублирующие научные изыскания и разработку при выполнении одного и того же контракта, вызывая тем самым ненужные затраты времени и усилий для улучшения оборудования, которое и без того было уже достаточно совершенно.

Британские ученые часто в спешке создавали не особенно удачные образцы вооружения, но — в отличие от многих видов вооружения,

создававшегося немцами, — эти образцы могли быть легко модифицированы подручными средствами и модифицировались.

Немецкие ученые имели более высокий статус, чем их английские коллеги, однако они не имели доступа во все военные учреждения — от сержантской столовой до кабинета министров, каким пользовались английские ученые. Трудно представить себе гражданских штафинок, указывающих лощеным нацистским штабным офицерам, что последние допустили те или иные ошибки или просчеты. А английские ученые сплошь и рядом делали это и поэтому имели возможность с поразительной быстротой доводить до боевых частей все сделанное ими в лабораториях.

Это было следствием доверия, которое английские военные, бизнесмены и политики испытывали к ученым. Одним из результатов этого доверия была большая роль, которую сыграла радиолокация в битве за Англию.

Германия не сделала ничего или очень мало, чтобы пересмотреть взгляды на роль науки в войне. В 1940 году немецкий генеральный штаб издал директиву, запрещающую проводить научные исследования и разработки, если в пределах четырех месяцев они не обеспечивают результатов, которые могут быть использованы в военных целях. В результате этого драконовского требования была прекращена разработка великолепного истребителя с реактивным двигателем — «Me-262». Создание такого истребителя было задержано на два года.

Неспособность понять важность создания такого истребителя была лишь компонентом более важного ошибочного взгляда на значение истребителей в современной войне. Даже после боев 1940 года люфтваффе не приняла мер по обеспечению приоритета производству этого так необходимого вида вооружения. Только в конце 1943 года немцы начали производить истребители в большом числе, но и тогда это были в большинстве последние модификации устаревшего к тому времени истребителя «Me-109».

Многие неудачи немцев были следствием того, что руководители страны возлагали все надежды на «молниеносную войну». Даже в период затишья в военных действиях, наступившего после битвы за Англию, Германия все еще не имела долгосрочных планов ведения

войны. Гитлер решил, что нежелание Англии заключить мир объясняется предположением, что рано или поздно Советский Союз будет воевать с Германией. Чтобы разрубить этот гордиев узел, Гитлер решил предпринять «блицкриг» против России. После этого, сказал он, Англия заключит мир. В то время как продолжались воздушные бои 1940 года и немецкая армия находилась в ожидании развития событий, Гитлер постепенно знакомил своих генералов со своими идеями, связанными с планом «Барбаросса».

И все же, если англичане и искали спасения, большинство из них смотрело не на восток, а на запад: на США.

Бэзил Лиддел Гарт
Что рассказали немецкие генералы^[70]

Вскоре после окончания войны мне представилась возможность заглянуть «внутрь вражеского стана» и выяснить, что же происходило там, на другой стороне, за линией фронта, какие мысли бродили в умах наших противников.

Выполняя одно служебное задание, я довольно длительное время общался с немецкими генералами и адмиралами. В ходе многочисленных бесед я собрал обширный фактический материал в виде их рассказов, оценок и рассуждений о различных событиях войны еще до того, как воспоминания об этих событиях стали стираться в памяти или обретать иную окраску под воздействием мыслей, родившихся позднее...

В период между двумя мировыми войнами я неоднократно предупреждал о нацистской угрозе, и мое резко отрицательное отношение к политике «умиротворения» хорошо известно тем, кто в Америке и в Европе читал мои предвоенные статьи и книги. В частности, я призывал обратить внимание на зловещие признаки грядущей опасности еще до прихода Гитлера к власти.

Во время войны многие связанные с ней события выглядят не так, как впоследствии, — в более ясном и объективном свете послевоенного периода. Особенно разительны при этом перемены в облике военных руководителей.

Перед войной и тем более в период победного марша по странам Запада Гитлер казался людям гигантской фигурой, сочетавшей в себе стратегический дар Наполеона, хитрость Макиавелли и фанатическую одержимость Магомета. После первых же поражений в России он стал меньше ростом, его престиж потускнел, и к концу войны фюрера стали считать незадачливым дилетантом в военном искусстве, сумасбродные приказы и стратегическое невежество которого сослужили хорошую службу союзникам. Все крупные неудачи немецких вооруженных сил приписывались Гитлеру, а все победы — немецкому генералитету.

Это, конечно, неверно. Гитлер отнюдь не был бездарным стратегом. Просто в ходе кампании на русском фронте его недостатки стали более весомыми, чем способности, и перетянули чашу весов, а отрицательный баланс привел к банкротству.

Но не следует забывать, что Наполеон, профессиональный полководец, в не меньшей степени был ослеплен блеском своих побед

и совершил те же роковые ошибки в той же стране.

Если первоначальные успехи Гитлера привели к более быстрой, хотя и менее долговечной перекройке карты Европы, чем войны Наполеона, добиться этих успехов Гитлеру в основном помогло создание в немецкой армии мощных бронетанковых войск. Без этих танковых дивизий Гитлер никогда бы не смог осуществить своих замыслов. Они в большей степени, чем люфтваффе и разного рода «квислинги», были решающим инструментом его побед. Без уникальной способности бронетанковых сил стремительно прорываться внутрь страны и захватывать ее все другие средства расшатывания и преодоления сопротивления противника были бы недостаточны для тех быстрых успехов, к которым он стремился.

Я записал подробный рассказ о возникновении немецких танковых дивизий генерала фон Тома,^[71] самого знаменитого танкового эксперта Германии после Гудериана.

Тома рассказал о зарождении и развитии бронетанковых войск в немецкой армии, после того как Гитлер отменил ограничения, наложенные Версальским договором на вооруженные силы Германии. «Когда мы получили настоящие танки в 1934 году, после многих лет тактических занятий с фанерными макетами, это было прекрасно», — вспоминает он.

В 1936 году, когда вспыхнула гражданская война в Испании, Тома был командирован туда немецким генштабом: «Мы считали, что Испания будет служить для нас европейским полигоном».

«Я вылетел туда в ночь, когда должен был начаться мятеж, инспирированный генералом Франко, и летел через Марсель и Лиссабон в Мериду, где встретился с Франко и договорился с ним о том, как мы будем помогать ему. Во время войны я командовал всеми немецкими сухопутными войсками в Испании... Мы поставляли Франко различную технику, самолеты и танки. Первая партия немецких танков Т-1 прибыла в сентябре. Затем в октябре поступила вторая, более крупная партия. Примерно тогда же туда стали прибывать и русские танки. Они были мощнее наших танков, вооруженных только пулеметами, и я обещал марокканским солдатам 500 песет за каждый захваченный русский танк, так как с

удовольствием использовал бы их в наших частях. Ряд русских танков попал в наши руки».

«Генерал Франко — как вообще было присуще генералам старой школы — хотел распределить танки небольшими группами по пехотным дивизиям. Мне пришлось постоянно бороться против этой тенденции и отстаивать необходимость максимального сосредоточения танков в одной сильной группировке. Успехи франкистских войск во многом объяснялись именно массированным применением танков».

«Во время Польской кампании мы имели шесть танковых и четыре легких моторизованных дивизий. В танковую дивизию входила танковая бригада из двух полков — в каждом полку по два батальона. Согласно штатному расписанию, первоначально полк имел 125 танков. Общее же количество танков в полку, включая использовавшиеся для разведки легкие танки, равнялось 160 единицам».

«Легкие дивизии были созданы в порядке эксперимента. В состав этих дивизий обычно входили два полка мотопехоты (трехбатальонного состава) и один танковый батальон. Кроме того, они по штату имели разведывательный бронетанковый батальон, мотоциклетный батальон и артиллерийский полк — так же как и танковые дивизии».

«Мы отказались от этого эксперимента после Польской кампании и преобразовали легкие дивизии в танковые. Ко времени нашего наступления на Западном фронте в мае 1940 года у нас было десять полностью оснащенных танковых дивизий и танковый полк СС “лейбштандарт Адольфа Гитлера”, который по численному составу и технике значительно превосходил обычные полки. Количество средних танков в дивизиях к этому времени возросло, хотя все еще немало было и легких танков».

Тома удивил меня, сообщив, что при вторжении во Францию у немцев имелось всего 2400 танков — а не 6 тысяч, как утверждали в то время французы. Он добавил, что не включает в это число легкие танки, которые он назвал «консервными банками».

Тома затем рассказал о реорганизации немецких танковых войск перед началом войны с Советским Союзом. «Из состава каждой дивизии было изъято по танковому полку, чтобы использовать их для создания десяти новых танковых дивизий, которых, таким образом,

стало двадцать. Я не был согласен с этим решением и направил протест Гитлеру». Тома доказывал при этом, что при такой реорганизации удвоилось лишь количество штабных работников и вспомогательных служб, а ударная танковая мощь, по существу, осталась прежней.

Для летней кампании 1942 года были созданы четыре новые танковые дивизии — частично за счет роспуска имевшихся тогда кавалерийских дивизий, которые оказались недостаточно боеспособными. Три пехотные дивизии преобразовали в моторизованные — в дополнение к 10 моторизованным дивизиям, существовавшим в 1941 году. «Но только 10 из 20 прежних танковых дивизий удалось полностью укомплектовать боевой техникой — танков не хватало».

«Те силы, которыми мы располагали, были достаточно хорошими, чтобы победить Польшу и Францию, но недостаточно хорошими, чтобы завоевать Россию. Пространство было огромным, бои тяжелыми».

«Африка по сравнению с Россией была раем. Танкисты, побывавшие в России, легко приспособивались к африканским условиям. Поэтому было бы ошибкой извлекать уроки из войны в Северной Африке и применять их к совсем другим условиям».

Генерал Мантейфель считал самым лучшим танком в мире тяжелый советский танк «Иосиф Сталин» — ИС-2. В нем удачно сочеталось мощное оружие (122-мм пушка), толстая броня, низкий силуэт и скорость. По скорости он превосходил тяжелый немецкий танк «тигр» и почти не уступал лучшему немецкому среднему танку «пантера». ИС-2 к тому же обладал лучшей маневренностью, чем любой немецкий танк.

В качестве примера Мантейфель рассказал об оборонительных боях, которые он вел против наступающих советских войск под Яссами, в Румынии, в начале мая 1944 года. «Разгорелось танковое сражение, в котором с обеих сторон участвовало около 500 боевых машин... В этих боях я впервые столкнулся с танками ИС-2. Мы были потрясены, обнаружив, что наши “тигры”, открыв огонь по советским танкам с расстояния 2 километров, хоть и добились ряда попаданий, но снаряды их 88-мм орудий не пробивали броню, пока дистанция не сократилась

вдвое. Нам пришлось противопоставить техническому превосходству русских мобильность, маневр и умелое использование рельефа местности».

Поражение под Москвой

Предприняв вторжение в Россию, Гитлер рассчитывал уничтожить основные силы Красной Армии западнее Днепра. Когда эти расчеты оказались сорванными, фюрер какое-то время не мог прийти к определенному выводу, как действовать дальше. Когда же он наконец решился начать наступление на Москву, было уже слишком поздно, чтобы успеть добиться успеха до прихода зимы.

Начавшееся 2 октября 1941 года немецкое наступление на Москву привело к окружению нескольких советских армий под Вязьмой.

«Русские были застигнуты врасплох, — сказал генерал Блюментрит. — Они не ждали крупного наступления противника на Москву так поздно осенью. Но бои с окруженными советскими войсками полностью закончились лишь к концу октября, и было уже слишком поздно, чтобы воспользоваться плодами этой победы.

После ликвидации окруженной группировки мы продолжили наступление на Москву. Первое время мы не встречали сильного сопротивления, но наступление развивалось медленно: дороги развезло, наши войска устали. К тому же мы натолкнулись на хорошо укрепленную оборону на реке Нара и были остановлены подошедшими свежими русскими частями.

Все командиры начали спрашивать: “Когда же мы остановимся?” Они помнили, что случилось с армией Наполеона. Многие из них начали перечитывать мрачные мемуары французского посла Коленкура о 1812 году. Эти мемуары действовали угнетающе в те критические дни 1941 года. У меня до сих пор перед глазами командующий 4-й армией генерал-фельдмаршал Клюге, как он, с трудом вытаскивая ноги из грязи, идет по двору к себе на командный пункт и долго стоит перед картой с книгой Коленкура в руках. И так изо дня в день».

Мне особенно интересно было это замечание Блюментрита, потому что в августе 1941 года, когда, казалось, ничто не в состоянии остановить немецкое наступление, я написал статью в октябрьский

номер журнала «Стрэнд», используя многочисленные цитаты из Коленкура, чтобы показать обреченность гитлеровского похода на Россию. Я сказал Блюментриту, что немецкие генералы, видимо, слишком поздно стали вспоминать Коленкура. Он утвердительно кивнул, мрачно усмехнувшись.

Гитлер, считавший, что оборона русских вот-вот развалится, отдал приказ о решающей броске на Москву. Приказ гласил, что «Кремль должен быть взорван, чтобы возвестить о свержении большевизма, — рассказывал Блюментрит. — Первой перешла в наступление танковая группа генерала Гепнера на нашем левом фланге. Но быстрого успеха перед лицом решительных русских контратак достичь не удалось. Мы несли тяжелые потери. Затем пошел снег. Фланговые контратаки русских продолжались, и Гепнеру пришлось отвлекать все большую и большую часть своих сил для отражения этих ударов. 2-я танковая дивизия достаточно глубоко вклинилась в оборону противника, чтобы увидеть башни Кремля, но продвинуться ближе к Москве ей не удалось».

«После недельной передышки, когда почва замерзла, 2 декабря войска, находившиеся под командованием Клюге, возобновили наступление, но уже ко второй половине дня в штаб стали поступать донесения, что оно натолкнулось на прочную оборону русских в лесах под Москвой.

Отдельные подразделения 258-й пехотной дивизии пробились в пригороды Москвы. Но русские рабочие покинули свои предприятия и вышли на защиту своего города, используя все, что было у них под руками.

В течение ночи русские решительно контратаковали вклинившиеся в их оборону изолированные немецкие части. На следующий день командиры наших корпусов доложили, что, по их мнению, прорвать оборону русских невозможно. Вечером мы с Клюге подробно обсудили создавшееся положение и решили отвести назад наши передовые части. По счастью, русские не заметили этого отступления, так что нам удалось оттянуть их назад в относительно сносном состоянии. Но за два дня этих боев мы понесли тяжелые потери.

Это решение оказалось весьма своевременным и позволило нам избежать более серьезных последствий в связи с начавшимся общим

контрнаступлением войск противника, в которое генерал Жуков бросил около сотни дивизий.

Под их массированным нажимом наше положение с каждым днем становилось все более опасным. Наконец до сознания Гитлера дошло, что мы не сможем сдержать их натиск, и он неохотно дал согласие на отвод наших войск на оборонительные позиции в тылу. Мы не имели достоверных сведений о силе имевшихся у русских подкреплений. Они слишком хорошо скрывали свои резервы.

Это было концом попытки Гитлера захватить Москву — и его последним наступлением на этом центральном участке фронта. Никогда больше ни один немецкий солдат не увидит Кремля — только разве как пленный».

Когда Москва стала недосыгаемой и наступила суровая русская зима, страх охватил немецкие войска, а вместе с ним усилилась угроза столь же страшной катастрофы, которая постигла армию Наполеона.

Планы на 1942 год

Вопрос о том, что следует предпринять весной 1942 года, обсуждался немецким командованием на протяжении всей зимы. Возвращаясь к этим событиям, Блюментрит сказал: «Некоторые немецкие генералы заявили, что возобновление наступления в 1942 году невозможно и целесообразнее сосредоточить усилия на удержании захваченной территории.

Начальник генерального штаба Главного командования сухопутных войск Гальдер высказывал сильные сомнения относительно продолжения наступления. Командующий группой армий «Юг» генерал-фельдмаршал Рундштедт еще более энергично возражал против наступления и даже настаивал на отводе немецких войск на их исходные позиции в Польше. Этой же точки зрения придерживался генерал-фельдмаршал фон Лееб. Хотя другие генералы не высказывали столь радикальных взглядов, большинство их испытывало сильное беспокойство по поводу дальнейшего хода кампании. После того как фюрер сместил со своих постов Рундштедта и главнокомандующего сухопутными войсками генерал-фельдмаршала Браухича, сопротивление его требованиям возобновить наступление весной 1942 года ослабло».

Так как в начале января Блюментрит стал заместителем начальника генерального штаба ОКХ, он был хорошо осведомлен о мотивах решения Гитлера. Он суммировал их следующим образом:

«Во-первых, Гитлер надеялся добиться в 1942 году того, чего ему не удалось осуществить в 1941 году. Он не верил, что русские смогут увеличить боевую мощь своих вооруженных сил, и отказывался прислушиваться к информации, которую докладывали ему по этому поводу. Между ним и Гальдером шла «борьба мнений». Разведывательные службы получили сведения, что советские заводы на Урале и в других городах ежемесячно выпускают 600–700 танков. Когда Гальдер доложил эти данные Гитлеру, тот ударил кулаком по

столу и сказал, что этого не может быть. Он отказывался верить в то, во что не хотел верить.

Во-вторых, Гитлер не знал, что ему делать, — об отводе войск он и слышать не хотел. Он считал, что должен что-то предпринять, а это могло быть только наступление.

В-третьих, промышленно-экономические круги в Германии оказывали сильное давление, доказывая важность продолжения наступательных операций. Эксперты говорили Гитлеру, что не смогут продолжать войну без кавказской нефти и украинской пшеницы».

Я спросил Блюментрита, проводил ли генеральный штаб ОКХ изучение фактической стороны подобных утверждений и соответствуют ли истине сообщения, что марганцевая руда из Никополя в излучине Днепра имела важное значение для сталелитейной промышленности Германии. Отвечая на второй вопрос, генерал сказал, что об этом ему ничего не известно, так как он не знаком с экономическим аспектом войны. Мне показалось весьма примечательным, что немецкие штабные специалисты не привлекались к изучению факторов, имевших важное значение для планирования операций.

Блюментрит далее заметил, что проверить утверждения экономических экспертов было трудно еще и потому, что представители генерального штаба не приглашались на совещания по таким вопросам: по-видимому, Гитлер предпочитал их держать в неведении.

Принимая роковое решение о продолжении дальнейшего наступления в глубь России, Гитлер обнаружил, что у него нет больше войск и техники для наступательных действий по всему фронту, как это было год назад. Вынужденный сделать выбор и не отважившись предпринять новое наступление на Москву, он решил нанести удар на юге в направлении нефтяных районов Кавказа, хотя это означало, что левый фланг наступающих на южном направлении армий растянется на сотни миль. Когда немецкие армии достигнут Кавказских гор, они будут уязвимы для контрударов со стороны Красной Армии в любом секторе этого тысячемильного фланга.

Единственным другим участком советско-германского фронта, где намечалось провести наступательную операцию, была Балтика.

Первоначальный план операций на 1942 год предусматривал попытку захватить в течение лета Ленинград, чтобы установить прямую связь с Финляндией и облегчить ее полуизолированное положение. За этим исключением, немецкие армии на северном и центральном участках фронта должны были находиться в обороне и улучшать свои позиции.

Для наступления на Кавказ была создана группа армий «А» под командованием генерал-фельдмаршала Листа, а остальные соединения, входившие в группу армий «Юг», действовали на ее левом фланге. После Рундштедта командование этой группой армий было поручено генерал-фельдмаршалу Рейхенау, но в январе 1942 года он внезапно умер от сердечного приступа. Вместо него назначили генерал-фельдмаршала Бока, но затем летом он был смещен. Группой армий «Центр» продолжал командовать генерал-фельдмаршал Клюге, а Буш заменил генерал-фельдмаршала Лееба на посту командующего группой армий «Север».

Через шесть недель после начала немецкого наступления на юге России танковые колонны генерал-полковника Клейста прорвались на Кавказ и захватили Майкоп, но пробиться дальше, к основным центрам нефтяной промышленности, немцы так и не смогли.

«Одной из причин наших неудач, — заявил Клейст, — была нехватка горючего. Снабжение поступало к нам по железной дороге через узкую горловину в Ростове, так как путь по Черному морю считался небезопасным. Некоторое количество горючего перебрасывалось по воздуху, но общий объем достигавших нас поставок был недостаточен для обеспечения высокого темпа наступательных операций.

Но не это было главной причиной провала операций на Кавказе. Мы могли бы достичь нашей цели, если бы мою армию не растаскивали по частям для поддержки войск, наступавших на Сталинград. Помимо некоторых моторизованных частей мне пришлось передать корпус зенитной артиллерии и все военно-воздушные силы, за исключением разведывательных эскадрилий».

К тому времени, когда немцы во второй половине августа, подтянув резервы, предприняли решительный штурм Сталинграда, русские успели подбросить туда подкрепления.

Задержка следовала за задержкой. Русским было легче укреплять оборону Сталинграда, чем Кавказа, так как этот город находился

ближе к их главным силам. Гитлер был разъярен этими непрерывными задержками. Само название этого географического пункта — «Город Сталина» — выглядело как вызов на бой. В попытках завладеть городом Гитлер подбрасывал к нему войска с Кавказа и из других мест — и тем самым истощал силы всей армии.

Трехмесячная борьба за овладение городом в тактическом плане для немцев свелась к таранным лобовым ударам. Чем плотнее они охватывали город, тем ограниченнее становились возможности для тактического маневра как средства преодоления сопротивления противника. Сужение фронта к тому же облегчало оборонявшимся задачу переброски внутренних ресурсов на оказавшийся под угрозой сектор обороны. Чем глубже немцы втягивались в жилые районы города с их многочисленными домами, тем медленнее развивалось их наступление.

На последнем этапе осады Сталинграда линия фронта проходила в нескольких сотнях метров от западного берега Волги, но к этому времени немецкий натиск в результате исключительно тяжелых потерь стал ослабевать. Каждый шаг вперед обходился им все дороже и приносил все меньше результатов.

Сложные условия уличных боев с упорно обороняющимся противником более благоприятствовали русским, хотя они также находились в трудном положении. В сложившейся обстановке им приходилось перевозить подкрепления и боеприпасы на паромах и баржах через Волгу под артиллерийским огнем. Это ограничивало размеры сил, которые русские могли держать и обеспечивать снабжением на западном берегу реки для обороны города. В силу этого защитники Сталинграда неоднократно подвергались тяжелым испытаниям. Однако Советское Верховное Главнокомандование весьма скупно подбрасывало подкрепления непосредственно в осажденный город, предпочитая сосредоточивать накопленные резервы на флангах с целью перехода затем в широкое контрнаступление. Напряжение сил героических защитников Сталинграда достигло предела, но они выстояли.

Говоря о создавшейся в Сталинграде ситуации, Блюментрит заявил: «Если бы немецкие войска были своевременно отведены назад, то это не вызвало бы паники среди них. Немецкие солдаты были достаточно

хорошо обмундированы и оснащены для боевых действий в зимних условиях и сумели преодолеть тот страх, который испытывали год назад. Но удержаться на занимаемых позициях у них уже не хватало сил, а мощь русских росла изо дня в день.

Гитлер, однако, не хотел уходить из Сталинграда. Он по-прежнему требовал: “Никаких отступлений”. В результате, когда русские начали зимнее контрнаступление, немецкая армия в районе Сталинграда была окружена и силой оружия принуждена капитулировать. Мы уже были слишком ослаблены предыдущими потерями, чтобы выдержать такую катастрофу. Ход войны повернулся против Германии».

После Сталинграда

С наступлением лета 1943 года Гитлер вновь решил захватить инициативу и первым нанести атакующий удар на Восточном фронте. Хотя на этот раз наступление носило меньшие масштабы и велось на более узком участке фронта, чем когда-либо ранее, он бросил в атаку все имевшиеся у него резервы — включая 17 танковых дивизии, — рассчитывая двумя сходящимися ударами окружить советские войска на выступе под Курском.

Рассказывая об этом наступлении, Клейст заявил, что сам он не питал особых надежд на его успешный исход, но фельдмаршалы Клюге и Манштейн, командовавшие двумя наступающими танковыми группировками, казалось, были настроены весьма оптимистично. «Если бы наступление началось шестью неделями раньше, оно, возможно, принесло бы успех, хотя у нас больше уже не было ресурсов, чтобы добиться решающей победы. Но русские заблаговременно узнали о наших приготовлениях. Они создали сильные оборонительные позиции, заминировали подходы к ним, оттянув основные силы в глубину обороны».

Когда это последнее наступление немцев выдохлось, русские сами перешли в контрнаступление. У них теперь имелось достаточно резервов, чтобы наращивать наступательный натиск, тогда как немцы, как азартные игроки, сделавшие рискованную ставку, растратили силы, которые могли позволить им навязать серии затяжных оборонительных боев и даже создать позиционный тупик. Теперь же русское наступление развивалось безостановочно всю осень и зиму с редкими короткими перерывами, вызванными больше затруднениями с подвозом снабжения, чем немецкими контрударами. Весь Южный фронт пришел в непрерывное движение и так и не стабилизировался.

Красная Армия

Впечатления немецких генералов о Красной Армии интересны и нередко весьма поучительны. Наиболее высокую оценку, изложенную в лаконичной форме, дал генерал-полковник Клейст: «Русские с самого начала проявили себя как первоклассные воины, и наши успехи объяснялись просто лучшей боевой подготовкой. Обретя боевой опыт, они стали первоклассными солдатами. Они сражались с исключительным упорством, имели поразительную выносливость и могли вести военные действия без многого, что считается необходимым в армиях других государств. Их командование быстро извлекло уроки из своих поражений в начале войны и вскоре стало высокоэффективным».

Когда я спросил фельдмаршала Рундштедта его мнение о сильных и слабых сторонах Красной Армии в 1941 году, он ответил: «С самого начала нас удивило качество и надежность русских тяжелых танков. Но у русских было меньше артиллерии, чем ожидалось, и в той первой летней кампании их воздушные силы не оказали нам серьезного сопротивления».

Говоря о советском вооружении, фельдмаршал Клейст заявил: «Советская боевая техника и оружие были отличного качества еще в 1941 году, особенно танки. Артиллерия была превосходной, так же как и большинство видов стрелкового оружия — винтовки были более современными, чем наши, и имели более высокую скорострельность. Русский танк Т-34 был самым лучшим танком в мире».

В беседах со мной генерал Мантейфель подчеркнул, что русские сохраняли свое превосходство в конструкции танков до конца войны и что советский тяжелый танк «Иосиф Сталин» (ИС-2), появившийся на фронте в 1944 году, он считает самым лучшим из всех танков, участвовавших в боях как на Восточном, так и на Западном фронтах. Английские эксперты критиковали советские танки за их упрощенную конструкцию и недостаточную оснащенность приборами, особенно

радиоаппаратурой. Однако немецкие эксперты-танкисты считали, что, оснащая свои танки множеством приборов и различных удобных мелких приспособлений, англичане и американцы перегружают свои боевые машины в ущерб маневренности и мощности.

По мнению Клейста, Красная Армия испытывала наиболее острую нехватку оружия в 1942 году, особенно ей не хватало артиллерии. Но, начиная с 1943 года, оснащенность советских войск боевой техникой и оружием непрерывно возрастает. Поставки военного оснащения союзниками — особенно автотранспорта — имели важное значение, но главную роль сыграл все возрастающий объем производства новых советских заводов в Сибири, недостижимых для немцев. Применявшиеся русскими танки почти полностью были их собственного производства.

Что касается советского военного командования, то Рундштедт отзывался о маршале Жукове как «об очень хорошем полководце». Ведущий военный комментатор «третьего рейха» Дитмар, хорошо знакомый с мнениями и настроениями немецкого генералитета, заявил, что Жукова «считали выдающимся военачальником».

«Другим талантливым полководцем и умелым тактиком был маршал Конев, но он несколько уступал Жукову. В ходе войны военное руководство русских сверху донизу достигло очень высокого уровня. Одним из наиболее ценных качеств русских была готовность их командиров учиться и их способность повышать свое профессиональное мастерство, — продолжал Дитмар. — Высшее командование было укомплектовано офицерами, которые столь убедительно доказали свои способности и мастерство, что им было дано право самостоятельно принимать решения и свободно действовать по своему усмотрению».

Генерал Блюментрит подробно изложил мне свои впечатления о войне на Восточном фронте.

«В 1914–1918 годах в чине лейтенанта, после краткосрочных боев с французами и бельгийцами в Намюре в августе 1914 года, я затем целых два года воевал против русских. В первом же наступлении на Восточном фронте мы быстро поняли, что столкнулись с качественно иными солдатами, чем французы и бельгийцы, искусно

использующими маскировку, умело зарывавшимися в землю при обороне, решительными и смелыми. Мы понесли большие потери.

Даже в 1914–1918 годах более суровые условия войны на Востоке сказывались на наших войсках. Солдаты предпочитали воевать на Западном фронте, а не на Восточном. На Западе это была война боевой техники и массированного артиллерийского огня — например, Верден, Сомма и т. д. Эти факторы имели решающее значение, и хотя приходилось тяжело, по крайней мере, мы сражались с противником западноевропейского склада. На Востоке плотность артогня была меньшей, но бои были более упорными, поскольку нам противостояли более стойкие и крепкие солдаты. Ночные бои, рукопашные схватки, сражения в лесах особенно практиковались русскими. В той прошлой войне среди немецких солдат ходила поговорка: “На Востоке бой ведет отважная армия, а на Западе пожарная бригада несет вахтенную службу”.

Однако лишь во второй мировой войне мы впервые поняли, что такое Россия в действительности. Уже сражения июня 1941 года показали нам, что представляет собой новая, советская армия. Наши потери в боях достигали до пятидесяти процентов личного состава. Пограничники и женщины защищали старую крепость в Бресте более недели, сражаясь до последнего человека, несмотря на обстрел из самых тяжелых орудий и бомбежку с воздуха. Наши войска скоро узнали, что значит сражаться против русских. Фюрер и большая часть нашего высшего военного командования не имели об этом представления. Это вызвало массу бед.

Красная Армия в 1941–1945 годах была гораздо более сильным противником, чем царская армия, ибо она самоотверженно сражалась за идею. Это усиливало стойкость советских солдат и, в свою очередь, заставляло наши войска сражаться с большим упорством, ибо на Восточном фронте действовало правило: “Либо ты, либо я”. Дисциплина в Красной Армии тоже соблюдалась более четко, чем в царской армии.

Там, где в истории войн встречаются русские, военные действия носят упорный и беспощадный характер и связаны с тяжелыми потерями. Там, где русский займет позицию или защищается, его трудно победить, и это стоит вам много крови».

Гордон Прандж
Чудо у острова Мидуэй^[72]

Более 45 лет назад в центре Тихого океана между Соединенными Штатами и Японией произошло одно из решающих морских сражений, известное в анналах военной истории. Воодушевленные непрерывной чередой побед внезапного нападения на американскую военно-морскую базу Пёрл-Харбор и рассчитывая после захвата острова Мидуэй установить свое господство над всем Тихим океаном, наступавшие японцы собрали самую крупную и мощную армаду кораблей. Навстречу ей спешно вышел американский флот, значительно уступавший японскому по численности и огневой мощи и переживший серию поражений. Сражение закончилось одной из наиболее решающих военно-морских побед после Трафальгарского сражения. Оно ознаменовало перелом в ходе войны на Тихом океане: когда дым сражения рассеялся, для Восходящего солнца Японии начался закат.

* * *

Корабли японского 1-го авианосного флота — авангард самой грозной военно-морской армады за всю историю человечества — с 16-узловой скоростью уверенно шли на восток. Впереди, рассекая волны острым форштевнем, словно прокладывая путь остальным кораблям, двигался легкий крейсер «Нагара». По пятам за ним, как стая сторожевых псов, растянувшись в фалангу, неслись 11 эсминцев 10-й эскадры.

Еще дальше следовали тяжелые крейсера 8-й крейсерской дивизии, которые уже успели познать вкус победы в начавшейся полгода назад войне.

Позади крейсеров, как два гигантских кита, неудержимо рвались вперед линейные корабли «Харуна» и «Кирасима» по 30 тысяч тонн водоизмещением каждый. Замыкали авангард четыре величественных авианосца — гигантские «Акаги» и «Кага» и однотипные «Хирю» и «Сорю». Эти четыре ветерана атаки на Пёрл-Харбор в декабре 1941 года представляли собой ударный авиационный кулак Японии. На их борту находились одни из самых опытных и закаленных в боях фанатичных летчиков мира.

Но этот мощный флот представлял собой лишь часть гигантской военно-морской армады, участвовавшей в операции, которая преследовала две цели. Сперва авианосцы должны были нанести удар по принадлежащему США крошечному коралловому атоллу Мидуэй примерно в 1150 милях к западу от Пёрл-Харбора. К атоллу с запада и юга также приближался флот вторжения, транспортные суда которого везли 5 тысяч солдат. После воздушного удара десант высадится на атолл, захватит его и превратит в плацдарм для вторжения на Гавайские острова.

Тем временем в 600 милях позади авианосцев двигались основные силы: три огромных линейных корабля, эскортируемых крейсерами и эсминцами. Когда Тихоокеанский флот США выйдет из Пёрл-Харбора на помощь Мидуэю, эти основные силы намеревались добить его в бою.

В состав японской армады входили также северная группа, наносившая отвлекающий удар по американским базам на Алеутских островах, и оперативная ударная группировка, которая должна была маневрировать между Мидуэем и Алеутскими островами и в случае необходимости обеспечить поддержку. Вместе с танкерами, транспортными судами и подводными лодками японская армада насчитывала почти 200 кораблей.

Вице-адмирал Нагумо, командующий 1-м авианосным флотом, узнал об этой операции месяц назад, когда привел свои авианосцы назад в Японию после успешного рейда в Индийский океан. У него имелись всего четыре недели, чтобы отремонтировать свои корабли и подготовить летчиков для боевых действий, но даже при этой спешной подготовке он не сомневался, что 1-й авианосный флот сможет выполнить все поставленные перед ним задачи.

Крепко скроенный Нагумо был опытным моряком. В то туманное утро 2 июня 1942 года, когда он стоял на мостике своего флагманского авианосца «Акаги», его широкое лицо излучало уверенность. С момента той смелой, сопряженной с крупным риском атаки на Пёрл-Харбор, положившей начало войне на Тихом океане, его авианосный флот потопил или серьезно повредил пять вражеских линкоров, авианосец, два крейсера, семь эсминцев и пустил на дно немало других судов, не потеряв ни одного своего корабля.

Кадровый офицер флота 55-летний Нагумо был специалистом торпедной войны, но не был хорошо знаком с морской авиацией. Но на борту «Акаги» он имел в качестве двух основных движущих пружин сложного механизма авианосной ударной мощи двух талантливых специалистов-летчиков: начальника оперативного отдела штаба 1-го авианосного флота капитана Минору Гэн-да, автора тактического плана атаки Пёрл-Харбора, и капитана Мицуо Футида, боевого летчика, возглавившего воздушный удар по этой американской военно-морской базе. Однако сейчас этот победоносный дуэт распался. Футида лежал в лазарете на борту «Акаги» — в первый же день выхода эскадры в море у него вырезали аппендицит, а затем тяжело заболел Гэнда — воспаление легких. И таким образом, накануне решающей битвы адмирал Нагумо остался без двух главных помощников, на которых он привык полагаться.

Уроки Пёрл-Харбора

Главнокомандующий Тихоокеанским флотом США адмирал Честер У. Нимиц размышлял над ситуацией в своей штаб-квартире в Пёрл-Харборе. Худощавый, светловолосый, Нимиц казался гораздо моложе своих 57 лет. Но сейчас его лицо осунулось и потемнело.

Длинная зима и весна 1942 года были трудным периодом для Соединенных Штатов и американских союзников. Пёрл-Харбор, Гуам, Уэйк, Филиппинские острова, сражения в Яванском море и Индийском океане — названия звучали как перечень горьких поражений. 6 мая военная удача в очередной раз отвернулась от американцев: остатки войск генерала Джонатана Уэйнрайта, оборонявших военно-морскую базу Коррегидор на Филиппинских островах, капитулировали. Двумя днями позже японские и американские авианосцы вступили в схватку в Коралловом море. Японцы потопили авианосец «Лексингтон» и нанесли тяжелые повреждения авианосцу «Йорктаун», который с трудом сумел добраться до Пёрл-Харбора и стать на ремонт. Японцы потеряли один легкий авианосец и были вынуждены направить два крупных авианосца в Японию для ремонта и восполнения потерь в летном составе.

Нимица утешала одна мысль: военная разведка на Пёрл-Харборе, которой руководил Рошфор, благодаря настойчивым усилиям частично сумела разгадать японский военно-морской код (американцы декодировали японский дипломатический код еще в 1940 году, но в начале войны военно-морской шифр еще не был декодирован) и к апрелю, используя радиоперехваты, знала, что японское командование планирует какую-то важную операцию в районе АФ. АФ могло означать все, что угодно: Сан-Франциско, Алеутские острова, Оаху, но Рошфор интуитивно полагал, что речь идет об острове Мидуэй. Поэтому он подстроил небольшую ловушку.

Обычно секретные сообщения с острова Мидуэй передавались по подводному телеграфному кабелю — перехватить их японцы не могли.

По предложению Рошфора с Мидуэя на Гавайские острова была направлена незашифрованная радиограмма, сообщавшая, что на острове не хватает пресной воды. Японцы клюнули на эту приманку. Через 48 часов американская разведка перехватила японскую радиограмму, уведомлявшую всех заинтересованных командующих, что на АФ не хватает воды. Следовательно, АФ действительно был островом Мидуэй!

К середине мая американская радиоразведка установила, что в районе этого острова для атаки, которая начнется 4 июня, сосредоточатся три японских флота: Ударное авианосное соединение, Группа поддержки и Транспортная группа с десантом.

Американская разведывательная служба также знала, что отвлекающий удар будет нанесен по Алеутским островам. Это была важная и точная оценка намерений противника, но недостаточно полная. В частности, в ней не учитывались главные силы Объединенного японского флота, включавшие в себя линейные корабли, которые должны были завершить разгром американского соединения, вышедшего из Пёрл-Харбора.

Даже без учета этих главных сил Тихоокеанский флот США уступал по численности противнику. Тем не менее Нимиц принял смелое решение: собирая в кулак все имеющиеся боевые корабли для предстоящей схватки, он приказал оперативной группе линейных кораблей оставаться у Западного побережья США. Грозные, но медленные линкоры сковали бы маневренность более быстроходных авианосцев, а Нимицу не хватало самолетов, чтобы прикрыть свои линейные корабли с воздуха. На протяжении многих лет американский флот придерживался доктрины, что основу военной мощи составляют линейные корабли. Сейчас, однако, оказавшемуся перед лицом превосходящих сил противника адмиралу хватило мужества порвать с этой традиционной доктриной и отказаться от дредноутов. Таким образом, побежденные, а не победители усвоили уроки Пёрл-Харбора.

Единственным оружием, с помощью которого адмирал Нимиц мог нанести поражение врагу при Мидуэе, были авианосцы — новые короли морей, и он нуждался в каждом авианосце, который можно было выпросить, одолжить или похитить. «Энтерпрайз» и «Хорнет» были готовы к бою. А когда поврежденный «Йорктаун» приковывал в

Пёрл-Харбор 27 мая, судоремонтные мастерские ВМС, сразу же начали восстанавливать его боеспособность.

Считалось, что ремонт корабля потребует минимум две недели — а может быть, и три месяца — слишком долго, чтобы «Йорктаун» мог принять участие в предстоящем сражении. Но Нимиц не мог так долго ждать. Как только авианосец поставили в сухой док, на него хлынула армия электриков, механиков, сварщиков. Работа кипела весь полдень и всю ночь. Восстанавливали и ремонтировали только самое необходимое. Каким-то чудом «Йорктаун» снова ожил. На следующий день, когда на нем все еще продолжались работы, авианосец покинул сухой док и встал на свое обычное место стоянки в гавани, где его пополнили топливом, самолетами и боеприпасами. Через двое суток он был готов выйти в море!

В своем жарком, душном кабинете Нимиц провел последнее совещание с двумя командующими авианосными соединениями. Контр-адмирал Рэймонд А. Спрюэнс возглавлял 16-е оперативное авианосное соединение, ядро которого составляли «Хорнет» и «Энтерпрайз».

Немногословный, худощавый, прямой, как клинок, Спрюэнс мог мгновенно оценить обстановку и принять решение.

Рядом с ним сидел контр-адмирал Фрэнк Дж. Флетчер, командовавший 17-м оперативным авианосным соединением. Светловолосый, лысеющий, с решительным подбородком, Флетчер почти не имел возможности перевести дух после недавнего сражения в Коралловом море на борту «Йорктауна». Но он умел быстро приспосабливаться к обстановке и приготовился к новой схватке.

Нимиц уже наметил план действий. Спрюэнс выйдет в море на следующий день. Флетчер последует за ним, как только «Йорктаун» восстановит боеспособность. Оба авианосные соединения встретятся в 325 милях к северо-востоку от Мидуэя, займут позицию за пределами радиуса воздушной разведки японцев и будут ждать, когда наземная патрульная авиация Мидуэя, обладающая большим радиусом действия, обнаружит японские авианосцы,двигающиеся с северо-запада.

Необходимо было захватить противника врасплох, ибо лобовое столкновение привело бы, несомненно, к катастрофе. Американцы

должны были позволить японскому флоту подойти на достаточно близкое расстояние, но не очень близко. Затем, используя воздушную разведку и интуицию, Флетчер и Спрюэнс попытаются нанести удар по японским авианосцам в тот момент, когда их самолеты будут на взлетных палубах.

Нимиц закрыл совещание. Каждый командующий знал, что решения, которые будут приняты им в предстоящие несколько дней, чреваты далеко идущими последствиями.

Давид и Голиаф

В 600 милях позади авианосца Нагумо линейные корабли главных сил утюжили волны Тихого океана. Флагманский линкор, новый грозный «Ямато», вооруженный девятью 18,2-дюймовыми орудиями, водоизмещением 72 800 тонн, был самым крупным и мощным супердредноутом в мире.

На борту этого бронтозавра стоял адмирал Исороку Ямамото, главнокомандующий Объединенным флотом Японии, руководивший операцией по захвату острова Мидуэй. Невысокий, коренастый, с широкими плечами и властным лицом, Ямамото был энергичным, смелым и откровенным человеком.

Ямамото учился в Гарвардском университете (США) и служил в Вашингтоне как военно-морской атташе. Он был противником войны с Соединенными Штатами, не питал иллюзий в отношении надежды добиться полной победы в длительном вооруженном конфликте против индустриальной мощи США. Но он почитал императора, любил свою страну и, когда стало очевидным, что Япония вступит в войну, спланировал внезапный рискованный удар по Пёрл-Харбору в декабре 1941 года.

Успех этого авианосного удара превзошел все ожидания. (Незадолго до этого Ямамото предсказал: «Я буду жить припеваючи первые шесть месяцев, но у меня нет уверенности в конечном исходе».)

Ямамото знал, что базирующиеся на Гавайских островах американские силы по-прежнему потенциально сильны и горят желанием взять реванш. Однако неправильное представление об американских потерях в бою в Коралловом море усилило его уверенность. Веря, что вместе с «Лексингтоном» в этом бою они также потопили «Йорктаун», японцы проигнорировали временную утрату своих двух авианосцев. Бой в Коралловом море фактически обернулся дорогостоящей победой: японцы потеряли убитыми и ранеными 1074

человека, и, главное, сократился резерв опытных летчиков — оплот японской военно-морской мощи.

«Мы практически не имели никаких разведывательных данных о противнике, — заявил адмирал Нагумо после Мидуэя. — До самого конца мы так и не узнали, где находится противник и какова его численность».

Но даже если бы японцы узнали, что их планы известны американцам, маловероятно, чтобы их отношение и планы изменились. На бумаге устремившиеся на восток выглядели как Голиаф, отправившийся сокрушать американского Давида. Ямамото, не считая Алеутского соединения, имел 86 боевых кораблей и 43 различных вспомогательных судна. Против них Нимиц смог выставить только 27 боевых кораблей и 23 вспомогательных судна, включая торпедные катера и переоборудованную яхту.

Что касается соотношения воздушных сил, то у японцев было 333 самолета, базирующихся в основном на авианосцах, а у американцев — 348, из которых 118 находились на острове Мидуэй. Однако небольшой численный перевес американцев, по существу, ничего не значил. У Нимица, например, было на 20 пикирующих бомбардировщиков больше, чем у Ямамото; но последний имел на 17 истребителей больше, а это были прославленные «зеро», которые намного превосходили все типы истребителей, имевшихся у Соединенных Штатов. Японцы не только располагали большим количеством торпедоносцев, но эти торпедоносцы были более высокого класса: американские торпедоносцы имели позорно низкую скорость и плохую живучесть, а американские торпеды уже заслужили презрение японцев: при попадании они часто не взрывались.

В то время как различные боевые соединения японцев неумолимо приближались к крошечному атоллу, капитан Йошитаке Мива на борту «Ямато» так отразил боевой дух японского флота в своем дневнике: «Я молю Бога, чтобы он даровал нам возможность встретиться с крупными силами врага. Откуда берется такое воодушевление, которое побеждает противника еще до начала битвы?»

На Мидуэе накануне схватки

На Мидуэе кипела напряженная подготовка. Две крошечные песчаные косы, из которых состоит фактически остров — Сэнд-Айленд и Истерн-Айленд, — оцетинились колючей проволокой и орудиями, побережье и отмели были усеяны минами. Одиннадцать торпедных катеров приготвили патрулировать рифы и лагуну и участвовать в отражении налетов авиации. Яхта и четыре переоборудованных рыболовных траулера предназначались для спасательных операций, а 19 подводных лодок охраняли подступы к атоллу. Командиры гарнизона, численностью в 3600 человек, были уверены, что они смогут отразить японский морской десант. Но если японские корабли подойдут близко к острову и под плотной защитой истребительной авиации начнут массированный артобстрел, то Мидуэю не хватит собственных воздушных сил, чтобы их отогнать.

На острове имелось 118 самолетов. Из них 30 были тихоходными и легкоуязвимыми для патрульных гидросамолетов, 37 других самолетов — устаревшими. Пикирующие бомбардировщики «виндикейтер» — морские летчики называли их «вибраторами» или «флюгерами» — с трудом поднимались в воздух, а истребители Брюстер «буффало» были устаревшей конструкции, прозванные «летающими гробами». Японский «зеро» развивал более высокую скорость в горизонтальном полете, чем «буффало» при пикировании!

С середины мая Нимиц начал посылать на Мидуэй «все подкрепления, которые остров был способен разместить». Новые самолеты, летчики и механики прибывали ежедневно. Выносливые Б-17 («летающие крепости») были в то время лучшим воздушным оружием: четырехмоторные бомбардировщики с высокой боевой живучестью, способные покрыть большое расстояние с крупным грузом бомб. Их ежедневно перегоняли на Мидуэй с Гавайских островов, куда их доставляли с материка. Тем не менее их явно не хватало. Беда в том, как писал Нимиц, что Мидуэй «мог принять

ограниченное число самолетов, примерно столько, сколько имеет один авианосец».

Условия жизни на острове были почти невыносимыми, а перегруженные взлетно-посадочные полосы на Истерн-Айленде превращали ночные посадки и взлеты в крайне опасное занятие. Сэнд-Айленд почти тонул под тяжестью прибывавших подкреплений. Островок казался беспорядочным сборищем обеспокоенных офицеров, вновь прибывших солдат, разнотипных самолетов, вечно жаждущих бензиновых цистерн, чаек и альбатросов.

Командование воздушными операциями возглавил коммодор Логан К. Рамсей. С 30 мая он проводил интенсивную воздушную разведку, ежедневно на рассвете в воздух поднимались патрульные самолеты. Он также увеличил радиус патрулирования — в западном секторе до 700 миль, что, естественно, не улучшило положение с запасом горючего. «Ситуация с горючим здесь и на Сэнд-Айленде чрезвычайно напряженная», — отмечалось в одном из донесений.

Затем разразилась катастрофа. Защитники Мидуэя заложили фугасы в ключевых пунктах на тот случай, если им придется взрывать различные сооружения, чтобы они не попали в руки японцев. Из-за роковой случайности группа моряков при проверке проводов, ведущих к фугасу, взорвала склад с горючим.

«Склад был надежно защищен от неумелых дураков, но не от неумелых моряков», — саркастично комментировал офицер военно-морской пехоты. Тысячи галлонов авиационного бензина были уничтожены взрывом.

Нимиц немедленно направил к Мидуэю торговое судно с грузом бензина. Но не успело судно бросить якорь у острова, как команда забастовала из-за сверхурочной работы. (Американский торговый флот вписал золотые страницы в историю войны, но в ее начальный период тот факт, что бог войны Марс не считается с профсоюзными порядками, еще не сразу дошел до сознания.) В конечном итоге морские пехотинцы Мидуэя ночью переправили бочки с горючим на берег с помощью офицеров судна и боцмана, обслуживавшего лебедки.

Американцы, пожалуй, переусердствовали в соблюдении секретности. Мало кто на Мидуэе знал, когда ожидается японское вторжение. Военно-морские летчики, базировавшиеся на острове,

даже не знали, что вместе с ними будут сражаться их товарищи с американских авианосцев. Единственный шанс Нимица против японцев лежал в сохранении своих приготовлений в глубокой тайне; подвергать ее риску ради того, чтобы лишний раз заверить защитников Мидуэя, что они не одиноки, адмирал не мог.

Наблюдение и ожидание

Ко 2 июня японцам стало ясно, что противник догадывается об их намерениях. Возросший поток американских радиопереговоров с его многочисленными зашифрованными радиogramмами под грифом «срочно» был одним из признаков. Произошли стычки между японскими разведывательными бомбардировщиками с острова Уэйк и базирующимися на Мидуэе крупными летающими лодками «каталина». Американские машины получили тяжелые повреждения, но координаты воздушных стычек свидетельствовали о том, что защитники Мидуэя расширили зону патрулирования до 700 миль к западу от атолла.

Когда эти донесения поступали к лежавшему в лазарете на борту «Акаги» Футиде, тот нахмурился. Если американцы патрулируют так далеко от Мидуэя — на 200 миль дальше, чем предполагали японцы, — тогда японская Транспортная группа вступит в зону патрулирования 3 июня по токийскому времени. Правда, предполагалось, что американцы должны обнаружить эти суда, которые двигались значительно южнее Ударного авианосного соединения и главных сил. Ямамото рассчитывал, что это введет в заблуждение американцев относительно направления главного удара и заманит флот США под ждущие дула орудий его линкоров. Но все это должно было случиться, как ожидалось, 5-го, а не 3 июня.

«Однако, — решил начальник штаба Ямамото контр-адмирал Матоме Угаки, — пока у нас нет необходимости менять наш план».

Об одном важном факторе японцы вообще не имели представления: их передовая завеса подводных лодок, развернувшаяся между Гавайскими островами и островом Мидуэй, прибыла в заданный район слишком поздно. Получив задание заранее предупредить о любых передвижениях кораблей противника в районе Пёрл-Харбора, эти подводные лодки вели непрерывную разведку днем в перископы, ночью — всплывая на поверхность. Но безрезультатно. Американские

16-е и 17-е оперативные соединения давно уже прошли этот район и двигались на запад.

* * *

Судя по вахтенным журналам 2 июня для авианосцев «Хорнет» и «Энтерпрайз», которые шли в сопровождении шести крейсеров и девяти эсминцев, был спокойным днем. «Энтерпрайз» шел зигзагами, ложился на прямой курс, менял направление, на борту авианосца велась обычная проверка. В 11.32 к авианосцу подошел эсминец, доставивший почту.

Утром к этому соединению примкнул «Йорктаун» с эскортом из двух крейсеров и пяти эсминцев. Как старший по рангу, адмирал Флетчер принял общее командование, но на практике оба оперативных соединения станут действовать самостоятельно.

Боевой дух на американских кораблях был сравнительно высоким. Тем не менее два важных вопроса постоянно вертелись в голове Флетчера. Действительно ли «Йорктаун» готов к бою? И когда именно, с какой стороны и каким числом нанесут удар японские авианосцы?

Мидуэй, центр всех планов, следил и ждал. К этому крошечному атоллу — две пылинки, почти неразличимые на карте Тихого океана, — стягивались основные силы военно-морских флотов США и Японии. Станет ли Тихий океан на многие годы Японским озером? Обрушится ли яростный шквал войны на Западное побережье Соединенных Штатов? Эти и многие другие вопросы скрывались в плескавшихся вокруг Мидуэя волнах с их белыми гребнями.

Имелся также ряд трудноуловимых факторов. Ямамото вместе с превосходством в тоннаже и огневой мощи сопровождали привычка побеждать, самоуверенность, боевые традиции и страстное желание «объединить весь мир под одной крышей». На стороне Флетчера и Спрюэнса были неожиданность, гибкость, первоклассная система разведки и твердое решение положить конец затянувшимся неудачам.

Первая кровь

Около 9.20 3 июня пилот Джэк Рейд заканчивал свой дежурный разведывательный полет. Он приготовился повернуть свою выглядевшую неуклюжей «каталину» и взять курс назад к Мидуэю, когда заметил какие-то крапинки на горизонте. «Грязь, что ли, пристала к ветровому стеклу?» — подумал он и взглянул снова. «Бог мой! — заорал он. — Похоже, что мы сорвали банк!»

Второй пилот схватил бинокль. Да, это были корабли. Рейд радировал эту сенсационную информацию на Мидуэй. Он снизился и на бреющем полете, буквально скользя по белым гребням волн, смело повел свой самолет по длинному окружному маршруту в тыл эскадре противника, а затем снова осторожно набрал высоту для лучшего обзора. Какое-то время он, как кошка, охотящаяся за мышью, таился в засаде позади японских кораблей — Транспортной группы, — стремясь как можно больше увидеть и остаться незамеченным.

На этот раз он передал на Мидуэй: «Одиннадцать кораблей, курс 090, скорость 19 узлов, в том числе один небольшой авианосец, один гидроавиатранспорт, два линкора, несколько крейсеров и эсминцев».

Японцы не обнаружили самолет Рейда. Но они отогнали зенитным огнем другую «каталину», которая заметила часть кораблей из группы минных тральщиков, и немедленно уведомили об этом японские Главные силы. Это была неприятная новость. «Обнаружили досрочно!» — записал в дневнике огорченный Угаки: бой может начаться в любой момент.

Он не ошибался. В 12.30 девять бомбардировщиков Б-17, пополнив баки горючим после утреннего патрульного полета, взмыли в воздух с четырьмя 250-килограммовыми бомбами каждый.

Сообщения об обнаруженных японских кораблях создали напряженную ситуацию для высших военно-морских командиров США. Нимиц, следивший за ходом событий в Пёрл-Харборе, должен был быстро решить, являются ли эти корабли «главными силами»

японцев, как сообщил Рейд. Нимиц решил довериться первоначальным прогнозам разведывательной службы. Поэтому он срочно передал зашифрованную радиogramму адмиралу Флетчеру: «Это не, повторяю, не ударное соединение противника. Ударное соединение начнет атаку с северо-западного направления завтра на рассвете».

Радиogramма Нимица была желанным подтверждением для Флетчера, который уже пришел к аналогичному выводу. Поэтому он, игнорируя эту приманку, направил «Йорктаун» в квадрат, находившийся примерно в 200 милях к северу от острова Мидуэй.

После полудня Б-17 нашли японскую Транспортную группу, обнаруженную Рейдом. Бомбардировщики сделали несколько пробных заходов, то входя в зону зенитного огня противника, то выходя за ее пределы. Затем в сумерках все эскортирующие японские эсминцы открыли огонь, когда бомбардировщики тремя волнами сбросили свои бомбы с высоты 8—12 тысяч футов.

В течение нескольких минут это обычно тихое место в середине Тихого океана наполнилось гулом орудий, свистом и грохотом взрывов бомб, звоном судовых колоколов и шипением взметнувшихся водяных столбов.

Но когда шум боя стих, выяснилось, что ни одна из сторон не пострадала: часть бомб не взорвалась, а другие взрывались вдали от кораблей.

После этого бесплодного рейда было решено подвесить торпеды на несколько «каталин» для ночной атаки — идея, достойная комиксов. «Каталины» были тихоходными, легкоуязвимыми воздушными лодками, не приспособленными для этих целей. Экипажи устали и не имели опыта в сбрасывании торпед. Тем не менее около 22.00 четыре гидросамолета, имевших радиолокаторы, тяжело поднялись в темное небо с торпедами, подвешенными под крыльями. Один не нашел противника и вернулся на базу. Три других поочередно атаковали японские транспорты с бреющего полета и, уклоняясь от зениток и пулеметов, скрылись в облаках. Одна торпеда попала в танкер «Акэбоно Мару», 23 человека было убито и ранено, а танкер временно замедлил ход.

Эти малорезультативные атаки тем не менее вызвали тревогу у Ямамото и его штаба на борту линкора, шедшего в составе Главных

сил, ибо они свидетельствовали о том, что американцы знают, что японский флот находится по соседству с ними. Однако никто не удосужился сообщить адмиралу Нагумо и его авианосному соединению об утренней стычке с «каталиной», налете бомбардировщиков Б-17 и ночной торпедной атаке. Тем самым Ямамото позволил Нагумо готовить свой воздушный удар по Мидуэю в полном неведении о том, что американцы знают о движущейся к атоллу японской флотилии.

«Запустить моторы!»

Переданная через громкоговорители команда разбудила спавших летчиков и подняла на ноги Гэнду в предрассветной мгле 4 июня. Все еще слабый после перенесенного воспаления легких Гэнда оделся и поднялся на мостик. Адмирал Нагумо отечески обнял его за плечи рукой.

«Как вы себя чувствуете?» — спросил он. «Сейчас намного лучше», — заявил Гэнда, хотя его лицо говорило, что он еще не совсем здоров. Но его присутствие на мостике укрепило высокий боевой дух офицеров и летчиков.

Из лазарета вскоре также выбрался Футида, решивший во что бы то ни стало присутствовать при взлете самолетов, которые он должен был вести в бой.

Небо все еще было темным, но чувствовалось, что погода для воздушного удара по острову Мидуэй будет превосходной, море было спокойно. Узнав, что разведывательные самолеты еще не поднялись в воздух, Футида выразил беспокойство. Сектор разведки напоминал веер с семью радиальными сегментами. Радиус поиска самолетов составлял 300 миль. Пролетев это расстояние, самолет должен был повернуть влево и пролететь еще 60 миль, а затем лечь на обратный курс — однофазовая разведка, один самолет, что, по мнению Футиды, было просто недостаточно. Все, что не удастся заметить с первой попытки, останется необнаруженным.

Но Нагумо испытывал прилив уверенности. Согласно японским расчетам, американский флот должен был находиться где-то далеко на востоке, за пределами патрульной завесы японских подводных лодок, и мог появиться лишь позднее. В официальной оценке положения адмирала Нагумо имеется такая бросающаяся в глаза ошибка: «Противник не знает наших планов».

В 4.00 летчики сгрудились в каюте под мостиком, где происходил последний инструктаж экипажей. Через несколько минут они

высыпали на палубу и бросились к ожидавшим их самолетам. «Запустить мотор!» Моторы взревели, из выхлопных труб вырвалось синевато-белое пламя. Вспыхнули прожектора, залив ярким светом летную палубу, с мостика раздалась команда: «Начинайте взлет!» Зеленая сигнальная лампа в руках офицера описала в воздухе широкий круг, и первый истребитель, набрав скорость, взмыл в воздух, подгоняемый громом приветствий и машущими руками и фуражками. За ним взлетело еще восемь истребителей, а затем последовали пикирующие бомбардировщики.

Примерно в 4 тысячах метров по левому борту вспышки сигнальных огней говорили о том, что «Хирю» также запускал свои самолеты.

За 15 минут все самолеты первой волны поднялись в воздух; они произвели построение, сделали круг над кораблями и взяли курс на Мидуэй. В первой атакующей волне участвовало 108 самолетов — 36 бомбардировщиков, 36 пикирующих бомбардировщиков и 36 истребителей эскорта. Девять других истребителей кружились в воздухе, прикрывая корабли, еще девять стояли на палубе авианосца «Акаги» в полной боевой готовности. Выделить 18 истребителей для защиты 21 корабля ударного соединения Нагумо — это примерно то же, что покрыть дом вместо черепицы туалетной бумагой, — еще одно доказательство того, как мало японцы ожидали нападения.

Среди последних самолетов, взмывших в воздух ровно в 4.30, находились три разведчика. В течение последней четверти часа еще три разведчика с запозданием поднялись в воздух. Но седьмой разведывательный гидросамолет взлетел с получасовым опозданием в 5.00.

Эти задержки частично объяснялись тем, что японцы прежде всего готовились к атакующим действиям и мало уделяли внимания поиску и разведке, считая их в основном оборонительными мероприятиями, что дорого обошлось им. Если бы все разведывательные самолеты взлетели своевременно, один из них пролетел бы прямо над американским 17-м авианосным соединением.

«Вижу много вражеских самолетов!»

Наступило 5.00, но никаких признаков противника не было, и настроившиеся на схватку защитники острова Мидуэй стали успокаиваться. Моторы самолетов, прогретые с 4.30, выключили, бензобаки пополнили до отказа, летчики вернулись в летные укрытия. Шестерке истребителей «уайлдкэт», кружившей над атоллом, дали команду приземлиться — при посадке один истребитель повредил шасси.

Мидуэй погрузился в настороженную тишину.

Первыми в бой вступили три истребителя Кэри. В 6.12 Кэри скомандовал: «Японские бомбардировщики на высоте 12 тысяч футов».

«Зеро», сопровождавшие бомбардировщики, находились несколько выше и позади их, что давало Кэри шанс для быстрой атаки на бомбардировщики, прежде чем японские истребители сумеют перехватить его. Сделав плавный разворот и перейдя в пики, Кэри поймал самолет в прицел и открыл огонь. Его лобовое стекло треснуло от удара пули, затем он увидел, как атакованный им бомбовоз взорвался. Промчавшись сквозь клинообразный строй вражеских машин, он снова взмыл вверх и заложил крутой вираж, чтобы зайти в тыл японской эскадрильи. Пока он маневрировал, японские стрелки-радисты поливали его «уайлдкэт» свинцом — пули попали в обе ноги Кэри.

Младший лейтенант Клейтон М. Кэнфилд, участвовавший в атаке вместе с Кэри, вел огонь по японскому бомбардировщику, «пока тот не вспыхнул и пылающим факелом не рухнул вниз». В разгар боя он увидел группу японских «зеро», пикировавших на него слева. Уклоняясь от атаки, Кэнфилд скрылся в большой туче, обогнул ее и присоединился к Кэри, который возвращался на аэродром, «с трудом удерживая самолет в воздухе».

Дважды Кэри чуть не потерял сознание, но, напрягая всю волю, упрямо продолжал полет. Кэнфилд сел первым, шасси у него подломилось, и истребитель на брюхе заскользил по посадочной полосе. Самолет Кэри приковывал след за ним, но при посадке Кэри утратил контроль. Машина сошла с полосы и ударилась об ограждение. Двое солдат бросились на помощь, вытащили летчика из самолета и укрылись за оградой как раз в тот момент, когда первая бомба упала на Мидуэй.

Майора Парка, несомненно, позабавило бы японское донесение, что в 20 милях от Мидуэя их бомбардировщики встретились с «30–40» «уайлдкэтами». В воздухе было всего восемь таких истребителей, и тот факт, что опытные японские летчики приняли горстку устрашающих истребителей «буффало» за сравнительно крупный отряд более современных машин, делает честь искусству и храбрости американских пилотов. И шести «буффало» Парка только один уцелел в то день: из-за неисправности мотора он не смог участвовать в бою. Остальные пять «летающих гробов» предприняли попытку сблизиться с крупной группой японских бомбардировщиков в 20 милях от острова. Все они погибли.

Второй отряд из шести «буффало» атаковал группу из 24 бомбардировщиков, летевших тремя клиньями. После первой атаки командир отряда капитан Филип Р. Уайт сумел, войдя в крутое пике, оторваться от преследовавшего его японского истребителя, а затем, снова набрав высоту, перехватить вражеский бомбардировщик, возвращавшийся от Мидуэя. Маленький «буффало» открыл огонь, бомбардировщик вздрогнул, «свалился на левое крыло и упал в воду».

В экипажах этой группы из шести самолетов в живых остался только Уайт и еще один летчик. Уайт дал следующую убийственную оценку истребителю «буффало»: «Японский “зеро” может плести кружева вокруг него, — написал он в рапорте. — Командир, посылающий летчиков в бой на этих машинах, должен считать их погибшими еще до того, как они поднимутся в воздух».^[73]

Лейтенант Рой А. Корри на своем «уайлдкэте» сбил японские истребитель и бомбардировщик, прежде чем был сбит сам. Позднее он с похвалой отзовется о японском «зеро» как о «самом маневренном самолете, существующем ныне». Он отметит, однако, что этот

истребитель, «кажется, обладает невысокой живучестью, если вам, конечно, посчастливится попасть в него из своих пулеметов».

Секрет заключался в том, чтобы суметь поймать его в прицел!

Остров в осаде

Несмотря на ожесточенность воздушных схваток, они не оказали заметного влияния на бомбардировочный удар японцев. Американские морские пехотинцы с профессиональным восхищением отметили мастерство и дисциплину, с которыми японские пилоты сохраняли боевой строй. Если какой-то бомбардировщик бывал сбит, другие, перегруппировавшись, сохраняли строй, заданный курс и скорость.

Прежде чем японские бомбардировщики сбросили свой смертоносный груз, два самолета стали жертвой зенитной артиллерии. Из первого загоревшегося и падающего самолета никто не выпрыгнул с парашютом: пилот отодвинул фонарь, помахал рукой своим товарищам, снова задвинул фонарь и перевел самолет в последнее пики. Затем с неба обрушился град бомб.

Бомбы уничтожили цистерны с бензином и вывели из строя батарею зенитных орудий. Одна из них попала в склад боеприпасов, вызвав гигантский взрыв и убив четырех человек. Пикирующий бомбардировщик разрушил здание электростанции на Истерн-Айленде, лишив остров электроэнергии. Другая бомба перебила бензопроводы между основным бензохранилищем и районом доков, в результате этого самолеты пришлось заправлять вручную из канистр. Прямое попадание уничтожило три бензоцистерны на Сэнд-Айленде. Они горели три дня. Угодившая в столовую бомба расшвыряла во все стороны кастрюли и сковородки. Были полностью уничтожены лазарет, аптека, прачечная, почта и магазин.

Поскольку все истребители с Мидуэя вступили в бой с обычными бомбардировщиками, возглавлявшими налет, японские пикировщики достигли острова без повреждений. Позади их мчались «зеро», поливавшие огнем наземные цели. К этому времени майор Парк был убит. Он сумел выпрыгнуть с парашютом, но японцы расстреляли его в воздухе.

В 06.48 радарная станция на Мидуэе сообщила: «Вражеские самолеты улетают», но сигнал о прекращении воздушной тревоги раздался лишь в 07.15. «Истребителям садиться и запраправляться», — радировал подполковник И. Кайме, командир 22-й группы военно-морской авиации. Но никто не ответил. Он повторил команду: «Всем истребителям садиться и запраправляться горючим». Приземлились лишь отдельные самолеты.

14 из 26 летчиков погибли. Только два истребителя оказались пригодны для дальнейших полетов. Каков был итог воздушной схватки? По сообщениям американских летчиков, им удалось сбить восемь бомбардировщиков, три истребителя и два самолета тяжело повредить (по японским данным, они потеряли четыре бомбардировщика и два истребителя).

Самому Мидуэю был нанесен значительный ущерб, тем не менее атолл оказался в лучшем состоянии, чем можно было ожидать. На острове погибло 20 человек — удивительно низкие потери. Взлетно-посадочные полосы почти не пострадали. После налета гарнизон дружно взялся за ликвидацию ущерба: восстанавливали электроснабжение, чинили водопровод, тушили пожары и разгребали развалины.

Возвращаясь на поврежденном бомбардировщике к авианосцам, капитан-лейтенант Томонага, возглавлявший налет, не был удовлетворен результатами рейда. Не удалось застать американские бомбардировщики на земле. А поскольку взлетно-посадочные полосы не были выведены из строя и артиллерийские установки на Мидуэе не подавлены, японскому десанту могла быть уготована горячая встреча.

Поэтому Томонага передал по радио: «Необходима вторая атака!»

Роковое решение

Американские бомбардировщики, понятно, в это время находились в воздухе. Все они — 51 самолет — пятью отдельными группами, натужно гудя моторами, летели к флоту Нагумо.

Сразу же, как только японские авианосцы были обнаружены, отряд из шести торпедоносцев «эвенджер» под командованием А. К. Эрнста покинул Мидуэй. По пятам за ним в воздух взмыли четыре вооруженных торпедами бомбардировщика Б-26.

Эти две группы вышли в заданный район почти одновременно около 07.10. «Акаги» немедленно набрал скорость и развернулся носом навстречу вражеским торпедоносцам, чтобы максимально уменьшить площадь поражения. Десять истребителей взмыли с палубы в небо и, умело взаимодействуя, атаковали американцев.

Не имея истребителей сопровождения, тихоходные «эвенджеры» были для японцев сидячими утками. Турельный стрелок Эрнста дал несколько очередей, а затем ткнулся лицом в пулемет и затих. Следующим заходом «зеро» вывел из строя гидравлическую систему управления, убил радиста и ранил второго стрелка.

С неуправляемым рулем высоты, истекающий кровью, Эрнст сбросил торпеду — высота была слишком большой, чтобы она могла попасть в цель, — и повернул на базу. Два «зеро» продолжали преследовать его. Неуклюже маневрируя, Эрнст сумел избежать нескольких атак, затем истребители, видимо расстреляв боезапас, отвернули прочь. Мотор все еще работал, и раненый Эрнст, ведя машину наугад, сумел совершить посадку на Мидуэе. Он и стрелок были единственными уцелевшими из этой группы из шести самолетов.

Бомбардировщикам Б-26 повезло немногим больше, половина из них погибла, не причинив никакого ущерба. Один из Б-26 пронесся сквозь плотную завесу огня зенитных орудий в нескольких метрах над «Акаги». «Он врежется в мостик!» — крикнул кто-то. Но самолет миновал авианосец — его белая звезда на темно-синем фюзеляже была

хорошо видна, — круто развернулся вправо и рухнул в воду. Матросы на борту «Акаги» прыгали от радости. «Вот здорово!» — заметил Футида.

Вторая волна самолетов Нагумо уже находилась на взлетных палубах авианосцев «Акаги» и «Кага». Помимо группы пикирующих бомбардировщиков с авианосцев «Хирю» и «Сорю» в нее входили также 36 бомбардировщиков «Акаги» и «Кага» с подвешенными торпедами на случай, если будут обнаружены корабли противника. Однако разведывательные самолеты, которые к этому времени достигли отведенных им секторов патрулирования, сообщений о замеченных кораблях противника не передавали. Поэтому Нагумо решили провести повторную атаку на Мидуэй. Это означало, что необходимо срочно опустить эти бомбардировщики в ангар, заменить торпеды бомбами и поднять их снова на летную палубу.

Работа закипела, но к тому времени, когда ее удалось завершить наполовину, с разведывательного самолета поступило срочное сообщение: «Вижу десять кораблей, очевидно противника. Пеленг 10, дистанция 240 миль от Мидуэя». Но в сообщении ничего не говорилось о самом главном: есть ли среди них авианосцы? Авианосцы были единственными кораблями, представлявшими прямую угрозу всем японским кораблям.

Нагумо заколебался. «Оставить торпеды на самолетах, где они еще не заменены», — скомандовал он. Затем отдал приказ разведывательному самолету: «Установить класс кораблей!»

В этот самый момент в воздухе появились новые американские самолеты — 15 пикирующих бомбардировщиков «даунтлесс». Японские истребители бросились в атаку. Несколько бомб упало рядом с кораблями: в один момент авианосец «Хирю» исчез в гигантских всплесках воды и облаках дыма, и японцы, наблюдавшие с «Акаги», подумали, что «Хирю» не избежал попаданий. Но он вскоре появился из-за завесы воды и дыма невредимым, а восемь американских самолетов были сбиты.

В этой атмосфере глухого натужного гула работающих на полную мощность турбин авианосца, пронзительного воя моторов истребителей, лая зенитных орудий адмиралу Нагумо было трудно сосредоточиться. Он был обеспокоен и раздражен, когда наконец

расшифрованный ответ патрульного самолета попал ему в руки: «Соединение противника состоит из пяти крейсеров и пяти эсминцев». Но облегчение, которое все почувствовали после получения этой радиограммы, было недолгим. Это, должно быть, корабли эскорта, ни один флот не направит в эти воды такие слабые силы.

Однако если бы в этом районе находился американский авианосец, разве бы он не послал свои самолеты для поддержки атак наземной авиации с Мидуэя? Поэтому штаб Нагумо не стал менять избранную тактику. К тому же недавний опыт боев внушил этим людям глубокое презрение к американской авиации, презрение, которое отнюдь не могли рассеять ряд последних невероятно не скоординированных, рассчитанных на авось, воздушных атак.

В небе теперь появилась еще одна группа бомбардировщиков — 14 четырехмоторных «летающих крепостей» Б-17: Они вылетели с Мидуэя раньше других для повторного удара по японской Транспортной группе, но затем им приказали атаковать авианосцы. Хотя они и не пострадали от атак японских истребителей, но и успеха не достигли. Как объяснил позднее один американский летчик: «Добиться прямого попадания в быстро движущийся корабль все равно что пытаться точно уронить камушек на испуганную мышь».

В 08.20 началась последняя атака наземной авиации с Мидуэя, в которой участвовали 12 пикирующих бомбардировщиков «виндикейтер». «Флюгеры» не сумели даже нанести царапину кораблям Нагумо. Только два из них были сбиты: японские летчики после четырех непрерывных боевых действий устали.

Бомбардировщики добрались до Мидуэя и приземлились на аэродроме, многие с тяжелыми повреждениями. Напряжение среди защитников атолла нарастало: вот-вот должны были снова появиться японцы. На взлетных дорожках, заправляемые медленно, вручную, «летающие крепости» напоминали сидящих уток. На Мидуэе теперь, по существу, не было ничего, чтобы помешать второму воздушному налету японцев и высадке десанта.

* * *

«Колонну противника замыкает корабль, похожий на авианосец». Эта последняя радиограмма с разведывательного самолета потрясла японцев сильнее, чем все сброшенные до сих пор американские бомбы. Эта новость поступила в самый неудачный момент, ибо возвратившиеся от Мидуэя самолеты, горючее у которых было на исходе, кружились в воздухе над головами, ожидая приказа о посадке.

Нагумо предстояло принять критическое решение. Следует ли ему немедленно бросить все имевшиеся наготове бомбардировщики в атаку на американский авианосец? Сложность проблемы заключалась в следующем: (1) Против кораблей торпеды были гораздо более эффективным оружием, чем бомбы. (2) У него не было истребителей для сопровождения (все они находились в воздухе, и бензин у всех был на исходе), а он только что лично видел, как гибли вражеские самолеты без эскортирующих истребителей. (3) Немедленный приказ о начале атаки мог привести к тому, что около 100 самолетов первой волны, израсходовав остатки горючего, упадут в воду.

Было альтернативное решение: очистить палубы авианосцев, спустив самолеты вниз (это также даст возможность оснастить всех их торпедами), посадить самолеты первой волны, заправить их горючим и боеприпасами, затем нанести массированный воздушный удар и сокрушить возникшую угрозу.

Нагумо принял это казавшееся логичным решение. Палубы были очищены от самолетов с лихорадочной быстротой, и в 08.37 была отдана команда: «Начать посадку». На авианосцах закипела работа. Внизу на ангарной палубе усталые матросы снимали с самолетов 800-килограммовые бомбы, складывая их тут же на палубе, вместо того чтобы спустить в артпогреба. «Акаги» и «Кага» должны быть готовы к запуску самолетов к 10.30, «Хирю» и «Сорю» — не позднее 11.00. Нагумо просигналил всем кораблям: «После завершения приема самолетов мы планируем найти и уничтожить ударные соединения врага».

Затем в 09.01 он получил еще одно сообщение от разведывательного самолета: «Вражеские торпедоносцы приближаются к вам».

Нагумо принял теоретически безупречное решение, но оно оказалось ошибочным.

Смелые люди

Нежный рассвет окрасил небо над Тихим океаном. Наступило утро 4 июня. Адмиралы Спрюэнс и Флетчер с нетерпением ожидали рассвета, решая тактическую задачу. Их ударные оперативные группы находились в 10 милях друг от друга. Между 05.30 и 06.00 радисты приняли сообщения патрульных самолетов с Мидуэя о замеченных японских авианосцах, и Спрюэнс, не мешкая, повернул свои корабли на запад-юго-запад навстречу противнику. Проанализировав поступившие к 07.00 радиосообщения о ходе воздушной атаки на Мидуэй, американские офицеры подсчитали, что японские самолеты вернутся на свои авианосцы около 09.00. Чтобы атаковать противника в то время, когда все авианосцы будут принимать и заправлять самолеты, и «тем самым предотвратить дальнейший ущерб Мидуэю и обеспечить собственную безопасность», Спрюэнсу следовало без промедления начать запуск в воздух своих самолетов.

Он отдал приказ о немедленном запуске всех имеющихся самолетов. Это было опасное и трудное решение, так как расстояние до противника — 155 миль — практически означало, что его низко летящие тихоходные торпедоносцы «девастейтор» не смогут вернуться назад. Тем не менее «Хорнет» и «Энтерпрайз» повернули против ветра, и с них в воздух поднялись 117 самолетов: 68 пикирующих бомбардировщиков, 29 торпедоносцев, 20 истребителей. Эта грозная сила устремилась к японским авианосцам.

Но фортуна еще не покинула Нагумо. Завершив прием самолетов первой волны, японский флот изменил курс и направился на северо-восток. (Невероятно, но Спрюэнс не получил никаких сообщений об этом.) В результате, когда 35 пикирующих бомбардировщиков и 10 истребителей с авианосца «Хорнет» прилетели в район, где, по представлению американцев, должен был находиться японский флот, его там не оказалось. Американские самолеты какое-то время покружились в этом районе, а затем легли на обратный курс.

Одна из эскадрилий торпедоносцев с авианосца «Хорнет», ведомая пилотом, проявившим изумительное интуитивное понимание намерений противника, выбрала курс, который привел американцев прямо к цели. Но бесполезно. Японские истребители стаяй набросились на них и сбили все 15 торпедоносцев — четыре из них даже не успели сбросить торпеды. Один из летчиков уцелел, и его нашли на следующий день в море.

Четырнадцать торпедоносцев с авианосца «Энтерпрайз» вышли к цели в 09.58, но сброшенные ими торпеды прошли рядом с японскими кораблями, которые искусно маневрировали. На взлетной палубе «Акаги» Футида и его пилоты свистели и радостно кричали, по мере того как «зеро» один за другим сбивали неповоротливые «девастейторы». С капитанского мостика Гэнда наблюдал за паутиной оранжевых трассирующих пуль, темными облачками разрывов зенитных снарядов и черными спиралями дыма от горящих и падающих вражеских самолетов — зловещей панорамой ожесточенного воздушного боя. «Нам нечего бояться самолетов врага, сколько бы их ни было!» — ликовал он.

* * *

Последнюю торпедную атаку в этом бою провела эскадрилья торпедоносцев с «Йорктауна». В то время как американские эскортирующие истребители вступили в бой с японскими «зеро», 18 других японских истребителей набросились на торпедоносцы. Эти устаревшие неуклюжие машины не смогли добиться большего, чем их предшественники. К этому времени они показали свою полную непригодность для современной войны.

Из 41 «девастейтора», принимавших участие в атаке, только четыре израненные вернулись на свои авианосцы — один столь тяжело поврежденный, что его пришлось сбросить за борт. Никто не оплакивал самолеты, а лишь погибших отважных летчиков.

Но эти люди умерли не зря. Ибо, даже погибая, эта последняя торпедоносная эскадрилья помогла американцам добиться самого поразительного поворота в истории войны.

Ужас и слезы

Лейтенант-коммодор Кларенс В. Маккласки, который вел в атаку 33 пикирующих бомбардировщика с авианосца «Энтерпрайз», достиг предполагаемой точки перехвата в 09.20. Некоторые пилоты на крайнем левом фланге его авиагруппы могли видеть клубящийся дым над атоллom Мидуэй. Но внизу под ними от горизонта до горизонта простирался лишь искривившийся на солнце синий океан. Где же японцы?

Низкорослый и коренастый Маккласки отличился в сражении у Маршалловых островов, а сейчас командовал всеми летчиками «Энтерпрайза».

Горючее в баках было на пределе: в его распоряжении имелось всего 15 минут до возвращения на авианосец. Следует ли ему барражировать в этом районе в ожидании появления японцев или послать свои самолеты на поиск и облететь широкий квадрат? Маккласки быстро принял решение: пролететь еще 3,5 мили на запад, затем повернуть на северо-запад. Адмирал Нимиц позднее назовет это «важнейшим решением сражения».

Через семь минут после поворота на северо-запад Маккласки заметил кильватерный след эсминца, идущего на север. Решив, что это отставший корабль, стремящийся догнать остальные основные силы японцев, Маккласки последовал за ним. Десять минут спустя он увидел Нагумо.

Теперь даже совершенные американцами ошибки пошли им на пользу, так как в этот самый момент 17 пикирующих бомбардировщиков с «Йорктауна» также прилетели в этот район. Они поднялись в воздух часом позже Маккласки, но из-за того, что тот с запозданием нашел флот Нагумо, с интервалом в несколько секунд. Даже длительные тренировки не смогли бы обеспечить столь скоординированную атаку!

Три японских авианосца — «Акаги», «Кага» и «Сорю» шли в строю, напомиравшем вытянутый треугольник, четвертый авианосец — «Хирю» — находился дальше от них на север. Все японские истребители кружились низко над морем около «Хирю», отражая последнюю атаку торпедоносцев, и еще не успели набрать высоту, когда пикирующие бомбардировщики на высоте 6600 метров, укравшись в надвинувшихся облаках, группой с «Йорктауна», не замеченные, вышли на ударную позицию прямо над «Сорю», затем перешли в крутое пикирование. Ведущий пилот видел большой красный круг на палубе авианосца — эмблему Восходящего солнца. Одновременно Маккласки, словно коршун, стремительно спикировал на «Кагу».

«Пикирующие бомбардировщики!» — воскликнули сигнальщики на «Каге». Лейтенант-коммодор Сесу Митойа распластался на палубе, когда рев моторов перерос в пронзительный вой. Первые три бомбы упали рядом с кораблем. Четвертая врезалась в кормовую часть палубы среди выстроившихся для взлета самолетов. Мгновенно летная палуба «Каги» превратилась в бушующее море огня. Разбросанные взрывом самолеты, накренившиеся на нос или крыло, словно печные трубы, выбрасывали в воздух дым и пламя.

Бомбы продолжали падать, когда офицер пожарной части взбежал на мостик доложить, что все коридоры и переходы внизу охвачены огнем и большинство членов экипажа оказались изолированными внизу. Но капитан Окада молча стоял на мостике и смотрел куда-то вдаль. Взмолванный офицер убеждал его спуститься на шлюпную палубу, чтобы спасти свою жизнь, поскольку авианосец кренился на борт. Окада мотнул головой: «Я останусь на корабле», — меланхолично сказал он.

Митойа попытался добраться до матросов, отрезанных в машинном отделении. Когда он вновь поднялся на палубу, то не увидел на мостике ни капитана, ни других находившихся вместе с ним офицеров. Американская бомба попала в небольшую цистерну с бензином, стоявшую около мостика, и пылающие обломки убили всех, кто находился на мостике. Другая бомба пробила передний лифт и взорвалась на ангарной палубе среди самолетов с подвешенными торпедами, заправленных горючим и подготовленных к подъему вверх для участия в атаке. Четвертое попадание было, по существу,

ненужным, так как корабль лишился освещения и энергии и усилия ликвидировать пожар или локализовать его были обречены на неудачу.

В 10.22 с мостика «Акаги» был отдан приказ самолетам подниматься в воздух, и первый «зеро», набрав скорость, со свистом оторвался от палубы. В этот момент сигнальщик пронзительно вскрикнул: «Пикирующие бомбардировщики!» Футида взглянул вверх и увидел три тупоносых бомбардировщика «даунтлесс», круто пикирующих на корабль, затем три черные капли отделились от самолетов и плавно, почти медленно, стали падать прямо на него.

Всего лишь три самолета из группы Маккласки атаковали «Акаги», но этого хватило с избытком. Первая бомба упала рядом у борта, и гигантский столб воды окатил мостик. Вторая попала в задний срез центрального лифта и взорвалась в ангаре внизу. (Взрыватель каждой должен был сработать через несколько секунд после попадания.) Футида повернулся на живот и закрыл руками голову, когда взорвалась третья бомба. Звук взрыва не был столь сильным, как при первом попадании, но журнал повреждений «Акаги» отмечает: «Роковое попадание. Несколько пробоин». Около 200 человек было выброшено взрывом за борт.

Шум боя стих, и наступила необычная тишина. В обычных условиях двух попаданий бомб было бы недостаточно, чтобы вывести из строя такой гигантский корабль. Но авианосцы были застигнуты в тот момент, когда их летные палубы были заполнены вооруженными и заправленными горючим самолетами, а другие самолеты в том же состоянии находились ниже. К тому же у японцев не было времени вернуть крупные 800-килограммовые бомбы в погреб. Вызванные огнем и детонацией взрывы боеприпасов и бензина, а также вспыхивающие один за другим самолеты, стоявшие крылом к крылу на палубе, вскоре превратили «Акаги» и «Кагу», по словам Футиды, «в сущий ад».

Тем временем «Сорю» пораженный тремя бомбами, получил самые серьезные повреждения из всех. Видя «Сорю» окутанным огромным облаком черно-белого дыма, Гэнда понял размер понесенных Японией потерь. Он посмотрел на Футиду и лаконично сказал: «Мы проиграли».

К 10.40 рулевой механизм «Акаги» вышел из строя, динамо-машины остановились, и стало ясно, что ликвидировать пожар не удастся. Начальник штаба контр-адмирал Кусака убеждал адмирала Нагумо покинуть авианосец и продолжать руководить сражением с другого корабля. Вначале Нагумо отказался, но затем подчинился требованиям рассудка. Он чуть не опоздал. Огонь и дым блокировали ведущие с мостика проходы и трапы, и адмиралу и другим штабным офицерам пришлось спускаться через иллюминатор рубки по канату, который уже начал тлеть. Они сели в качавшийся на волнах катер и отправились на легкий крейсер «Нагара».

* * *

Радостный Маккласки посадил свой самолет на «Энтерпрайз» с сухими баками. За три минуты пикирующие бомбардировщики совершили то, чего не сумели достичь все предыдущие волны атакующих самолетов за три часа. Пилотировавшие их имели примерно такую же профессиональную подготовку, были столько же решительны и готовы к бою, как и пилоты торпедоносцев, которым не удалось повредить ни один корабль. Своим поразительным успехам Соединенные Штаты обязаны трем факторам: решению Маккласки продолжать поиск и неординарной тактике этого поиска; «нескоординированной координации», которая привела самолеты с «Йорктауна» и «Энтерпрайза» одновременно к цели; и принесшим себя в жертву американским торпедоносцам, которые отвлекли на себя японские истребители и оставили небо вверху свободным для пикирующих бомбардировщиков.

Дуэль насмерть

«Хирю», на борту которого находился контр-адмирал Тамон Ямагути, остался единственным боеспособным японским авианосцем. «Ну что ж, — заявил решительный и смелый адмирал своему штабу, — мы с одним “Хирю” уничтожим корабли нашего врага». К 10.58 с авианосца в воздух поднялась ударная группа из 18 пикирующих бомбардировщиков и шести истребителей. Через 40 минут они заметили 17-е оперативное авианосное соединение США.

Обнаружив вражеские самолеты с помощью радарной установки, «Йорктаун» немедленно отдал приказ своим эскортным кораблям занять позицию для отражения воздушной атаки. Механики откачали из всех бензопроводов высокооктановый бензин и заменили его углекислым газом. Еще до появления самолетов противника все бензопроводы и шланги стали безопасными, а в бензоцистерны был накачан углекислый газ.

Двадцать восемь американских истребителей атаковали японцев в 15 милях от кораблей. Этот воздушный бой, словно клубок из дыма, грома, огненных трасс и сверкающих крыльев, скорее не летел, а катился к «Йорктауну». К тому времени, когда он приблизился к авианосцу, три японских истребителя и 10 бомбардировщиков были сбиты. Но восемь бомбардировщиков сумели прорваться!

Зенитные установки «Йорктауна» открыли яростный огонь. Первый бомбардировщик развалился на три части, которые упали рядом с авианосцем. Но его бомба угодила в летнюю палубу, пробила огромную брешь и взорвалась на второй палубе, вызвав пожары, которые были быстро потушены противопожарной водоразбрасывающей системой.

Другая бомба с взрывателем замедленного действия после попадания взорвалась в огромной дымовой трубе авианосца — пылающем сердце корабля. Взрывная волна погасила огонь в котлах «Йорктауна» и вывела из строя патрубки у трех котлов. Через 20 минут

авианосец потерял скорость и остановился. Третья бомба вызвала пожар рядом с носовым бензохранилищем. Энергичные аварийно-восстановительные работы устранили повреждения, и через час с небольшим после атаки под ликующие крики экипажей всех остальных кораблей соединения «Йорктаун» просигналил: «Моя скорость — пять». По мере того как давление пара в котлах нарастало, скорость увеличилась до 19 узлов.

На «Энтерпрайзе» Спрюэнса убеждали немедленно нанести ответный удар. Но он настаивал на необходимости дожидаться сообщений от разведывательных самолетов о точном местонахождении противника; самолеты сейчас приближались к точке, где, по расчетам американцев, должен был находиться японский авианосец. Это было правильное решение, так как Ямагути повернул на север, запустил в воздух все оставшиеся самолеты, а затем двинулся на северо-восток. Американская атака в этот момент, вероятно, не достигла бы цели.

Вторая атакующая группа «Хирю» состояла из 10 торпедоносцев (один с «Акаги») и 6 истребителей (два с «Каги»). Имея в качестве цели три американских авианосца, эта группа — чисто случайно — также вышла прямо на «Йорктаун». Американские истребители бросились на перехват, и вспыхнувший воздушный бой, по существу, был повторением утренней битвы. Несмотря на меньшую скорость, «Йорктаун» сумел уклониться от двух торпед, но две другие достигли цели, ударив в середину правого борта. Взрывы пробивали цистерны с нефтью, затопили котельную и носовое машинное отделение и обесточили корабль. С заклиненным рулем «Йорктаун» вновь потерял подвижность и накренился на правый борт.

Через 10 минут крен увеличился до 26 градусов. Все линии связи вышли из строя. Вокруг авианосца поверхность воды покрылась смертоносной нефтяной пленкой, которую любая искра могла превратить в бушующее море огня. В 14.55 командир авианосца отдал приказ покинуть корабль.^[74]

В 100 милях от «Йорктауна» адмирал Ямагути, уверенный, что его летчики теперь потопили или тяжело повредили два американских авианосца, планировал уничтожение оставшихся американских сил. Хотя на «Хирю» осталось всего шесть истребителей, пять

пикирующих бомбардировщиков и четыре торпедоносца, их готовили для третьего удара после наступления сумерек. Когда «Хирю» прошел мимо крейсера «Нагара» — нового флагманского корабля Нагумо, — экипаж крейсера и спасенные моряки встретили авианосец криками: ««Хирю», отомсти за нас!»

Однако удача Ямагути была недолгой. В 17.01 оставшиеся у Спрюэнса 24 боеспособных бомбардировщика появились над авианосцем. Японские истребители бросились на перехват. Но через несколько минут американские бомбардировщики перешли в крутое пики, целясь в красный круг на светло-желтой палубе «Хирю». Четыре бомбы одна за другой врезались в авианосец. Огонь быстро охватил весь корабль, отрезав путь в машинное отделение. На палубе взрывались загруженные боеприпасами самолеты. Чтобы избежать новых попаданий, командир авианосца маневрировал на высокой скорости, но в результате ветер еще больше раздувал пламя. Вскоре «Хирю» пылал от носа до кормы, продолжая, по словам пораженного японского очевидца, «свой стремительный бег, как взбешенный бык». Еще несколько минут, и корабль утратил свое значение как боевая единица.

В пучину

Теплое вечернее солнце освещало панораму смерти и разрушения. Из смертельно поврежденных японских авианосцев первым отправился на дно «Сорю». Тридцать коротких минут превратили этот некогда красивый гордый авианосец в сожженный крематорий, и его командир Янагимото приказал покинуть корабль. Пока эсминцы кружили вокруг, спасая оставшихся в живых, обнаружилось, что Янагимото остался на мостике. Он был одним из наиболее популярных и уважаемых капитанов японского флота, и члены команды поручили главному старшине Абэ, чемпиону японского флота по борьбе, спасти его любой ценой.

Абэ сделал все, что мог. Он вскарабкался на мостик, отдал честь и сказал: «Капитан, я пришел, чтобы спасти вас». Ответом было молчание. Абэ направился к командиру с твердым намерением силой унести его в шлюпку. Но командир взглядом остановил его. Матрос отдал честь, затем повернул назад. Покидая мостик, Абэ слышал, как Янагимото тихо пел национальный гимн.

Когда закат окрасил в розовый цвет Тихий океан, страшный взрыв потряс «Сорю», и столб красного пламени высоко взметнулся в небо. Кто-то на борту эсминца крикнул: «“Сорю”, банзай!» — и все эхом повторили этот крик. Авианосец тихо ушел под воду. Десять минут спустя море содрогнулось от огромного подводного взрыва.

«Кага», окутанный гигантским клубящимся облаком черного дыма, затонул в 19.25. Авианосец унес с собой на дно 800 членов команды — мертвых или замурованных внизу под палубами.

Окончательный приказ покинуть «Хирю» был отдан ночью 5 июня. Адмирал Ямагути решил остаться на корабле, но приказал всем другим покинуть его. Перед расставанием адмирал и офицеры его штаба произнесли прощальный тост — бокалы наполнили водой из бочонка. В 03.15 офицеры стали уходить с корабля, который к этому

времени почти весь был охвачен пламенем. Вскоре, после того как личный состав был снят, «Хирю» был потоплен торпедами.

Ни один японский авианосец не был объектом таких серьезных усилий по его спасению, как «Акаги» — флагман, чемпион авианосцев, символ военно-морской мощи Японии. Но попытки потушить бушующий огонь ручными средствами оказались тщетными. В 13.38 4 июня с авианосца был снят портрет императора. К вечеру началась эвакуация команды.

Уверенные, что, если покинутый авианосец останется на плаву, «он станет музейным экспонатом на реке Потомак», японцы тем не менее никак не могли решиться потопить его. Наконец в 05.00 5 июня по личному приказу Ямамото эсминцы торпедировали торящий флагман, и под крики ««Акаги», банзай!» море сомкнулось над могучим кораблем.

* * *

Когда в штабе Объединенного флота на линкоре «Ямато» получили первое сообщение о пожарах на борту «Кага», «Сорю» и «Акаги», оно вызвало состояние, близкое к шоку. Затем на протяжении всего дня, пока длилось сражение, Ямамото сидел суровый и бесстрастный, как судья, пока его штаб лихорадочно готовил ему одно предложение за другим, как спасти положение. 2-е ударное авианосное (Алеутское) соединение^[75] получило приказ идти в район битвы, подобный же приказ был отдан двум отрядам подводных лодок; силам вторжения было приказано временно отойти в северо-западном направлении (японцы оставались в неведении относительно уязвимого положения атолла Мидуэй). Теперь японцы планировали уничтожить американский флот в ночном бою. Корабли Главных сил на полной скорости шли к месту сражения: Ямамото был преисполнен решимости вступить в схватку с врагом.

Нагумо также рассчитывал на ночной бой. Но в ходе дуэли между «Хирю» и «Йорктауном» и последовавшей затем сокрушительной контратаки самолетов Спрюэнса время и события безжалостно преследовали его флот.

Спрюэнс не собирался вступать в ночной бой с надводными силами противника. Японцы по-прежнему обладали превосходством в огневой мощи, а в темноте оставшиеся у Спрюэнса самолеты были бы малоэффективны. Поэтому он повернул свои корабли на восток. В 17.15 Нагумо получил обескураживающее сообщение с разведывательного самолета: «Противник начал отход на восток».

Штаб Объединенного флота уже был охвачен смятением после получения сообщения Нагумо о гибели «Хирю», а отход кораблей Спрюэнса на восток завершил деморализацию. В течение нескольких часов японские корабли шли на восток, но надежда войти в соприкосновение с противником до рассвета постепенно таяла. Наконец Ямамото сказал помощнику: «Теперь уже слишком поздно. Это сражение заканчивается». В 02.55 5 июня огорченный и печальный Ямамото приказал всей японской армаде начать отход.

В полдень того же дня основные силы японцев встретились с потерпевшим поражение ударным соединением Нагумо. Вместо предвкушаемой радостной встречи флотов это было грустное randevu! Четыре лучших авианосца погибли, унеся с собой на дно 332 самолета и, что было самым худшим, 2155 умелых и опытных летчиков и матросов.

Грандиозная победа

Японский флот уходил на запад, тяжелые облака низко висели над морем, над водой клубился призрачный туман. На «Ямато» адмирал Ямамото отдал распоряжение не искать виновных в катастрофе среди 1-го авианосного соединения или в отряде подводных лодок. «Я один должен нести ответственность за поражение при Мидуэе», — твердо заявил он. И он сдержал свое слово. Он оставил адмирала Нагумо на посту командующего 1-м ударным авианосным соединением и дал ему возможность восстановить свою репутацию.

Настроение команды на борту «Нагара» улучшилось, когда на крейсер поступил приказ возвращаться в Японию вместе со штабом Нагумо, чтобы тот мог немедленно приступить к выработке плана реорганизации. Но когда крейсер прибыл в Куре, разрешения сойти на берег никому, даже капитану, не дали, все контакты с берегом были запрещены. Около 500 раненых, включая Футиду, по существу, тайком перевезли в портовый госпиталь, где они были изолированы от внешнего мира. Правительство решило не сообщать стране правду о сокрушительном поражении Японии.

Для японцев легенда о непобедимости умерла при Мидуэе. 1-е ударное авианосное соединение — меч Ямамото и гордость нации — было сломлено. И японский флот теперь узнал, что американцы способны бросить в бой преданных офицеров и матросов, как и их собственные, и столь же решительных и расчетливых адмиралов.

Американцы не питали иллюзий, что сражение при Мидуэе открыло путь к легкой победе. «Пёрл-Харбор частично отмщен», — заявил Нимиц в своем первом коммюнике о битве. «Возмездие не будет полным, пока японская морская мощь не будет сведена на нет. Мы достигли существенного прогресса в этом направлении».

Нимиц и Спрюэнс реалистично оценивали положение. Ни тогда, ни позже они не стали жертвами самоуверенности, которая захлестнула японцев. «Мидуэй для нас в то время означал отправную точку, откуда

мы начнем тяжелую, ожесточенную войну против японцев», — заявил Спрюэнс.

«После Мидуэя у нас не было ощущения, что мы выиграли войну», — подчеркнул Нимиц. «Безусловно, во многих отношениях это был важный переломный момент, но нам по-прежнему противостоял упорный противник и предстояло выполнить трудную работу».

Тем не менее характер войны внезапно изменился. «Это сражение привело к необычно быстрой перемене фортуны, известной в военно-морской истории», — писал известный историк Бэзил Лиддел Гарт. Наступление Японии закончилось, ее военно-морской флот утратил свое господство в центральной части Тихого океана, ее мечты о создании гигантской империи были разбиты. В сражении при Мидуэе Соединенные Штаты захватили инициативу и на протяжении трех мучительных лет войны, которые лежали впереди, ни разу не выпустили ее из рук.

Дуайт Д. Эйзенхауэр
Вторжение в Африку^[76]

В Гибралтаре наш штаб размещался в самых скверных условиях из всех, в каких мы когда-либо находились за всю войну. Подземные туннели под скалой были единственным местом для размещения наших служб. Там мы установили радиоаппаратуру, с помощью которой надеялись поддерживать связь с командирами трех десантируемых групп. Вечная темень этих туннелей то здесь, то там частично рассеивалась слабыми электрическими лампами. В подземелье стоял сырой и холодный затхлый воздух, который, казалось, никак не реагировал на усиленное журчание электрических вентиляторов. Грунтовые воды просачивались сквозь сводчатые потолки, и крупные падающие капли тоскливо и методически отсчитывали секунды бесконечного, почти невыносимого ожидания начала операции.

Другого места, в котором мы могли бы разместиться, не было. В ноябре 1942 года союзные государства не обладали ни одним пяточком суши во всей Западной Европе, за исключением Гибралтарской крепости, а в районе Средиземного моря у них оставалась только Мальта. Английский Гибралтар сделал возможным вторжение в Северо-Западную Африку. Небольшой аэродром в Гибралтаре на ранних стадиях вторжения служил не только оперативной базой авиации прикрытия, но и промежуточным аэродромом для самолетов, летевших из Англии на Африканский континент. Еще за несколько недель до высадки десантов он был забит истребителями; использовался буквально каждый дюйм земли для размещения техники и горючего. И все это стояло на виду, поскольку не было никакого смысла проводить мероприятия по маскировке. Хуже того, аэродром находился непосредственно у самой границы, вдоль которой была протянута только изгородь из колючей проволоки. В политическом плане Испания склонялась к державам «оси», поэтому

она наверняка разрешила какому-то числу их агентов стоять у изгороди и наблюдать за происходящим. Каждый день мы ждали крупного налета вражеских бомбардировщиков, но его не было. Это удивляло и озадачивало нас.

Единственным объяснением такого поведения могло быть то, что, вероятно, хорошо сработали принятые нами меры по введению противника в заблуждение.^[77] Нам было известно, что задолго до вторжения страны держав «оси» узнают об усилившейся активности у Гибралтара, но мы надеялись, что противник придет к заключению, что мы готовим новую, необычную по своему замыслу попытку доставить подкрепления на Мальту, которая многие месяцы находилась в бедственном положении.

И тем не менее, несмотря на угрозу воздушного нападения, мрачную окружающую обстановку и тысячи других непредвиденных обстоятельств, вопреки нашим расчетам легко могущих возникнуть в этом огромном механизме, который должен был прийти в движение, в самом штабе настроение было бодрым. Пехотинцы, моряки, летчики, собравшиеся здесь, находились в состоянии возбуждения, которое неизменно возникает у человека, когда остаются позади месяцы упорных приготовлений и начинается ожидание исхода смелого предприятия.

Правда, чувствовалась и напряженность. Это было естественно. Ведь через несколько часов союзники узнают о судьбе начальных фаз первой совместной наступательной операции в войне. За исключением нерешительных кампаний, которые продолжались в Западной пустыне вот уже целых два года, и сражения на острове Гуадалканал, во всем мире союзники не были в состоянии предпринять на суше что-либо большее, чем чисто оборонительные усилия. И даже эти наши оборонительные усилия были омрачены трагическими поражениями, из которых Дюнкерк, Батаан, Гонконг, Сингапур, Сурабая и Тобрук служили нам тяжелым напоминанием.

В то время, когда мы коротали часы, вышагивая по пещерам под гибралтарской скалой, сотни кораблей, сведенные в быстроходные и тихоходные конвои, шли через Северную Атлантику по направлению к общему для всех месту на берегах Северо-Западной Африки. Для десантирования у Алжира и Орана большинству из этих кораблей

предстояло проследовать через узкий Гибралтарский пролив; на его берегах находились батареи, которые в любой момент могли открыть огонь. Другие корабли, шедшие непосредственно из Америки, должны были идти прямо на Касабланку и в портовые города к северу и югу от нее.

Корабли этих трех основных караванов шли в водах, которые кишели немецкими подводными лодками. У Гибралтара большинству конвоев предстояло войти в зону действия вражеских бомбардировщиков. Наши войска были наскоро обучены такого рода сложным десантным операциям, большинство из них вообще не имели боевого опыта. Нехватка судов не позволяла взять сразу все войска и боевую технику, необходимые для обеспечения полного успеха. И разумеется, все это беспокоило нас.

Даже наш перелет из Англии в Гибралтар был рискованным. Нам дважды пришлось откладывать время вылета из-за скверных погодных условий. Прежде чем наконец подняться в воздух, офицер, командовавший «летающими крепостями», предназначенными для переброски нашей группы в Гибралтар, преднамеренно поставил меня перед необходимостью принять решение, вылетать или не вылетать. Это был единственный случай в моей жизни, когда я оказался в таком положении, так как обычно окончательным является решение авиационного командира. Все это казалось далеко не благоприятной приметой накануне огромного предприятия, но нам не оставалось ничего иного, как пройти и это испытание. Мы летели на небольшой высоте. Когда огромная скала Гибралтара начала наконец вырисовываться в легком тумане, мой пилот заметил: «Это первый случай в моей практике, когда я должен набирать высоту, чтобы сесть на взлетную полосу в конце длительного полета!»

Находясь в Гибралтаре, мы уже планировали свою деятельность после успешной высадки десантов, в том числе скорейшую переброску нашего штаба в Алжир. Недостатка в будущих проблемах не было, но каждая из них могла быть решена только при условии успеха начальных фаз десантирования. Таким образом, наши мысли и разговоры неизбежно вновь и вновь возвращались к непосредственному решению этой основной задачи.

Мы ждали три дня. Наконец ночью появились головные корабли и стали проходить через узкий пролив, а мы стояли на затемненных мысах и смотрели, как они идут мимо нас. Все еще никаких сообщений о нападениях подводных лодок или авиации противника! В нас крепла надежда, что противник, придерживаясь своей тактики, которую он в прошлом применял против конвоев, следовавших на Мальту, будет держать свои воздушные, подводные и надводные силы сосредоточенными к востоку от острова Сицилия, предвкушая нанесение мощных ударов по кораблям, когда те подойдут к узкому проходу между Сицилией и африканским побережьем.

В первоначальных планах возможность столкнуться с исключительно тяжелыми погодными условиями у Касабланки являлась одной из тех причин, которые заставляли меня с неохотой согласиться на отправку туда самой крупной оперативной группы. Угроза отмены десантирования в последнюю минуту возле Касабланки была вполне реальной, и если бы это случилось, то оставались бы только две возможности.

Первая заключалась в том, чтобы приказать этому огромному конвою отложить десантирование и просто ходить по кругу в море недалеко от берегов в ожидании благоприятного момента. Такой вариант имел много недостатков. Во-первых, был бы полностью утрачен элемент внезапности в этом районе; во-вторых, корабли оказались бы под угрозой ударов со стороны подводных лодок противника, которые кишели в Бискайском заливе; в-третьих, в значительной степени ослабла бы видимость подавляющей мощи, если не будет одновременного десантирования в районах всех трех портов. И наконец, запасы топлива у кораблей не беспредельны. По второму варианту предусматривалось провести весь западный конвой в Средиземное море, чтобы не толпиться в и без того уже переполненном порту Гибралтара. Здесь конвой мог беречь свое топливо и быть готовым направиться в Касабланку для десантирования, как первоначально планировалось, или высадить войска вслед за первым десантом у Орана и затем направить их вдоль железной дороги в северо-западном направлении. Ни тот, ни другой вариант не представлял собой удачного решения, поскольку каждый из них требовал быстрого пересмотра и изменения планов, к осуществлению которых уже приступили. Однако закон вероятности

указывал на то, что нам пришлось бы принять одну из этих возможностей.

К вечеру накануне десантирования донесения о погоде, полученные от одной из наших подводных лодок в районе Касабланки, были мрачными, и я принял предварительное решение: если условия не улучшатся, переориентировать западный конвой на Гибралтар. Это серьезно расстроило бы все наши планы, но было бы лучше, нежели бесцельно носиться в океанских водах, увертываясь от вражеских подводных лодок.

Никогда за всю войну я не чувствовал такого облегчения, как тогда, когда на следующее утро получил краткое сообщение, что условия на море у Касабланки сложились не слишком плохие и десантирование идет в соответствии с планом. Я сотворил молитву благодарности; мои сильные опасения рассеялись.

Неожиданные трудности возникли с радиосвязью. На первых стадиях операций союзный штаб должен был полагаться исключительно на радиосвязь с оперативными группами, следовавшими к указанным районам для десантирования, и мы чуть было не пришли в смятение, обнаружив, что наша радиосвязь работает плохо, а иногда совсем отказывает. Эти неприятности приписывались главным образом перегрузке каналов связи на наших штабных кораблях и в центре связи в Гибралтаре. Однако, каковы бы ни были причины, я решил как можно скорее перевести наш штаб на Африканский континент.

Первое донесение о соприкосновении с противником было огорчительным. Корабль военно-морских сил США «Томас Стоун», следуя в составе конвоя к Алжиру и имея на борту усиленный американский батальон, был торпедирован 7 ноября всего в 150 милях от места назначения. Подробности в донесении не сообщались, но возможность весьма существенных потерь в людях не исключалась. До сих пор в этом отношении нам удивительно везло, но это не уменьшало беспокойства за судьбу людей на корабле. В тот вечер мы так и не получили никаких дополнительных сведений о судьбе людей, однако позднее стало известно, что инцидент закончился благополучно. Потери оказались небольшими, да и сам корабль получил не очень тяжелые повреждения. Однако солдаты и офицеры,

не желая спокойно ждать, когда их отбуксируют в какой-либо порт, с энтузиазмом поддержали решение командира сесть в лодки и на них попытаться своевременно добраться к месту десантирования. Но начавшееся к концу дня сильное волнение на море не позволило им осуществить смелое намерение, и их пришлось взять на борт эсминцев и других кораблей охранения и в конце концов высадить на берег с опозданием примерно на 20 часов. К счастью, отсутствие этого усиленного батальона не оказало существенного влияния на ход операции.

В тот же день, 7 ноября, я провел самые огорчительные переговоры за всю войну.

Поскольку в Лондоне и Вашингтоне были искренне убеждены, что генерал Жиро мог привести французов Северной Африки в лагерь союзников, в октябре мы через Мэрфи начали переговоры с целью выволить генерала из Южной Франции, где он, по существу, находился под арестом. Тщательно продуманный план был разработан нашими французскими друзьями и Мэрфи, который вернулся в Африку после тайного визита в Лондон. Генерала Жиро через надежных посредников держали в курсе подготовляемого побега. Несмотря на бдительность немцев и вишистов, в назначенное время он появился на берегу, сел в небольшую лодку и под прикрытием ночной темноты отправился на встречу с находившейся в прибрежных водах английской подводной лодкой под командованием капитана I ранга американских ВМС Джеральда Райта. Она с большим трудом нашла генерала Жиро в море. В другом назначенном месте эта подводная лодка встретила с одним из наших гидропланов, и на нем генерал с тремя своими личными помощниками и группой штабных офицеров полетел в мой штаб во второй половине дня 7 ноября. Этот эпизод, изложенный здесь кратко, на самом деле был захватывающей историей, полной необычайного драматизма.

Генерал Жиро даже и в гражданском платье выглядел настоящим военным. Ростом более шести футов, прямой, с твердой осанкой и резкий в разговоре и манерах, это был мужественный, хотя и несколько уставший человек. Однако перенесенные им испытания, в том числе и длительное пребывание в тюремном заключении, не укротили его боевого духа.

Очень скоро обнаружилось, что генерал Жиро прибыл из Франции в глубоком заблуждении: он думал, что немедленно примет на себя командование всеми экспедиционными силами союзников. Войдя в мой темный кабинет, он представился мне именно в такой роли. Я не мог принять его услуг на таких условиях. Я хотел, чтобы он выехал в Африку, как только мы сможем гарантировать его безопасность, и там взял на себя командование теми французскими силами, которые добровольно сплотятся вокруг него. Мы хотели иметь его на нашей стороне прежде всего потому, что в глубине души постоянно опасались оказаться втянутыми в длительную и серьезную войну против французов, которая не только сильно огорчила бы нас и расстроила бы все планы, но и причинила бы ущерб всей нашей кампании против немцев.

Генерал Жиро оставался непреклонен; он считал, что затронута его честь и честь его страны, и поэтому, вероятно, не мог принять на себя в этом предприятии пост ниже, чем пост главнокомандующего. Но это было невозможно. Назначение союзного главнокомандующего — процедура сложная, требующая общего согласия военных и политических лидеров соответствующих правительств. Ни один нижестоящий командир экспедиционных сил не нашел бы юридического обоснования, чтобы подчиниться приказам, исходящим от генерала Жиро. Более того, в данный момент в составе союзных экспедиционных сил не было ни одного француза; противником же, если бы таковой появился, могли быть именно французы.

Все это было подробно объяснено генералу. Он был потрясен, разочарован и после многочасовых совещаний нашел необходимым отклонить любое свое участие в этом предприятии. Он сказал: «Генерал Жиро не может согласиться с подчиненным положением в этом командовании; этого не поняли бы мои соотечественники, а моя честь, как солдата, оказалась бы запятнанной». Оставалось только искренне сожалеть, ибо он оставил во Франции свою семью как потенциальных заложников в руках беснующихся немцев, а себя, если присоединится к нам, подвергал огромному риску.

Моими политическими советниками в то время были Фримэн Мэттьюс из американского государственного департамента и Уильям Мак из английского министерства иностранных дел. Они настолько

были обеспокоены таким ходом событий, что предложили номинально назначить генерала Жиро командующим, а за мной сохранить фактическую власть по руководству боевыми действиями. Они считали, что публичное присоединение имени генерала Жиро к этой операции вполне могло означать ее успех. Я не мог согласиться с этим и решил придерживаться линии, что если генерал Жиро не захочет возглавить те французские силы в Северной Африке, которые, возможно, перейдут на нашу сторону в борьбе против Германии, то нам следует проводить кампанию так, как будто мы никогда не встречались и не совещались с ним. Переговоры с генералом Жиро продолжались с перерывами далеко за полночь. Я довольно хорошо понимал французский язык, но тем не менее настоял на том, чтобы во избежание любого неправильного понимания рядом находился официальный переводчик. Когда уже выдохлись более опытные переводчики, генерал Кларк предложил свои услуги. И хотя он говорил по-французски далеко не бегло, переговоры продолжались довольно гладко. Дело в том, что после первого же часа этих переговоров каждый из нас просто снова и снова повторял свои уже изложенные доводы. Когда наконец генерал Жиро отправился спать, не было ни малейших признаков изменения в его первоначальных требованиях. Уходя, он заметил, что в этом деле будет наблюдателем. Однако он согласился встретиться со мной на следующее утро в доме генерал-губернатора. В тот вечер лица политических деятелей при нашем штабе вытянулись.

Прежде чем уйти отдыхать после трудного дня, я направил в Объединенный англо-американский штаб подробное донесение о наших переговорах. Я был признателен за немедленный ответ из этого штаба, в котором меня полностью поддерживали. Заключительная фраза ответа оказалась искаженной, но мы все же смогли прочесть следующее: «...сожалею, что вы были вынуждены посвятить так много вашего времени этому делу...» Хорошо, что я не мог предвидеть, сколько времени у меня уйдет в предстоящие недели на раздражавшие и тщетные совещания по северо-африканским политическим проблемам!

К счастью, ночной отдых несколько изменил настроение генерала Жиро, и на следующее утро при встрече он заявил, что будет участвовать в операции в той роли, какую мы ему предлагали. Я дал

обещание, что, если он добьется поддержки французов, я буду иметь дело с ним как с администратором этого региона до того, как гражданским властям представится возможность выявить волю населения.

В ходе дальнейших переговоров с генералом Жиро обнаружилось полное расхождение во взглядах относительно того, что необходимо было сделать в стратегическом плане в тот момент. Его точка зрения сводилась к тому, чтобы немедленно наступать на Южную Францию, не обращая никакого внимания на Северную Африку. Я объяснял ему, что наши войска уже высаживались в намеченных пунктах североафриканского побережья, что мы не могли обеспечить авиационную поддержку для десанта, который он предлагал, что союзники не имели в то время достаточного количества судов, чтобы провести необходимое наращивание сил для вторжения на юге Франции, которые выдержали бы давление на них со стороны немцев. Наконец, я объяснил ему, что эта кампания предпринимается на основе таких сложных и детально разработанных планов, что их изменение, какое предлагает Жиро, полностью исключается.

Он не мог понять, почему мы должны иметь в наших руках Северную Африку в качестве базы, почему войска союзников должны твердо и прочно обосноваться в этом регионе, прежде чем осуществить успешное вторжение в южную часть Европы. Он не представлял себе смысла уроков, которые дала война, относительно воздействия авиации наземного базирования на не защищенные с воздуха морские суда и корабли. Вероятно, он не понял в тактическом плане значения потери в юго-западной части Тихого океана двух крупных английских кораблей «Принц Уэльский» и «Рипалс», когда их оставили не защищенными от ударов авиации наземного базирования. Более того, Жиро считал, что, если бы союзники выбрали вариант высадки на юге Европы, они могли бы доставить на юг Франции 500 тысяч солдат в пределах двух или трех недель. Ему было трудно понять, что мы предприняли операцию, которая потребовала предельного напряжения наших ресурсов, и что в силу недостаточности этих ресурсов мы должны были тщательно рассчитать наши первоначальные стратегические цели.

В течение ночи и раннего утра 8 ноября поступали оперативные донесения, обнадеживающие по своему тону. Как и ожидалось, при высадке в Алжире наши войска не встретили почти никакого сопротивления. Это произошло главным образом благодаря усилиям Мэрфи, действовавшего через генерала французской армии Маета, и симпатиям к союзникам со стороны генерала Альфонса Жюэна, хотя внешне последний демонстрировал официальную враждебность.

Однако нас не покидала мысль необходимости как можно скорее выйти в район Туниса. В ночь на 8 ноября я набросал карандашом памятную записку, в которой говорилось: «В восточном секторе мы замедлили темпы продвижения, а нам надо немедленно идти по направлению к Бон, Бизерта».

У Орана наши войска успешно высадились на берег, однако французы, в частности подразделения их военно-морских сил, оказали ожесточенное сопротивление. В этой схватке американская 1-я дивизия, которой впоследствии предстояло пройти долгий боевой путь, получила здесь боевое крещение. Несмотря на слабую обученность личного состава, 1-я дивизия при поддержке частей 1-й бронетанковой дивизии добилась решающего успеха, и 9 ноября мы уже знали, что вскоре будем иметь возможность доложить о победе в этом районе. 10 ноября сопротивление у Орана полностью прекратилось. Генералы Фридендолл и Терри де ла Меса Аллен с честью выдержали свое первое боевое испытание.

Мы также знали, что на западном побережье войска высадились успешно, но в дальнейшем от них перестали поступать донесения. Правда, на некоторых участках, особенно у Порт-Лиотей, развернулись ожесточенные бои. Период спокойствия на предательском море длился очень короткое время, и последующая доставка подкреплений была сопряжена с исключительно серьезными трудностями. Я пытался использовать любые возможные средства, чтобы установить связь с командующими на западном участке контр-адмиралом Хьюиттом и генералом Паттоном. Радиосвязь опять отказала, и до нас доходили только неразборчивые сигналы. Мы пытались направить для связи в район Касабланки легкие бомбардировщики, но, после того как французские истребители сбили несколько из них, стало ясно, что этот вариант безнадежен. В отчаянии я спросил адмирала Кан-нингхэма,

нет ли у него быстроходного корабля. К счастью, в Гибралтарском порту в тот момент оказался один из самых быстроходных кораблей, поднимавший пары, чтобы доставить на Мальту крайне необходимый там груз, и адмирал без колебаний предложил воспользоваться мне этим кораблем для установления связи с командованием западной оперативной группы. Я назначил американского контр-адмирала Бернхарда Биери возглавить группу штабных офицеров на корабле, и в пределах часа группа вышла в море.

Утром 9 ноября генерал Кларк и генерал Жиро вылетели в Алжир, надеясь заключить какое-либо соглашение с французскими властями. Необходимо было добиться прекращения французами боевых действий и заручиться их помощью в планируемых операциях против немцев.

Холодный прием генерала Жиро французами в Северной Африке явился ужасающим ударом по нашим надеждам. Генерала полностью игнорировали. Он выступил по радио, объявив, что берет на себя руководство Северной Африкой, и дал указание французским силам прекратить бои против союзников, но его обращение не оказало никакого воздействия. Сомневаюсь, что многие французы слышали его выступление. Радиосвязь с Алжиром по-прежнему поддерживалась с большими затруднениями, но в конце концов пришло сообщение: адмирал Дарлан находится в Алжире!

Мы сразу же исключили возможность того, что он прибыл туда, заранее зная о наших намерениях или имея желание помочь в осуществлении задуманного нами плана. Полученные в Оране и Алжире данные свидетельствовали о том, что наше вторжение явилось полной и ошеломляющей неожиданностью для каждого солдата и каждого жителя Северной Африки, за исключением тех очень немногих людей, которые активно помогали нам. Но даже им не была сообщена точная дата вторжения. Не оставалось никаких сомнений, что Дарлан оказался здесь совершенно случайно; и действительно, он прибыл сюда в связи с тяжелой болезнью своего сына, которого очень любил.

В лице Дарлана мы имели главнокомандующего французскими силами, сражавшимися против нас. Простым и легким ответом был бы его арест. Однако Дарлан имел право отдать необходимые приказы еще

очень сильному французскому флоту, находившемуся тогда в Тулоне и Дакаре, и у нас сразу же появилась надежда уменьшить потенциальную угрозу со стороны этого флота на Средиземном море и получить желаемое дополнение к нашим собственным надводным силам. Перед самым моим вылетом из Англии Черчилль искренне заметил: «Если бы я мог встретить Дарлана, хотя я и ненавижу его, я бы с радостью прополз на коленях целую милю, если бы этим самым мог убедить Дарлана привести его флот в состав союзнических сил».

Однако у нас была и другая, более неотложная причина попытаться использовать положение Дарлана. В ходе переговоров с французскими военными и гражданскими лицами генерал Кларк очень скоро обнаружил традиционное требование французов создавать какое-либо юридическое прикрытие любым действиям, которые они могут предпринять. Это прикрытие было для военных чем-то вроде амулета; их капитуляция в 1940 году, утверждали они, явилась просто актом лояльности солдат, подчинившихся законным приказам своих гражданских руководителей.

Каждый без исключения французский командир, с которым генерал Кларк имел исчерпывающие беседы, отказывался предпринимать какие-нибудь действия для перехода со своими войсками на сторону союзников, пока он не получит на то законного приказа. Каждый из них принял присягу на верность маршалу Петэну, имя которого в то время оказывало более глубокое влияние на мышление и поступки людей в Северной Африке, чем что-либо другое. Все офицеры считали, что они не могут освободиться от этой присяги или отдать приказ другим о прекращении огня, если не будут получены соответствующие указания от адмирала Дарлана, их законного командующего, на которого они смотрели как на непосредственного и личного представителя маршала Петэна.

Тогда и в течение многих последующих дней было бесполезно разговаривать с французом, будь он военный или гражданский, прежде всего не признав абсолютного авторитета маршала Петэна. Во всех домах на видном месте висел портрет маршала, а в общественных местах эти портреты были вывешены в обрамлении выдержек из его речей и заявлений. Любое предложение было приемлемо, если только «маршал этого хочет».

Генерал Кларк радовал, что без Дарлана невозможно никакое примирение и что эту точку зрения поддерживает и генерал Жиро, в то время находившийся в тайном укрытии в Алжире. Кларк все время информировал меня о ходе этих переговоров, насколько это удавалось ему, но было ясно, что он испытывает серьезные трудности в своих усилиях убедить французов прекратить бои с нашими войсками. Будучи занят всеми этими проблемами, я получил депешу от своего начальника штаба, временно оставшегося в Лондоне, в которой он отмечал, что, ввиду достигнутых первоначальных успехов и вполне ясного исхода операции «Торч», к нему поступило предложение от высших инстанций, чтобы мы прекратили запланированное наращивание сил для операций в Северной Африке и приступили к решению других стратегических задач. К концу войны я привык к этой тенденции, проявлявшейся у отдельных деятелей в глубоком тылу, переоценивать первоначальные успехи и сбрасывать со счетов будущие трудности. Однако в данный момент эта депеша вывела меня из равновесия, и я быстро набросал ответ, из которого привожу выдержку:

«Решительно против сокращения сил, запланированных для операции “Торч”. Обстановка еще не выкристаллизовалась. Наоборот, в Тунисе положение опасное. Страна полностью не умиротворена, коммуникации приобретают первостепенную важность, а два основных порта в Северной Африке заблокированы. Каждое усилие, предпринимаемое с целью обеспечения организованного и эффективного сотрудничества французов, наталкивается на переплетение политических и личных интриг, и в действительности складывается определенное впечатление, что никто не хочет ни воевать, ни искренне сотрудничать с нами.

Вместо разговоров о возможном сокращении нам следует искать пути и средства для скорейшего наращивания сил, чтобы очистить Северную Африку. По стратегическим вопросам нам следует строить планы на будущее в обычном порядке, но, ради бога, давайте закончим одно дело, не затеяв других одновременно. Мы потеряли много судов за последние три дня, а обеспечение конвоев воздушным прикрытием остается крайне трудным делом. Не исчезла угроза немецкого вмешательства через Испанию. Я не боюсь призраков и не поднимаю ложную тревогу. Я просто настаиваю вот на чем: если начатое нами

дело выглядит обнадеживающим, то как раз время развивать наши усилия, а не ослаблять их. Мы только что приступили к осуществлению огромного предприятия. Хорошее начало не должно быть подорвано принятием на себя ничем не обоснованных обязательств».

В тот день, 12 ноября, генерал Кларк сообщил, что Дарлан, очевидно, является единственным французом, который мог обеспечить нам сотрудничество в Северной Африке. Я понял, что этот вопрос требовал быстрого урегулирования на месте. Передача его для решения в Вашингтоне и Лондоне привела бы к неизбежным задержкам, а в это время нам пришлось бы расплачиваться большой кровью, и мы потеряли бы шансы на достижение соглашения мирным путем включить французские войска в состав наших экспедиционных сил.

Мы уже имели письменные приказы от наших правительств о сотрудничестве с любой французской администрацией, какую мы застанем в момент нашего вступления в Африку. Более того, в данный момент этот вопрос был чисто военным. Если конечные политические последствия приобрели бы настолько серьезный характер, что появилась бы необходимость принести кого-то в жертву, то логика и традиции все равно требовали бы от командира в бою взять на себя всю ответственность за свои действия. За допущенные ошибки меня могли бы снять с поста, но я был убежден, что только быстрое решение этого вопроса могло сохранить существенное единство усилий двух народов и своевременное достижение военных целей.

Мы трезво и честно обсудили все возможности, помня при этом, что основополагающие приказы требовали от нас идти в Африку, чтобы приобрести там союзника, а не убивать французов.

Я хорошо понимал, что любая сделка с вишистом вызовет сильнейшее возмущение тех людей в Англии и Америке, которые не знают суровых реальностей войны; поэтому я решил ограничить свое решение вопроса сугубо местными военными аспектами. Взяв с собой адмирала Каннингхэма, 13 ноября я вылетел в Алжир и по прибытии туда сразу же начал совещание с генералом Кларком и американским генеральным консулом в этом районе Мэрфи. Это была моя первая

встреча с Мэрфи со времени его тайного визита в Лондон несколько недель назад.

Они детально доложили обо всех событиях, имевших место в последнее время. 10 ноября Дарлан направил всем французским командирам приказ прекратить бои с союзными войсками. Петэн из Виши немедленно объявил этот приказ недействительным и отстранил Дарлана от должности. Тогда Дарлан решил отменить свой приказ, однако Кларк не позволил ему этого сделать. Затем в Алжире было получено сообщение, что немцы вторглись в Южную Францию, и теперь Дарлан заявил, что, поскольку немцы нарушили условия перемирия 1940 года, он готов сотрудничать с американцами. Между тем генерал Жиро, вначале потрясенный тем, что местные французы не пошли за ним, пришел к убеждению, что Дарлан — единственное французское официальное лицо в этом регионе, которое может склонить Северную Африку на сторону союзников. Когда немцы вступили в Южную Францию, Жиро направился к Дарлану, чтобы предложить свое сотрудничество. Сражение возле Касабланки по приказу Дарлана прекратилось, в других местах бои закончились еще до поступления туда этого приказа. Французские офицеры, которые открыто помогали нам, в том числе генералы Бетуар и Маэт, находились временно в опале; они были бессильны что-либо сделать.

После исчерпывающего обзора всей обстановки Мэрфи сказал: «Весь вопрос теперь превратился в чисто военную проблему. И вам нужно будет дать на нее ответ».

Когда мы приблизились к окончательному решению этой проблемы, он полностью отошел в сторону и только иногда выступал в роли переводчика. Я оказался перед необходимостью определить, что было важнее для войск союзников: заключить перемирие (и тем самым выиграть время и сохранить жизнь многих солдат и поскорее выработать реальные условия сотрудничества с французами) или просто арестовать Дарлана. Этот акт наверняка сопровождался бы продолжением боевых действий и дальнейшим усилением враждебности между французами и союзниками. Местные французские должностные лица все же формально являлись чиновниками нейтральной страны, и, пока наши правительства не проявляли готовности объявить Франции войну, у нас не было никаких

юридических или иных прав деспотически, в нацистском стиле, создавать здесь марионеточное правительство по своему желанию.

Достигнутое соглашение было потом закреплено специальным документом, в котором в общих чертах определялась помощь французов союзным войскам. Согласно этому документу, главнокомандующему союзными войсками на дружественной, неоккупированной территории предоставлялись все необходимые юридические права и привилегии для осуществления руководства войсками и боевыми операциями. Нам гарантировалось беспрепятственное использование портов, железных дорог и других сооружений.

Союзники просто констатировали, что если французские войска и гражданское население подчинятся приказам Дарлана о военном сотрудничестве с ними, то они не будут мешать осуществлению французского административного контроля над Северной Африкой. Наоборот, они подтверждали свое намерение сотрудничать с французами в деле обеспечения порядка. В документе не было никаких обязательств для наших правительств относительно какого-либо политического признания местной администрации, и Дарлан просто уполномочивался на основе добровольного согласия местных официальных лиц и по договоренности с нами взять в свои руки французские дела в Северной Африке, пока мы будем заняты очищением от немцев этого континента. Он также согласился поставить нашего друга генерала Жиро во главе всех французских военных сил в Северо-Западной Африке.

Важным обстоятельством было то, что мы не могли осуществить военную оккупацию, для чего нам потребовалось бы прекратить всякие действия против держав «оси». Арабское население тогда сочувственно относилось к французскому режиму Виши, который лишил евреев всяких прав в этом регионе, а восстание арабов против нас, которое немцы определенно попытались бы спровоцировать, было бы для нас катастрофическим. Наше намерение состояло в том, чтобы заполучить Северную Африку только в качестве базы для продолжения войны против Гитлера. Юридически наше положение в Африке отличалось от нашего последующего статуса на острове Сицилия, так же как и статус в Сицилии отличался от нашего положения в Италии и

позднее в Германии. Теоретически мы находились в стране союзника. Фактическая же цель обязательств Дарлана сводилась к тому, чтобы признать за нами доминирующее влияние в этом регионе. Но мы должны были использовать такое влияние умело, чтобы избежать неприятных осложнений.

Во французских войсках приказам Дарлана подчинялись, в противоположность пренебрежению, с которым воспринимались сделанные раньше заявления генерала Жиро. Дарлан остановил бои на западном побережье, где войска Соединенных Штатов уже сосредоточивались против оборонительных рубежей у Касабланки и готовились к общему штурму. Опыт же генерала Паттона в Марокко подсказывал, что это вылилось бы в кровопролитный бой.

Окончательное соглашение с представителями французских военных сил, возглавляемых Дарланом, было достигнуто в Алжире 13 ноября. Адмиралу Каннингхэму и мне пришлось возвращаться в Гибралтар вечером в плохую погоду. Мы долго кружили над аэродромом в полной темноте, делая тщетные попытки посадить самолет. Я не видел выхода из этого затруднительного положения и все думал о том, что нашему пилоту, молодому лейтенанту, придется больше полагаться на свое умение, чем на приборы, чтобы осуществить благополучную посадку, которую с трудом в конце концов удалось совершить.

Этот случай ускорил выполнение ранее принятого мною решения перенести наш штаб в Алжир. Это вызвало панику у офицера службы связи, который сказал, что он не сможет обеспечить связь в Алжире раньше Нового года. Но мы переехали туда 23 ноября.

Разумеется, официальные донесения обо всех политических проблемах мы периодически представляли нашим двум правительствам. Тем не менее немедленно начавшаяся критика в прессе двух стран приобрела столь сильный характер, что вынудила как президента, так и премьер-министра запросить от нас более полного объяснения. Они получили его в форме длинной телеграммы, которой дали широкое хождение среди правительственных чиновников в Вашингтоне и Лондоне. Даже после долгого ретроспективного изучения той обстановки я мог бы теперь очень немного добавить к

этому объяснению. Я здесь цитирую его, лишь перефразировав предложения в соответствии с требованиями сохранения тайны кода:

«14 ноября.

Полностью понимаю удивление в Лондоне и Вашингтоне тем оборотом, который приняли переговоры с французами в Северной Африке. Существующие здесь настроения среди французов даже отдаленно не соответствуют нашим расчетам, которыми мы руководствовались прежде. Излагаемые ниже факты имеют прямое отношение к существу вопроса, и в данном случае важно, чтобы никакие поспешные действия у нас, дома, не нарушили того равновесия, которого нам удалось добиться здесь...

Имя маршала Петэна представляет собой здесь нечто такое, с чем приходится считаться. Каждый пытается создать впечатление, что он живет и действует в тени маршала. Гражданские и военные руководители согласны с тем, что только один человек имеет право действовать от имени маршала в Северной Африке. Это Дарлан. Даже Жиро, который был нашим доверенным советником и твердым другом со времени первых совещаний с ним, в итоге которых он вынужден был примириться с реальной действительностью, признал это соображение доминирующим и соответственно с этим изменил свои намерения.

Сопrotивление, с которым мы вначале столкнулись, было оказано на основе убеждения французов всех рангов, что таково желание маршала. По этой причине Жиро кажется им виновным по меньшей мере в определенном нарушении субординации, когда он настаивал не оказывать сопротивления нашей высадке на берег. Генерал Жиро понимает это и, по-видимому, отчасти сочувствует всеобщему настроению. Все, кого это касается, говорят, что готовы помочь нам при условии, что Дарлан скажет, что делать, но они не хотят следовать указаниям, исходящим от кого-либо другого. Адмирал Эстева в Тунисе заявляет, что подчинится приказам Дарлана. Ногес прекратил сражение в Марокко по приказу Дарлана. Поэтому в этих вопросах невозможно избежать признания положения Дарлана...

Суть соглашения заключается в том, что французы сделают все, что смогут, чтобы помочь нам захватить Тунис. Группа Дарлана будет налаживать эффективное сотрудничество и начнет под

руководством Жиро реорганизацию отдельных воинских частей для их участия в войне. Эта группа использует любую возможность, чтобы получить флот, стоящий у Тулона. Мы будем поддерживать эту группу в вопросах управления страной и ее умиротворения, а также в оснащении отобранных частей. Детали все еще обсуждаются...

Наша надежда на быстрый захват Туниса и получение здесь поддержки со стороны населения не может быть осуществлена, пока не будет принято общее соглашение в тех рамках, которые мы только что определили с Дарланом и другими должностными лицами, контролирующими административный механизм региона и племена в Марокко. Жиро теперь понимает, что сам он ничего не сможет сделать даже при поддержке союзников. Он с радостью принял пост военного начальника в группе Дарлана. Он считает, что сейчас его имя не следует упоминать, пока не пройдет несколько дней. Без сильного французского руководства нам пришлось бы пойти на военную оккупацию здесь. Потеря времени и расходы ресурсов оказались бы огромными. Генерал Паттон считает, что только в Марокко потребовалось бы 60 тысяч союзных войск, чтобы держать племена в спокойствии. Принимая во внимание тот эффект, который оказали бы волнения племен на Испанию, вы можете себе представить, какие у нас здесь проблемы».

Ни разу в течении длительных переговоров Дарлан не сказал доверительно, что он может добиться перехода тулонского флота на нашу сторону. Он думал, что, возможно, из-за нехватки топлива, а также из-за неразберихи и неопределенности, которые, безусловно, воцарятся в Южной Франции, командующий флотом фактически не попытается вывести флот в море и присоединиться к нам, но он заявил со всей убежденностью, что французский адмирал в Тулоне никогда не допустит, чтобы его корабли попали в руки немцев. Он это повторял вновь и вновь, и последовавшие события подтвердили, что это так и было.

С другой стороны, Дарлан был уверен, что адмирал Эстева, командующий французскими силами в Тунисе, присоединится к остальным французам в Северной Африке, соблюдая любые приказы, какие бы он ни отдал. Длительность переговоров в Алжире подрывала эту нашу большую надежду. Это обстоятельство вызывало

неопределенность у адмирала Эстева, который, будучи информирован о характере происходивших тогда переговоров в Алжире, получал также приказы из Виши оказывать сопротивление союзникам и, как нам говорили, пустить немцев в подведомственный ему район. Военные руководители в том регионе, генералы Кельц в Алжире и Барре в Тунисе, находились в таком же состоянии нерешительности, а генерал Кельц, как информировали нас, был определенно против какого-либо соглашения с союзниками.

В этих условиях сомнений и нерешительности французов немцы начали высаживаться в районе Туниса.

Первый контингент немецких войск прибыл туда по воздуху днем 9 ноября. Начиная с этого момента они стремились как можно быстрее доставить сюда подкрепления, и к тому времени, когда было достигнуто временное соглашение с Дарланом в Алжире, адмирал Эстева уже не имел возможности действовать самостоятельно. Во время последнего телефонного разговора между ним и французским чиновником в Алжире он сказал: «Теперь у меня есть опекун». Мы это восприняли как намек на то, что немцы фактически уже держали его заложником. Наряду с этим генералы Кельц и Барре без колебаний подчинились приказам Дарлана. Первый, в частности, в дальнейшем стал прекрасным боевым командиром в союзных войсках.

После получения моей телеграммы в Лондоне и Вашингтоне оба правительства информировали меня, что будут поддерживать достигнутую нами договоренность до тех пор, пока ее условия будут добросовестно выполняться французами и пока боевые действия в Африке не подойдут к концу.

Эта договоренность, конечно, совершенно отличалась от той, на какую мы рассчитывали, еще будучи в Лондоне. Однако наши правительства ошиблись не только в отношении сильных личностей и их влияния в Северной Африке, но и в оценке настроений среди местного населения. Они полагали, что французы в этом регионе крайне возмущены вишистско-нацистским господством и с распростертыми объятиями встретят как избавителей любые силы союзников, которые сумеют укрепиться в этой стране. Первая немецкая бомбардировка Алжира, а их было много, доказала ошибочность такого предположения. Конечно, там было много

патриотов, а после победы в Тунисе их число увеличилось, но в те первые дни нашего рискованного положения и ночных вражеских бомбардировок скрытое настроение, о котором постоянно докладывали мне, выражалось словами: «Зачем вы принесли эту войну нам? Мы были довольны своей жизнью, а теперь вы пришли сюда, чтобы нас всех убили». В своем последнем донесении, написанном уже после завершения кампании, генерал Андерсон отметил следующее об этих первоначальных настроениях местных жителей:

«Многие мэры, начальники станций и почт, а также другие чиновники на ключевых постах, с кем мы имели дело по мере продвижения наших войск (например, гражданские телефонные линии вначале были моим основным средством связи с передовыми частями и штабом союзной авиации), относились к нам холодно и не решались открыто присоединиться, а некоторые были просто враждебно настроены. В целом я могу с уверенностью сказать, что на первых порах в армии старшие офицеры колебались и опасались связать себя с союзниками, а младшие офицеры в основном склонялись к поддержке союзных войск. Солдаты подчинялись приказам; среди арабской части населения проявлялось безразличие или враждебность, французы относились благосклонно, но апатично. У меня сложилось убеждение, что безопасность моей небольшой изолированной группировки не была бы обеспечена, если бы я потерпел в бою серьезную неудачу».

Такие настроения в корне отличались от мнения наших правительственных кругов, считавших, что народ Северной Африки при появлении там союзных войск единодушно поднимется против вишистов, находящихся под контролем нацистов.

В итоге принятия Дарланом административного руководства в Северной Африке и его влияния во Французской Западной Африке крупный центр Дакар вскоре оказался в руках союзников. Губернатором Западной Африки был Буассон, старый солдат, потерявший ногу и слух в первую мировую войну и искренне ненавидевший все немецкое. Он был фанатически предан Франции и считал своим основным и единственным долгом сохранить Французскую Западную Африку для Французской империи. Несколько ранее в ходе этой войны он отбил попытки английских войск и сил «свободных французов» высадиться у Дакара, заявив, что будет

сражаться с любым противником, который посмеет вторгнуться на неподобающие ему территории. Однако в связи с вторжением немцев в Южную Францию он объявил о своей готовности подчиниться военным приказам, исходящим от меня и передаваемым ему через адмирала Дарлана; никого больше он не признавал.

Поскольку Дакар в то время находился за пределами моего района боевых действий, где мне и без того хватало забот по ведению кампании, а также в силу того, что английская и американская пресса проявляла серьезное беспокойство по поводу военного урегулирования, которое я осуществил с Дарланом, я напомнил моим начальникам, что обеспечение выполнения Буассоном условий общей капитуляции не входит в мои обязанности и я в этом деле не буду принимать никакого участия, если на то не будет приказа. Тем не менее я доложил им, что мог бы обратиться к руководителям в Дакаре, и сообщил им о заявлении Буассона. На это я очень скоро получил указания, суть которых сводилась к тому, чтобы я обеспечил переход западноафриканского региона на сторону союзников точно так же, как я это сделал в Северной Африке.

Мое решающее совещание с губернатором Буассоном граничило с драматической развязкой. Предстояло решить много важных деталей. В Западной Африке было интернировано большое число английских моряков, высадившихся там с кораблей, потопленных в ходе войны. Англичане настаивали на их немедленном освобождении, а Буассон выдвигал свое контртребование, настаивая на прекращении радиопропаганды, которую вели «свободные французы» из соседних районов, граничивших с Западной Африкой. Он говорил, что эта пропаганда постоянно обвиняла его и его правительство во всякого рода преступлениях и вызывала осложнения с местным населением. Он настаивал, чтобы английское правительство приказало немедленно прекратить такую пропаганду. Возникали и другие аналогичные вопросы, однако ни один из них не находил своего отражения в том документе, который нужно было подписать. На совещании присутствовали Дарлан и другие французские должностные лица, а также Мэрфи и несколько сотрудников моего штаба. По мере обсуждения возбуждение его участников усиливалось, и казалось, что все французы говорят одновременно. Наконец я отвел губернатора

Буассона, немного понимавшего по-английски, в угол, чтобы лично переговорить с ним, и сказал ему примерно следующее:

«Губернатор, я не имею возможности сообщить вам в деталях, что намерено сделать как английское, так и американское правительство. Но я могу с уверенностью сказать следующее: оба моих правительства дали мне указание заключить с вами соглашение на общей основе, что Французская Западная Африка присоединится к Северной Африке в войне против держав “оси”. Мои правительства заявили, что не будут вмешиваться в ваши местные дела. Они ожидают от вас такого же сотрудничества, что и от любого другого дружественного региона, а это влечет за собой немедленное освобождение любого из наших граждан, который может быть интернирован в вашем районе. Они попытаются прекратить любую пропаганду, которая может быть направлена против вас и вашего режима, и они, несомненно, используют добрые услуги, чтобы другие сотрудничающие организации, в том числе “свободные французы” под руководством генерала де Голля, также прекратили эту практику. Однако очевидно, что в этом вопросе они не могут приказывать генералу де Голлю. Мы хотим использовать воздушные трассы через ваш район и желаем, чтобы вы были на нашей стороне. Потребуются недели, чтобы каждую из этих мелких деталей урегулировать, а мы не можем зря тратить время. Вы подпишете соглашение, а я заверяю вас моей честью солдата, что сделаю все, что в человеческих силах, чтобы общие соглашения, достигнутые между нами, выполнялись на основе сотрудничества, как того желают оба мои правительства, именно так, как это мы делаем в Северной Африке. Пока меня держат на этом посту оба мои правительства, вы можете быть уверены, что дух нашего соглашения никогда не будет нарушен союзниками».

Не сказав ни слова, он подошел к моему столу и, в то время как в комнате продолжались споры, сел и поставил свое имя под соглашением. Как только он подписал, я спросил его: «Губернатор, когда наши самолеты могут начать пользоваться аэродромом у Дакара?» Он взглянул на меня и ответил по-французски: «Только сейчас». В своих дальнейших замечаниях Буассон подчеркивал важность, которую он придавал моим заверениям как солдата избежать

ненужного беспокойства французских институтов в Западной Африке и помочь реорганизации французской армии для ее участия в войне на нашей стороне. Легко было ошибиться в оценке французской проблемы, какой она тогда была. Только терпение и настойчивость могли принести нам ценного и в конечном счете демократического союзника. Насилие и пренебрежение чувством достоинства французов не дали бы ничего, кроме разлада и справедливых обвинений в том, что мы тоже нацисты.

В силу мощи нашего оружия и признания временной французской администрации в Северной Африке боевые действия во всем районе западнее Алжира к 12 ноября прекратились.

Мартин Кэйдin
Курская битва — величайшее сухопутное сражение в истории^[78]

В своей книге «Первый и Последний» генерал Адольф Галланд, командовавший истребительной авиацией люфтваффе в конце второй мировой войны, пишет следующее о величайшем сухопутном сражении, которое когда-либо имело место в истории: «В июле [1943 г.] немецкие войска под Курском начали последнее крупное наступление. Оно было отражено».

И больше ни строчки. Ни слова об огромнейшей армаде танков, бронированных машин и самоходных артиллерийских установок, собранных для исполинской схватки между сухопутными армиями и воздушными флотами русских и немцев. Ни слова о потрясающей концентрации огневой мощи у русских и немцев. Ни слова о страшных потерях, понесенных обеими сторонами. Ни слова о коренном изменении в соотношении сил на советско-германском фронте после этого сражения, вошедшего в историю как «Битва на Курской дуге».

Галланд охарактеризовал эту битву как последнее крупное наступление вермахта на Восточном фронте. Это правильное определение, но не потому, что немецкие войска «получили отпор». В результате провала попытки вермахта нанести сокрушительное поражение противнику возникла мрачная перспектива, что немецкая армия более не способна диктовать русским условия дальнейшего хода войны. Говоря проще, битва на Курской дуге, начавшаяся 5 июля 1943 года, положила конец одному правлению и возвестила о начале другого.

До разгрома под Курском — а для немцев это был разгром — вермахт владел стратегической инициативой в проведении крупных кампаний в войне против Советского Союза. Конечно, немцы терпели поражения, особенно под Москвой и в Сталинграде, где немецкие войска были разбиты и обескровлены упорно оборонявшимися русскими. Но, даже терпя эти поражения, немцы отступали, сохранив достаточную боевую мощь, маневренность и быстроту реакции, чтобы навязать следующий раунд борьбы понесшим ощутимые потери, но не потерявшим выдержки русским.

Курская битва все это изменила. Или, говоря иначе, битва за Курск, сражение на севере за Орел и на юге за Харьков — все они вместе составляют одну битву — придали войне новый характер.

То, что Курская битва — гигантская схватка двух вцепившихся друг в друга колоссальных сил — может стать поворотным пунктом войны в России, было совершенно очевидно обоим смертельным врагам. Если бы операция «Цитадель», как назывался немецкий план наступления, утвержденный самим Гитлером, увенчалась успехом, сцена была бы подготовлена для широких новых наступательных действий против русских. На карту было поставлено куда значительно больше, чем просто город Курск или продвижение по местности на север, юг и восток, а именно то, что никогда не отразилось бы на схемах и картах, — беспощадная расправа над русскими, и в этом заключалась суть немецкого плана: разбить, перемолоть, рассеять, убить, захватить в плен... Позднее, если операция «Цитадель» пойдет так, как рассчитывал Гитлер, последует большое новое наступление на Москву. Позднее он претворит в жизнь свой совершенно секретный план «Песец», и германские вооруженные силы молниеносным ударом оккупируют Швецию.

Еще позднее он перебросит свои войска туда, куда захочет, умело маневрируя ими на шахматной доске военной стратегии. Усилит войска в Италии, чтобы отразить вторжение союзников и сбросить их в море, ибо он знал, что время этого вторжения приближается. Направит мощные подкрепления на Атлантический вал — может быть, достаточные, чтобы сломить хребет силам вторжения из Англии.

Операция «Цитадель», в отличие от многих других акций диктатора «третьего рейха», не была плодом внезапного импульсивного решения. Она складывалась постепенно. Она родилась из поражения, из уязвленного самолюбия и досады, которые поражения неизбежно вызывали у Гитлера. И не будем заблуждаться относительно автора плана — его инициатором с самого начала был Гитлер. Все последующие события, в которых участвовали высшие офицеры и чиновники рейха, произошли в результате желаний и замыслов Гитлера.

Никто лучше Гитлера, как верховного командующего вооруженными силами Германии, не знал, что рейх отчаянно нуждается в блестящей победе германского оружия над восточными «варварами». В феврале 1943 года русские обрели новый облик самого грозного и беспощадного врага нацистской Германии. Одержанные после

вторжения в Россию 22 июня 1941 года победы поблекли. Ликование сменилось сдержанностью, затем настороженностью, переросло в тревогу, граничащую с паранойей. Ибо кошмар Сталинграда был слишком реален. Поражение, которое русские нанесли отборным немецким армиям, было мрачным предзнаменованием будущего.

Приближалось лето 1943 года, и Гитлер потребовал от своих войск «возместить летом то, что было потеряно зимой». Прекрасный призыв, но слепо основанный на предпосылке, что русские не могут сражаться, когда земля не покрыта льдом и снегом. Но теплая погода и ясное небо были слабым утешением для офицеров генерального штаба — они прогнозировали будущее, исходя из боевой мощи вермахта и огромных потерь, которые рейх понес в кровопролитных боях на Восточном фронте. Конечно, не все погибшие солдаты были немцами, ибо немецкое командование с готовностью швыряло в пекло сражений с русскими любое пушечное мясо, которое оно могло получить от союзников.

Однако с каким бы презрением немецкие господа ни относились к войскам своих вассалов — слабо вооруженных и мечтающих оказаться где угодно, только не на Восточном фронте, — масса солдат тем не менее необходима, чтобы удерживать участки фронта. Они сведены в части и соединения, имеют танки и транспорт, авиацию и артиллерию, пулеметы и винтовки. Если надо принести этих людей в жертву, то их можно бросить под удар русских и приберечь немецкие части для тех фронтов, где особо требуются боевое умение, сила и стойкость.

Но как бы ни подсчитывали немцы свои силы, они сталкивались с неизбежным фактором, что потеряли 700 тысяч солдат и офицеров и всю боевую технику и оружие, которыми были оснащены эти войска в боях с Красной Армией. Ввиду поражений и катастроф на Восточном фронте Гитлер потребовал и провел новую «тотальную мобилизацию» немецкой живой силы. Но и этого оказалось недостаточным. Обученных солдат явно не хватало. Пополнения, поступившие в находившиеся на фронте дивизии, не имели закалки и опыта. А отсутствие этих боевых качеств перед лицом растущего мастерства Красной Армии сулило дальнейшие катастрофы.

Другим противником Германии было время. Оно текло слишком быстро на часах войны, по которым «третий рейх» сверял свое

существование как милитаристское государство. В то время как приток пополнений из Германии на фронт мелел, русские с удивительной быстротой наращивали свои силы. Немецкие фабрики и заводы непрерывно слали на Восточный фронт очередные партии оружия. Русские потеряли огромную территорию, города, заводы, транспортные средства и миллионы людей, оказавшихся под пятой немецких оккупантов, но тем не менее — и это вызывало изумление и страх — увеличивали производство боевой техники. Русские рабочие и женщины, круглосуточно трудившиеся на заводах и фабриках, выпускали не только огромное количество военного оснащения, но и оружие исключительно высокого качества. Для нацистов, которые ранее сталкивались на земле и в воздухе со второсортными образцами боевой техники, мысль о том, что созданная советскими конструкторами боевая техника не только равна, но и превосходит немецкую, была невыносимой и недопустимой.

Но дело обстояло именно таким образом. И чем дальше будет длиться война, чем больше русские будут расширять свое снабжение фронта боеприпасами и оружием, тем мрачнее представало будущее Германии.

Можно ли было все еще выиграть войну против Советского Союза? Весной 1943 года этот вопрос приобрел актуальную реальность. Большинство исторических исследований и книг, написанных немцами, утверждают или дают понять, что почти никто в высших эшелонах германского командования не верил в возможность вырвать такую победу из глубокой трясины войны против России. Те, кто был в курсе событий, смирились с неизбежностью поражения на Восточном фронте. Генеральный штаб и генералы более не верили в чудо уничтожения «коммунистических полчищ».

Автор этой книги считает, что этому широко распространенному мнению явно не хватает объективности. Если надежды на победу, как утверждают многие, не было, как могли возникнуть планы укрепления немецкой обороны против вторжения союзников в Италию? Как оказалось бы возможным нарастить прочность Атлантического вала? Из какого источника могли немцы раздобыть солдат и оружие для осуществления плана «Песец» — захвата и оккупации Швеции? С помощью какого трюка немецкая армия рассчитывала прорвать

прочную оборону русских и преуспеть в том, в чем она раньше потерпела неудачу, — ворваться в Москву?

Все решилось под Курском. То, что случится там, должно было определить будущий ход событий.

Географические масштабы наступления будут намного меньше, чем в других ключевых операциях вермахта в прошлом. Протяженность фронта составит не более 150 миль. Но на фронте в этой предстоящей битве будет собрано больше танков и боевых машин, чем насчитывалось **на всем** Западном фронте после вторжения союзников в Европу. Под Курском решалась не только судьба России. Решался исход всей войны.

* * *

Независимо от того, что происходило на других театрах военных действий, взор Гитлера был прочно прикован к Восточному фронту. Здесь решался исход войны. Если бы удалось переломить становой хребет русским, рейх смог бы легко использовать свою военную мощь, чтобы справиться с любыми другими возможными чрезвычайными ситуациями. Замыслы Гитлера были достаточно ясны. Необходимо было добиться военной победы в России. Этот триумф позволил бы успешно решить все экономические, политические и пропагандистские проблемы.

Если верить личным высказываниям фюрера и другим историческим источникам, то в первые месяцы 1943 года Гитлер был намерен сначала стабилизировать положение на Восточном фронте, а затем нанести противнику сокрушительное поражение. Потом, на гребне этой победы, он широко откроет шлюзы восстановленной военной мощи Германии для глубокого броска в центр России.

Гитлер изучал карты, намечая линию фронта, которую необходимо было удерживать. Эта линия начиналась на севере, у Финского залива, и тянулась вниз, к Азовскому морю. Немецкие позиции на этой линии выглядели сравнительно надежными, за исключением одного вдавленного в немецкий фронт русскими выступа, в центре которого лежал город Курск.

Курский выступ вдавался в район, где дислоцировались крупные соединения немецких войск. К северу от выступа находился Орел, к югу — Белгород. Русские стягивали на этот выступ значительные силы. Если они сконцентрируют здесь достаточную огневую мощь и создадут крупные запасы боеприпасов и другого снаряжения, тогда выступ может превратиться в гигантский плацдарм для решительного броска не только на запад, но и северо-запад, с выходом в тыл Орла и Брянска, и одновременно на юго-запад, в попытке очистить от немцев Украину. Помимо использования выступа в качестве района сосредоточения всех родов войск и авиации, русские превращали его в осиное гнездо обороны с многочисленными артиллерийскими позициями и сотнями километров переплетающихся траншей.

Все это немцам было известно. Более того, они знали, что русские едва ли захотят ждать все лето, чтобы начать наступление зимой.

Поскольку Гитлер намеревался нанести крупное военное поражение русским, было похоже, что они сами залезли в ту ловушку, о которой мечтал Гитлер. Ибо сила Курского выступа могла также обернуться фатальной слабостью. Вермахт мог нанести стремительные танковые удары с севера на юг и с юга на север, сомкнуть массивные бронированные «клещи» и поймать русские войска в гигантский «мешок». Чтобы отразить столь мощные удары, противнику придется бросить на выступ крупные резервы. В результате поражение русских сил примет еще более крупные масштабы. Если отборные дивизии вермахта проявят себя в сражении так же, как в былые дни, весь ход войны может радикально измениться. Сталину просто не хватит сил, чтобы отразить затем глубокие разящие удары немецких танковых дивизий.

Забегая несколько вперед, чтобы предотвратить возможные неправильные умозаключения об оценках русскими немецких намерений и планов, необходимо подчеркнуть, что Советское Верховное Главнокомандование с поразительной прозорливостью и точностью предугадало все, что Гитлер и его генералы собирались предпринять в отношении Курского выступа. Блестящий стратегический талант заместителя Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза Георгия Константиновича Жукова особенно ярко проявит себя как на протяжении месяцев,

предшествовавших первым оглушительным залпам артиллерийской подготовки, так и в ходе самой Курской битвы.

* * *

В конце зимы и весной 1943 года представители Советского Верховного Главнокомандования ни на час не упускали из виду положение, складывавшееся на Курской дуге. Танковое сражение, к которому готовились обе стороны в районе Курска, могло обеспечить каждой из сторон выгодную позицию в войне. Для русских Курская дуга сулила стать чем-то вроде современного Куликова поля, где в 1380 году московский князь Дмитрий Донской наголову разбил многочисленное татарское войско. Отдавая себе отчет в необходимости использовать каждую минуту оставшегося до сражения времени, русские срочно укрепляли свои позиции на Курском выступе. Однако, по неизвестным для русских причинам, немцы тянули с началом наступления.

* * *

Термин «битва», как мы его понимаем, не очень подходит для гигантского вооруженного столкновения вокруг Курска. То, что произошло на Курской дуге и вокруг нее, последствия этого столкновения, охватившего район протяженностью в сотни и тысячи километров, никак не укладывается в относительно узкий термин «битва».

Курская битва возникла в результате многочисленных факторов, среди которых немалую роль сыграли тщательно обдуманые и связанные с риском решения, принимавшиеся задолго до того, как оперативные планы были претворены в жизнь с помощью огня и стали. Некоторые битвы порождаются обстановкой, как неожиданный и подчас нежелательный побочный результат конфликта или ряда обстоятельств где-то в другом месте. Но это никак нельзя сказать о Курской битве, которую обе стороны мысленно запланировали задолго до ее начала. Кроме того, каждая сторона имела несколько месяцев для ее практической подготовки.

Курская битва представляет собой немецкое наступление, которое вытекало из принятого Берлином решения первым нанести удар и решения Москвы предоставить немцам первым начать наступательные действия.

Назревавшая битва на Курской дуге для русских означала не простое ожидание немецкого наступления. Они фактически как бы приглашали, более того, заманивали вермахт начать атаку, с тем чтобы битва велась на русских условиях под дулами орудий тщательно подготовившейся Красной Армии. Таков был основной план, основная оперативная задача. Пусть немцы начнут, а затем, когда они бросятся в наступление, перебьем их. Когда созреет подходящий момент — перейдем в контратаку, а затем с учетом оперативной обстановки скорректируем свои планы. Уготованная Жуковым для немцев мясорубка работала раньше, и маршал не сомневался, что она сработает снова.

На поле боя присутствовал еще один трудно поддающийся калькуляции фактор, которого не было ранее и который наложил неизгладимый отпечаток на весь ход битвы, — это был русский солдат. Русские, сражавшиеся под Курском, были бойцами другого склада, чем те, с которыми ранее сталкивались немцы. Первоначально нацисты с презрением относились к «Ивану», считая русских низшей расой, неспособной успешно овладеть боевой техникой или солдатской профессией. Это отношение, однако, изменилось еще до начала Курской битвы. Немцы официально признали, что русским солдатам присущ исключительно высокий морально-боевой дух и они «сравнительно неплохо обучены». Очевидно, что если русские сумели выиграть сражения за Ленинград, Москву и Сталинград со «второсортными», технически слабо подготовленными войсками, то этот «новый» русский солдат, с которым предстояло столкнуться немцам, станет новой грозной силой на поле боя. Это должно было сказаться и сказалось на окончательном исходе битвы. Битва на Курской дуге общепризнанна как самое крупное танковое сражение в истории человечества. Ни в одной другой битве или кампании не участвовало такого количества танков, как под Курском. Но было бы серьезной ошибкой рассматривать эту вооруженную борьбу как схватку только между этими могучими машинами, укрытыми толстой

броней. Все это так. Но следует учитывать и другие слагаемые битвы, помимо танков и боевых машин, — людей.

Курская битва, как уже говорилось выше, лишила немецкую армию возможности диктовать, когда, где и как будут вестись будущие сражения на Восточном фронте. Охарактеризовав ее как одно из величайших сражений второй мировой войны в целом, маршал Жуков отмечает, что «с тех пор до конца войны немецкие войска вынуждены были вести только оборонительные сражения».^[79]

Никто не собирается утверждать, что немцы утратили способность вести широкие и разрушительные военные действия. Но после 50 дней боев под Курском они более не могли выбирать время и место. Эта привилегия теперь полностью перешла к русским. И подобное положение сохранится до конца войны, до штурма Берлина.

Разумеется, некоторые немецкие генералы признают подлинное значение Курской битвы как провалившейся попытки разбить советские армии и называют ее разгромом, катастрофой неописуемых размеров из-за ее влияния на последующий ход событий.

Большинство же немецких должностных лиц, однако, предпочли отвести свой взор от поля битвы и ее последствий.^[80] Они расскажут вам, что ни одна немецкая армия не была окружена русскими, и это верно. Они сообщат вам, что среди солдат вермахта не было проявлений паники. И по большей части они правы. Они опишут доблестные арьергардные бои немецких войск, но им трудно признать, что это была доблесть войск, потерпевших поражение, а не одержавших победу. Они скажут, что русские-де понесли большие потери, чем немцы (хотя это весьма спорный вопрос и немецкие утверждения весьма сомнительны). Главный итог Курской битвы состоит в следующем: когда отгремели последние выстрелы на Курской дуге, стратегическая инициатива в войне перешла к Красной Армии, и именно она потом диктовала, когда и как будет вестись эта война.

Разногласия в верховном командовании Германии

«Цитадель», как и любая другая крупная военная операция, была детищем различных планов, директив, манипуляций и махинаций многих высокопоставленных лиц и офицеров нацистской Германии. Она не родилась на свет в одночасье как полностью созревший плод лихорадочного ума Гитлера или кого-либо из его генералов. Она складывалась постепенно, рывками и частями, и с самого начала на ее подготовке сказывались изменения планов, вызывавшихся многочисленными факторами, которые, казалось, менялись от недели к неделе.

В марте 1943 года в результате немецкого контрудара русские были вынуждены оставить Харьков. Командующий группой армий «Юг» генерал-фельдмаршал Манштейн хотел продолжить наступление и дальше, но успешным оно могло быть лишь в случае одновременного нанесения удара по русским войскам с севера на Курск армиями генерал-фельдмаршала Клюге.

В Берлине, где генеральный штаб ОКХ рассмотрел этот вопрос, однако, сочли, что предлагаемые Манштейном планы операций «Пантера» и «Ястреб» не приведут к успеху. К тому же начиналась оттепель — малоподходящее время для наступательных операций. Наступление войск Манштейна выдохлось, и фронт стабилизировался. Немцы оттянули с передовых позиций все танковые дивизии для переоснащения, пополнения и подготовки к новым боям.

Изучая общее стратегическое положение Германии, Гитлер и два генеральных штаба — ОКВ (штаб оперативного руководства вооруженными силами Германии) и ОКХ (штаб главного командования сухопутных войск) — пришли к единому мнению по двум пунктам: во-первых, что можно ждать вторжения войск союзников на континент и, во-вторых, что в 1943 году вермахт не сможет добиться желаемого исхода конфликта на Восточном фронте. В остальном же в высших эшелонах нацистского командования царил

глубокий раскол. Одна группа генералов во главе с начальником штаба оперативного руководства Йодлем рекомендовала, чтобы Гитлер снял часть сил с советско-германского фронта и укрепил немецкие войска в Средиземном море и на Атлантическом валу. На Восточном же фронте лучше перейти к обороне.

Генеральный штаб ОКХ, который главное внимание уделял России, решительно выступал против такого предложения. Главное командование сухопутных войск подчеркивало, что положение на Восточном фронте ухудшается. К концу января 1943 года немецким войскам не хватало 487 тысяч солдат для выполнения своих оперативных задач. Немецкие бронетанковые войска понесли огромные потери. Германия вторглась в Россию летом 1941 года, имея 19 полностью оснащенных танковых дивизий, в составе которых находилось 3300 танков. Но в конце января 1943 года на всем Восточном фронте у немцев оставалось только 495 боеспособных танков. Сотни других находились в ремонтных мастерских. Требовались срочные пополнения, ощущалась нехватка самолетов, грузовиков и даже лошадей.

На этом основании ОКХ доказывало, что снять часть сил с Восточного фронта можно лишь на определенных условиях — значительно сократив протяженность линии фронта, чтобы войска могли отойти на наиболее выгодные стратегические оборонительные позиции.

Для Гитлера это было неприемлемым. Продолжение отступления на Восточном фронте означало пагубное падение престижа Германии среди сателлитов и утрату важных экономических ресурсов оккупированных районов России.

Однако даже сам Гитлер не мог не считаться с суровой реальностью, что вермахт более не способен предпринять широкое стратегическое наступление в России, и эту точку зрения разделяло его ближайшее окружение. Выход был один — надо было переходить к обороне. Но есть разные способы обороны, и в поисках оперативного решения, наиболее отвечающего требованиям момента, выбор остановился на Курской дуге.

Начальник генерального штаба ОКХ Курт Цейтцлер был полностью согласен с Гитлером, что наилучшим методом обороны длинной линии

фронта в России является проведение ограниченных наступательных операций на отдельных участках Восточного фронта. Если провести такие операции, как только дороги подсохнут, русские не успеют начать свое наступление. Это позволит достичь ряда целей, которые наметил для себя Гитлер. Наступательный потенциал Красной Армии будет серьезно ослаблен. Необходимость перебрасывать немецкие войска со всех других театров войны отпадет сама по себе. Ударная мощь вермахта окажет глубокое впечатление на германских союзников, многие из которых стали сомневаться в способности Германии добиться победы.

Эти цели, разумеется, по своему размаху значительно уступали тем планам, которые Гитлер будет связывать с операцией «Цитадель» в разгар ее подготовки. Но планирование «Цитадели» началось довольно робко, и в первых своих приказах, отданных немецким командующим, Гитлер демонстрировал несвойственную ему нерешительность. 13 марта 1943 года он так изложил свой стратегический план:

«Следует ожидать, что русские после окончания зимы и весенней распутицы, создав запасы материальных средств и пополнив частично свои соединения людьми, возобновят наступление.»

Поэтому наша задача состоит в том, чтобы по возможности упредить их в наступлении в отдельных местах с целью навязать им, хотя бы на одном из участков фронта, свою волю...

На остальных участках фронта мы должны отражать атаки русских, пока они не истощат свои силы...»

Среди генералов особое доверие Гитлер питал к Вальтеру Моделю, который настаивал, что его войска должны иметь достаточное время, чтобы подготовиться к наступлению и провести необходимую перегруппировку. Ссылаясь на данные воздушной разведки о глубине и мощи русской обороны, Модель доказывал необходимость значительного усиления его войск танками, артиллерией и пехотой. Гитлер признал эти аргументы достаточно убедительными, чтобы предоставить своим командирам дополнительное время для подготовки.

Гитлер хотел также собрать для наступления не только как можно больше тяжелых танков «тигр», но и новых средних танков «пантера».

Наступление на Курской дуге требовало несколько сотен новых мощных бронированных машин для решающих боев в наиболее важных секторах фронта, но пока что из-за технологических трудностей немецкая промышленность выпускала всего лишь около 12 «пантер» в неделю.

Задержки с подготовкой наступления продолжались, а конфликты между генералами углублялись. Наконец 15 апреля 1943 года Гитлер утвердил Директиву № 6 об операции «Цитадель».

«Я решил, как только позволят условия погоды, провести наступление “Цитадель” — первое наступление в этом году.

Этому наступлению придается решающее значение. Оно должно завершиться быстрым и решающим успехом. Наступление должно дать в наши руки инициативу на весну и лето текущего года.

В связи с этим все подготовительные мероприятия необходимо провести с величайшей тщательностью и энергией. На направлении главных ударов должны быть использованы лучшие соединения, наилучшее оружие, лучшие командиры и большое количество боеприпасов. Каждый командир, каждый рядовой солдат обязан проникнуться сознанием решающего значения этого наступления. Победа под Курском должна стать факелом для всего мира.

Я приказываю:

Цель наступления — сосредоточенным ударом, проведенным решительно и быстро силами одной ударной армии из района Белгорода и другой — из района южнее Орла, путем концентрического наступления окружить находящиеся в районе Курска войска противника и уничтожить их.

В ходе этого наступления в целях экономии сил следует занять новый сокращенный фронт по линии Нежега — река Короча — Скородное — Тим — восточнее Шигр — река Сосна.

Необходимо обеспечить максимальное массирование ударных сил на узком участке, чтобы, используя местное подавляющее превосходство во всех средствах наступления (танках, штурмовых орудиях, артиллерии, минометах и т. д.), одним ударом пробить оборону противника, добиться соединения обеих наступающих армий и, таким образом, замкнуть кольцо окружения.

Сосредоточение сил обеих групп армий для наступления осуществить в глубине, вдали от исходных позиций, чтобы, начиная с 28.4, на шестой день после отдачи приказа главным командованием сухопутных войск, они могли начать наступление. При этом следует принять все меры по маскировке, сохранению тайны и введению противника в заблуждение. Самым ранним сроком наступления является 3.5».

Командующие группами армий должны были доложить о готовности своих войск к 24 апреля 1943 года.

4 мая, почти три недели спустя после принятия Директивы № 6, Адольф Гитлер созвал в Мюнхене совещание своих высших военачальников для окончательного обсуждения вопросов, связанных с операцией «Цитадель». Правда, инспектор танковых войск генерал-полковник Гудериан (в отличие от большинства других участников совещания) утверждает, что эта встреча была созвана, чтобы решить, будет ли вообще проводиться операция «Цитадель», а не для согласования деталей наступления.

Гитлер открыл совещание, выступив с речью, в которой дал оценку положения на Восточном фронте, затем предложил присутствовавшим высказать любые возможные соображения. Модель, не присутствовавший на совещании, но изложивший свое мнение в письме, высказался против наступления на Курской дуге. Манштейн сделал оговорку, что наступление может быть успешным, если начать его без дальнейшей отсрочки.

Фельдмаршал Кейтель проголосовал за наступление. Йодль считал его нецелесообразным. Цейтцлер, зная, что Гитлер хочет предпринять наступление, рекомендовал провести операцию «Цитадель». Клюге поддержал Гитлера и Цейтцлера.

Единственный, кто открыто высказался на совещании против «Цитадели», был Гудериан, который заявил, что наступление бесцельно и что немецкие войска при наступлении будут снова разбиты и «мы наверняка понесем тяжелые потери в танках», которые не будем «в состоянии восполнить снова». Однако большинство участников совещания высказались в пользу наступления.

Гитлер тем не менее не назвал конкретную дату начала «Цитадели». Необходимо было обеспечить наступающие войска достаточным количеством танков, которых, по общему признанию, явно не хватало. Фюрер к тому же хотел добиться технического превосходства над русскими, и, по его мнению, новые типы танков могли обеспечить победу под Курском и наголову разбить русские армии. Но выпуск средних танков «пантера» все еще отставал от установленного графика. На совещании в Берлине 10 мая министр вооружений Альберт Шпеер заверил Гитлера, что связанные с производством «пантер» технологические трудности преодолены и к концу месяца будет построено не менее 324 «пантер». Поскольку требовалось доставить их на фронт и передать танковым дивизиям, Гитлер в качестве предварительной даты наступления под Курском назначил на 13 июня.

Но этот день прошел, и затем была назначена новая «окончательная» дата — 5 июля.

1 июля Гитлер собрал на совещание старших командиров, непосредственно участвующих в операции «Цитадель», чтобы обсудить последние детали. Но вместо всестороннего обсуждения стратегических и тактических проблем накануне столь решающей битвы Гитлер произнес одну из своих длинных речей.

Собравшиеся генералы услышали, что операция «Цитадель» возникла не только в силу военной ситуации, а явилась неизбежным результатом провалов, допущенных германскими союзниками, и прежде всего Италией, которая виновата почти во всех неудачах, постигших Германию. Затем Гитлер добавил к этому перечню Румынию и Венгрию, оказавшихся абсолютно ненадежными и не заслуживающими доверия.

Гитлер подчеркнул, что Германия, «чего бы это ей ни стоило», не должна уступать ни пяди завоеванной земли, поскольку без этой территории и ее ресурсов, материальных и людских, рейх существовать не сможет. Каждому немецкому солдату следует твердо знать, что он сражается в силу этих причин и он должен сражаться на занимаемых позициях без отступления.

Он предупредил генералов, что Россия способна создать немало серьезных трудностей для них, но время «Цитадели» пришло. В

течение лета Красная Армия будет выжидать, готовясь к крупному наступлению зимой. Таким образом, разбить врага надо сейчас.

Орловский выступ глубоко вдавлен в русскую линию фронта, и отдавать этот плацдарм Красной Армии он не намерен. Этот выступ выгоден рейху, так как сковывает значительные силы противника. Русские не способны организовать планомерный отвод войск, и, следовательно, нужно немедленно нанести по ним удар. В ходе разгрома, который последует за немецкой атакой, танковые дивизии смогут полностью уничтожить спасающиеся бегством войска противника.

Гитлер, однако, признал, что русские располагают крупными силами и что операция «Цитадель» сопряжена с крупным риском. Но предупреждения на этот счет, заявил он, основаны на бумажных выкладках и цифровых данных, решающее же значение будет иметь его вера в победу. Он напомнил присутствующим, что, вопреки всем военным советам и оценкам генерального штаба, он принял решение присоединить Австрию, ввел войска в Чехословакию, разгромил Польшу и сокрушил русские армии.

5 июля вермахт нанесет свой удар, и весь мир снова почувствует мощь немецких вооруженных сил.

Вермахт готовится к наступлению

Закулисные разногласия и интриги в военном руководстве рейха не должны, однако, создавать у нас ложное представление, что операция «Цитадель» была «обделенной» с точки зрения ее материально-технического обеспечения. За два года боев против Красной Армии вермахт понес тяжелые потери, но немцы по-прежнему располагали огромной ударной мощностью для наступления на Курской дуге.

Конечно, по сравнению с крупными наступательными операциями 1941–1942 годов «Цитадель» кажется всего лишь ограниченной попыткой со стороны Германии уничтожить войска противника своими танковыми дивизиями на сравнительно узком участке фронта. Особенно убедительным подобное умозаключение выглядит на бумаге: в 1941 году нацисты вторглись в Советский Союз, имея 11 армий, наступавших на фронте протяженностью в 1200 миль, а в 1942 году в летнем наступлении немцев принимали участие шесть армий на фронте протяженностью 450 миль. В операции «Цитадель» участвовали три армии, изготовившиеся нанести удар на фронте всего лишь в 150 миль.

Но эти выкладки обманчивы. Да, по сравнению с прошлыми наступательными кампаниями операция «Цитадель» проводилась на значительно сузившемся участке фронта, но это намного увеличивало ударную силу наступавших дивизий и позволяло сконцентрировать огневую мощь тяжелого оружия. Линии снабжения были короче, и их легче было защищать.

Последняя отсрочка даты наступления — с 13 июня на 5 июля — дала немцам возможность направить дополнительно еще два батальона «пантер» в дивизии генерала Моделя на северный фас дуги, а также некоторое количество этих новых средних танков на южный сектор Курского выступа.

Основные удары наносили 4-я танковая армия генерал-полковника Гота с юга и 9-я армия генерал-полковника Моделя — с севера. Две эти

группировки должны были соединиться восточнее Курска, зажав в стальные «клещи» находившиеся на выступе крупные силы русских.

4-я танковая армия наступала силами 48-го танкового корпуса (3-я, 11-я танковые дивизии и моторизованная дивизия «Великая Германия») и танкового корпуса СС в составе трех дивизий — «Адольф Гитлер», «Мертвая голова» и «Рейх». Ее правый фланг прикрывала армейская группа генерала Кемпфа, наносившая удар на северо-восток, — один танковый и два пехотных корпуса. Наглядное впечатление о силе основных соединений немцев дает дивизия «Великая Германия», располагавшая 180 танками, в том числе 80 новехонькими «пантерами», а также подразделением штурмовых самоходных орудий.^[81]

Согласно специальному исследованию Курской битвы, проведенному командованием сухопутных войск США, на Восточном фронте летом 1943 года немцы имели в составе четырех групп армий «Север», «Центр», «Юг» и «А» 161 дивизию, в том числе 26 танковых, и, кроме того, еще семь дивизий в Финляндии. На других театрах войны у немцев было: 12 дивизий в Дании и Норвегии; 25 дивизий во Франции, Бельгии и Голландии; три дивизии в Италии и Сицилии и восемь — на Балканах.

Таким образом, находившиеся в 1943 году на Восточном фронте дивизии составляли более 75 процентов общей численности немецких сухопутных войск, что убедительно подтверждает правоту утверждений русских, что именно они несли основное бремя наземной войны против общего врага.

Наступавшая с севера на 40-километровом участке фронта немецкая ударная группировка генерала Моделя имела в своем составе 1500 танков и САУ, а южная — генерала Гота — 1700 танков и САУ. Главный удар наносили 35 дивизий, оснащенных 2700 танками и САУ и поддерживаемых 10 тысячами артиллерийских орудий. Всего в группировке немцев насчитывалось 900 тысяч человек, из которых 530 тысяч принимали прямое участие в наступлении. Два воздушных флота — 2050 истребителей и бомбардировщиков — прикрывали наступающие группировки с воздуха, кроме того, немцы имели резерв поддержки и пополнения из 500 самолетов.

Морально-боевой дух войск имеет не меньшее значение, чем их численность. Генерал танковых войск Меллентин в связи с этим указывает, что многие соединения, подготовившиеся к битве, обладали «ударной мощью, которой они никогда больше не будут иметь» и что «в первый и последний раз за время кампании в России дивизии до начала наступления получили несколько недель отпуска и были полностью укомплектованы живой силой и техникой».

В ночь на 4 июля немецким солдатам было зачитано специальное послание Гитлера.

«Солдаты Рейха!

Сегодня вы начинаете великое наступательное сражение, которое может оказать решающее влияние на исход войны в целом. С вашей победой сильнее, чем прежде, укрепится убеждение в тщетности любого сопротивления немецким вооруженным силам».

Анализ окончательной расстановки сил показывает, что Гитлер вместе со многими своими генералами верил, что немецкая армия имеет блестящие шансы достигнуть под Курском своей основной цели — окружить русские войска, находившиеся на выступе, и уничтожить их. Следует отметить один важный момент: немцы начинали Курскую битву при фактическом равенстве с русскими в танках и самоходных установках.^[82]

Это равенство немцы имели также в авиации — 2500 самолетов против 2650 русских. Немецкие летчики были уверены, что качество их боевых машин выше и немецкий летный состав в целом имеет лучшую подготовку. Немцы также знали, что их танковым дивизиям всегда удавалось в начале сражения прорывать фронт противника. На этот раз мощным ударным группировкам требовалось преодолеть всего каких-то 70 миль, и этот охватывающий маневр может быть осуществлен, как это неизменно было раньше, стремительным броском всесокрушающей неотразимой силы.

Двухмесячная задержка начала операции «Цитадель» была использована немцами для скрупулезной подготовки. Каждый метр Курского выступа был сфотографирован разведывательными самолетами, и снимки переданы войскам. Офицеры пехотных и танковых дивизий целыми днями изучали в бинокли позиции

противника, рельеф местности и выносили на свои оперативные карты траншеи, укрепленные пункты, танки — все.

Главная штаб-квартира Гота находилась в Микояновке — в 35 километрах от линии фронта. Пять аэродромов в районе Харькова были запружены истребителями, бомбардировщиками и штурмовиками, готовыми по первому сигналу подняться в воздух.

Все, что можно было сделать для подготовки наступления, было сделано. Никогда раньше ни одна крупная операция, подчеркнул генерал Меллентин, «не была подготовлена лучше, чем эта... Боевой дух наступающих войск был исключительно высок. Они были готовы выдержать любые потери и выполнить все поставленные перед нами задачи».

Час проведения операции «Цитадель» наступил.

Невероятный русский танк Т-34

В надвигавшейся схватке на Курской дуге русские полагались на два основных танка — средний Т-34 и тяжелый КВ-1. Оба танка имели одинаковый двигатель, но ввиду разницы в весе Т-34 имел максимальную скорость 51 км ч, тогда как КВ-1 развивал скорость 35 км ч. Оба эти танка были вооружены эффективной 76,2-мм пушкой и пулеметами.

Многие танки имели более массивную броневую защиту, чем Т-34 (65 мм — башня и 47 мм — корпус), но его покатая броня обеспечивала наилучшую защиту, чем у всех существующих танков этого класса.

До появления «тигров» и «пантер» летом 1943 года основным соперником «тридцатьчетверки» был немецкий танк Т-IV. Первоначально он был вооружен короткоствольным 75-мм орудием, совершенно неэффективным против Т-34, бронебойный снаряд пушки которого вспарывал броню Т-IV, как консервный нож.

Воздействие этого русского танка на моральный дух немцев, пожалуй, было большим, чем фактические потери немцев на полях сражений. Именно этот танк немцы считали столь опасным, что переносили начало операции «Цитадель» с недели на неделю, чтобы подбросить на фронт «пантеры» и «тигры».

«Это — чудо-оружие, — писал немецкий танкист в своем рапорте, — которое сеет ужас и страх, где оно появляется».

Во встречном бою или быстрой огневой схватке, там, где значение имели высокая проходимость, скорость и маневренность, ничто не могло сравниться с Т-34. Высокими боевыми качествами, которые также вселяли отчаяние в немцев, обладали и тяжелые танки КВ.

Но в битве на Курской дуге русским предстояло сразиться с новыми бронированными немецкими машинами, с которыми они ранее близко не сталкивались, — «пантерами» и «тиграми» и исполинскими

самоходными орудиями «фердинанд», которые немецкие солдаты называли «слон».

Необходимо, однако, сделать следующее примечание. Слово «тигр» стало синонимом превосходной смертоносной бронированной машины. Из второй мировой войны этот танк вышел, наделенный неким магическим могуществом, которым не обладало ни одно другое оружие подобного класса.

В том, что касается Курской битвы, нет никаких оснований для подобных оценок!

Сравнение характеристик Т-34 и «тигра» летом 1943 года выявит поразительный факт — «тридцатьчетверка» была лучшим танком. Конечно, «тигр» был массивнее, имел более толстую броню и более мощное орудие — 88-мм пушку.

Но он не был подходящим танком для наступательной операции на Курской дуге. На пересеченной местности его скорость — какие-то 12 миль в час — вдвое уступала скорости Т-34. Запас хода не превышал 100 километров, и без дозаправки на поле боя «тигры» вскоре оставались без горючего, становясь сидячей мишенью для русских орудий. К тому же «тигры», спешно доставлявшиеся с немецких заводов под Курск, часто страдали от механических поломок. А отбуксировать «тигр» с поля боя мог только другой «тигр».

Перед началом наступления на Курской дуге многим немецким офицерам на память приходил один боевой эпизод, который ярко продемонстрировал, каким опасным, упорным и отважным противником может быть стойкий экипаж одного русского танка. Этот отчет о поразительной схватке с русским тяжелым танком взят из немецких источников, так что скептикам трудно поставить под сомнение его подлинность.

«Один из танков KV-1 сумел прорваться к единственной дороге, по которой снабжалась немецкая ударная группа войск на северном плацдарме, и заблокировать ее на протяжении нескольких дней. Первые ничего не подозревавшие грузовики, доставлявшие снаряжение, были немедленно расстреляны и сожжены русским танком. Практически не было возможности уничтожить это чудовище. Из-за болотистой местности обойти его было нельзя. Подвоз продовольствия и

боеприпасов прекратился. Тяжело раненых солдат невозможно было эвакуировать в госпиталь для операции, и они погибли. Попытка вывести танк из строя с помощью батареи 50-мм противотанковых пушек, стрелявших с расстояния 450 метров, закончилась тяжелыми потерями для расчетов и орудий.

Советский танк остался невредимым, несмотря на, как это было установлено позже, 14 прямых попаданий. Снаряды оставили лишь синеватые вмятины на его броне. Когда подтянули закамуфлированное 88-мм зенитное орудие, советские танкисты хладнокровно позволили установить его в 600 метрах от танка, а затем уничтожили вместе с расчетом, прежде чем оно успело выпустить первый снаряд. Неудачей обернулась и попытка саперов подорвать танк ночью.

Правда, саперам удалось подкрасться к танку вскоре после полуночи и подложить взрывчатку под гусеницы танка. Но широкие гусеницы мало пострадали от взрыва. Взрывной волной от них оторвало несколько кусков металла, но танк сохранил подвижность и продолжал наносить ущерб тыловым подразделениям и блокировать доставку снаряжения.

Вначале русские танкисты получали продовольствие по ночам от разрозненных групп советских солдат и гражданского населения, но затем немцы перекрыли этот источник снабжения, оцепив весь прилегающий район.

Однако даже эта изоляция не вынудила советских танкистов покинуть занятую ими выгодную позицию. В конце концов немцы сумели справиться с этим танком, прибегнув к следующему маневру. Пятьдесят танков атаковали КВ с трех сторон и открыли по нему огонь, чтобы приковать к себе внимание экипажа. Под прикрытием этого отвлекающего маневра удалось установить и замаскировать еще одно 88-мм зенитное орудие позади советского танка, так, чтобы на этот раз оно сумело открыть огонь. Из 12 прямых попаданий три снаряда пробили броню и уничтожили танк».

И это был всего один русский тяжелый танк.

«Летающий дот»

Так же как и в отношении многих других аспектов Курской битвы, попытки установить точное число боевых самолетов, танков и других видов оружия тонут во множестве источников и содержащихся в них противоречивых данных. Сведения о численности немецкой авиации, например, варьируются, начиная с минимальной цифры — 1700 самолетов всех типов, но это готовые к вылету самолеты первой линии, которые должны были принять участие в поддержке наступления. Любой такой передовой эшелон имеет в резерве ряд самолетов, проходящих технический осмотр и проверку, оперативный резерв, а также запасные самолеты, выделенные для немедленной переброски на фронт с целью восполнения потерь. Поэтому после начала сражения число использованных самолетов неуклонно возрастает. Так или иначе, но, во всяком случае, утром 5 июля под Курском немцы имели минимум 1700 самолетов, готовых к выполнению боевых задач. Тысяча самолетов должна была поддержать 4-ю танковую армию Гота на южном фланге дуги, и около 700 боевых машин были выделены для поддержки 9-й армии генерала Моделя.

Немецкая истребительная авиация состояла из новых истребителей «Фокке-Вульф-190» и «Мессершмитт-109». Большинство самолетов поддержки наземных войск составляли пикирующие бомбардировщики Ю-87. Для Курской битвы немцы стянули к фронту ряд специальных эскадрилий Ю-87, вооруженных 30-мм пушками и предназначенных для борьбы с танками, а также новые двухмоторные штурмовики «Хейнкель-129». Имелось также значительное число многоцелевых двухмоторных бомбардировщиков Ю-88 и устаревших «Хейнкелей-111». В передовой эшелон входили самолеты и некоторых других образцов, поскольку люфтваффе подбросили к Курску все, что могли собрать на других фронтах.

Советская авиация имела в качестве своей основной задачи непосредственную поддержку сухопутных войск. Истребители

должны были использовать каждую возможность для атаки немецких «фокке-вульфов» и «мессершмиттов», штурмовиков и бомбардировщиков.

Особые надежды русские возлагали на ИЛ-2, одномоторный штурмовик, имевший почти невероятную живучесть. Экипаж самолета и его мотор были защищены толстой броней, в силу чего ИЛ-2 мог выдержать значительное число попаданий снарядов и пуль, которого хватило бы, чтобы сбить несколько других самолетов и продолжать полет. Даже немецкие летчики, первоначально с пренебрежением относившиеся к советским самолетам, лишь восхищенно качали головами, говоря об этом «летающем доте», состоявшем на вооружении советских ВВС.

В люфтваффе широкую известность получил следующий случай — он действительно имел место — с одним таким штурмовиком, который подвергся атаке сразу четырех немецких истребителей. Для перехватывавших ИЛ-2 четырех истребителей, вооруженных пушками и пулеметами, одинокий советский штурмовик был, что называется, «лакомым куском». Первый истребитель зашел в хвост «летающему танку» и выпустил по нему весь свой боезапас — никакого видимого эффекта.

Один за другим остальные три истребителя проделали то же самое, но штурмовик продолжал лететь.

Не верящий своим глазам немецкий летчик связался по радиации с другим пилотом звена и спросил, почему этот русский самолет не падает. И тут же услышал ставший классическим ответ: «Господин полковник, ежа в задницу не укусишь».

Через два дня после начала немецкого наступления штурмовики ИЛ-2 добьются блестящего успеха при атаке 9-й танковой дивизии, когда несколько эскадрилий ИЛ-2 массированным ударом за 20 минут уничтожат 70 немецких танков.

Русские готовятся к обороне

Советское Верховное Главнокомандование получило сведения о планируемом немецком наступлении в районе Курска от своих разведчиков в апреле 1943 года. Но ни один русский в здравом уме не примет на веру разведывательную информацию, источником которой является Берлин. Всегда существует возможность, что такая информация может быть подброшена намеренно, чтобы заманить противника в гигантскую ловушку. Советское командование пошло по единственно разумному пути: полученную информацию тщательно изучили, а затем начали активную кампанию по сбору разведывательных сведений на фронте и в тылу немецких войск.

При изучении подготовки русских к сражению на Курской дуге предельно ясным становится следующий вывод: немцы в течение длительного времени пользовались заслуженно высокой репутацией за свою методичность, эффективность и способность не упустить ничего из виду при подготовке к сражению. Все это достаточно справедливо, но не следует забывать о том, что русские превзошли своих противников в тщательности и всесторонней подготовке к этой битве.

8 апреля — *за неделю до того*, как оперативный приказ № 6 об операции «Цитадель» был подписан в Берлине, — маршал Жуков дал глубокую и прозорливую оценку намерений вермахта в подготовке наступательной операции. Вот текст доклада, который Жуков направил Сталину:

«1. Противник, понеся большие потери в зимней кампании 42/43 года, видимо, не сумеет создать к весне большие резервы, для того чтобы вновь предпринять наступление для захвата Кавказа и выхода на Волгу с целью глубокого обхода Москвы... вынужден будет весной и в первой половине лета 1943 года развернуть свои наступательные действия на более узком фронте и решать задачу строго по этапам, имея основной целью кампании захват Москвы...»

2. Видимо, на первом этапе противник, собрав максимум своих сил, в том числе до 13–15 танковых дивизий, при поддержке большого количества авиации нанесет удар своей орловско-кромской группировкой в обход Курска с северо-востока и белгородско-харьковской группировкой в обход Курска с юго-востока... Этим наступлением противник будет стремиться разгромить и окружить наши 13, 70, 65, 38, 40 и 21-ю армии...

3. На втором этапе противник будет стремиться выйти во фланг и тыл Юго-Западному фронту в общем направлении через Валуйки—Уразово.

Навстречу этому удару противник может нанести удар из района Лисичанска в северном направлении...

4. На третьем этапе после соответствующей перегруппировки противник, возможно, будет стремиться выйти на фронт Лиски—Воронеж—Елец и, прикрывшись в юго-восточном направлении, может организовать удар в обход Москвы с юго-востока через Раненбург—Ряжск—Рязань.

5. ...Противник в этом году основную ставку при наступательных действиях будет делать на свои танковые дивизии и авиацию, так как его пехота сейчас значительно слабее подготовлена к наступательным действиям... Противник... может бросить против нашей курской группировки до 15–16 танковых дивизий общей численностью до 2500 танков.

6. Для того чтобы противник разбился о нашу оборону... необходимо как можно быстрее собрать с пассивных участков и перебросить в резерв Ставки на угрожаемые направления 30 полков ИПТАП...»^[83].

Стратегия Жукова, заключающаяся в том, чтобы максимально подготовиться к сражению и затем втянуть в него противника и уничтожить, особенно отчетливо видна в последнем абзаце доклада:

«Переход наших войск в наступление в ближайшие дни с целью упреждения противника считаю нецелесообразным. Лучше будет, если мы измотаем противника на нашей обороне, выьем его танки, а затем, введя свежие резервы, переходом в общее наступление окончательно добьем основную группировку противника».^[84]

Из направленных затем в апреле докладов и рекомендаций двух советских командующих — Рокоссовского (Центральный фронт) и Ватутина (Воронежский фронт) — становится совершенно ясным, что оба этих советских полководца, несмотря на различные условия их фронтов — и тот факт, что Гитлер еще не издал свою Директиву № 6, — дали исключительно точную оценку оперативным возможностям противостоящего им противника.

Судя по этим докладам, почти все советские офицеры верили, что немцы начнут свое наступление не позднее мая. Кто мог предвидеть те сложные проблемы, с которыми столкнется Гитлер, и проволочки, созданные самим фюрером при подготовке этого наступления? Но нигде в советских планах и в советских оценках намерений противника нет даже намека на то, что немцы будут столь «щедры», что предоставят Красной Армии еще шесть-семь недель после того, как пройдут все предполагаемые сроки начала наступления на Курской дуге. Это позволяет сделать весьма любопытный вывод, что Советское Верховное Главнокомандование было, по-видимому, полностью уверено, что, даже если немецкое наступление начнется в мае, оно все равно потерпит поражение.

Жуков вернулся с Курской дуги в Москву поздно вечером 11 апреля и весь следующий день готовил вместе с начальником Генерального штаба А. М. Василевским и его заместителем генералом А. И. Антоновым материалы, карты обстановки и рекомендации для действий Красной Армии в предстоящие месяцы. Все трое пришли к выводу — точно к такому же, как и сделал Гитлер, — что немцы, по-видимому, будут стремиться удерживать свои позиции на фронте от Финского залива до Азовского моря и в этих целях попытаются провести крупную наступательную операцию против Курского выступа.

Вечер 12 апреля они провели со Сталиным, где были приняты окончательные решения относительно дальнейших действий Красной Армии. Основные стратегические резервы сосредоточивались в районе Курска, хотя Верховный Главнокомандующий продолжал опасаться за безопасность Москвы.

К середине апреля командующие фронтов получили приказы готовить прочную, глубоко эшелонированную оборону для отражения

русскими немецкого наступления. Под твердым руководством Жукова русские войска днем и ночью готовились к сражению, на Курский выступ подтягивались пехота и боевая техника, но тем не менее всегда сохранялась возможность пересмотра стратегии, если этого потребуют обстоятельства.

Прошел май, начался июнь. К этому времени, пишет Жуков, «фактически уже во всех деталях стало известно о намерении противника нанести по Воронежскому и Центральному фронтам мощный удар с привлечением для этого нужных танковых группировок и использованием новых танков “тигр” и самоходных орудий “фердинанд”». ^[85]

Оборонительно-инженерные работы русских на Курской дуге носили гигантский размах. На самом выступе широкие оборонительные полосы тянулись поочередно одна за другой. Немцам предстояло преодолеть шесть укрепленных рубежей. Каждый рубеж был до предела насыщен полевыми укреплениями, укрытиями, противотанковыми препятствиями. Даже если бы немецким войскам удалось пробиться через эту насыщенную огневыми средствами оборону, их ожидали мощные силы Степного фронта, а за ним находился еще один рубеж оборонительных сооружений на восточном берегу Дона.

Подступы к каждой оборонительной полосе были прикрыты обширными минными полями — в среднем более 5 тысяч противотанковых и противопехотных мин на каждую квадратную милю оборонительной зоны.

Были выкопаны глубокие противотанковые рвы. На Центральном фронте длина траншей и ходов сообщений достигла 4240 километров. Таков же был размах инженерных работ и на Воронежском фронте — образно говоря, на этих двух фронтах русские выкопали траншею, которая простиралась от Западного побережья США до берегов Великобритании. Значительную часть этой колоссальной работы выполнили войска, но в ней принимало участие также гражданское население. Так, в июне на оборонительном строительстве трудилось 300 тысяч рабочих и колхозников Курской области.

В то время как велись эти работы, в войсках шла непрерывная учеба и подготовка к предстоящей титанической схватке. Делалось все для

того, чтобы надежно организовать оборону. Ничто не было пущено на самотек.

Имеется известное разночтение в сведениях о численности советских сил, собранных для Курской битвы, что, по-видимому, зависит от надежности источников. Согласно официальным правительственным данным, русские имели 1337 тысяч человек, 20 220 орудий и минометов, 3306 танков и САУ и 2650 самолетов.

Жуков пишет, что необходимо было решить задачу материально-технического обеспечения 1330 тысяч человек, до 3600 танков и САУ, 20 тысяч орудий и 3130 самолетов (с учетом авиации дальнего действия). Такие же цифры приводит и Рокоссовский.

Генеральный план Жукова для предстоящей битвы на Курской дуге был основан на тех принципах, которые столь эффективно оправдали себя в ожесточенных сражениях под Москвой и Сталинградом. Основу его составляло намерение дать возможность немецкой группировке начать наступление и ввязаться в бой по всей линии фронта. Предполагалось, что обороняющиеся советские войска отойдут на запасные линии обороны только в том случае, когда будет практически невозможно дольше удерживать свои позиции, но такой отход будет осуществлен в соответствии с намеченным до начала битвы планом и после того, как будет нанесен тяжелый урон противнику.

Затем в соответствии с классической формулой Жукова, когда наступательный натиск немцев, которые под воздействием превосходящей русской огневой мощи неизбежно понесут огромные потери, выдохнется, в битве наступит переломный момент. И тогда Жуков бросит свои армии в наступление против полчищ вермахта на Центральном, Брянском, Воронежском и Степном фронтах, а также на примыкающих флангах соседних Западного и Юго-Западного фронтов.

Осуществлявший общее оперативное руководство обороной советских войск на Курской дуге маршал Жуков полностью отдавал себе отчет в том, что, какой бы обильной ни была агентурная информация и сведения фронтовой разведки о планах противника, предстоящая битва будет сопряжена с большим риском. Любой допущенный просчет мог привести к прорыву немецких танковых колонн к Курску.

Чтобы сохранить контроль за ходом сражения и лишить немцев возможности развить успех в случае прорыва фронтовой обороны, Жуков полагался на мощный оперативный резерв — войска Степного фронта генерала Конева. Конев имел в своем распоряжении для немедленной переброски в любой район, где возникнет опасное положение, сильную танковую группировку в составе 5-й гвардейской танковой армии генерала Ротмистрова, механизированного и танкового корпусов.

Для прорыва массивной русской обороны немецкое командование отошло от традиционной формулы «блицкрига» и прибегло к тактике «танковых клиньев». Острие наступающего клина составляли тяжелые танки — «тигры», за ними двигались новые «пантеры» и средние танки Т-IV.

Но речь шла не об одном клине, а о нескольких следующих друг за другом танковых клиньев, расширяющихся к основанию, как наконечник копья. Позади танков наступали «гренадеры», вооруженные автоматическим оружием и гранатами. За ними двигалась на бронетранспортерах основная масса мотопехоты.

Немцы надеялись, что даже глубоко эшелонированная русская оборона не выдержит удара таких сменяющих друг друга клиньев, каждый из которых теоретически был способен пробить широкую брешь в русских позициях. Когда первый клин утратит наступательный порыв, ему на смену тут же придет другой, и в результате целой серии таких последовательных ударов можно будет уничтожить всех обороняющихся русских или преодолеть их наиболее важные ключевые позиции.

Костяк советской обороны составляли противотанковые опорные пункты и противотанковые районы, насыщенные противотанковыми средствами. Основным противотанковым орудием была 76-мм дивизионная пушка — исключительно эффективная против средних танков Т-III и Т-IV. Однако бои с 60-тонным «тигром» показали, что снаряды часто отскакивают от их массивной брони. Самоходные орудия «фердинанд» также были защищены 200-мм броней — более толстой, чем броня большинства крейсеров на море.

Соответственно русские организовали систему огня своих противотанковых опорных пунктов таким образом, чтобы в нужный

момент добиться его максимальной концентрации. Под командованием офицера-артиллериста находилось до 10 противотанковых орудий, и он мог сосредоточить их огонь на одной цели. Даже «тигр» не был способен выдержать огонь десятка 76-мм орудий. К тому же каждый противотанковый опорный пункт был прикрыт плотными минными полями. Подорвавшийся на mine танк немедленно попадал под губительный огонь не только противотанковых орудий, но и тяжелой артиллерии. Кроме того, минные поля вынуждали танки двигаться медленно и осторожно, что облегчало артиллерии обрушивать на них шквал снарядов.

Глубокоэшелонированные противотанковые районы были тщательно оборудованы в инженерном отношении и столь искусно замаскированы, что буквально сливались с окружающей местностью. До начала сражения попытки немецких разведчиков и наблюдателей засечь эти районы позорно провалились. «Ни минные поля, ни противотанковые опорные пункты обнаружить не удавалось до тех пор, пока на mine не подрывался первый танк или первое русское противотанковое орудие не открыло огонь».

* * *

Вечером 4 июля Жуков находился в штабе Рокоссовского. Из разговора с Василевским, который был в штабе Воронежского фронта, он узнал, что пленный солдат 168-й пехотной дивизии рассказал, что немцы должны перейти в наступление на рассвете следующего дня. Затем в третьем часу утра позвонил командующий 13-й армией и доложил, что захваченный в плен сапер 6-й пехотной дивизии сообщил, что немецкое наступление начнется в 3.00 утра 5 июля.

Жуков намеренно отдал приказ на проведение артиллерийской контрподготовки и доложил о принятом решении Сталину.

В 02.20 советская артиллерия открыла огонь. В течение 30 минут 600 орудий и минометов вели огонь по немецким войскам, приготовившимся к наступлению. В дополнение к орудиям и минометам русские выпустили тысячи реактивных снарядов М-31 «катюш», превративших ночь в день.

Немцы были застигнуты врасплох, когда советская артиллерия открыла массированный огонь. Нацистские войска сами готовились начать артподготовку в 2.30, подвергнуть советские позиции получасовому обстрелу, затем перенести огонь в глубь советской обороны, чтобы немецкая пехота и танки могли начать наступление на позиции русских.

Первоначально около ста немецких батарей попали под огонь артиллерии Рокоссовского. В течение некоторого времени среди немецких войск царила растерянность и по меньшей мере половина немецких батарей не смогла открыть огонь.

В 4.30 — через 2 часа 10 минут после упреждающего огневого удара русских — заговорили первые немецкие орудия, затем к ним присоединились другие. Артиллерийская канонада усилилась и слилась в сплошной громовой гул. В воздухе появилась немецкая авиация.

Однако эта артиллерийская подготовка принесла гораздо меньше результатов, чем ожидали немцы. Они рассчитывали своими первыми залпами нанести сокрушительный удар по оборонительным рубежам противника. Вместо этого они сами попали под внезапный огонь русских батарей.

Эффективность артиллерийского контрудара — особенно выбор момента для его начала — позднее вызвала известную критику. Сам Жуков считает, что контрподготовку следовало начать несколько позже.

Но в любом случае немецкие группировки понесли чувствительные потери от упреждающих артиллерийских контрударов русских на Центральном и Воронежском фронтах. Управление войсками было нарушено, сроки начала атаки перенесены, а начавшееся наступление плохо организовано.

Центральный фронт

Разгоревшееся на Курской дуге 5 июля 1943 года гигантское сражение первоначально велось на двух участках выступа — Центральном фронте генерал-лейтенанта Рокоссовского и южнее — на Воронежском фронте генерал-лейтенанта Ватутина. Хотя бои на каждом из этих фронтов являются неотъемлемыми частями Курской битвы, фактически это были две отдельные крупные наступательные операции немцев, которые должны были слиться в одну, если бы немцам удалось сомкнуть бронированные «клещи» к востоку от Курска.

Около 5.30 утра 5 июля немецкие войска оставили свои укрытия и устремились к оборонительным позициям русских. В секторе 13-й армии в первой линии немецкой атаки наступали три танковые (9, 18 и 20-я) и пять пехотных (6, 78, 86, 216 и 292-я) дивизий. Постепенно эти дивизии растянулись по фронту наступления, чтобы нанести удар не только по 13-й армии, но и по примыкающим флангам 48-й и 70-й армий русских — на участке всего в 45 километров.

Вскоре русские отчетливо увидели танковые клинья, которыми немцы собирались проткнуть их оборонительные позиции. Острые их составляли ударные группировки из отборных немецких танковых и мотопехотных частей. Каждая такая группировка насчитывала 40–50 танков, сопровождаемых пехотой.

Взошедшее солнце высветило панораму ожесточенного сражения. Русские встретили противника громовым ураганом огня и стали. Тяжелые орудия в упор били по немецким танковым клиньям; их окутала плотная завеса огня минометов, противотанковой артиллерии, шквальных залпов «катюш». В небе почти над головами советские штурмовики и истребители охотились за немецкими танками и бронетранспортерами, расстреливали скопления пехотинцев. Горела трава, горели пшеница и кукуруза, горели отдельные строения и деревни. Пламя и дым, гонимые по полю западным ветром, быстро

смешались с пылью и густыми клубами черной маслянистой копоти, тянувшейся от горевших танков. Казалось, что от тысяч одновременно рвущихся снарядов горит сама земля. Воздух наполнился гулом и грохотом канонады, обломками и комьями земли, пылью и пеплом.

Немцы знали, что им придется преодолевать минные поля, и они обнаружили, что местность буквально усеяна тысячами смертоносных мин.

Двигавшиеся через расчищенные саперами проходы немецкие танки оказывались в заранее пристрелянных секторах огня противотанковых опорных пунктов, и даже толстая броня «тигра» не могла выдержать залпа нескольких 7,62-мм противотанковых орудий, стреляющих с близкого расстояния.

Прежде чем танки продвинулись на милю от своих исходных рубежей, значительная часть их подорвалась на минах и остановилась.

Там, где танки не могли преодолеть противотанковые районы русских, немецкие пехотинцы получили приказ атаковать артиллерийские позиции. Но каждый опорный противотанковый пункт был прикрыт перекрестным огнем пулеметных и минометных гнезд, которые имели приказ вести огонь только по немецкой пехоте, атакующей эти пункты. В результате немцы несли тяжелые потери.

Русская тактика полностью окупила себя: немецкие пехотинцы оказались отрезанными от танков, а сами танки стали жертвой губительного огня русской артиллерии. Наступление захлебнулось в крови, и под непрекращающимся, смертоносным огнем немцы отошли на исходные позиции.

В 7.30, перегруппировав силы и оценив прочность советской обороны, немцы вновь ринулись в атаку после часовой интенсивной артиллерийской подготовки. На этот раз немецкие войска навалились на левый фланг 13-й армии гораздо более крупными силами, чем в первой атаке.

Впереди ползли «тигры», а чтобы усилить таранную мощь клиньев, которые должны были взломать оборонительные позиции русских, немцы бросили на прорыв группу гигантских самоходных орудий «фердинанд» — 70-тонные стальные махины, защищенные 200-мм

броней. Позади них двигались несколько сотен средних танков, которых сопровождали бронетранспортеры с «гренадерами».

Немцы были полностью уверены, что их бронированные клинья не могут не протаранить советские оборонительные рубежи. Даже с близкого расстояния советские 76,2-мм орудия не могли пробить мощную броню «Фердинандов», и это вселяло в немцев надежду.

Совместными усилиями «тигры» и «фердинанды» сумели пробиться через первую полосу советской обороны, и немецкая пехота хлынула за ними.

Но, оказавшись в глубине оборонительной полосы, немецкие пехотинцы попали под плотный перекрестный минометный и ружейно-пулеметный огонь советских опорных пунктов и начали нести тяжелые потери. Постепенно они были отсечены от прорывавшихся танков, а советские артиллеристы перенесли огонь с «Фердинандов» на немецкие средние танки.

Оказавшись в одиночестве, «фердинанды» некоторое время продолжали продвигаться вперед и достигли траншеи и дзотов, где укрывалась советская пехота. Закаленные, бесстрашные и преисполненные ненавистью к врагу, русские солдаты выскочили из окопов и смело атаковали малоподвижные и не имеющие пулеметов «фердинанды». Некоторые из бойцов на ходу вскакивали на громыхающие неуклюжие самоходки и поджигали их из ручных огнеметов. Так русский солдат в разгаре боя вынес смертный приговор этим могучим самоходным орудиям.

К концу дня Модель бросил в бой основную массу своих танков при поддержке большого количества авиации. Всего за этот день немцы предприняли пять атак, и лишь к концу дня им удалось вклиниться в расположение 15-й и 81-й стрелковых дивизий.

Возобновившиеся на рассвете 6 июля атаки немцев вновь были встречены столь же плотным огнем, как и накануне, а русские солдаты сражались столь же отважно и стойко. Немцы обнаружили, что там, где удавалось ворваться в оборонительные позиции противника, русские, как правило, бились до последнего человека.

К концу второго дня наступления на Центральном фронте немецкие войска продвинулись на фронте протяженностью 32 километра всего

на 9—10 километров, но при этом группировка Моделя потеряла минимум 10 тысяч человек убитыми и 15 тысяч ранеными и пропавшими без вести. Таким образом, положение немцев, несмотря на частичный успех, было незавидным. По меньшей мере 250 танков и САУ были уничтожены обороняющимися русскими. Заменить их, как и 25 тысяч солдат и офицеров, было нечем. Немецкие войска к тому же израсходовали огромное количество боеприпасов, и Модель направил личную телеграмму Цейтцлеру в ОКХ о немедленной доставке 100 тысяч снарядов для танков и артиллерии.

Вбитый в расположение русских клин не радовал Моделя. Было ясно, что танковые дивизии немцев прочно завязли в холмистой местности севернее Ольховат-ки. Из донесений воздушной разведки Модель узнал, что русские подтягивают к этому участку фронта крупные танковые подкрепления.

«Не добившись успеха 6 июля в центре и на левом фланге нашей 13-й армии, — пишет Рокоссовский, — противник с утра 7 июля перенес основные усилия на Поньри. Здесь у нас был мощный узел обороны, опираясь на который, наши войска могли наносить фланговые удары по противнику, наступавшему на Ольховатку».^[86]

Утром 7 июля Модель бросил свои войска на Поньри. Вот здесь, в этом районе, на протяжении последующих четырех дней и разгорелась битва, в которой немцам было суждено захлебнуться в собственной крови.

Немцы бросились в атаку с отчаянной решимостью людей, которые знают, что им необходимо победить здесь, в этом месте, или смириться с крахом всех своих долгосрочных оперативных планов. Через несколько часов густая пелена пыли и дыма окутала окрестности, скрыв солнце. Горели дома, пшеница на полях, деревья. Яростные танковые атаки следовали одна за другой. Ураганный орудийный огонь чередовался с яростными рукопашными схватками между русскими и немецкими пехотинцами. Но русские создали здесь прочную оборону. Поньри и окрестности железнодорожной станции представляли собой лабиринт из глубоких траншей, дотов и дзотов, закопанных в землю танков, оцетинившийся всеми видами оружия.

Чтобы преодолеть плотный перекрестный огонь русских, немцы применили психическую атаку: волна за волной немецкая пехота

накатывалась на русские позиции навстречу глухому реву советских орудий, пронзительному визгу реактивных снарядов, непрерывной дроби пулеметно-винтовочного огня. Отборные солдаты вермахта атаковали русские позиции в этом секторе фронта сперва с запада, затем с востока, но повсюду наталкивались на ни на минуту не ослабевающий огонь оборонявшихся.

Потери, которые несли немцы, были достаточно велики, чтобы сломить хребет любой армии, и надо отдать должное, что немцы в этом бою — это признают сами русские — сражались с исключительной храбростью и упорством. Один из немецких полков за час потерял всех офицеров. От батальонов остались роты, но они продолжали атаку, пока их численность не была сведена до взводов. В один из моментов немцы сосредоточили в лощине у Поньрей более 150 танков и значительное число бронетранспортеров. Советская воздушная разведка сообщила об этой концентрации, и немецкая группа подверглась обстрелу тяжелой артиллерии и удару 120 штурмовиков и двухмоторных бомбардировщиков. Неся серьезные потери, немцы в беспорядке отступили.

Во второй половине дня 7 июля под прикрытием массированного налета немецкой авиации два батальона пехоты, поддержанные 50 танками, сумели ворваться на северо-западную окраину Поньрей. Но за этим казавшимся реальным первым успехом Моделя последовал яростный контрудар русских частей. Оба батальона были уничтожены, и положение восстановлено.

Понимая, что он не может позволить себе передышки, Модель бросил на Поньри еще два полка пехоты и 60 танков. Эти свежие войска сумели потеснить 307-ю дивизию русских. Однако в течение ночи дивизия привела свои части в порядок и на рассвете перешла в контратаку, выбив немцев с таким трудом захваченных ими позиций и сохранив Поньри в руках советских войск.

Ожесточенные бои, начавшиеся 7 июля в районе Ольховатки, продолжались и на следующий день. Утром до 300 немецких танков с автоматчиками атаковали северо-западнее Ольховатки боевые позиции 3-й истребительной бригады. В этом бою особенно отличилась отмеченная маршалом Жуковым в своих мемуарах противотанковая батарея капитана Г. И. Игишева, которая уничтожила 19 танков. После

ожесточенного боя немцы отступили, не зная о том, что на батарее осталось одно орудие, а в живых — трое усталых раненых русских.

Собрав в кулак свой последний танковый резерв — 4-ю танковую дивизию вместе с частями 2-й и 20-й танковых дивизий и ударной группой мотопехоты, — Модель предпринял отчаянную атаку на ослабленную непрерывными боями и потерями оборону русских в районе деревни Теплой.

Рокоссовский приготовил достойный отпор этому натиску немецких войск. Трижды немцы врывались в расположение советских частей, и трижды контрудар русских отбрасывал их прочь с обильно политых кровью командных высот. Четвертой атаки не последовало — силы наступающих иссякли.

К 10 июля немецкие потери в танках и живой силе достигли таких размеров, что стало ясно: наступление вермахта забуксовало. В этот день в секторе Центрального фронта немцам нигде не удалось продвинуться вперед.

Оборонительная фаза битвы для советских войск на северном фланге Курской дуги, можно считать, закончилась. Немецкое наступление истощило и обескровило себя, натолкнувшись на русскую мощь и сопротивление, с которыми немцам никогда не приходилось сталкиваться раньше, и механизм широкого русского контрнаступления на Орловском направлении уже был приведен в действие. Но южнее, на Воронежском фронте, как и намечали немцы, все еще бушевала гигантская битва.

Воронежский фронт

Приказ о начале операции «Цитадель» предусматривал проведение артиллерийской подготовки ровно в 2.30 5 июля. В течение 30 минут немецкие орудия, минометы и шестиствольные реактивные установки должны были обрушить на русские позиции шквал снарядов и мин. В 3.00 двинутся первые танки, сопровождаемые «гренадерами», затем — мотопехота на бронетранспортерах. Люфтваффе с первыми лучами солнца появятся в небе над полем боя и нанесут бомбовый удар по передовой полосе русской обороны.

Таков был план, но ему не суждено было сбыться. Гот решил, что 4-й танковой армии необходимо улучшить свои исходные позиции перед решающим наступлением. И вот во второй половине дня 4 июля после короткого, но мощного удара авиации и артонала немецкие танки и пехотинцы ринулись в атаку.

Казалось, что эта атака застала русских врасплох. Прошло несколько часов, но их артиллерия по-прежнему вела спорадический и малоэффективный огонь. В нескольких местах частям 48-го танкового корпуса удалось достичь линии, проходившей в нескольких километрах южнее населенных пунктов Завидовка, Алексеевка и Лучанино.

Однако это немецкое наступление, судя по всему, не вызвало никакой тревоги у русских. Небольшие деревушки, занятые немцами, не имели существенного тактического значения для главной полосы обороны. Более того, с точки зрения Ватутина, немцы успешно сыграли на руку русским: подтянув свои войска к переднему краю русской обороны, они фактически открытым текстом сообщили советскому командованию, где сгруппировались их главные силы.

В 22.30 4 июля Ватутин на основе этой информации подверг длительному массированному артобстрелу районы сосредоточения немецких войск, немецкие склады горючего и артиллерийские позиции. Немцы понесли тяжелые потери, и, кроме того, управление

войсками оказалось дезорганизованным. Все, чего удалось добиться Готу своим «улучшением исходных позиций», — это оттеснить боевое охранение русских и подставить свои войска под огонь артиллерии главной линии обороны противника, которая оказалась гораздо более прочной, чем сообщала немецкая разведка.

5 июля — второй день наступления группировки Гота — принес немцам тяжелые потери и разочарования. Гот бросил в этот день на советские позиции около тысячи танков и 350 штурмовых орудий. Однако единственного успеха добились в этот день лишь танковые дивизии СС, которым в ожесточенных боях удалось вклиниться в главную полосу обороны русских и удержаться на завоеванных позициях в течение ночи. Южнее Белгорода 3-й танковый корпус сумел захватить небольшой, но важный плацдарм на восточном берегу Северского Донца.

6 июля немцы начали постепенно продвигаться вперед к Обояни. Прикрывая ведущую ожесточенные бои 4-ю танковую армию Гота, немецкая авиация произвела 1700 самолето-вылетов, что в немалой степени способствовало успеху немецких танковых дивизий.

Постепенно вермахту удалось несколько улучшить общее положение, прорвать на ряде участков главный оборонительный рубеж русских и ввести в прорыв танковые группы, рвавшие к Обояни и переправам через Псёл. Дивизии СС, оттеснив 52-ю гвардейскую стрелковую дивизию, нацелились на Прохоровку. Другая мощная танковая группа немцев, форсировав Северский Донец, продвигалась с боями в направлении деревни Ржавец. Однако надежды Гота на быстрый бросок этой группы увяли, после того советское сопротивление в этом секторе фронта заметно усилилось.

Гот понимал, что должен спешить, поскольку группировка Моделя увязала в упорной обороне советских войск Центрального фронта, и ему нечего было ждать поддержки с севера. Несмотря на серьезные потери, Гот по-прежнему располагал огромной ударной мощью — более 600 «тигров», «пантер», Т-IV и штурмовых орудий.

Утром 7 июля танковые дивизии добились некоторого успеха. Передовые части немцев ворвались в Дубровку, отбросив русских к деревне Сырцево на реке Пена, которую немцы считали последним рубежом русской обороны на пути к Обояни. Немецкие танки

устремилась на северо-запад, надеясь пробить глубокую зияющую брешь в оборонительных порядках русских и получить свободу маневра для нанесения последующего удара в наименее защищенном направлении. Но этим надеждам не суждено было сбыться.

Отступавшие русские войска, встретив выдвинувшиеся им на помощь подкрепления, заняли оборону, а затем нанесли решительный контрудар при поддержке групп Т-34 и КВ-1. Под шквальным огнем растерявшиеся немцы были вынуждены сами перейти к обороне и сражаться насмерть, чтобы избежать уничтожения. Сплошной линии фронта не было: вклинившиеся немецкие боевые группы пытались сломить очаги сопротивления противника на реке Пена. Наступавшим правее 48-го танкового корпуса дивизиям СС также удалось вбить три глубоких клина в оборону русских, но из-за ожесточенного сопротивления они никак не могли соединиться и, подвергаясь непрерывным фланговым атакам, несли серьезные потери в людях и технике.

К 9 июля после пяти дней кровопролитных боев немцы сумели на некоторых участках Воронежского фронта продвинуться в глубь обороны русских, но понесли при этом чувствительный урон. Хотя в резерве у немцев имелись значительные силы, заменить уже потерянные танки им практически было нечем. Немецкие танковые генералы к тому же осознали, что противник превосходит их по качеству боевой техники.

Тихоходные гигантские «фердинанды» оказались беспомощными против советской пехоты. Новейшие средние танки «пантера», на которые возлагались столь большие надежды, страдали рядом технических дефектов. Как «фердинанды», так и «пантеры» шли в бою с явно недостаточным запасом боеприпасов. Они к тому же легко загорались, поскольку их системы питания горючим имели неудовлетворительную противопожарную защиту.

Немецкие солдаты были уже измотаны непрерывными боями и испытывали нехватку провианта и боеприпасов. Огонь русской артиллерии не только не ослаб, но, напротив, усилился, так же как и активность Русской авиации, что создавало серьезные трудности в подвозе снабжения, боеприпасов и ремонте танков на поле боя.

К утру 9 июля 48-й танковый корпус находился в 25 километрах южнее Обояни, но от 9-й армии Моделя его отделяли добрых 150 километров. И мало кто верил, что потрепанной и обескровленной группировке Моделя удастся одолеть армии, которыми командовал Рокоссовский.

Вермахту было преподано несколько болезненных для немецкого самолюбия уроков. Русский солдат оказался совершенно непохожим на того «недочеловека», которым изображала его нацистская пропаганда. Он бесстрашно вступал в схватку с гигантскими «фердинандами», броню которых не пробили артиллерийские снаряды, и победил их. Грозные «тигры» также становились пылающей добычей советских групп истребителей танков, действовавших на поле боя. Кичившиеся своим превосходством люфтваффе оказались неспособными одолеть русских в воздухе и бессильными помешать авиации противника бомбить и штурмовать немецкие войска.

Русские танкисты также извлекли для себя важный урок. 88-мм орудие «тигра» обеспечивало ему превосходство в бою над «тридцатьчетверкой», но только на дальних дистанциях. Когда же танки сближались и вели маневренную схватку среди холмов и балок, в садах, селах и рощах, Т-34, стреляя с близкого расстояния, легко пробивал броню «тигра».

В последующие два дня Гот настойчиво пытался прорвать стратегически важные позиции русских южнее Обояни — между поселками Круглик и Новоселовка. Немецким войскам удалось несколько продвинуться в северном направлении, но продвижение было очень медленным и дорогостоящим. В результате непрерывных отчаянных атак и огромных потерь они вдавили в оборону русских выступ шириной 24 и глубиной 14 километров. Но Готу приходилось довольствоваться тем, что этот выступ мог предложить ему. Он наконец-то мог собрать танковые части в кулак и перегруппировать их вне пределов смертоносного огня советской артиллерии. Можно было также сменить измотанные непрерывными боями дивизии первого эшелона.

* * *

Первое сообщение о том, что немцы перешли в наступление под Курском, вызвало в Москве небывалую напряженность. Москвичи толпились у репродукторов, жадно внимая сообщениям с фронта. Из первой же сводки Совинформбюро они узнали, что немцы бросили в бой свои основные силы, делая ставку на успешный исход сражения, и что советские войска, как никогда раньше в этой войне, были подготовлены к отражению натиска врага.

Никто не сомневался, что южнее Москвы вспыхнуло одно из крупнейших сражений войны. У всех на языке была магическая цифра — 586 уничтоженных немецких танков! Одна эта цифра говорила больше, чем все другое. В сводке за 6 июля сообщалось, что советские войска немного отошли, а потери немцев составили 433 танка и 111 самолетов. 7 июля было объявлено об уничтожении 520 танков и еще 111 самолетов. На четвертый день битвы Москва сообщила, что советские войска на ряде участков фронта нанесли контрудары и что 8 июля немцы потеряли за день 304 танка и 161 самолет.

К этому времени уже не было сомнений в том, что, даже если сведения о немецких потерях преувеличены, вермахт терпит огромные и, возможно, губительные потери в результате сопротивления обороняющихся советских войск. Потрясающие немецкие потери в танках уже сами по себе говорили об огромном уроне, который враг несет в живой силе, оружии и другой боевой технике.

Чувство напряженной тревоги сменилось волнующим ожиданием сообщений о дальнейших успехах советских войск. И затем 9 июля в газетах появились первые подробные репортажи о титаническом сражении на Курской дуге. Один из репортажей мгновенно привлек к себе внимание москвичей и всех советских людей, особенно его заголовок — «“Тигры” горят».

Но это была лишь прелюдия к решающей схватке.

Не зная о намерениях друг друга, и немцы и русские готовились 12 июля нанести друг другу массированные удары на Воронежском фронте.

Гот отчаянно нуждался в том, чтобы вырваться на оперативный простор юго-восточнее Обояни и, введя в прорыв крупные танковые силы, нанести сокрушительный удар по врагу и ринуться к Курску.

Советское командование также чувствовало, что назрел момент для мощного контрудара по группировке Гота, и Воронежский фронт провел подготовку к такому контрудару. Генерал Ватутин наметил использовать в этих целях 1-ю танковую армию генерала Катюкова, но эта армия вела упорные оборонительные бои, отражая непрерывные немецкие атаки. Поэтому Ватутину был передан почти весь мобильный оперативный резерв — 5-я гвардейская танковая армия под командованием опытного и талантливого танкиста генерал-лейтенанта П. А. Ротмистрова, а также 5-я гвардейская армия, входившая в состав Степного фронта.

В дополнение к этому удару, который готовились нанести четыре советские армии на южном фланге Курской дуги утром 12 июля, в тот же день на Орловский выступ должен был обрушиться сокрушительный удар войск Брянского и левого крыла Западного фронта.

Решающей схватке суждено было произойти между танковыми корпусами генерала Ротмистрова и дивизиями 2-го танкового корпуса СС. По приказу Гота немецкие командиры, собрав в кулак все боеспособные танки из рвавшихся к Обояни соединений, бросили их в направлении Прохоровки, где они лоб в лоб столкнутся с танками выдвигавшейся 5-й гвардейской армии.

Оба танковых командира, противостоявшие друг другу в этой битве 12 июля, Ротмистров и Гот, не были незнакомцами: они уже сражались друг против друга под Сталинградом, когда Гот предпринял отчаянную попытку пробиться от Котельниково к окруженной армии Паулюса. В том сражении победа осталась за Ротмистровым, и это придавало ему уверенность перед новой схваткой. Он знал также, что, хотя общее руководство сражением осуществляет Гот, на поле боя действиями танкового корпуса СС руководит его командир генерал-полковник Хауссер.

Утром 12 июля Ротмистров находился на командном пункте на холме юго-западнее Прохоровки. В составе его армии, усиленной двумя танковыми корпусами и полком САУ, насчитывалось около 850 боевых машин — большинство из них Т-34, хотя имелось и некоторое количество тяжелых танков КВ-1.^[87]

Вскоре в небе появилась авиация. Волна за волной советские бомбардировщики, сопровождаемые истребителями, бомбили

немецкие позиции.

Танковое сражение под Прохоровкой — со стороны немцев в нем участвовало около 750 танков, в том числе более 100 «тигров», — началось в необычной манере, и начало его было неожиданным для обоих противников.

Когда советские танки покинули свои укрытия и устремились вперед, наблюдатели обнаружили, что почти столь же грозная немецкая бронированная армада также перешла в наступление и движется навстречу советским танкам.

Советские и немецкие самолеты устремились на помощь своим войскам, но густая пелена дыма и пыли и перемешавшиеся боевые порядки мешали летчикам отличить своих от чужих, в результате воздушные армады сцепились друг с другом, и над полем боя с утра до вечера, почти не затухая, кипели яростные воздушные бои.

Через несколько минут первые эшелоны советских танков, ведя огонь на ходу, врезались в боевые порядки немцев, буквально пронзив их диагональным сквозным ударом. В этом близком бою «тигры» и «пантеры» лишились того преимущества, которое давали им их более мощные орудия и толстая броня.

Такой массированной отважной танковой атаки никогда еще не было раньше, и никто больше не повторил ее до сегодняшнего дня. Смелый тактический удар советской стальной лавы предопределил дальнейший Ход танкового сражения.

Казалось, весь мир содрогнулся от оглушительного грохота вспыхнувшей битвы. Гул сотен натужно ревущих моторов, лихорадочный артиллерийский огонь, разрывы тысяч снарядов и бомб, взрывающиеся танки, вой падающих самолетов — все слилось в адском громе, не смолкавшем до наступления темноты.

Через несколько минут более 1200 танков и самоходных орудий смешались в гигантском водовороте, окутанном пеленой дыма и пыли, озаренным вспышками сотен танковых орудий. Лихая «кавалерийская» атака «тридцатьчетверок» была проведена столь стремительно, что тщательно разработанные немецкие планы сражения оказались сорванными, и немцы так и не получили возможности наладить

управление своими частями и подразделениями и дать бой по всем правилам.

Танки кружились на поле боя, насакивали друг на друга посреди грохота орудий, всполохов огня, внезапных ярких вспышек взрывающихся танков и САУ.

Поле боя казалось слишком тесным для такого огромного количества боевых машин, и уже через час оно было усеяно остовами горящих, коптящих, искореженных танков; многотонные башни от взрывов боеприпасов взлетали в воздух и отлетали на десятки метров. Уцелевшие танковые экипажи обнаружили, что пытаться выбраться с поля боя сквозь ливень снарядов, летящих осколков и пулеметных очередей равносильно самоубийству.

Битва распалась на ожесточенные яростные схватки между отдельными группами танков, непрерывно маневрирующими, чтобы сосредоточить огонь на таких же вражеских группах.

Ротмистров, видимо, был ошеломлен и потрясен тем, что он мог видеть со своего наблюдательного пункта. В густом облаке пыли, где факелами полыхали сотни танков и чадающие маслянистые густые столбы дыма тянулись ввысь над неподвижно застывшими машинами, трудно было с расстояния определить, кто наступает, а кто обороняется.

Изумительный пример индивидуального мужества показали танкисты 2-го батальона 181-й бригады 18-го танкового корпуса, наступавшего вдоль левого берега Псёла, который столкнулся с большой группой «тигров», изготовившихся открыть огонь с места. Чтобы лишить врага преимущества, которое давали ему более мощные орудия, командир батальона капитан П. А. Скрипкин отдал команду: «Вперед! За мной!» — и направил свой танк в центр вражеской группы. Первым же снарядом командирский танк пронзил борт одного из «тигров», затем, развернувшись, тремя снарядами поджег второй танк. К тому времени немецкие танки успели развернуть свои длинные орудия и открыли огонь по этому удивительно смелому русскому танку. Вражеский снаряд проломил борт КВ, второй — ранил командира. Механик-водитель Алексей Николаев и стрелок-радист вытащили командира из загоревшегося танка и укрыли его в воронке. Но один из «тигров» двинулся прямо на воронку, чтобы прикончить

советских танкистов. Тогда Алексей Николаев вскочил в свой горящий танк, завел двигатель и ринулся навстречу врагу.

Что подумали немцы об этом охваченном огнем советском тяжелом танке, узнать нам не дано. «Тигр» остановился, попятился, выстрелил по советскому танку, но промахнулся, стал разворачиваться, чтобы уйти от надвигавшейся горячей стальной машины. Слишком поздно! Пылающий KV на полной скорости врезался в «тигр». Гигантский взрыв потряс землю.

С подобным героизмом немцы повсеместно сталкивались на поле боя. Самоотверженный героический поступок Николаева был лишь одним из многочисленных подвигов, которые помогли русским одержать победу над немецкими танковыми дивизиями.

В опустившейся на поле боя ночной мгле еще долго можно было видеть костры догоравших остовов танков и сбитых самолетов. Вермахт потерял минимум 350, а возможно, и 400 танков, по меньшей мере половина участвовавших в бою немецких танков была уничтожена, а уцелевшие танки срочно нуждались в ремонте, обслуживании и пополнении горючим и боеприпасами. Были и другие невосполнимые потери — более 10 тысяч человек: экипажи танков, пехотинцы, а также десятки самолетов с экипажами.

Некоторые специалисты утверждают, что русские не одержали победу в этой танковой битве, а лишь остановили врага. Подобная оценка того, что произошло, выглядит близорукой, ибо немцы бросили в бой танковую армаду, которая, по их мнению, никогда не могла потерпеть поражение. Более ста «тигров» и несколько меньшее количество «пантер» представляли собой элиту немецких танковых войск, но они не смогли одолеть советских танкистов. Русские значительно уступали немцам по числу тяжелых танков, но танкисты Ротмистрова в своих немногочисленных KV и быстроходных «тридцатьчетверках» бились на равных со своим противником и столь же эффективно и яростно наносили разящие удары, как и получали.

Есть противоречивые отчеты о том, что происходило в ночь с 12 на 13 июля. Согласно некоторым из них, русские остались на поле боя, чтобы эвакуировать подбитые танки и спасти уцелевшие экипажи. В других описаниях битвы говорится, что Ротмистров, не сумев до конца разгромить танковые дивизии противника, отвел свои корпуса с поля

боя, чтобы перегруппировать их. Можно привести убедительные аргументы в поддержку и той и другой точки зрения, но в конечном итоге немцам это все равно ничего не дает. Немецкие танковые дивизии потеряли в этот день по меньшей мере половину своих танков, и в распоряжении Гота осталось не более 350 танков, тогда как Ротмистров имел по-прежнему около 500.^[88]

Если бы даже генерал-полковник Хауссер получил в качестве приза эту страшную, израненную и почерневшую от огня землю — поле боя, — она была ему бесполезна: в скором времени весь этот район будет полностью очищен от немецких войск. Битва под Прохоровкой 12 июля, независимо от того, какие цифры русских потерь отдельные лица могут состряпать в будущем, навсегда лишила немцев возможности диктовать, когда и где возникнет новое поле боя.

Разъяренный Гитлер отстранил Хауссера от командования, а немецкие танковые дивизии вскоре отступили, чтобы зализывать свои раны и отбиваться от массированных русских атак на многих участках Курской дуги. Способность атаковать и продвигаться вперед была вырвана из рук немцев, которые никогда больше не смогут вернуть себе былое превосходство.

12 июля 1943 года на узкой полоске земли между рекой Псёл и железнодорожной насыпью юго-западнее Прохоровки погребальный звон колоколов оповестил о гибели немецких танковых сил. В тот же самый день советские войска нанесли сокрушительные удары на прилегающих с севера к Курской дуге фронтах. За три дня наступления Красная Армия углубилась в немецкую оборону на 25–50 километров.

К 24 июля советские войска полностью очистили от немцев территорию, которую вермахт сумел захватить после начала 5 июля операции «Цитадель». В районе севернее Курска и Белгорода немцы бросили в бой 17 танковых, 2 моторизованные и 18 пехотных дивизий, и эти усилия обошлись им в 70 тысяч убитых солдат и офицеров, сотни уничтоженных танков, орудий, самолетов и автомашин.^[89]

Однако отгремевшие бои на Курской дуге были всего лишь начальной фазой массового разгрома немецких вооруженных сил на Восточном фронте. Русские считают, что Курская битва закончилась через 50 дней после первых залпов, прогремевших 5 июля. Эти 50

дней войдут в книги об истории второй мировой войны как стратегическое летнее контрнаступление Красной Армии 1943 года.

Наиболее критическая фаза этих 50 дней — когда вермахт, пытавшийся своими танковыми дивизиями захватить Курск и открыть дорогу на Москву, создал опасную угрозу русским — закончилась 24 июля. С этого момента и впредь советские войска будут последовательно очищать от немцев свою территорию, добиваться новых успехов и подрывать способность вермахта предпринимать сколько-нибудь значительные наступательные операции. Было бы, однако, серьезной ошибкой описывать этот период летнего наступления Красной Армии в 1943 году как паническое отступление немецких войск под натиском советских армий. Даже потерпев сокрушительное поражение, вермахт все еще оставался грозной силой с точки зрения оснащенности его боевой техникой, живой силой и решимости биться до конца.

Однако важен конечный результат, и в течение 50 дней, прошедших после начала операции «Цитадель», отборные немецкие дивизии будут разгромлены в ожесточенном сражении, которое все немецкие солдаты навсегда запомнят как Курскую битву.

Отдельные неудачи и даже неожиданные крупные потери русских в боях за Харьков не могут изменить пророческой символики фронтового репортажа, опубликованного 9 июля 1943 года в Москве, который столь метко и образно описал битву на Курской дуге и все последующие битвы на пути к Берлину: «“Тигры” горят».

Корнелиус Райан

День «Д»^[90]

В лесу под проливным дождем в двух милях от военно-морского штаба в Саутвик Хауз один американец, которому предстояло принять важное решение, устав от навалившихся на него проблем, решил отдохнуть и расслабиться в своем скромно обставленном жилом автомобильном фургоне. Хотя он мог бы с удобством разместиться в просторном особняке Саутвик Хауз, Эйзенхауэр решил не делать этого. Он всегда старался быть как можно ближе к морским портам, в которых проходила погрузка его войск. Несколько дней назад он велел развернуть здесь свою походную штаб-квартиру. Тут были поставлены несколько палаток для его окружения и автофургоны, в одном из которых жил он сам, называя его «моим цирковым фургоном».

Фургон Эйзенхауэра был просторным, вместительным и состоял из трех комнат — спальни, гостиной и кабинета. Кроме того, в нем имелась крошечная кухня, туалет, и, наконец, на крыше располагалась застекленная наблюдательная площадка. Но Верховный главнокомандующий редко использовал все эти помещения. Недолго задерживался он даже в гостиной и кабинете: служебные совещания, которые он созывал, обычно происходили в палатке рядом с фургоном. Одна только спальня имела вполне жилой вид. В ней одной ощущались черты его личности: на столе у койки лежала большая кипа вестернов в бумажных обложках, на стене висели фотографии его жены Мэми и сына Джона, которому недавно исполнился 21 год, в форме курсанта Вест-Пойнта.

Из этого фургона Эйзенхауэр командовал почти трехмиллионной союзнической армией. Более половины этого необъятного воинского контингента составляли американцы: почти миллион семьсот тысяч пехотинцев, моряков, летчиков и солдат береговой охраны. Британские и канадские силы насчитывали около миллиона. В рядах союзнической армии сражались также французские, польские, чешские, бельгийские,

норвежские и датские части. Никогда прежде не командовал американец такой большой и многонациональной армией и не нес на своих плечах груз такой невероятной ответственности.

Однако, несмотря на всю полноту власти этого загорелого, с заразительной улыбкой выходца с американского Запада, мало что говорило в нем о том, что он является Верховным главнокомандующим. В отличие от других командующих союзными войсками, которые были легко узнаваемы по таким легко замечаемым приметам, как шитые золотом фуражки, увешанные наградами мундиры, весь внешний вид Эйзенхауэра был проникнут духом самоограничения. От остальных военнослужащих его отличали лишь четыре генеральские звезды на погонах, всего одна орденская колодка над нагрудным карманом да еще вышитые на рукаве, у плеча, пять первых букв слов «Верховное командование союзных экспедиционных войск». Даже в самом автофургоне отсутствовали внешние атрибуты власти — флаг, исчерченные пометками карты и подписанные фотографии сильных мира сего или близких к ним лиц, которые часто посещали его в этом фургоне. В спальне, рядом с койкой, стояли три разноцветных телефона: красный служил для срочных бесед с Вашингтоном, зеленый напрямую соединял его с резиденцией Уинстона Черчилля на Даунинг-стрит, 10, а черный связывал с его знаменитым начальником штаба генерал-майором Уолтером Беделлом Смитом, помощниками и другими высшими офицерами штаба союзного командования.

Узнавая какие-либо новости, Эйзенхауэр никогда не давал выражением своего лица понять, как он отреагировал на них. Его помощники вспоминают, как трудно им было понять, какое впечатление произвело на него то или иное известие...

Четыре месяца назад в Вашингтоне, утверждая его назначение на пост главнокомандующего, Объединенный комитет начальников штабов изложил его боевую задачу всего в одной фразе: «Вам надлежит высадиться на Европейском континенте и, действуя совместно с другими Объединенными Нациями, предпринять операции, нацеленные в сердце Германии, и сокрушить ее вооруженные силы...»

Так лаконично определялась цель всей кампании. Но для союзнического мира это было больше чем военная операция. Эйзенхауэр называл ее «крестовым походом», — призванным раз и навсегда покончить с чудовищной тиранией, ввергшей мир в самую кровавую из войн, поработившей около 300 миллионов человек в Европе. Правда, в то время еще никто не мог знать истинных масштабов и степени нацистских злодеяний в Европе — миллионов погибших в газовых камерах и крематориях Генриха Гиммлера, насильственно вывезенных из родных стран в Германию ради рабского труда и умерших там, тех замученных до смерти, убитых как заложники, погибших от голода...

Конечная цель кампании не ограничивалась победой в войне, но состояла в том, чтобы сокрушить фашизм, покончив с неслыханной по жестокости эпохой в человеческой истории.

Но вначале наступление должно было увенчаться успехом. Если этого не произойдет, разгром Германии растянется на годы...

Для того чтобы подготовиться к этой широкомасштабной кампании, от которой зависело так много, распланировать ее, множество людей в штабах работало больше года. Задолго до того как Эйзенхауэр был объявлен Верховным главнокомандующим союзными войсками, группа англо-американских офицеров под командой английского генерал-лейтенанта сэра Фредерика Моргана в глубокой тайне начала подготовительную штабную работу. Вопросов, проблем в ней было очень много, а положительного опыта, который можно было бы использовать, крайне мало — ведь прецедентов такого рода крупных войсковых операций практика этих стран не знала.

Когда начать атаку и где? Сколько дивизий задействовать в ней? Удастся ли собрать, подготовить и обучить намеченное число полков и перебросить их в нужное место ко дню атаки? Сколько потребуется для этого транспорта? Сколько необходимо морских бомбардировщиков, кораблей береговой охраны и поддержки? Сколько нужно оборудовать полевых аэродромов, для того чтобы принять тысячи самолетов, для воздушной атаки? Откуда следует перебросить требуемые силы и средства — Тихоокеанского или Средиземноморского театров военных действий? Сколько времени займет развертывание тыловых служб, обеспечение войсковых частей

оружием и боеприпасами в размерах, достаточных не только для наступления, но и последующих боевых действий?

Это была лишь небольшая часть вопросов, на которые должны были ответить работники штаба англо-американских войск. Но были также тысячи других. В выводах исследовательской группы, оформленных в виде целостного плана операции «Оверлорд» (после назначения Эйзенхауэра на пост главнокомандующего), указывалось на необходимость использования числа людей, количества боевой техники и других материальных средств гораздо большего, чем когда-либо раньше, в одной войсковой операции.

Развертывание войск для наступления сразу же приняло невиданные масштабы. План «Оверлорд» не был еще до конца сверстан и утвержден, а уже беспрецедентный поток людей и техники устремился к берегам Англии. Скоро в английских городках и поселках разместилось столько американских военнослужащих, что они превысили своим числом коренных жителей — англичан. Кинотеатры, отели, рестораны, танцевальные залы и пивные были забиты исключительно американцами.

Аэродромы стали создавать повсюду. Для массированного воздушного наступления были построены 163 базы в дополнение ко многим уже действующим, и под конец их число было доведено до того предела, при котором все самолеты, одновременно поднявшись, могли бы не задевать друг друга крыльями.

Морские порты были забиты. Огромный флот поддержки, насчитывающий около 900 кораблей, от мощных боевых судов до мелких катеров, продолжал спешно формироваться. Транспортные суда прибывали в таких больших количествах, что к весне доставили уже более 2 миллионов тонн предметов войскового обеспечения, и для их переброски в районы расположения частей пришлось дополнительно проложить 170 миль железнодорожных путей.

В мае Южная Англия выглядела уже как огромный склад боеприпасов. В лесах были спрятаны горы воинского снаряжения. Бампер к бамперу стояли танки, джипы, грузовики, бронемшины — всего более 50 тысяч. В полях длинными рядами были установлены гаубицы, орудия противовоздушной обороны, а также огромное количество иной техники, вплоть до бульдозеров и экскаваторов. На

центральных складах хранились несметные запасы продовольствия, амуниции, лекарств и медицинских инструментов — от таблеток до оборудования передвижных полевых госпиталей, а также 124 тысячи больничных коек.

Наиболее грандиозное впечатление произвели вокзалы и подъездные пути, переполненные вагонами — их сюда было пригнано более 20 тысяч вместе с тысячью новеньких локомотивов — весь старый железнодорожный транспорт был спешно отведен от места скопления воинских грузов.

Всех поражали также новые, недавно изобретенные средства ведения войны — танки, которые могли плавать, перемахивать через стены, оборудованные специальными приспособлениями, позволяющими обнаруживать и взрывать мины, попадающие на пути. Были также корабли, усеянные лесом орудийных стволов, через которые запускались в воздух новые орудия войны — ракеты.

Но самым большим чудом были плавучие гавани, сконструированные двумя инженерами. Они считались важнейшим техническим новшеством, используемым для воплощения в жизнь плана «Оверлорд», и держались в большом секрете. Их предполагалось отбуксировать к берегам Нормандии, для того чтобы они обеспечивали бесперебойную высадку десанта и выгрузку военных грузов в первые дни, до того как будут захвачены первые порты.

В течение всего мая в английские порты шла доставка войск и техники. Давка и неразбериха грозили стать серьезной проблемой, но благодаря распорядительности портовых властей, усилиям британской военной полиции и руководителей железнодорожной сети этого не произошло.

Железнодорожные составы с войсками и воинскими грузами заполнили все пути и подолгу стояли там, ожидая погрузки. Автомобильные дороги также были заняты скоплениями воинских транспортов. Все придорожные деревушки Южной Англии были забрызганы свежей дорожной грязью, и по ночам в них, всегда тихих, не смолкал грохот танковых моторов, часто слышались резкие голоса американских солдат, с характерным акцентом выяснявших у местных жителей дорогу к порту.

Те, кто жил у морского побережья, часто вскакивали по ночам от грохота и лязга тысяч машин.

Солдаты спали вповалку где придется в ожидании погрузки. Общественные туалеты и бани были отнесены подальше, и около них всегда стояли очереди людей, вытягивавшиеся порой на четверть мили. Войск было так много, что потребовалось 54 тысячи специально отобранных военнослужащих, четыре с половиной тысячи которых были опытными поварами, для одного лишь обслуживания расположившихся там американских военных учреждений. В последнюю неделю мая войска начали активную погрузку на транспортные суда и десантные корабли. Заветный час пробил...

Цифры поражали воображение. Они позволяли считать союзнические силы превосходящими, тем более что те обладали таким бесценным оружием, как молодость и огромные материальные ресурсы свободного мира. Все это ожидало решения только одного человека: Эйзенхауэра.

Почти в течение всего дня 4 июня Эйзенхауэр пребывал один в своем автомобильном фургоне. Он и подчиненные ему высшие командиры сделали все, чтобы нападение имело наибольшие шансы на успех и обошлось минимальным количеством человеческих жизней. Но сейчас, по прошествии многих месяцев политической и военной подготовки, со всей отчетливостью становилось ясно, что судьба плана «Оверлорд» в большой мере зависит от факторов, никак не поддающихся воздействию и контролю, даже от случайностей. Перед ними Эйзенхауэр был беззащитен. Сейчас ему оставалось только ждать и надеяться на улучшение погоды. Но что бы ни произошло, к концу дня он все равно будет вынужден принять принципиальное решение: начинать наступление или отложить его еще раз. И в том, и в другом случае от этого решения зависело то, чем в итоге окончится операция «Оверлорд» — поражением или успехом. И никто не мог принять этого решения вместо него. Ответственность за него нес он один...

Эйзенхауэру предстояло решить нелегкую задачу. 17 мая он пришел к выводу о том, что день наступления придется назначить на одно из трех чисел июня — 5, 6 или 7-е. По данным метеорологов, в эти дни

ожидались наиболее подходящие условия для высадки войск — поздняя луна и морской отлив.

Для боевых действий 11 тысяч парашютистов и морских пехотинцев из 101-й, 82-й американских и 6-й английской дивизий, которые должны были начать атаку, был необходим лунный свет. Но внезапность их нападения во многом зависела от темноты, которая позволит к условленному часу скрытно прибыть к месту атаки. Поэтому их командиры настаивали на том, чтобы день атаки был подобран с таким расчетом, чтобы луна в этот день поздно появилась на небе.

Высадка на берег пехоты могла быть успешной в час морского отлива, когда воды откроют береговые заграждения Роммеля. От этого будет во многом зависеть успех последующего массированного наступления. Сложность выбора дня наступления усугублялась тем, что для последующих высадок военно-морского десанта в этот день также нужна была низкая вода, которая не прибывала бы до рассвета.

Оба эти критические фактора, лунный свет и отлив, создавали Эйзенхауэру главные неудобства для определения дня атаки. Один только отлив сокращал их число в каждом месяце до шести, причем три из этих дней были вовсе безлунными.

Но это было еще не все. Эйзенхауэру приходилось учитывать и множество других обстоятельств. Во-первых, для всех высаживавшихся войск удобнее всего было действовать в условиях отличной дневной видимости, причем светлое время суток должно быть долгим. Пехотинцы, например, считали необходимым свободный обзор берега, летчики должны были четко видеть цели, а моряки стремились избежать столкновений при одновременном маневрировании почти 5 тысяч кораблей бок о бок.

Во-вторых, требовалось спокойное море. Не говоря о том, что его сильное волнение нанесло бы прямой ущерб: даже легкая качка могла бы стать причиной морской болезни у переправлявшихся на кораблях солдат и тем подорвать их боеспособность еще до того, как они сделают по берегу первый шаг.

В-третьих, необходим был тихий ветер, дующий в сторону берега. Он отнес бы дымы и легкую облачность и сделал отчетливо видимыми все береговые цели. И наконец, командование англо-американских

войск требовало еще трех дней тихой погоды после высадки для успешного развертывания на захваченном берегу войск и боевой техники. <...>

Вечером, около половины десятого, подчиненные Эйзенхауэру командиры крупных воинских соединений и начальники их штабов собрались в библиотеке особняка Саутвик Хауз. Это была большая комната, в середине которой стоял стол, покрытый зеленой бархатной скатертью, несколько легких стульев и два дивана. Вдоль стен стояли шкафы из темного дуба, на полках которых виднелось совсем мало книг, и оттого библиотека выглядела пустой, неуютной. На окнах висели плотные шторы, сквозь которые доносился шум дождя и вой ветра.

Штабные офицеры и генералы стояли, собравшись небольшими группами, и тихо переговаривались. У камина начальник штаба Эйзенхауэра генерал-майор Уолтер Беделл Смит беседовал с заместителем Верховного главнокомандующего главным маршалом авиации Теддером, курившим трубку. Рядом сидел командующий союзным флотом адмирал Рамзэй, известный своим вспыльчивым характером, и командующий ВВС главный маршал авиации Ли-Мэллори. Только один из присутствовавших военачальников, как вспоминает генерал Смит, был одет в штатское. Это был едкий на язык Монтомери, который пришел на совещание в своих неизменных вельветовых брюках и глухом шерстяном свитере.

Все эти 12 высших чинов союзной армии должны были передать войскам приказ Эйзенхауэра о наступлении и сейчас ждали его прихода, чтобы всем вместе окончательно определить решающий день и час. Сейчас они внимательно изучали последние сводки метеорологов.

Ровно в половине десятого дверь отворилась, и Эйзенхауэр, в полевой темно-зеленой форме, широко шагая, вошел в библиотеку. Когда он здоровался со своими старыми друзьями, на его лице появилось лишь слабое подобие его обычной улыбки, тотчас сменившееся выражением беспокойства и озабоченности.

Открыв совещание, Эйзенхауэр не стал выступать с краткой вступительной речью: все и так понимали серьезность решения, которое предстояло принять. В библиотеке тотчас появились три

ведущих метеоролога, своими рекомендациями обеспечивавшие выполнение плана «Оверлорд». Их возглавлял капитан британских ВВС Стагг.

Когда он начал говорить, в комнате повисла тишина. «Господа, — тихо произнес он, — в атмосфере произошли быстрые и неожиданные изменения...» Все глаза были устремлены на Стагга, подарившего взволнованному Эйзенхауэру и его приближенным слабый луч надежды.

«Новый погодный фронт, — сообщил Стагг, — движется к Ла-Маншу и в течение ближайших часов может расчистить облачность над районом предполагающегося наступления. Это улучшение погоды будет проходить в течение всего следующего дня вплоть до 6 часов утра 6 июня. После этого погода ухудшится вновь.

В краткие часы хорошей погоды ветер должен спасть, ливень полностью прекратится, что вполне достаточно бомбардировщикам для выполнения своей боевой задачи вечером 5-го и ранним утром 6-го числа — до тех пор, пока к полудню облака вновь не покроют все небо».

Слушая метеорологов, Эйзенхауэр убедился в том, что погода отпускает ему для грандиозного наступления чуть более 24 часов.

Как только Стагг закончил доклад, на него и его помощников обрушился град вопросов: уверены ли они в надежности своего прогноза? Не может ли он оказаться ложным? Пытались ли они проверить его всеми доступными средствами? Возможно ли новое улучшение погоды после 6 июня?

На некоторые из вопросов синоптики не могли ответить. Результаты их исследований, прежде чем быть доложенными такому высокому совещанию, прошли двойную и тройную проверку, но конечно же непредвиденный каприз погоды мог моментально разрушить всю цепь их рассуждений. Они старались отвечать с наибольшей точностью, после чего были отпущены.

Затем в течение четверти часа командиры молчали, и каждый вновь обдумывал ситуацию, пока адмирал Рамзэй не напомнил о срочности принятия предстоящего решения: ведь если день наступления, или, как они называли его, день «Д», будет назначен на вторник, командующий

американской тактической военно-морской группой адмирал Кирк должен будет получить соответствующий приказ в течение получаса, что диктовалось необходимостью иметь резерв времени для пополнения запасов топлива и прибытия к месту десанта.

Эйзенхауэр опросил по очереди всех командиров. Генерал Смит считал, что наступление должно быть назначено на 6-е — в таком решении содержался риск, но он был оправдан. Теддер и Ли-Мэллори опасались того, что облачность может воспрепятствовать эффективной авиационной поддержке наступления. Они полагали, что элемент риска был все же слишком велик. Монтгомери заявил, что 5-го числа вполне можно было выступить, он так считал и раньше, когда решение этого вопроса было отложено. «Будь моя воля, я бы выступил», — сказал он.

Пришла очередь говорить самому Айку.^[91] Наступил тот момент, когда только он мог принять решение. В комнате воцарилась тишина, когда Эйзенхауэр задумался, вновь взвешивая все возможности. Генерал Смит впоследствии вспоминал, как его вдруг поразили одиночество и отчужденность позы главнокомандующего, когда тот сидел скрестив руки и опустив глаза.

Так прошло несколько минут — кто говорит, что две, кто — пять. Наконец Эйзенхауэр обвел присутствующих взглядом и объявил о своем решении. Лицо его напряглось.

— Я склонен считать, что мы должны отдать приказ, — медленно произнес он. — Я не полностью одобряю его, но обстоятельства таковы... Я не вижу для нас никакого другого выхода...

Эйзенхауэр встал. Он выглядел усталым, но в его облике ощущалось и чувство облегчения. Через шесть часов на новом коротком совещании командиров, созванном для анализа последних метеосводок, он вновь подтвердит и уточнит свое решение: наступление должно быть начато во вторник, 6 июня.

Эйзенхауэр и высшие командиры заторопились к выходу. Теперь все они спешили отдать первые оперативные указания войскам. В воздухе опустевшей библиотеки, где проходило совещание, еще висели над столом сизые клубы сигарного дыма, а в отполированном паркете пола

отражался огонь камина. Старинные часы показывали без четверти десять. <...>

* * *

Этот день был тихим и не отмеченным особыми событиями и для немцев. Ничего в этот день не случилось и не предполагалось случиться. Погода была ужасная. Она была такой отвратительной, что на ежедневной конференции в штабе люфтваффе в Люксембургском дворце в Париже главный метеоролог профессор полковник Вальтер Штобе сказал офицерам штаба, что они могут отдохнуть. Он сомневался в том, смогут ли вообще самолеты союзнических войск в этот день подняться в воздух. Подразделения противовоздушной обороны притупили бдительность.

Затем Штобе позвонил в пригород Сен-Жермен-ан-Ле, расположенный в 12 милях от Парижа, на бульвар Виктора Гюго, в дом номер 20, где в большом трехэтажном особняке рядом с женской гимназией помещался штаб фон Рундштедта. Штобе поговорил со своим офицером связи, метеорологом майором Германом Мюллером, который ежедневно составлял прогноз погоды и отправлял его начальнику штаба генерал-майору Блюментритту. К прогнозам погоды в штабе относились с большим вниманием, и Блюментритт проявил особенный интерес к сегодняшнему: он содержал последние данные для доклада перед ожидавшейся инспекцией главнокомандующего группой войск «Запад». Все убеждало его в том, что она состоится в назначенные сроки. Фон Рундштедт вместе со своим сыном, молодым лейтенантом, собирался прибыть для проверки линий береговой обороны в Нормандии во вторник.

Мало кто в Сен-Жермен-ан-Ле был осведомлен о существовании этого особняка, и уж совсем немногие знали о том, что самый влиятельный из германских фельдмаршалов живет здесь, в маленькой скромной вилле на улице Александра Дюма, дом 28, прямо за женской гимназией. Его дом был окружен высокой стеной, железные ворота в которой были всегда заперты. На виллу входили или сквозь потайной коридор, прорубленный в стене гимназии, или через незаметную дверь в стене, выходившей на соседнюю улицу.

Престарелый фон Рундштедт по утрам поднимался теперь поздно, не раньше половины одиннадцатого, а сегодня он сел за стол в своем кабинете, расположенном на первом этаже здания, когда стрелка часов уже приближалась к полудню. Именно здесь он побеседовал с начальником штаба, после чего утвердил представленный им доклад о возможных намерениях противника (имелись в виду англо-американские союзные войска). Этот доклад предполагалось отправить сегодня же в ставку Гитлера. Один из его ошибочных выводов был таков:

«Систематическое и явное увеличение воздушных атак указывает на то, что противник достиг высокой степени готовности. Фронт возможного нападения по-прежнему определяется от Шелдта [Голландия] до Нормандии. Нельзя исключать также, что он может затронуть северную часть Бретани. Но до сих пор остается неясным, где именно противник может предпринять свое наступление в пределах указанной территории. Концентрированные атаки на укрепления береговой обороны между Дюнкерком и Дьеппом могут означать, что широкое наступление будет предпринято в этом районе, но его реальной угрозы пока не имеется...»

После того как район возможного нападения англо-американцев был признан растянувшимся на 800 миль по морскому побережью, фон Рундштедт и его сын отправились в любимый ресторан фельдмаршала «Кок Харди», расположенный поблизости на улице Бужуваль. День «Д» наступил уже 12 часов назад...

На все местное германское командование продолжающаяся плохая погода подействовала как успокаивающее лекарство. Все возможные штабы отлично знали, что никакого наступления не может быть предпринято в ближайшем будущем. Их уверенность основывалась на опыте. Высадки союзников в Северной Африке, Италии и Сицилии предпринимались в различных погодных условиях, но Штобе и его начальник в Берлине доктор Карл Зоннтаг заметили, что англо-американцы никогда не начинали наступления по крайней мере без надежных прогнозов улучшения погоды, создающей особенно благоприятные условия для действий прикрывающей авиации. Методический немецкий ум не мог предположить отступления от этого правила: погода должна начать улучшаться или, в противном

случае, союзники не будут наступать в этот день. Погода не улучшалась. <...>

* * *

По освещенным луной пустынным полям Нормандии пронеслись резкие, высокие звуки английского охотничьего рожка. Неожиданные, нелепые, они затихали в ночном воздухе. Множество других рожков присоединились к нему, их пение доносилось из разных концов поля, создавая некий фантастический хор. Сотни людей в касках, желто-коричнево-зеленой форме бежали на звук рожка, перемахивая через канавы, перелезая через изгороди.

Неожиданно запела труба. Для сотен людей из 6-й британской воздушно-десантной дивизии это была увертюра к бою...

Звук рожка был условным сигналом сбора двух батальонов 5-й парашютной бригады. Им приходилось действовать очень быстро. Один из батальонов должен был спешно взаимодействовать с небольшим подразделением планеров, которым командовал майор Ховард. Другому предписывалось захватить и удержать Ранвилль, находившийся вблизи от пересечений важных путей. Никогда ранее не приходилось офицерам английских парашютных частей созывать своих подчиненных с помощью охотничьего рожка, но скорость их движения по пересеченной местности той ночью была невероятной, солдаты 6-й десантной дивизии превысили все временные нормативы. Первые крупные соединения американских и английских войск должны были прибыть на пять основных участков нормандского побережья, намеченных для высадки, между половиной шестого и половиной седьмого утра.

6-я воздушно-десантная дивизия имела ряд задач, каждая из которых требовала почти минутной синхронизации. В соответствии с планом парашютисты должны были занять высоты к северо-востоку от Кана, захватить мосты через Орн и Канский канал, разрушить еще пять мостов на реке Див и, таким образом, блокировать силы противника, не дав им, в первую очередь соединениям танков «пантера», прорваться к району высадки союзных войск.

Легковооруженные парашютисты не обладали достаточной огневой мощностью, для того чтобы остановить наступление крупного войскового соединения, поэтому успех акций по захвату мостов зависел от быстрой и безопасной доставки противотанковых ружей и другого специального воинского снаряжения. Учитывая его вес и размер, подходил только один способ надежной доставки этого оружия в Нормандию: планерами. В 3 часа 20 минут утра соединение из 69 планеров было готово к транспортировке людей и боевой техники, в том числе столь необходимых противотанковых ружей, в район боевых действий.

Сам по себе этот перелет создавал массу проблем. Некоторые из самолетов были весьма крупными и могли перевозить даже легкие танки. Для того чтобы принять 69 планеров, парашютисты в первую очередь должны были обезопасить район приземления от атак противника. Затем очистить поле, где мог бы сесть самолет, от поваленных стволов деревьев и других препятствий, сделав все это глубокой ночью и в течение двух с половиной часов. Это же поле затем должно было использоваться для тренировочных вечерних посадок других планеров.

Но предстояло выполнить еще одну работу, которая была, наверное, самой важной для десантников из 6-й английской дивизии, — вывести из строя крупную береговую батарею в районе Мервилля. По данным разведки, четыре мощных орудия, имевшиеся в ней, могли нанести серьезный и весьма ощутимый удар по кораблям и пехоте высаживавшихся англо-американских войск. Десантникам было приказано уничтожить батарею к 5 часам утра.

Для выполнения этой боевой задачи 4255 парашютистов из 3-й и 5-й парашютных бригад опустились на нормандскую землю. Из-за неподходящих погодных условий, сильного ветра, вражеского огня и плохой видимости на местности их разбросало по большой территории. Некоторые из них приземлились в намеченном районе, но тысячи других были отнесены на расстояние от 5 до 35 миль. <...>

* * *

Таким было начало. Первые участники дня «Д», почти 18 тысяч американцев, англичан и канадцев, заняли фланги нормандского поля боя. Между ними пролегли пять участков побережья, предназначенного для высадки, куда из-за морского горизонта выдвигался мощный союзный флот, насчитывавший 5 тысяч боевых кораблей. На первом из них, судне «Бэйфилд», находился командующий флотом адмирал Д. П. Мун.

Медленно, но верно план огромного наступления начал выполняться, однако немцы по-прежнему оставались слепы.

Для этого имелось много причин. Погода, недостаток данных авиационной разведки (всего несколько самолетов-разведчиков вылетело с немецких аэродромов в предшествующие недели, и все они были сбиты); упорная вера немцев в то, что высадка англо-американцев произойдет в Па-де-Кале, неразбериха и накладки в распоряжениях собственного руководства и, наконец, неумение расшифровать телеграммы противника. Все это сыграло свою роль. Даже радары на станциях слежения подвели немцев этой ночью. Те из них, которые не были разбомблены, удалось вывести из строя, дезориентировав кучами металлической фольги, сбрасываемой с самолетов. Только одна такая станция отправила свой ежедневный доклад. Он гласил: «Движение самолетов не отличается от обычного».

Более двух часов прошло со времени высадки первых англо-американских парашютистов, и только после этого германское командование начало осознавать, что происходит что-то важное. Пошли первые осторожные доклады в Берлин, и медленно, как приходит в себя больной после наркоза, немцы начали пробуждаться.
<...>

* * *

Британские солдаты, начавшие сражение в день «Д», уже в течение 30 часов упорно прорывались к мостам через Орн и Канский канал. Хотя десантное соединение майора Ховарда уже было усилено дополнительными подразделениями 6-й воздушно-десантной дивизии, оно таяло на глазах под тяжелым артиллерийским и оружейным огнем немцев. Солдаты Ховарда отбили уже несколько небольших пробных

контратак противника. Усталые, изможденные, они захватили германские позиции по обе стороны водных преград и с нетерпением ожидали поддержки.

На подступах к мосту через Канский канал несколько солдат оказались зажаты на крошечном пятачке земли. Рядовой Билл Грей взглянул на свои наручные часы. Диверсионно-десантный отряд лорда Ловата опаздывал уже на полтора часа. Неужели что-то случилось с ними при высадке на побережье?.. Грей не предполагал, что огонь здесь может быть таким сильным. Он не мог даже приподнять голову. Ему казалось, что стрельба немецких снайперов по ним становится точнее с каждой минутой.

Во время короткого затишья приятель Грея, рядовой Джон Уилкес, лежавший рядом, неожиданно с удивлением произнес:

— Кажется, я слышу звуки волынки!..

— Ты рехнулся! — ответил Грей, презрительно взглянув на него.

Но через минуту Уилкес снова взволнованно воскликнул:

— Волынка слышна опять!..

Сейчас уже и до самого Грея донеслось их пение.

Отряд лорда Ловата быстро двигался по дороге, и ярко-зеленые береты бойцов, хорошо видные издалека, казались неуместно яркими в атмосфере боя. Впереди маршировал Билл Мирлин, и шедшие за ним несколько волынщиков играли бравурный старинный марш.

Стрельба по обеим сторонам дороги тотчас прекратилась, потому что солдаты глазели на этот необычный спектакль.

Но эта шоковая реакция была недолгой. Как только английский отряд начал приближаться к мосту, немцы возобновили огонь. Билл Мирлин говорил потом, что его охватила странная вера, будто «пуля его не затронет, и почти не слышал грохота боя из-за звука волынок». На середине пути Мирлин оглянулся на лорда Ловата. «Тот шел так спокойно, словно прогуливался по дорожкам собственного поместья, и дал мне знак продолжать», — вспоминал он.

Несмотря на огонь противника, парашютисты радостно бросились навстречу бойцам диверсионно-десантного отряда. Лорд Ловат извинился за то, что «задержался на несколько минут». Еще

предстояли бои, еще только первые части англичан пробивались в глубь Нормандии. Но сейчас, когда на ее земле впервые смешались красные и ярко-зеленые береты английских солдат, многие рядом испытали незабываемое впечатление, и даже Билл Грей, которому было всего 19 лет, почувствовал себя, как он признавался потом, «еще моложе». <...>

Рядовой английской пехоты Уолтер Гермес не мог понять, что происходит вокруг него, куда ушли танки. Передовой отряд 192-го полка достиг берега в районе Люк-сюр-Мер, но там не было никаких признаков приближения «пантер». Не было, однако, и никаких признаков присутствия англичан, и Гермес был весьма разочарован. Но зрелище наступающего флота было способно развеять любые грустные чувства. У берега, и слева, и справа, Гермес видел сотни кораблей, курсировавших взад и вперед, и дальше, впереди, на расстоянии мили, насколько хватало глаз, все виднелись военные корабли разных марок и водоизмещения, способные поразить любого противника.

— Прекрасно! — сказал он своему приятелю Шарду. — Это похоже на парад...

Гермес и его друг лежали на траве, покуривая сигареты. Никто не отдавал им никаких приказов...

* * *

В штабе Роммеля его помощник Ланг, как и все другие сотрудники, разумеется, слышал о том, что атака 121-й танковой дивизии «пантер» на англо-американцев провалилась. Он обратился к фельдмаршалу с вопросом: «Полагаете ли вы, ваше высокопревосходительство, что мы можем выдворить их?»

Роммель пожал плечами, всплеснул руками и сказал: «Ланг, я надеюсь, мы сможем. Ведь мне почти всегда везло, вплоть до сего дня». Затем он похлопал Ланга по плечу.

— Вы выглядите усталым, — сказал он, — почему бы вам не пойти лечь в постель? День был очень длинным...

Он повернулся и пошел, и Ланг видел, как он шагал по коридору. Дверь тихо закрылась за ним.

Снаружи, во дворе, ничто не нарушало спокойствия. Деревня Ля-Рош-Гийон была, как всегда, тиха. Вскоре эта наиболее насыщенная немцами деревня будет освобождена от них, как, впрочем, и вся Европа, временно оккупированная Гитлером.

Отныне «третьему рейху» оставалось существовать меньше года. Дорога, начинавшаяся от ворот местного замка, была широка и пустынна, а окна домиков под красными крышами были зашторены наглухо. В церкви Святого Самсона всю ночь звонил колокол...

В течение ряда лет благодаря неясным слухам и противоречивым данным приводилось множество разнящихся данных о количестве потерь, понесенных союзными войсками в течение этого 24-часового наступления. Ни одна из цифр не может быть признана точной. В лучшем случае все они могут быть сочтены приблизительными, поскольку сам характер неожиданной атаки не позволяет установить с достоверной точностью число погибших. В целом большинство военных историков согласны в том, что общее число потерь союзников достигло 10 тысяч человек: некоторые, впрочем, доводят эту цифру до 12 тысяч.

Потери американцев определяются в 6603 человека. Эта цифра основана на данных доклада, представленного 1-й американской армией сразу после битвы. В нем потери определены следующим образом: 1465 убитых, 3184 раненых, 1928 пропавших без вести и 26 взятых в плен. В эту цифру включены потери 82-й и 101-й воздушно-десантных дивизий, которые одни определяют цифрой 2499 убитых, раненых и пропавших без вести.

Потери канадцев составили 956 человек, из них 335 — убитыми. Официальные цифры британских потерь не опубликованы, но они составляют, видимо, от 2,5 до 3 тысяч, из которых 650 потеряно 6-й воздушно-десантной дивизией убитыми, пропавшими без вести и ранеными.

Каковы германские потери дня «Д»? Этого никто не может сказать. В моих интервью с высшими германскими чинами я получал цифры от 4 до 9 тысяч. Но к концу июня Роммель вынужден был доложить, что потери месяца составили: 28 генералов, 354 офицера и около 250 тысяч солдат.

Питер Элстоб
Последнее наступление Гитлера^[92]

В темном лесу Гитлера

*Наступление — это прямой путь к цепи;
оборона — это долгий путь вокруг.*

Фон Мольтке

В декабре 1944 года, ровно через шесть месяцев после высадки в Нормандии, полное поражение Германии казалось неизбежным. Все прежние завоевания были утрачены, и на обоих фронтах — Восточном и Западном — иностранные войска находились на немецкой земле. Жертвы насчитывались миллионами, в одной только Франции Германия потеряла миллион своих солдат со дня «Д». Не стало источников горючего, транспортная система была разрушена, а большие города подвергались таким частым бомбардировкам, что, казалось, разрывы снарядов лишь перебрасывали с места на место щебенку или булыжник. Дракон, который неистовствовал в Европе, Африке и Среднем Востоке, находился сейчас в состоянии предсмертной агонии.

Беспристрастно взвесив все факторы, профессиональные военные обеих сторон заключили, что союзникам оставалось только правильно сыграть свои карты, чтобы была принята безоговорочная капитуляция. Все были согласны с тем, что Германия уже ничего не может сделать, чтобы избежать этого. <...>

Вместо этого, подражая Фридриху Великому, который в подобной ситуации смело атаковал превосходящие силы противника и заставил расколоться созданный против него альянс, Гитлер 19 августа отдал приказ: «Подготовиться к наступлению в ноябре, когда воздушные силы противника не могут быть задействованы. Около 25 дивизий должны быть направлены на Западный фронт в ближайшие один-два месяца».

Этот явно нереальный приказ был отдан в тот самый день, когда почти все танковые силы Германии были уничтожены в Фалезском

мешке, и через несколько дней после того, как фельдмаршал Клюге покончил жизнь самоубийством. Более того, за четыре дня до этого союзники высадили большие силы на Средиземноморском побережье, и не было никакой возможности сдержать их. В ноябре гитлеровские генералы считали, что нет такого места на Западном фронте, с которого можно было бы предпринять контратаку. Но никто не осмеливался высказать это мнение фюреру. <...>

Генерал-полковник Гудериан, который некоторое время был начальником генерального штаба, так описывает Гитлера того периода: «Он был уверен, что только он один знает, что надо делать. Он заперся в своем бункере... и требовал, чтобы записывалось каждое произнесенное им слово. Он все больше и больше погружался в мир теорий, которые не имели основы в реальной жизни».

Но он не настолько потерял ощущение реальности, чтобы полагать, что Германия может сейчас разбить объединенные силы русских, американцев и англичан, проникавших на территорию Германии. Явное численное превосходство, которое все возрастало, по мере того как все больше дивизий пересекало океан, а французы вступали в армию, делало невозможной победу Германии. Но, по мнению Гитлера, противники Германии были плохими партнерами, недолюбливавшими друг друга и не доверявшими друг другу, поэтому он надеялся использовать эти расхождения. Позже он изложил некоторые свои соображения генералам, выбранным для руководства последним крупным наступлением.

«Во всей мировой истории, — говорил он им, — никогда не было коалиции со столь разнородными элементами, со столь диаметрально противоположными целями. Ультракапиталистические государства, с одной стороны, ультрамарксистское государство — с другой. На одной стороне умирающая мировая империя, временно поддерживаемая одной из своих бывших колоний, стремящейся овладеть наследством. Соединенные Штаты намерены занять место Великобритании в мире, а Советский Союз стремится захватить Балканы, Дарданеллы и Персию.

Эти три государства уже сейчас ссорятся друг с другом, и большая победа на Западном фронте с треском разрушит их искусственный союз».

С другими он более откровенно говорил о своих политических целях. Америка и Англия будут винить друг друга, если Германия одержит крупную победу. Канада уже разочарована ходом войны и хочет отозвать свои войска из Европы. Когда западные союзники поймут, что их планы завоевания Германии неосуществимы, они прислушаются к предложениям сепаратного мира и откажутся от своего нелепого требования «безоговорочной капитуляции». Тогда он заключит с ними договор о перемирии и быстро переключит основные силы на Восточный фронт. Россия, уже ослабленная потерями, превышающими в десять раз потери западных держав, также будет рада заключить сепаратный мир.

Конечно, Германия потеряет все свои завоевания, но фатерланд^[93] останется нетронутым. Пройдет только какое-то время, прежде чем союзники осознают, что они нуждаются в Германии, если хотят спасти Европу от «азиатских орд».

Одним из слабых мест Гитлера было полное непонимание природы и психологии как англичан, так и американцев. Он не имел понятия (да и не поверил бы в это) о том, какие теплые чувства по отношению к русской армии и русскому народу испытывали в то время в Англии и Соединенных Штатах...

Конечно, между союзниками были различия, но они были единодушны в одном: в абсолютной необходимости перенести войну в самый центр Германии и полностью уничтожить ее военные силы и способность вновь вести войну. У английского и американского командования были различные точки зрения на то, как лучше это осуществить, но никто, и тем более фельдмаршал Монтгомери, не сомневался в том, кто примет окончательное решение — то есть Верховный командующий генерал Эйзенхауэр. <...>

Решение вопроса о том, где контратаковать союзников, заняло какое-то время. Один район особенно привлекал Гитлера. То были покрытые густыми лесами холмы в Арденнах, там, где соединяются Люксембург, Германия и Бельгия, исторический путь вторжения, по которому германская армия с триумфом шагала в 1870, 1914 и 1940 годах; и чем больше он смотрел на карту, тем больше ему нравились эти места. Решение было принято: снова Арденны. <...>

Германский план

Следует напомнить, что Арденнское наступление было спланировано во всех его деталях, включая участвующие в нем воинские соединения, график времени и цели, самим фюрером.

Фельдмаршал Герд фон Рундштедт

Наступление должна была осуществлять совершенно новая группа армий, о самом существовании которой союзникам было неизвестно. Две ее танковые армии должны были прорваться через слабую оборону Арденн и продолжать движение на северо-запад, раскалывая позиции союзников. Это должен был быть «блицкриг» по классическому образцу вторжения в Россию, только на этот раз цель была сравнительно близкой — побережье Ла-Манша.

Чтобы наверняка добиться успеха, Гитлер планировал все сам, каждую деталь, и хотел перенести свой главный штаб из темного леса в Восточной Пруссии на Западный фронт. Отсюда он собирался лично руководить каждой фазой наступления; он покажет своим генералам-пораженцам, как выигрываются войны благодаря смелым решениям.

Для видимости и потому, что это должно было хорошо подействовать на моральный дух солдат, надо было убедить старого, но весьма уважаемого фельдмаршала фон Рундштедта вернуться на службу и принять номинальное командование: фактически ему мало что пришлось бы делать в современном сражении. ^[94]

Командование группой армий было возложено на тогдашнего гитлеровского фаворита фельдмаршала Моделя, а 6-я танковая армия, которая должна была возглавлять это крупное наступление, была сформирована из любимых эсэсовских дивизий фюрера; командующим этой армией был назначен один из старейших товарищей Гитлера — Йозеф (Зепп) Дитрих.

Ядром эсэсовских войск были семь отборных дивизий, сильно соперничавших между собой. В конце 1944 года все они были танковыми дивизиями, заново экипированными новейшими танками. [95] Четыре из этих отборных дивизий были отобраны для того, чтобы возглавить наступление в Арденнах: «Лейбштандарте», «Рейх», «Гитлерюгенд» и «Гогенштауффен». Средний возраст вместе с офицерами — 18 лет.

В 1944 году Зепп Дитрих был отозван с Восточного фронта и назначен командиром 1-го танкового корпуса СС на Западе, ввиду предстоящего англо-американского вторжения. 7 июня он получил приказ отбросить союзников к морю, но, располагая лишь двумя дивизиями, был не в состоянии сделать это; тем не менее, следуя приказу Гитлера, он не отступал, и в результате 1-й танковый корпус СС был практически уничтожен в последующей битве в Нормандии. Дитрих, который к тому времени уже имел некоторый опыт ведения танковой войны, потерял уважение к Гитлеру как к великому военачальнику: «Только одного человека надо винить за эту бессмысленную, невозможную операцию — этого сумасшедшего Адольфа Гитлера», — сказал он после Фалезского разгрома, но уже после окончания войны.

Но и Гитлер не имел иллюзий в отношении способностей Дитриха как генерала. Пропагандистская машина Геббельса возвела его в ранг легендарной фигуры, конкурирующей с самим великим Роммелем; но Гитлер, вероятнее всего, согласился бы с оценкой Геринга: самое большее, что может Дитрих, — это командовать дивизией. И Гитлер принял меры предосторожности, назначив начальником штаба у Дитриха одного из наиболее способных военных германского генерального штаба — генерал-майора Фрица Кремера. Хотя Кремер и перешел в войска СС, он был настоящим, профессиональным военным и должен был удерживать Дитриха от слишком грубых ошибок.

Было важно, чтобы это крупное наступление, которое меняло весь ход войны, осуществлялось в глазах немецкого народа преданными нацистами, что опровергло бы слухи о большом числе немцев, замешанных в попытке совершить покушение. Поэтому все отступало на второй план перед оснащением новой 6-й танковой армии СС. [96]

Прикрывать фланги и тыл 6-й армии СС и затем развивать прорыв дальше должна была 5-я танковая армия, скомплектованная из семи смешанных «фольксгренадерских»^[97] и опытных танковых дивизий, сформированных из остатков прежней 5-й танковой армии, которая была разбита в Нормандии, а командующий ее был взят в плен.

Для его замены Гитлер послал за «боевым» генералом, находившимся на Восточном фронте, — одним из лучших тактиков танковой войны, генералом Хассо фон Мантейфелем, который как раз перед этим блестяще проявил себя, успешно контратаковав русских в Латвии.

Этот кадровый прусский офицер-аристократ относился к тем немногим, к которым Гитлер прислушивался, так как, в отличие от многих кадровых офицеров, он усвоил новые уроки танковой войны и блестяще их использовал. Фон Мантейфель не поддавался гипнозу Гитлера и мог спокойно высказывать свою собственную точку зрения.

Но, к несчастью, реорганизованную 5-ю танковую армию посылали в наступление, как только она будет готова, в то время как 6-ю танковую армию СС оставляли в резерве. Едва успев принять командование, генерал Мантейфель получил приказ начать контратаку в Лотарингии с целью остановить генерала Паттона.

5-й танковой армии было выделено 400 новых «пантер» и Т-IV для вооружения новых танковых бригад, предназначенных для броска против южного фланга Паттона; но, прежде чем Мантейфель взял на себя инициативу, генерал Паттон неожиданно возобновил наступление. Три из новых дивизий Мантейфеля оказались скованными, и лишь через неделю он был в состоянии исполнить приказ Гитлера — перейти в наступление. Его танки стремительно ринулись на сильную 4-ю американскую бронетанковую дивизию, и в последующем яростном четырехдневном сражении Мантейфель потерял 150 новых танков. А так как еще до этого он потерял около сотни танков в боях против 2-й французской бронетанковой дивизии и еще 20 или 30 в других операциях, то «новую», «реорганизованную» 5-ю танковую армию пришлось отвести и вновь «реорганизовать», прежде чем использовать ее в контрнаступлении.

Третьей силой, выбранной для наступления, была 7-я немецкая армия, именуемая так же, как и армия, которая удерживала ту часть

Нормандии, где высадились англичане. Эта армия была почти полностью уничтожена в длинной серии поражений и отступлений. Теперь она также слилась с дивизиями новых «фольксгренадеров» и воздушно-десантных войск, обученных как пехота. Перед ней была поставлена задача создать защитную стену вдоль внешнего фланга левого изгиба, образованного двумя танковыми армиями. Этой армией командовал генерал Эрих Бранденбергер, досконально выучивший военные учебники, но вряд ли способный совершить что-либо выдающееся; в то же время он мог выполнить поставленную перед ним задачу при условии, что будет располагать соответствующими силами и не встретит трудностей, не описанных в учебнике.

План Гитлера в отношении этих трех армий заключался в одновременной атаке вдоль 80-мильного сектора фронта, который удерживался лишь пятью американскими дивизиями, в том числе четырьмя пехотными и одной танковой. Этот план мог действовать до тех пор, пока разведка союзников не обнаружит его и не укрепит Арденны и если остальная часть Западного фронта могла бы быть как-нибудь стабилизирована по крайней мере в течение двух месяцев так, чтобы немцы могли полностью подготовиться.

Было еще много других важных факторов: людей, танки, вооружение, боеприпасы и горючее надо было не только найти, но и тайно доставить в нужные места. И наконец, погода должна была в критический момент удержать на земле грозные воздушные силы союзников. Гитлер так верил в свою счастливую звезду, что ничуть не сомневался в отношении погоды или чего-либо такого, что не подпадало под его контроль. Если же нельзя будет избежать ясной погоды, тогда люфтваффе, которые почти уже изгнаны из воздушного пространства, должны будут вновь господствовать в небе над полем сражения. Рейхсмаршал Геринг обещал, что по крайней мере 2 тысячи новых реактивных самолетов будут готовы поддержать это грандиозное наступление. Кстати, впервые за долгое время будет снова использован воздушно-десантный корпус, который опустится за американские линии, чтобы захватить жизненно важные мосты и пересечения дорог, удерживая их до тех пор, пока не подойдут быстроходные танковые дивизии СС. Эта когда-то грозная сила была почти уничтожена и состояла теперь из пехотинцев, из которых мало

кто прыгал когда-либо с парашютом. Их все же удалось набрать не менее батальона.

И наконец, Гитлером владела одна из его неординарных идей: одним из преимуществ атакующих будут хаос, ужас и дезорганизация, которые вызовет внезапное появление немецких танков, орудий и солдат далеко позади американских линий. Если начнется абсолютная паника, обороняющиеся не смогут удержать свои позиции. Гитлер думал, что он знает, как это осуществить. И он вызвал другого своего любимца — Отто Скорцени.

Примерно за 18 месяцев до этого 35-летний австрийский инженер, вернувшийся по состоянию здоровья из России домой после двух лет тяжелых боев в войсках СС, был вызван к телефону в Берлин, и там ему предложили немедленно отправиться туда, где его ожидал самолет, чтобы доставить в ставку Гитлера.

Он был удивлен, так как был только капитаном и никогда не встречался с кем-либо из больших людей; но, не страдая ложной скромностью, считал себя исключительно способным человеком.

Его звали Отто Скорцени, и ему было 24 года, когда в своей родной Вене он попал на политическое собрание, на котором с речью выступал Йозеф Геббельс, возбужденно рассказывавший австрийской аудитории о новом учении национал-социалистов. Подобно многим молодым людям, Скорцени был обращен этим пылким малорослым агитатором в новую веру и вступил в австрийскую нацистскую партию. Когда же несколько лет спустя она была запрещена, он стал членом аналогичной тайной организации «Австрийское гимнастическое общество», которое организовало так называемые оборонительные части. Последние вступили в действие, когда немцы вошли в Австрию.

Впервые Скорцени обратил на себя внимание руководителей нацистской партии, когда он, облеченный лишь устными полномочиями, один отправился в Президентский дворец в Вене и предотвратил стычку между старой гвардией и новым формированием — эсэсовцами. Это был крупный, красивый мужчина с властным видом, он производил впечатление человека отчаянной храбрости, что заставляло многих хорошенько подумать, прежде чем приставать к нему.

Он вступил в войска СС в самом начале войны и упорно старался участвовать в боях, но победы Германии были столь молниеносны, что единственный противник которого он увидел, были длинные вереницы военнопленных. Так было до вторжения в Югославию в 1941 году, когда он в чине младшего лейтенанта принял наконец участие в сражении. К большому его неудовольствию, бой продолжался всего два часа. После этого началось непрерывное наступление немцев, пока вся Югославия не сдалась. Германская армия одержала еще одну молниеносную победу.

Через несколько недель он участвовал во вторжении в Россию, и опять все показалось слишком легким — основная проблема заключалась в том, чтобы не отстать от быстро продвигавшихся впереди головных войск. Казалось, что Россия вот-вот падет под ударами все сметающей молниеносной войны.

Но мало-помалу положение стало меняться, и русские начали давать отпор, применяя массированно артиллерию, стремительные атаки пехоты и танки, более крупные и лучшие, чем были у Германии. Впервые Германия оказалась перед лицом противника, вооруженного лучше ее. Немецкие противотанковые снаряды отлетали рикошетом от наклонной лобовой брони русских танков Т-34, которые могли поэтому продвигаться впереди, поддерживаемые массированной пехотой. Если бы русская армия обладала достаточным количеством таких танков, Германия потерпела бы поражение еще до конца 1941 года.

Скорцени отличился в тяжелом бою и был награжден Железным крестом. Он дошел уже до окрестностей Москвы, но болезнь спасла его от страшной мясорубки последующего отступления.

Его выздоровление потребовало несколько месяцев, и как только он посчитал себя здоровым (врачи не были согласны с этим), он вновь попытался вернуться на фронт. Вместо этого главный штаб войск СС предложил ему работу в Шестом отделе секретных служб (подготовка специалистов по шпионажу и саботажу). Именно этот опыт Скорцени в указанной области привел его к неожиданному вызову в «Вольфшанце» в июле 1943 года.

Посылая за Скорцени, Гитлер надеялся найти в нем смелого и находчивого человека, способного справиться с трудной задачей

спасения Муссолини, который только что был арестован. Но Гитлер был твердо намерен найти его и привезти в Германию. После беседы с шестью немецкими офицерами-кандидатами он выбрал Скорцени, который тут же подпал под его чары.

Через несколько недель Скорцени принял команду из эсэсовцев и на планерах приземлился около отеля на высоте 1500 футов в горах Аbruцци, где дуче содержался как пленный. С охраной справились без единого выстрела, и Скорцени лично доставил Муссолини к Гитлеру. За эту операцию он получил орден и повышение. С этого времени он стал одним из фаворитов Гитлера и ему часто давали необычные, рискованные задания, в том числе похищение в сентябре 1944 года венгерского диктатора адмирала Хорти.

Таков был человек, за которым Гитлер послал в октябре, и Скорцени был первым, не считая тех, кто составлял план, кто знал об Арденнском наступлении. У Гитлера была для него другая работа, вероятно самая необычная.

Ему было приказано отправиться в теперь уже известное «Вольфшанце», где он увидел Гитлера в довольном, расслабленном настроении. Скорцени был расспрошен обо всем, что касалось его последнего подвига — похищения адмирала Хорти в Венгрии. Он получил звание подполковника и германский Золотой крест. Затем настроение Гитлера изменилось, он стал серьезным. Скорцени подумал, что ему пора уходить, но Гитлер остановил его.

— У меня есть для вас дело, пожалуй самое важное в вашей жизни, — сказал он. — В ноябре Германия начнет крупное наступление, которое может решить ее судьбу, и вам предстоит сыграть в этом большую роль.

Гитлеру нравилось излагать свои планы перед восхищенными слушателями, и сейчас он с поразительной ловкостью прошелся по всему Западному фронту, объясняя последовательность атак и причины выбора для них Арденн и почему он ожидает от этого наступления решающего результата. Скорцени, будучи простым исполнителем, чувствовал себя сбитым с толку, но в то же время полностью уверовал в слова Гитлера, как и все, кого тот старался убедить.

«Одну из самых важных задач в этом наступлении я доверяю вам, Скорцени», — сказал Гитлер и начал пояснять свой план. Специальные части, переодетые в американскую и английскую военную форму, перемещаясь на захваченных у союзников танках и других транспортных средствах, должны будут идти впереди наступающих войск до первого большого препятствия — реки Маас и захватить один или несколько мостов. Также очень важно, чтобы они вызвали возможно больше хаоса позади американских линий, передавая ложные приказы, нарушая коммуникации и воздействуя на моральное состояние, распространяя фантастические слухи об успехах немцев.

Одно только присутствие немецких войск, переодетых в английскую или американскую форму, вызовет всеобщую подозрительность и серьезно замедлит подход подкреплений. <...>

Первый штурм

Было бы заблуждением представлять себе, что план какой-нибудь кампании может быть определен намного вперед и с точностью осуществлен.

Первое же столкновение с неприятелем создает новую ситуацию в зависимости от результата.

Некоторые намеченные планы могут оказаться неосуществимыми, а другие, которые сначала казались невозможными, становятся исполнимыми.

фон Мольтке

Большая часть из двухсот с лишним тысяч немецких войск, предназначенных для крупного контрнаступления, только достигла исходных для атаки позиций в последние несколько дней оперативного движения, разработанного почти до минуты. Конечно, все и везде не может пройти гладко, без помех: некоторые части не смогли подойти вовремя к месту назначения; были допущены ошибки в калибрах боеприпасов и распределении горючего; некоторые соединения сбились с дороги и смешались с другими частями. Но 95 процентов людей, орудий, машин, боеприпасов и горючего были доставлены вовремя и в нужное место — и так, что это не привлекло внимания разведки союзников. Это одно из выдающихся достижений в организации ведения войны.

Сосредоточение артиллерии было весьма примечательным, учитывая протяженность фронта, обороняемого Германией на востоке и западе, и ее недавние огромные потери. В одном из послевоенных интервью генерал Штадтингер, командовавший артиллерией 6-й танковой армии СС, рассказал о наличии орудий на своем фронте: «Наряду с дивизионной артиллерией обоих корпусов у нас был батальон из трех батарей. В каждом — по девять орудий от 150 до 210 мм. В армейской артиллерии у нас было две бригады “Небельверфер”^[98] плюс три бригады тяжелой артиллерии — 200 мм,

240 мм и 350 мм. Мы имели также два или три корпуса “фольксартиллерии” с шестью батальонами в каждом».

Зепп Дитрих открыл тяжелый заградительный огонь, прежде чем бросить свою пехоту в атаку, а фон Мантейфель хотел сперва атаковать передовые американские позиции, выигрывая фактор неожиданности, затем использовать свою артиллерию для подавления артиллерии противника, далее нарушить коммуникации, задержать подкрепления и уничтожить командные пункты. Генерал Штадтингер описал тактику 6-й танковой армии СС: «Мы наметили на первый день следующие три вида огневых действий: первое — начиная с 5 часов 30 минут огонь по главной линии сопротивления. Второе — огонь по командным пунктам, перекресткам дорог. Третье — огонь по более отдаленным деревням и опорным пунктам и особенно по дорогам, по которым, как мы предполагали, будут подводиться резервы».

Генерал Штадтингер хотел сконцентрироваться на гребне Элзенборн, который идет от Рошера Кринкель, так как полагал, что здесь сопротивление будет наиболее упорным. Но этот план был отклонен. Если бы он сделал по-своему и если бы парашютисты были сброшены на Кринкель, как просил об этом Модель, возможно, что положение на севере было бы совсем иным. Вместо этого артиллерия была равномерно распределена вдоль всей 25-мильной протяженности фронта 6-й танковой армии и более разбросанно, чем обычно, из-за неплотности американской линии.

В полночь полковник фон дер Гейдте выстроил 1250 солдат воздушно-десантных войск, готовых к посадке на грузовые машины, которые должны были перебросить их за 25 миль к аэродрому, где их ожидали старые самолеты Ю-52. Проходили часы, но не было никакого признака транспорта. В конце концов взбешенный фон дер Гейдте пробился к офицеру, командующему транспортом, и обнаружил, что нет горючего для грузовых машин: склад был опустошен одной из бронечастей, продвигавшейся для контрнаступления. Десант был отложен на 24 часа, когда, если оправдается оптимизм Дитриха, он уже больше не понадобится. Десантникам разрешили отправиться на отдых.

В 5 часов 30 минут взорвался весь Арденнский фронт (за исключением части сектора Мантейфеля — против северного фланга

28-й пехотной дивизии). Снаряды визжали почти непрерывно в течение полутора часов над головами стоящей в ожидании пехоты. «Фольксгренадеры», среди которых многие впервые вступали в бой, были возбуждены подстегивающими приказами по армии старого фельдмаршала фон Рундштедта и самого Гитлера. Многие считали, что будут участвовать в великом наступлении, которое как-то, чудесным образом, выгонит интервентов из фатерланда. И когда они услышали страшный артиллерийский огонь из своих орудий и увидели освещенные прожекторами цели, они уверенно ринулись вперед.

На северном участке 6-й танковой армии СС бронепехота танковых колонн находилась позади «фольксгренадеров», затем вплотную следовали танки отборных танковых дивизий СС: справа — 12-я («Гитлерюгенд»), слева — ее главный соперник — 1-я дивизия («Лейбштандарте»). Сразу же за танками стояли диверсанты Отто Скорцени, одетые в американскую военную форму и нетерпеливо ожидавшие в американских «джипах» обещанного прорыва американских линий.

Ударной силой 150-й бригады Скорцени были 3300 человек, которых он распределил по трем боевым группам, каждая из которых была придана одной из танковых колонн Дитриха. Обгоняя более слабые части, обходя более сильные, они должны были идти как можно быстрее впереди танков и обеспечивать им проход через мост. Три моста — Энжис, Амэй и Юи — пересекали Маас между Льежем и Намюром; воздушная разведка донесла, что они не охраняются. Как только будет прорван фронт 99-й американской пехотной дивизии, быстроходная разведка Скорцени устремится к мостам и вернется с донесением об обстановке и о возможном подходе американских сил. Вторая их задача заключалась в том, чтобы усиливать панику и смятение, нарушать коммуникации, смещая указательные столбы или показывая неверные направления, перерезать телефонные линии и подрывать склады с боеприпасами.

Скорцени, хотя и был уверен в успехе, подчеркивал, что его операция «Грейф» удастся лишь в том случае, если 6-я танковая армия СС выполнит свои задачи первого дня; если это не будет сделано, то возникновение паники и растерянности позади американских линий маловероятно, отчего и зависела его операция. Начальник штаба

группы армий «Б» генерал Кребс лично заверил полковника Скорцени, что 16 декабря с наступлением ночи вся американская линия фронта прекратит свое существование и немецкие части устремятся вперед, наращивая непреодолимую инерцию движения. Скорцени был доволен таким заверением со стороны старшего офицера.

С 20 танками и 30 машинами разведки он, вероятно, смог бы захватить мосты, но не мог надеяться удержать их более 24 часов. За два дня до наступления он проинструктировал командиров своей части, которые впервые узнали о крупном наступлении и о своей роли в нем. На следующий день они отправились на свои позиции в хвосте танковой боевой группы СС.

Скорцени расположил свой штаб рядом со штабом 1-го танкового корпуса СС у Шмиттхейма, в каких-то 9—10 милях позади стартовой линии, и стал ждать сообщения о том, что американская линия прорвана и его люди могут броситься через брешь к мостам. <...>

Прорыв

Лучше опрометчивость, чем бездействие, лучше ошибка, чем нерешительность.

Официальное немецкое руководство по военному делу

Вдоль всего фронта наступления обстрел продолжался в течение всей ночи с 16 на 17 декабря, когда германское командование, в большинстве своем неудовлетворенное темпами продвижения своих войск, толкало их вперед, выискивая слабые места, готовое понести тяжелые потери, лишь бы добраться до выхода на запад.

В своей новой ставке главнокомандующего в Цигенбурге, примерно в 60 милях восточнее Рейна, Адольф Гитлер сосредоточил все свое внимание на этой маленькой части длинного германского фронта. Когда стали поступать донесения, в которых большей частью умалчивалось о невыполненных задачах, а на первый план выдвигались солдатские подвиги, он вновь преисполнился верой в свою судьбу — чувство, которое появлялось всегда вместе с молниеносными победами Германии. Все должно было свершиться так, как он это предсказывал своим сомневающимся генералам: незадачливые союзники, Англия и Америка, будут расчленены подобно тому, как острая пила проникает в гнило дерево.

Но если в ставке царили оптимизм и ликование, то среди высшего командования эти чувства все более ослабевали: фельдмаршалы Модель и фон Рундштед знали, что «блицкриг» идет не по плану, а отдельные командующие армиями были еще более разочарованы.

В штабе 7-й немецкой армии генерал Бранденберге уже знал, что перед ним поставили совершенно невыполнимую задачу. Его три дивизии «фольксгренадеров» не сумели быстро отбросить малочисленную американскую пехоту, находившуюся против них, и у него было мало надежды на то, что они смогут устоять против неизбежной контратаки с юга. Его 4-я штурмовая дивизия, парашютно-десантная пехота, которая должна была продвигаться в

ногу с левым крылом генерала фон Мантейфеля, весь день позорно тащилась позади, хотя сами солдаты 5-й танковой армии проделали путь меньше чем наполовину против ожидаемого продвижения.

Генерал фон Мантейфель также не был удовлетворен продвижением своей армии, за исключением крайне правого крыла, где две трети вверенной ему 18-й дивизии «фольксгренадеров» сделали все, что от них требовалось, чтобы загнать в ловушку в Шнее Эйфель два американских полка. Но клешни западни должны были сомкнуться: если продвинется только одна, то она станет уязвима для фланговых атак с обеих сторон; если же войска левой клешни не смогут быстро ринуться к Шёнбергу, то 200 человек пополнения, стоящие против 6 или 7 тысяч солдат американской пехоты на восточном склоне Шнее Эйфель, станут легкоуязвимы для противника.

Генерал Мантейфель был также разочарован тем, что 560-й дивизии «фольксгренадеров» не удалось захватить переправы через реку Ур, чтобы пропустить через них 116-ю танковую дивизию. Он был уверен, что именно здесь, между Сен-Витом и Бастонью, пролегает наиболее короткая удобная дорога к реке Маас. Но эту танковую дивизию пришлось отвести назад, повернуть на юг и направить к тому самому понтонному мосту у Дасбурга, которым 2-я танковая дивизия так медлила воспользоваться. Ценное время истекало.

В последующие несколько часов надо было попытаться наверстать потерянное время, для того чтобы нанести сокрушительный удар по стойкой обороне против Клерфа и достигнуть Бастони, прежде чем она получит подкрепления. Он считал это вполне возможным, но если эсэсовцам Дитриха справа от него не удастся достаточно продвинуться, то правый фланг 5-й танковой армии при продвижении окажется открытым. Так или иначе, генералу фон Мантейфелю нечему было радоваться.

Но несчастливее всех был Зепп Дитрих, которому было отдано все и от отборных частей которого так много ожидали. Знаменитая 12-я танковая дивизия СС «Гитлерюгенд» все еще стояла в лесу, сдерживаемая не обстрелянной американской пехотой, которую поддерживал неожиданно сильный артиллерийский огонь. По-видимому, это осталось совершенно неизвестным его разведке.^[99]

Была там и еще одна пехотная дивизия, уже побывавшая в сражении, причем в том же районе. Ее правый фланг был остановлен.

Не намного лучше своих соперников действовала 1-я танковая дивизия СС («Лейбштандарте»). Немецкой пехоте и инженерным войскам не удалось захватить и восстановить взорванные мосты. Единственным светлым пятном было пришедшее поздно ночью донесение о том, что полковник Пейпер прошел через американские передовые линии обороны и быстро движется через лес на запад со своей боевой группой. Но не было гарантии, что пробившаяся часть не остановится перед стойкой обороной, которую американцы теперь имели время подготовить.

Дитрих вновь подумал о том, что фюрер, видимо, утратил свое чутье: ни одна из его неортодоксальных идей не сработала — люди Скорцени, переодетые в американскую военную форму, стояли позади штурмовых войск, а десантники фон дер Гейдте, которые уже сейчас должны были удерживать жизненно важные перекрестки дорог в глубине американской территории, еще даже и не трогались с места.

В числе преимуществ, имеющих у атакующего, есть и то, что он знает, чего он добивается, знает также направление и масштабы своего главного удара; он знает, насколько хорошо или плохо он действует. Он может изменить диспозицию своих войск, для того чтобы «сохранить цель» и не дать противнику узнать, какова она. Если первая атака не привела к полному провалу, что случается редко, обороняющиеся могут поначалу отвечать лишь имеющимися в их распоряжении средствами, и понадобится время для организации последовательной обороны.

В течение этого первого беспорядочного и неясного периода обычно переоценивают как силу атакующего, так и потери с обеих сторон. Этот период особенно опасен для атакованной стороны, так как моральное состояние обороняющихся подвергается величайшему напряжению, когда все кажется неясным и беспорядочным и ходят слухи о сокрушительных победах врага и больших бедствиях на собственном фронте.

К концу первого дня Арденнского наступления никто из американцев не имел представления ни о его размерах, ни о целях, так как нарушение коммуникаций на фронте, множество мелких стычек,

меняющаяся обстановка и полная неподготовленность перед наступлением столь крупного масштаба привели к такому замешательству, что многие донесения на уровне дивизии, корпуса и армии не имели большого значения. Отдавались приказы «удержаться любой ценой» на месте, которое уже было оставлено, и примерно вдвое больше немецких дивизий, чем на самом деле, были обозначены как выведенные из строя. И в то же время масштаб немецкого наступления настолько не учитывался, что просьба командира 2-й пехотной дивизии о прекращении атаки у Роэр Даме и отводе его опасно выдвинувшейся колонны была отклонена.

Прошло несколько дней, прежде чем обозначилась связная картина и стало возможным скоординировать все оборонительные действия. Быть может, только после войны станет точно известно, что же происходило в эти первые критические часы вдоль всего Арденнского фронта. Оценят ли по достоинству промедление, навязанное атакующим благодаря стойкому сопротивлению многих небольших подразделений, некоторые из которых позже будут почти полностью уничтожены?

Эти внезапность и смятение, вызванные немцами, и были одной из главных целей обеих операций — «Грейф», возглавляемой Скорцени, и парашютного десанта полковника фон дер Гейдте. Обе они, хотя бы в этом, в последующие несколько дней достигли цели.

После усиленной тренировки воздушно-десантные войска взвинтили себя до того напряжения, которого требовала опасная операция, о которой им сообщили лишь в последний момент. Но последующее 24-часовое ожидание сняло, как острой бритвой, эту подготовку. В конце концов поздней ночью первого дня битвы пришел и к ним приказ: десант состоится, даже если танки Зеппа Дитриха уже достигнут зоны десантирования в Хоэс Венн, севернее Мальмеди. То, что они этого не сделали, означало лишь, что американский фронт не был прорван, и если американцы смогли сдерживать танки СС в течение дня, то не было гарантии, что танки прорвутся на другой день. К тому же, поскольку наступление было уже в полном разгаре, элемент внезапности, весьма существенный для небольшой воздушно-десантной операции, был утрачен, и можно было ожидать, что на севере, где была отложена парашютная операция, американцы уже

двигались через территорию, предназначенную для выброски десанта. К тому же метеосводка сообщала о сильных ветрах и непогоде над Арденнами.

Это был обескураживающий прогноз, но полковник фон дер Гейдте, напустив на себя бодрость, которой у него вовсе не было, повел своих людей к изношенным «Ю-52» на аэродром в Липпшпринге. Остальные его силы, насчитывавшие 1250 человек, должны были вылететь из Падеборна, и обе группы должны были соединиться над Барак Мишель, на высоте 2 тысячи футов, в лесистой местности, в 10 милях севернее Мальмеди, через которую американцы должны были двигаться с севера свои подкрепления на поле сражения и которая нужна была танкам дивизии «Гитлерюгекд» для продвижения к переправам на реке Маас.

В глубине души полковник фон дер Гейдте был убежден, что в этот поздний час он мог рассчитывать только на то, чтобы контролировать дороги, самое большее, в течение дня. Если мощное подкрепление танков и «фольксгренадеров» не подоспеет к нему, судьба его молодых, отважных добровольцев будет решена.

Поскольку многие из пилотов имели мало или совсем не имели опыта ночных полетов, им указывали курс прожекторами на протяжении всей боевой зоны, после чего они летели уже в темноте. Сильный встречный ветер с гор рассеивал самолеты в темноте ночи, и когда по радио раздался приказ прыгать, парашютисты уже не представляли собой единой силы. Одна стрелковая рота оказалась позади немецких линий, другие — в отдаленных районах Арденн, вдали от домов, дорог и даже тропинок. Многие, впервые совершая прыжок, поломали себе руки или ноги при приземлении. Тех, которым повезло, обнаружили и взяли в плен. Другие оставались лежать в снегу и медленно умирать от истощения и голода. Тела их находили весной.

Опытный летчик полковника фон дер Гейдте, тот самый, который доставил его в 1941 году на Крит, полетел прямо к месту приземления, ориентируясь по наземным ракетам, спущенным перед этим «мессершмиттом». Только 10 или 15 «юнкерсов» из сотни прилетели к назначенному месту, но полковник фон дер Гейдте не знал об этом. Он отдал приказ, и через несколько минут выпрыгнул последний

десантник. Это должно было стать последней операцией некогда великого немецкого воздушно-десантного корпуса.

Была суббота, 3 часа 30 минут 17 декабря. Через два-три часа фон дер Гейдте с ужасом обнаружил, что на сборном пункте у перекрестка дорог собралось менее сотни его людей. Он послал небольшие группы прочесывать ближайший лес, чтобы найти и привести остальных, и в итоге общая численность отряда составила около 350 человек, то есть менее трети первоначального состава. Невозможно было ни открыть дорогу для дивизии «Гитлерюгенд», ни задержать движение американских подкреплений, идущих с севера.

Его взвод связи исчез до последнего человека: люди опустились на шесть-семь миль восточнее, приземлившись перед удивленной немецкой пехотой на линии фронта южнее Моншау. Личный радист полковника фон дер Гейдте погиб при спуске, как и некоторые другие, и теперь такими малыми силами невозможно было что-либо сделать, кроме как произвести разведку и доложить о диспозиции и движении американцев.

Но хотя ситуация была обескураживающей, фон дер Гейдте не чувствовал себя побежденным. Он приказал прислать к нему солдат для тренировки в парашютном деле, так как они «должны научиться верить в победу даже тогда, когда в какой-то момент логическое мышление едва ли видит возможность победы Германии». Такой момент наступил сейчас для него, и он отбрасывал мысли о поражении, решив сделать все, что еще мог, со своими малыми силами. Они будут скрываться в лесах, наблюдая за дорогами, атаковать не слишком сильные части, захватывать машины, брать пленных и прежде всего быть в движении, создавая впечатление более крупной силы. Но он знал, что, не имея достаточно продовольствия, теплых одеял и более мощного оружия, чем минометы и автоматы, они не смогут долго продержаться, если американская линия в 15 милях от них не будет прорвана на второй день.

На рассвете они услышали шум колонны грузовиков, поднимающейся к ним с севера, и приготовились к засаде, но вскоре стало ясно, что американские силы были слишком крупными, чтобы их атаковать. Когда машина за машиной, полные американских пехотинцев, прошли мимо затаившихся немцев, полковник фон дер

Гейдте опознал в этой части 1-ю пехотную дивизию — «БИГ РЕД УАН»,^[100] весьма опытную среди американских вооруженных сил и хорошо известную ему по войне в Тунисе. Он с горечью подумал, что лучше было бы Зеппу Дитриху быть директором зоологического сада,^[101] — они наверняка могли бы сейчас использовать почтовых голубей.

После высадки в Оране в начале сражения на северо-западе Африки регулярная 1-я пехотная дивизия участвовала почти в каждой кампании. Когда после ожесточенных боев против одних из лучших немецких войск они вернулись в Оран для «восстановления сил», то увидели, что обосновавшиеся там интендантские части захватили клубы и заведения, куда фронтовикам вход был воспрещен. Тогда 1-я пехотная дивизия вторично «освободила» Оран, и последующие затем беспорядки почти полностью вышли из-под контроля.

Гордые своими непревзойденными боевыми достижениями и презирая не только тыловых солдат (которые в американской армии превосходили боевые войска в отношении примерно 15:1), но и способные недооценивать также и другие превосходные боевые дивизии, они пренебрегали правилами и уставами, одевались, как хотели, и были кошмаром для военной полиции.

Несмотря на тяжелые потери, эта знаменитая дивизия участвовала в высадке на Нормандском побережье — это была ее третья высадка под огнем — и в течение последующих шести месяцев непрерывно участвовала в боях. В конце концов после 31-дневного сражения за Роэр в составе 7-го корпуса ее в начале декабря отвели для отдыха и ремонта снаряжения.

Когда вечером 16 декабря раздался сигнал тревоги, большинство солдат и офицеров этой дивизии находилось в отпуске по всей Франции и Бельгии, а большая часть снаряжения была в ремонте. Тем не менее в полночь 26-й пехотный полк вышел с резервной позиции 7-го корпуса, проехал через расположение 5-го корпуса и, как мы видели, пройдя через позиции немецких парашютных войск, достиг к 9 часам утра в субботу Элзенборна. Первым прибыл 2-й батальон, чьи стрелковые роты в результате боев насчитывали только около сотни человек каждая; девять десятых из них были новички — лишь некоторые из офицеров были вместе с полком с начала сражения

несколько недель назад на реке Роэр. Их немедленно ввели в действие, и это подкрепление для 99-й и 2-й пехотных дивизий, которое, сдерживая противника, отчаянно удерживало Элзенборнский гребень, должно было оказаться решающим.

Весть о том, что немцы выбросили крупный парашютный десант, распространилась быстро, и хотя операция Хоэс Венн — так она была названа по наименованию территории, где приземлились парашютисты, — не имела большого военного значения, последствия ее оказались далеко идущими.

Так как под действием ветра парашютисты были разбросаны на значительной территории, создалось впечатление, что операция была гораздо большего масштаба, чем это было на самом деле. Больше 300 солдат фон дер Гейдте были почти тотчас же окружены в разных пунктах, и когда в одном районе обнаружили 300 десантников, то решили, что это была крупнейшая воздушно-десантная операция, в стиле голландской или критской.

Второй день Арденнского наступления должен был, вероятно, подкрепить такого рода утверждение, хотя в высших кругах союзного командования было известно, что вдоль всего фронта 8-го корпуса происходило множество местных боев, и в ряде случаев — с катастрофическим результатом. Донесения о немецких атаках сокрушительной силы, о затянутых «мешках», о панических отступлениях, о дорогах, запруженных гражданскими беженцами и военными из тыловых частей, о немецких солдатах, переодетых в американскую военную форму, а сейчас еще и о крупных силах воздушно-десантных войск — все это вместе способствовало созданию леденящей картины мощного контр наступления немцев. Почти в каждом донесении встречалась одна и та же фраза: «Весь ад обрушился на нас».

Когда генерал Омар Брэдли вернулся в ночь на 17 декабря в штаб 12-й группы армий в г. Люксембурге после совещания с генералом Эйзенхауэром в Версале и увидел на карте военных действий 14 атакующих немецких дивизий, половина которых были бронетанковыми, он ужаснулся и вскричал: «Где, к черту, этот сукин сын взял всю эту силу?!» Этот вопрос задавали многие в лагере союзников, но никто не знал на него ответа. <...>

В действительности американские потери были незначительны. Так, например, в воскресную ночь 422-й полк сообщил о сорока раненых, предназначенных к эвакуации, — по крайней мере до дня, когда 423-й полк был подвергнут сильному огню немецкой артиллерии. Оба полка понесли потери, когда они вели огонь между собой, но по меньшей мере 90 процентов их состава были взяты в плен неранеными.

Окружившие их немцы, взявшие в кольцо «мешок», были сравнительно немногочисленны: в отличие от атакующих с запада, три или четыре тысячи «фольксгренадеров» (в том числе и те 200 человек напротив Шнее Эйфель, которые прошли через холмы) и еще около тысячи свежих войск. Солдаты, образовавшие эту тонкую стену, ожидали в ночь на воскресенье попытку американцев выйти из окружения, но, к их большому удивлению, ничего не произошло. Более чем двухдневная бездеятельность хорошо обученной и оснащенной американской пехоты озадачила немцев: в итоге моральное состояние этих последних возросло, а по престижу союзников был нанесен серьезный удар.

По меньшей мере 8 тысяч, а может быть и 9 тысяч, американских солдат начали свой длинный путь от Эйфеля к лагерям военнопленных в Германии. Для большинства этих очень молодых пехотинцев, еще непривычных к лишениям, это был конец двухнедельного кошмарного пребывания на переполненном военном судне, пробиравшемся через Ла-Манш в течение нескольких дней, затем долгий поход под дождем и в холод через Францию и Бельгию и, прежде чем они успели прийти в себя, — короткое, непонятное сражение, в котором не было ничего из того, что им говорили. И в конце концов, к их великому удивлению, унижительный плен.

Позже был долгий и тщательный анализ этого самого тяжелого из всех поражений американцев в Европе, но, когда все уже сказано и сделано, выявляются некоторые факторы. Один из них, который не должен быть забыт, — это та доля жестокого невезения, которой было заплачено во время атаки. Немцы не собирались завлечь в ловушку вновь прибывшую, плохо вооруженную, страдающую от холода и «траншейной стопы», необстрелянную дивизию. Они намеревались обойти с фланга на Шнее Эйфель опытную 2-ю пехотную дивизию, и если бы их атака состоялась в назначенный день, они попытались бы

это сделать, и, конечно, с совсем иным результатом. С другой стороны, если бы немецкая атака состоялась на одну или две недели позже, результат опять-таки мог быть иным. Но эти факторы не имеют значения в Арденнском наступлении, и бесполезно распространяться о них.

Остается тот факт, что 106-я дивизия оказалась совершенно неподготовленной, реакция работников штабов была замедленной и просто неэффективной. Нечто вроде гипнотической парализованности охватило командование с верха до низов; из всех возможных реакций на атаку хуже всего — ничего не предпринимать. За исключением правофлангового батальона 423-го пехотного полка, который сражался исключительно хорошо в первое утро в районе Блеальф, два полка, удерживавшие важные позиции на Шнее Эйфель, просто не противодействовали мощной атаке немцев на своих флангах.

Панический отход некоторых штабов и тыловых войск — это черное пятно на американской военной репутации; это значительно меньше относится к дивизиям, находящимся по обеим сторонам 106-й пехотной дивизии и отлично проявившим себя, так же как стойкая оборона 424-го пехотного полка. Ведь этот полк был обучен, экипирован и сформирован из множества таких же людей, как и в двух других, и, значит, в других обстоятельствах они тоже могли бы хорошо зарекомендовать себя.

Моральное состояние воинской части строится из таких практических факторов, как оружие, боеприпасы, питание, диспозиция войск и общая обстановка, а также из таких переменных факторов, как соотношение сил, погода и падение эффективности, связанное с истощением. Есть и другие моменты, столь же важные, но трудноизмеряемые, которые могут повлиять на моральное состояние: письма из дома, статейки в местных газетах, чувство ответственности за дружбу, возникшую в период подготовки и укрепившуюся в боях, и та доблесть, которая известна под именем «*esprit de corps*».^[102] Но той прочной основой, на которой стоит эта сложная структура, является доверие, в котором самое важное — это вера в руководство на всех уровнях. При отсутствии таковой даже самое оснащенное подразделение рассыплется под сильным ударом; при наличии ее даже

численно превосходящие силы не оправдывали расчетов военной математики.

Двадцать пять миль за два дня

Тактический успех лишь тогда бывает подлинно решающим, если он достигается в стратегически правильном месте.

фон Мольтке

В субботу 17 декабря, к середине дня, артиллерия и боевой резерв 7-й бронетанковой дивизии США шли по своему маршруту от Эйпена к месту дивизионного сбора вокруг Сен-Вита, двигаясь по дороге, которая должна была находиться позади боев. В то же самое время боевая группа передового отряда Пейпера двигалась на запад от Модершейда к Ставелоту: обе колонны должны были неизбежно встретиться.

Местом этой встречи оказалось пересечение дорог южнее Мальмеди. Американские танки добрались туда первыми и двинулись по направлению к городу Линьёвилль; через 15 минут после того, как последний американский танк исчез за подъемом, первая из бронемашин Пейпера прошла с восточной стороны этого перекрестка. Артиллерийские обозы 7-й бронетанковой дивизии должны были уже пройти там, так как их маршевая позиция находилась сразу же за танками, но длинная колонна очень растянулась, и нескольким грузовым машинам удалось втиснуться в брешь дивизионной бронекolonны. Там было человек 125 из батареи «Б» 285-го артиллерийского батальона полевого наблюдения — название, которое станет хорошо известным почти каждому американцу, сражавшемуся в Арденнах.

Пулеметы, установленные на вездеходах Пейпера, стали обстреливать грузовики, и, застигнутые врасплох, американцы начали выпрыгивать из них и бросаться в канавы. Их быстро окружили, разоружили и приказали ожидать на поле, в стороне от дороги, когда идущие следом немецкие войска займутся ими. Затем группа Пейпера проследовала дальше в направлении Линьёвилля.

Пленные американцы спокойно ожидали, глядя на движущийся на запад поток мотоциклов, танков и самоходных орудий. Время от времени колонна останавливалась, и американцы и немцы разглядывали друг друга. Примерно через два часа кто-то с вездехода почти наугад разрядил свой пистолет в толпу американских пленных.

«Стоять на месте! — крикнул американский офицер. — Не разбегаться...»

Но почти тут же раздался другой выстрел, а затем немцы открыли огонь из автоматов по пораженным и беззащитным людям. Вскоре образовалась лишь груда тел. Некоторые корчились от боли, другие лежали неподвижно. Раненых, пытавшихся отползти в сторону, добивали выстрелом в голову. Было убито не менее 86 пленных американцев, но некоторые выжили, притворившись мертвыми, и позже, после войны, свидетельствовали против виновников бойни в Мальмеде. <...>

Последнее безуспешное усилие немцев

Лучше ужасный конец, чем ужас без конца.

Немецкая поговорка

В первые дни 1945 года, когда союзники понесли одну из самых тяжелых своих потерь и продвижение, казалось, было трагически медленным, фронт посетили Черчилль и начальник имперского генерального штаба фельдмаршал Брук. Неудивительно, что они были поражены и взволнованы тем, что увидели и услышали. В январе Черчилль написал Рузвельту письмо, ясно выражавшее его озабоченность.

Подобно тому как он незадолго до этого обещал дополнительно четверть миллиона войск, сейчас он взял обязательство направить на линию фронта или вблизи нее некоторое количество пехотных бригад, включая и несколько из морской пехоты. Он поддержал просьбы штаба Верховного командования экспедиционными силами союзников в Европе о пополнении пехотных дивизий в связи с понесенными ими тяжелыми потерями. «Я глубоко убежден в необходимости поддержать пехоту, которая несет две трети всех потерь, но очень часто последний получает пополнения... таков суровый факт, господин президент: чтобы дело двинулось, нам нужно больше сражающихся войск. Я чувствую, что наступило время для нового мощного импульса и для дружбы, и для усилий, которые мы должны извлечь как из глубины самих себя, так и из последних наших ресурсов. Скажите мне, не колеблясь, что, по вашему мнению, мы должны сделать».

Длинный ряд американских успехов и колоссальное преобладание американских сил в Европе в некоторой степени затмевали личное участие Черчилля в войне. Это была ситуация, с которой не в его натуре было смириться. Поражение в Арденнах подействовало на него, как обычно действуют неудачи — как толчок к действию. Мысля, как он часто делал, глобально, он видел, что одно из средств парировать нокаутирующий удар в Арденнах — это заставить немцев обратить

свое внимание на Восточный фронт, и он получил разрешение от Эйзенхауэра лично написать маршалу Сталину.

Это письмо было послано в тот же день, что и письмо президенту Рузвельту, и оно отражало то же самое настроение пессимизма. Его последствия на послевоенное положение в мире были огромны.

«На Западе идут очень тяжелые бои... — писал Черчилль. — Вы сами знаете по Вашему собственному опыту, насколько тревожным является положение, когда приходится защищать очень широкий фронт после временной потери инициативы... я буду благодарен, если Вы сможете сообщить мне, можем ли мы рассчитывать на крупное русское наступление... в течение января... Я считаю дело срочным».

[\[103\]](#)

Сталин ответил немедленно, подчеркнув, что запланированное им наступление связано с погодными условиями: существенным фактором является хорошая видимость. «Однако, учитывая положение наших союзников на Западном фронте, Ставка Верховного Главнокомандования решила усиленным темпом закончить подготовку и, не считаясь с погодой, открыть широкие наступательные действия против немцев по всему Центральному фронту не позже второй половины января».

[\[104\]](#)

Через шесть дней после этого 14 русских пехотных дивизий и два отдельных танковых корпуса двинулись через Верхнюю Вислу, начав на восемь дней раньше великое наступление, поставившее русских в столь благоприятное и выигрышное положение на Ялтинской конференции, на которую Сталин разослал приглашения через три дня после обращения Черчилля за помощью.

Результаты наступления на Востоке дали себя немедленно почувствовать на Западе. Гитлер уже отозвал в резерв, под свое личное командование, 6-ю танковую армию и вызвал назад из Бастони остатки дивизии «Лейбштандарте». <...>

16 января 1945 года, ровно через месяц после того, как тихий Арденнский фронт взорвался пламенем, в 9 часов утра 11-й бронепатруль соединился в Уффализе с пехотой 2-й танковой дивизии.

С этого момента немцы уже не могли иметь никаких наступательных намерений внутри своего клина, они должны были

сосредоточиться на спасении того, что еще можно было спасти от катастрофы.

Когда гитлеровская операция «Вахта на Рейне»^[105] двигалась к завершению, настроение обеих сторон было уже совсем иным. Немецкие солдаты, которые еще совсем недавно грезили победой и шли вперед с большим подъемом, вызванным новыми успехами, знали теперь, что это лишь мечта и что вот-вот начнется кошмар.

В некоторых дивизиях численность солдат сократилась до 20–30 в каждой роте; много оружия отсылалось обратно из-за того, что для него не было патронов и боеприпасов; снабжение горючим и продовольствием, медицинская помощь были парализованы, и казалось, что «проклятые “джабы”»^[106] способны отыскать и уничтожить каждую колонну, которая попытается что-либо подвезти. Сотни танков, самоходных пушек, огневых средств, пусковых установок для многоствольных ракет — все, что вскоре так отчаянно понадобится для защиты фатерланда, лежало искореженным в арденнских снегах.

Немецкие солдаты поняли, что наступает конец, и от чудовищности поражения росли их отчаяние и горе.

Со стороны американцев люди, оставшиеся в живых на тех позициях, которые приняли на себя первый удар, солдаты из частей, брошенных для сдерживания немецкого наступления, принесенных в жертву ради выигрыша времени, и из дивизий, разбитых при жестоком обстреле во время контратаки, думали о тех, кого они знали так хорошо — иногда с момента поступления на военную службу — и кто теперь пропал без вести, был ранен или мертв. Им вспоминались минуты позора — брошенная в панике боевая техника, неоправданное бегство, ужас перед разрывающимися снарядами, вой минометов и крики умирающих и болезненное чувство непривычного поражения.

Но им помнились также моменты отваги, ранений, ответные удары и героические действия, возвращавшие каждому чувство собственного достоинства.

Сейчас, когда их части заново экипировались и восстанавливались их мощь и они смотрели в незнакомые лица новых солдат, готовившихся к первому сражению, и слышали почти непрерывный

гул крупных орудий, беспощадно громивших немцев, и видели самолеты, уверенно господствовавшие в небе, они постепенно осознавали, что, в конце концов, все идет хорошо.

Немцев ожидало поражение, и не только в их арденнской авантюре, но и в их совершенно безумной попытке господствовать над всем миром.

Некоторые воображали, что победа будет быстрой и легкой. Противостоящие им солдаты могли быть и меньшей численностью, и с худшим вооружением, без поддержки с воздуха и при недостаточном военном снаряжении, но они не сдавались, и даже еще не отступали, а когда они атаковали, то били крепко. Они были обмануты, ими плохо руководили, но это были храбрые люди, они собирались воевать на своей родной земле и были уверены, что ни они, ни их семьи не могут рассчитывать на пощаду со стороны победителей — придут ли эти последние с Запада или с Востока.

Заключение

Это был бы блестящий замысел, если бы Гитлер все еще располагал силами и ресурсами, которые могли бы обеспечить ему в конечном счете успех.

Сэр Бэзил Лиддел Гарт («По другую сторону холма»)

Крупная авантюра, направленная на раскол западных союзников с помощью прорыва двух танковых армий через Арденны к Антверпену, была последним большим наступлением верховного военачальника — Гитлера, ибо после потери его мобильных резервов, нескольких сотен танков и самоходных орудий и полного уничтожения военной авиации, потерявшей более тысячи самолетов, он уже был не в состоянии завладеть стратегической инициативой.

В течение тех ста дней, которые прошли между провалом его наступления и его самоубийством среди развалин Берлина, все военные распоряжения Гитлера относились только к обороне, и хотя он твердо держал в руках нити от своих марионеток, он ограничивался запрещением отступить и отвергал предложения о тактической перегруппировке, говоря, что не видит смысла в перенесении катастрофы с одного места на другое. Бедственный результат того, от чего он ожидал сокрушительного удара, подорвал его уверенность и превратил из охотника в затравленного зверя — перемена роковая для того, кто хотел стать властелином мира.

К концу января 1945 года немцы были отброшены назад к тому месту, откуда они начинали наступление за шесть недель до того. Слева от них дивизии, участвовавшие в операции «Нордвинд»,^[107] были повсюду остановлены, и их командующие знали, что лишь вопрос времени, когда контрнаступление союзников отбросит их на территорию Германии. На обоих этих фронтах потери немцев в людях и снаряжении были очень тяжелыми, как и у союзников (в то время каждая сторона объявляла вдвое больше потерь у противника, чем у себя; как сейчас стало известно, потери были примерно равными), но

немцы не могли уже восполнить свои потери, в то время как союзники могли и делали это.

На Западе шансы склонялись все более и более в сторону союзников, немцы же были вынуждены отправить дивизии на Восточный фронт, чтобы противостоять страшным ударам, наносимым пробудившимся разъяренным русским гигантом.^[108] Уже обороняясь по всему Западному фронту, немцы поспешно отходили за «линию Зигфрида». Все это означало, что у крупного наступления на Западе было мало шансов,^[109] и Верховное командование союзных экспедиционных сил в Европе могло дать приказ идти вперед для заключительной кампании по очищению территории западнее Рейна, перейти Рейн и продвигаться на восток, в Германию, не считаясь с логическим ответным ударом немцев — сильной фланговой атакой против основных сил вторжения. Семнадцать немецких дивизий в Скандинавии представляли скрытую угрозу, но не было никаких признаков их вступления в сражение.

В ночь на 17 января Брэдли отвел назад свою 1-ю армию и позволил Ходжесу продвинуться до Кёльна; Девере, подкрепленный пятью дивизиями, вновь захватил инициативу на юге, хотя и не без тяжелых потерь: в 12-й группе армий Паттон начал со своей 3-й армией прорыв через Эйфель к Рейну, а Монтгомери, которому была переподчинена 9-я армия США,^[110] начал сражение на рейнской земле. Это было началом конца для немецкого Западного фронта.

Полный провал крупного гитлеровского наступления оставил немцев во власти атакующих. Было ли обоснованным решение Гитлера рискнуть всем для внезапной атаки против значительно более сильного противника? Выиграла ли что-нибудь Германия от этой дорогостоящей жертвы?

Думаю, что можно дать утвердительный ответ на оба эти вопроса, хотя трудно при провале какого-либо дела утверждать с большей или меньшей точностью, что его можно было осуществить. Тем не менее мы можем высказать разумные предположения о том, что могло бы быть, и, взглянув на общий итог, увидеть, принес ли риск какие-либо преимущества, которые можно противопоставить окончательным потерям.

Рассматривая по существу решение сосредоточить все наличные силы для броска к Антверпену, мы должны проанализировать также и другие предложения. Первое. Выбор между наступлением и тем, что Гитлер назвал «гнилым бесплодием обороны». Если бы все силы немцев отвели для создания «общенационального редута» в легкообороняемой части страны, единственным результатом этого была бы отсрочка поражения: оставленную территорию быстро бы оккупировали, а объединенные воздушные силы противника свободно сбрасывали бы свои бомбы на обороняемые районы. Снабжение было бы прервано, склады уничтожены, и погибло бы значительно большее число немцев. Конечным результатом, хотя и несколько более поздним и с большими для союзников потерями, также была бы безоговорочная капитуляция. Решение продолжать сопротивление до последней капли крови без надежды на победу никогда не было практическим предложением, хотя и заключало в себе некоторый эмоциональный призыв.

Второе. Сознательное поражение и капитуляция, на что пошли бы профессиональные военные, если бы решали они. Логически это было лучшее решение, поскольку уже после сентября 1944 года победа Германии стала невозможной. Но Адольф Гитлер не был логичен и, как мы видели, воля его все еще превалировала.

Третье. Начать наступление где-нибудь в другом месте — и этот вопрос серьезно рассматривался. На решение атаковать на Западе, а не на Востоке сильно повлияла оценка разрушительной мощи собранных сил, которой можно было бы уничтожить при благоприятном исходе около 30 дивизий. Такая потеря не имела бы большого значения для русских, но представляла одну треть экспедиционных войск западных союзников.^[111] На Восточном фронте не находилось также и такого стратегического объекта, «противоположного полюса», каким и был как раз Антверпенский порт. В общем, Гитлер недооценивал американских солдат, считая, что они «рассыплются», как только по ним сильно ударят.

После исключения Восточного фронта — как возможного места наступления — оставалась только Италия, но ее железные дороги не были рассчитаны на то, чтобы перевезти необходимые 500 составов с грузом, и при этом воздушная разведка союзников обнаружила бы

сильное движение на дорогах, при котором терялся основной элемент — внезапность.

Значит, оставался Западный фронт. Но был ли раскол между союзниками и занятие Антверпена достаточно оправданной целью? Не лучше было бы остановиться на «малом решении» Моделя и Мантейфеля? Полагаю, что нет, так как решение атаковать с целью уничтожения американского Ахенского выступа означало бы броситься в самую гущу крупных американских сил, атака не могла быть внезапной и, если бы даже и прошла успешно, не дала бы ничего, кроме изменения в линии фронта, временной неудачи западных союзников.

С другой стороны, захват 6-й танковой армией Антверпена мог бы совершенно изменить ситуацию.

После войны фельдмаршала Йодля^[112] спросили, каковы были дальнейшие наступательные планы Германии. Он ответил: «Поскольку понадобились бы более крупные силы, мы взяли бы больше резервов со всего фронта. Мы рассчитывали, что союзники будут не способны произвести атаку на каком-нибудь другом участке фронта. Мы бы двинули войска из каждого армейского сектора и начали бы концентрированные атаки на Ахен из Моншау, Маастрихта и Голландии. Перерезав их линии снабжения, мы подавили бы ваши силы в “ахенском мешке”. Это был единственный метод, который что-то обещал. Мы могли бы подавить эти крупные силы, только перерезав их снабжение.

Если бы мы взяли Антверпен, положение союзников стало бы затруднительным. Трудно сказать, уничтожили бы мы войска в этом “мешке” или же вы, полностью используя авиацию, снабжали бы их воздушным путем. Так или иначе, это произвело бы устрашающее впечатление на политическое, военное и общественное мнение».

Исходя из того, что альтернативы безоговорочной капитуляции не было и что она еще не являлась приемлемой, можно считать, что решение Гитлера взять на себя инициативу было единственно правильным для Германии. Правильно выбран был и участок, а цель, каким бы трудным ни было ее достижение, не могла быть меньшей. Оправданно было и то, что рисковали силами, собранными с таким трудом. Гитлер принимал много ошибочных военных решений,

особенно в последние годы войны, но Арденнское наступление не принадлежит к их числу.

Тем не менее наступление провалилось, и через шесть недель Германию вновь ожидало стремительное наступление союзников на Западе, но на этот раз она не только оказалась без резервов, но еще и была целиком вовлечена в великое сражение на Восточном фронте. Что же дало тогда Арденнское наступление, если оно вообще что-то дало?

Во-первых, в пользу Германии говорит то, что союзники лишились инициативы и их давно запланированное заключительное наступление пришлось отложить на пять недель; во-вторых, военной машине союзников в критический момент был нанесен серьезный ущерб; в-третьих, еще более ослабла неудачная командная структура Эйзенхауэра, хотя и не оправдались расчеты Гитлера на разрыв между английским и американским командованием. Перемены в командовании, ссоры и взаимные обвинения, которые возникали вместе с ходом сражения, оказывали длительное неблагоприятное действие на усилия союзных штабов единодушно вести войну к цели.

С другой стороны, ни один из этих выигрышных моментов не имел решающего значения для Германии: потерянное время было широко компенсировано последующим ослаблением Германии; военная машина союзников, хотя и претерпела серьезный ущерб в снаряжении и людях, не была выведена из строя или серьезно повреждена; Верховное командование союзников продолжало функционировать.

Но в конце января 1945 года германское Верховное командование посчитало, несмотря на провал своего крупного наступления, что оно принесло ему некоторое существенное преимущество: «Из имеющейся информации видно, что противник использовал практически все войска, которыми он располагал, и что некоторые из них можно считать надолго непригодными для боя, — так было сказано в «Немецком военном вестнике». — Другим преимуществом было то, что две отборные американские воздушно-десантные дивизии были использованы как пехота; у союзников было нарушено равновесие, и они понесли такие серьезные потери в снаряжении и живой силе, что в течение долгого времени будут не способны подготовить большое наступление».

Потери союзников были действительно крайне тяжелыми. Сейчас невозможно дать статистически точные цифры, так как многие документы потеряны или уничтожены и лишь немногие из оставшихся отделяют период Арденнского сражения от того, что происходило до или после него.

В современных материалах называется очень большое число пропавших без вести. Это связано с прежней путаницей и подвижностью сражений; многие из указанных в списках пропавших без вести позже вернулись в свои части или оказались в госпиталях. В отношении других подтвердилось, что они были взяты в плен или убиты. Наиболее верная оценка, которую можно сделать теперь из сравнения официальных американских данных по различным военным соединениям, иногда совпадающих, а иногда отличных, показывает, что американцы потеряли по разным причинам не менее 140 тысяч человек, из них около 16 тысяч убитыми. Эти данные охватывают период между 16 декабря 1944 года и 25 января 1945 года, включая потери при сдерживании операции «Норвинд», а также, когда группа армий «Б» была отброшена за «линию Зигфрида». Потери англичан в Арденнах составили примерно 1500 человек, из них 200 убитыми. ^[113]

Немцы действительно уничтожили две американские пехотные дивизии и нанесли сильный урон 9 из 14 других, действовавших в Арденнах. Тяжело пострадали все восемь американских танковых дивизий, участвовавших в операции, и пять из них были выведены, по крайней мере на какое-то время, из числа активно действующих. Все три воздушно-десантные дивизии и в дальнейшем не могли быть использованы по назначению.

Уже и так острая нехватка пехоты в американской армии стала еще ощутимее, а потери в высококвалифицированных специалистах — таких, как военные инженеры, артиллерийские техники, персонал военно-воздушных сил, службы связи, медики, техническое обслуживание, снабженцы, — серьезно снизили способность американцев организовать на широком фронте и в полном составе наступление на Германию. Эффективные живые силы западных союзников сократились в результате Арденнского наступления на 10 процентов.

И это было не все.

Потери в оружии и военном снаряжении были также очень серьезны: более тысячи танков, 500 самолетов, тысячи винтовок, пулеметов, минометов, артиллерийских орудий вплоть до самого большого калибра за шесть недель боев в Эльзасе и Арденнах. Было израсходовано более миллиона с четвертью артиллерийских снарядов и несколько миллионов патронов для стрелкового оружия. Были потеряны тысячи машин всех типов, и сожжено огромное количество горючего. Потери союзников в танках, орудиях и другом военном снаряжении составили от 15 до 35 процентов того, чем они располагали в Европе 16 декабря.

И это было еще не все.

В январе 1945 года огромный промышленный комплекс США был ориентирован на военную продукцию, и с ленты конвейеров непрерывно сходили танки, орудия, самолеты и машины всех видов, начинаемых на заводах снарядами, бомбами и пулями. Это была продукция, о которой нельзя было и подумать несколько лет назад. Сложнейшая проблема быстрой доставки этой огромной техники к театру военных действий разрешалась благодаря американскому опыту транспортировки столь крупных и громоздких товаров на большие расстояния и, с другой стороны, готовности к расходам на таком уровне, который привел бы к банкротству всякую другую экономику.

Хотя американцы израсходовали в четыре раза больше снарядов и в шесть раз больше горючего и потеряли больше танков, орудий и машин, чем общее число того, что немцы могли собрать для своего наступления, они оказались способны восстановить всю эту продукцию в течение двух недель. Резервы, собранные для наступления в Руре и Сааре, раздавались действующим дивизиям, а грузовые суда поспешно отсылались назад, чтобы вновь наполнить трюмы.

Вскоре после получения сообщения о крупном немецком наступлении Объединенное англо-американское командование ускорило отплытие семи дивизий и назначило к отправлению в февральском рейсе еще две, не предназначенные первоначально для Европейского театра военных действий. С этим потоком людей и военного снаряжения союзники оказались через две недели после начала наступления с большим количеством людей, танков, самолетов,

орудий — фактически всего, — чем когда начиналось наступление. Громоздкость американского обоза, которая так часто подвергалась критике ее союзником, вполне оправдала себя в Арденнах.

С одной стороны, тяжело завоеванная, дорогостоящая победа укрепила воевавшие американские дивизии, так как их потери были восполнены, а оставшиеся в живых знали, что они противостояли самой мощной атаке, которую только могли подготовить немцы, и они оказались способными отбросить их назад. Вместе с большим уважением к противнику пришло сознание, что он может быть побежден.

С другой стороны, для немцев результат сражения стал катастрофой как в материальном отношении, так и в отношении морального духа. Потери не могли быть восполнены, и те немцы, которых ввели в заблуждение в отношении возможности победы, знали теперь, что поражение можно было только отсрочить.

Установить потери немцев с 16 декабря по 25 января еще труднее, особенно за последние две недели, после начала русского наступления, которое привело к таким потерям, которые намного превзошли потери немцев на Западе. Сверх того, и не считая потери, понесенные во время отступления из Арденн к «линии Зигфрида» (очень хорошо проведенная операция, в которой немцы потеряли значительно меньше, чем можно было ожидать), группа армий «Б» потеряла по крайней мере 13 тысяч убитыми, 40 тысяч ранеными и более 30 тысяч попавшими в плен. За последние две недели снова немцы потеряли около половины того же, большинство погибло в операции «Нордвинд».

Многие дивизионные военачальники давали свои собственные, хотя и не всеобъемлющие, оценки потерям, которые составляют от 2 до 3 тысяч человек на дивизию. Зепп Дитрих говорил: «Я потерял 37 тысяч убитыми, ранеными и замерзшими». Это, вероятно, довольно точная оценка, но она не включает тяжелые потери в «фольксгренадерских» дивизиях на его правом фланге, которые были разбиты на подступах к укреплениям Моншау — Хёрен. Те дивизии, которые позже вступили в бой, часто теряли половину своего состава в течение нескольких дней. 9-я танковая дивизия произвела свою первую атаку в ночь под Рождество, когда у нее было 90 танков и 35 самоходных орудий. Через

четыре дня ее танковый полк остался с 20 танками, а каждый из обоих танковых гренадерских полков насчитывал около 400 человек. Среднее число стрелковых рот 212-й дивизии «фольксгренадеров», отступавших через реку Зауэр, составило от 25 до 30 человек. Начальник штаба Зеппа Дитриха генерал Крамер говорил, что, когда 560-я «фольксгренадерская» дивизия была придана 6-й танковой армии после сражения за Хоттон и Марш, «численность ее была сведена почти к нулю». Многие немецкие дивизии, участвовавшие в сражении, были так разбиты, что их пришлось почти полностью восстанавливать, прежде чем можно было снова использовать.

Общие потери немцев в Арденнском наступлении и операции «Нордвинд» составили не менее 130 тысяч, из них около 19 тысяч убитыми. Такие потери уже невозможно было восполнить, и Зепп Дитрих, направляясь после Арденнского наступления со своей армией к Будапешту, получил пополнение в 22 тысячи человек вместо прежних 37 тысяч — его танковые дивизии СС имели приоритет над всеми другими.

Немецкие потери в оружии и материальной части были также очень тяжелыми. Зепп Дитрих допускает, что потери составили от 300 до 400 танков и от 25 до 30 процентов всех боеприпасов и транспортных средств, работающих на жидком топливе. По дороге на Восток он оставил тысячу машин, нуждающихся в ремонте. 5-я танковая армия потеряла более 200 танков и множество другого снаряжения. Немецкие потери в боевой технике, хотя и не столь тяжелые, как у союзников, были серьезнее, так как их нельзя было восполнить.

Третьим выигранным моментом немцев в их наступлении был ущерб, нанесенный структуре союзного командования. Отношения между Эйзенхауэром и Монтгомери, между Брэдли и Монтгомери, Эйзенхауэром и Паттоном и между штабом 3-й армии и штабом Верховного командующего союзных войск в Европе уже раньше были натянутыми. В ходе Арденнского сражения произошли некоторые события, которые еще более обострили эти отношения. Некоторые из них вызвали раздражение, но одним из них, почти вызвавшим крупный разрыв, несомненно, была пресс-конференция, созванная Монтгомери 7 января, на другой день после опубликования в газетах приказа Эйзенхауэра, назначившего его командующим Северным фронтом.

Отношения Монтгомери с военными корреспондентами никогда не были благополучными. Одной из главных причин было то, что он недооценивал их способности и объем технических знаний, уверовав в это из-за того, что они писали в упрощенной манере для невоенных читателей и сами говорили друг с другом в такой же манере...

Сейчас, обращаясь к многочисленным корреспондентам, он хотел «объяснить, как в ходе Арденнского сражения союзники, отбросив всякие государственные соображения, откликнулись на призыв и как их солидарность спасла положение».^[114] Однако этот вполне достойный мотив потерпел неудачу, когда фельдмаршал вошел в одну из своих любимых ролей, излагая простыми словами перед замороженной аудиторией, как именно он оказался способен выиграть трудную битву.

В своих мемуарах Монтгомери приводит полный текст записок, по которым он говорил на пресс-конференции, и там не отрицается, что он обращался за поддержкой к Эйзенхауэру как к «капитану команды». Он отдает должное боевым качествам американских солдат, говоря: «Я попытался представить себя почти американским солдатом, так что я не мог совершить какое-нибудь недостойное действие или чем-то обидеть их». Он закончил горячим призывом к совместным действиям.

И тем не менее он глубоко оскорбил американских солдат, заявив, что практически он сам, один, навел порядок в хаосе и что положение спасли британские войска. И упоминая о совместных действиях, он давал понять, что Эйзенхауэра приходится терпеть только потому, что он является «капитаном команды», а не из-за его качеств руководителя. Монтгомери мог так думать, но не должен был об этом открыто заявлять в такое сложное время.

Описав, как немцы раскололи надвое американские военные силы, он поведал о своих собственных действиях перед отдачей приказов: «Как только я увидел, что произошло, я предпринял некоторые шаги, чтобы в случае, если немцы дойдут до Мааса, не дать им перейти реку».

Проанализируем это заявление.

Первая акция Монтгомери имела место 19 декабря, на четвертый день наступления, когда бывшие в его распоряжении войска — Центр

пополнения личного состава танков в Брюсселе, персонал некоторых штабов и отряды войск специальных авиационных служб — были посланы к переправам через Маас между городами Намюр и Живе. Они прибыли 20 декабря, и в тот же день 29-я бронетанковая бригада, состоявшая из трех танковых полков (около 160 танков) и моторизованного разведывательного батальона, двинулась с северо-запада Бельгии, чтобы принять от этих войск тяжелую задачу удерживать линию в 35 миль по реке Маас против танковой армии. Все британские вооруженные силы, вместе взятые, имели меньше танков и меньше артиллерии поддержки, чем одна американская танковая дивизия.

Монтгомери прикрыл переправы через Маас от Намюра до Льежа, поставив на протяжении 35 миль на северо-запад одну бронетанковую и три пехотные дивизии. Эти части находились на позициях в ночь на четверг 21 декабря.

Таким образом, после шести дней боев тонкая линия английских танков и орудий удерживала на Маасе переправы, против которых были направлены три бронетанковые дивизии 5-й танковой армии, в то время как переправы, которые были объектом четырех бронетанковых дивизий 6-й танковой армии СС, были практически беззащитны, а ближайшим серьезным противником был 30-й корпус, расположившийся на полпути между Маасом и Антверпеном.

Но по графику немцев две свежие танковые дивизии СС уже должны были перейти Маас южнее Льежа не позднее чем в ночь на 20 декабря, имея слева от себя танки 5-й танковой армии, уже перешедшие реку Самбру. Если бы американцы не удержали Сен-Вит и гребень Элзенборн, или если бы боевая группа Пейпера могла перейти через Амблев, или 5-я танковая армия не была бы задержана на Уре и у Клерфа и вокруг Бастони, проблема охраны переправ через Маас была бы чисто академической.

Выступление Монтгомери перед прессой продолжалось: «Генерал Эйзенхауэр назначил меня командовать всем северным фронтом. Я использовал всю имеющуюся в моем распоряжении мощь британской группы армий... и в конечном счете она была введена в бой, и английские дивизии сейчас ожесточенно сражаются на левом фланге 1-й армии США».

Ключевой фразой здесь было: «...всю имеющуюся в моем распоряжении мощь», которую присутствовавшие журналисты, естественно, поняли как «крупную силу». В то самое время, когда фельдмаршал беседовал с прессой, бой вели одна английская пехотная дивизия, два батальона воздушно-десантных войск и два танковых полка,^[115] охраняя фланг главной атаки 1-й армии, а 2-я английская пехотная дивизия и 3-й танковый полк находились в резерве в том же районе. Все эти войска хорошо сражались, несли потери и достигли поставленных целей; они были отведены только через 10 дней в связи с сокращением немецкой линии фронта. Но основную тяжесть контрнаступления союзников, которое отбросило назад немцев, несли две мощные американские силы — четыре дивизии 1-й американской армии и пять — из 3-й американской армии, и позже к их атакам присоединились еще 11 дивизий в других местах вокруг выступа.

Различие в данных о потерях — объективный показатель относительной численности действовавших войск: когда Монтгомери беседовал с прессой, число погибших в Арденнах американцев составляло более 8 тысяч, а англичан — менее 200 человек. Через несколько дней после этого в палате общин Черчилль попытался ослабить вред, нанесенный англо-американским отношениям: «Повествуя о нашей доблестной истории, следует остерегаться приписывать британской армии незаслуженную долю участия в том, что, бесспорно, является величайшей американской битвой в этой войне и, я надеюсь, будет рассматриваться как навечно прославленная американская победа». Его недовольство еще сильнее проявилось в последней ворчливой фразе: «Не позволяйте никому поддаваться болтовне интриганов, когда выход из этих важных последствий успешно решается с помощью меча».

Большинство присутствовавших репортеров восприняло замечания Монтгомери как то, что американцы были на грани поражения и что спасло их только высокое полководческое искусство и широкомасштабное вмешательство английских войск. Английские газеты стали опять требовать, чтобы Монтгомери был назначен командующим всеми сухопутными войсками; немцы перехватили сообщение корреспондента Би-би-си, искусно подделали его и

передали под видом передачи Би-би-си. На эту удочку попались штабы Брэдли и Паттона.

Неудивительно, что они были в ярости от того, что сразу же за сообщениями прессы о том, что две американские армии в течение 17 критических дней находились под командованием Монтгомери, появилось его заявление, подтверждавшее, что он командовал этими армиями — и это не было опровергнуто ставкой Верховного командования союзных сил в Европе.

Брэдли опубликовал собственное заявление, также не подтвержденное ставкой Верховного командования союзных сил в Европе, в котором с раздражением пояснялось, что эта замена была чисто временной и в руках Эйзенхауэра опять оказалось тяжелое бремя главного командования. Только за неделю до того как напряженная ситуация достигла кульминации, Эйзенхауэр решил ответить положительно на просьбы Монтгомери о предоставлении ему большей власти.

Де Гинган^[116] поразил Монтгомери тем жестоким фактом, что если все затрещит, то ему, Монтгомери, придется уйти в отставку. И фельдмаршал немедленно дал знать о безоговорочном отказе от всех своих просьб. Эйзенхауэр думал, что проблема командования сухопутными войсками разрешена, но теперь пресса вновь поднимала ее.

Эйзенхауэр с раздражением отнесся к вопросу о возможной отставке Брэдли и подтвердил, что, как только северная и южная группировки объединятся, 1-я армия снова вернется к нему. Он совершенно четко пояснил, что речь не идет о передаче кому-то каких-либо полномочий Верховного командования или об изменении стратегии широкого фронта.

Но причиненный вред был непоправим. Отношения между Монтгомери и Брэдли постоянно портились, а это, в свою очередь, вызывало соперничество между обеими армиями, результатом чего было промедление в продвижении в Германию в заключительной фазе войны.

Причины, толкнувшие Монтгомери на то, чтобы поставить английскую прессу на грань, которая могла лишь ухудшить отношения

между ним и американскими генералами, навсегда останутся загадкой. Генерал де Гинган, весьма авторитетный и служивший Монтгомери с неизменными преданностью и восхищением, сказал однажды о нем: «Когда он убежден, что его особая линия действий правильная, он считал себя вправе использовать любую поддержку, чтобы выиграть свое дело; в сущности, финал оправдывает **почти любые средства**» (разрядка моя. — *Авт.*).

Здесь, возможно, и находится ключ не только к пресс-конференции, но и к некоторым заявлениям и действиям Монтгомери в период замешательства, вызванного внезапной и яростной атакой немцев. Выведенные из равновесия, Эйзенхауэр и Брэдли в течение некоторого времени были не в состоянии укрепить и контролировать подвижной фронт — главным образом из-за отсутствия коммуникаций. На всех уровнях были либо страх, либо паника. Успехи немцев переоценивались, а прочность американской обороны, которая действовала в те очень важные первые дни, не была оценена должным образом.

В тот момент, когда моральное состояние было на самом низком уровне и американское высшее командование, казалось, могло поддаться оказываемому на него давлению, Монтгомери использовал все возможное влияние, чтобы добиться своего: первое — командовать всеми силами в северной части Арденн, затем — получить под свое командование группу армий Брэдли.

Полагая, что только таким путем может быть скорее выиграна война, он обрисовывал положение в более черных красках, чем оно было на самом деле, для того чтобы заручиться искренней поддержкой фельдмаршала Брука, начальника имперского генерального штаба, и Уинстона Черчилля.

Вечером 19 декабря, до того как телефонный звонок от Эйзенхауэра известил его о том, что он достиг своей первой цели, Монтгомери послал Бруку длинное телеграфное послание об обстановке — оно начиналось так: «Обстановка в зоне американской армии НЕ — повторяю — НЕ ХОРОШАЯ... — и затем начал перечислять, что немцы взяли Мальмеди, Вильзам, Хоттон, Марш и Ла-Рош и что в этой части 1-й армии севернее линии Уденбрехт — Дюрбюи имеет место большой переполох и налицо все признаки всеобщего отступления...

Брэдли еще в Люксембурге, но я понимаю, что он уйдет, как только его штабы окажутся в опасности... Мое личное мнение... немцы могут достичь Мааса у Намюра, не встречая сопротивления...»

В этом донесении на высоком уровне встречается удивительно большое число ошибок. В то время все пять городов были в руках американцев; город Ла-Рош был оставлен через трое суток для создания линии обороны 7-го корпуса; Вильзам пал через пять дней, после Сен-Вита, но три других города никогда не были заняты немцами. Относительно Мальмеди следует указать, что о его падении сообщила британская пресса; американское военное издательство «Старс энд Стрипс» опубликовало карту, показывающую этот город в руках немцев, и в «Крестовом походе в Европу» Эйзенхауэра карта Арденнской битвы также приписала Германии взятие этого города.

Линия на севере, в которой Монтгомери увидел широкомасштабный отход войск, включала прочную позицию Моншау и гребня Элзенборн, ключевые узлы коммуникаций Сен-Вита, Ставелот, который американцы только что отбили и который вместе с Труа Пон и Стоумонтом включал боевую группу Пейпера; и сектор 82-й воздушно-десантной дивизии.

Ближайшие немецкие войска находились в 15 милях от Люксембурга, и Брэдли не собирался выводить свои штабы.

Мнение Монтгомери о том, что немцы могут дойти до Мааса и до Намюра, «не встречая сопротивления», могло относиться только к угрозе, исходящей от передовой части 1-й танковой дивизии СС, боевой группы Пейпера, так как 116-я танковая дивизия, которая могла бы атаковать Хоттон, только что отошла назад к мосту Бертонь, возвращаясь через Уффализ, за 20 миль, а другие дивизии, направлявшиеся к реке Маас, 2-я танковая и танковая «учебная дивизия», ^[117] вели бои около Бастони.

Войска Пейпера были отброшены американцами, удерживающими Труа Пон, они были отсечены, когда американцы вновь отбили Ставелот и были остановлены возле Стоумонта, который находился в 40 милях от Намюра и более чем в 30 от переправы через Маас в Юи, к которой стремился Пейпер.

После этого громкого набатного звона Монтгомери, как всякий упорный борец, перешел к атаке: «Я сказал Уайтли, что Аик должен бы дать мне оперативное командование всеми войсками северной части фронта. *Я считаю, что он должен дать прямой приказ об этом*» (курсив мой. — Авт.).

Эта телеграмма произвела ожидаемый эффект. Начальник имперского генштаба послал копию Черчиллю, а тот позвонил Эйзенхауэру и представил все так, что в «деле» Монтгомери следовало сказать только одно, а именно: решение, которого он добивался, уже принято.

Генерал-майор Кеннет Стронг, начальник Отдела разведки в штабе союзных сил в Европе, пояснил,^[118] что рекомендация о смене командования поступила от него прежде всего к начальнику штаба генералу Беделлу Смиту и была сделана исключительно из военных соображений, независимо от действий Монтгомери или соображений национального престижа.

Около 20 декабря напряжение, вызванное непрерывными атаками на всем протяжении фронта, начало сказываться на штабе 1-й армии, и его внезапный уход за день до этого из хорошо устроенных и комфортабельных помещений в Спа не способствовал укреплению морального состояния. Прибытие в Шофонтэн фельдмаршала Монтгомери, преисполненного самоуверенности и несущего с собой ореол своей известности, было чрезвычайно успокаивающим, как утверждают те, кто при этом присутствовал. Собственный комментарий Монтгомери в его последующем донесении начальнику имперского генштаба: «Они, казалось, были в восторге от того, что кто-то может отдавать им приказы...», вероятно, недалек от истины.

Но, учитывая неожиданность и силу немецких атак на самом слабом своем участке, 1-я армия хорошо проявила себя в этом критическом положении, и нет сомнения в том, что Монтгомери со своей стороны был весьма доволен тем, что положение было далеко не таким плохим, как он думал.

На крайнем левом крыле атакуемого фронта оборону позиций Моншау — Хёфен держала свежая пехотная дивизия — 9-я; 2-я и 99-я пехотные дивизии, удерживавшие гребень Элзенборн против 6-й танковой армии СС, были вовремя усилены 1-й пехотной дивизией.

Поэтому очень важный северный выступ был в надежном положении. Участок от Веймса к Ставелоту удерживался 30-й пехотной дивизией, которая, сковав 3-ю воздушно-десантную дивизию Дитриха, также атаковала с фронта и тыла боевую группу Пейпера. 3-я бронетанковая и 82-я воздушно-десантная дивизии атаковали Пейпера частью своих сил, в то время как остальная часть вместе с 84-й дивизией протянули оборонительный заслон 1-й армии на всем пути к Маршу. И в конце концов был восстановлен контакт со смешанными силами танков, пехоты и артиллерии, удерживающихся в Сен-Вите.

В своем отчете о сражении генерал Мантейфель описывал обстановку как «серию изолированных действий» и приписывал Монтгомери расширение оборонительного фронта от Ставелота до Марша. Такое суждение несправедливо по отношению к распоряжениям по 1-й армии, которые были приняты еще до 20 декабря. Отдельные действия, неизбежно вытекавшие из немецких атак, были объединены на севере в стройную линию обороны — Моншау — Бутгенбах — Мальмеди; в центре наступление противника постоянно сдерживалось; на правом фланге был создан заслон и отданы приказы о двух контратаках.

1-ю армию обоснованно критиковали за то, что ее первые ответные меры были слабыми, терялось ценное время; коммуникации были разрушены и быстро не восстановлены; в своей оценке намерений немцев слишком долго считали, что главной их целью является город Льеж. В тактическом отношении контратаки были назначены слишком рано, некоторые передовые позиции удерживались без достаточных военных оснований, и не делалось попыток создать резервы.

Монтгомери был уверен, что танковые армии направятся к переправе через Маас южнее Льежа, для того чтобы выйти на слабо пересеченную местность и пройти на большой скорости к Антверпену. Он уже предпринял некоторые шаги, чтобы воспрепятствовать этому продвижению, и теперь хотел усилить восточно-западную линию обороны 1-й армии, позволяя немецким танкам пройти на юго-запад; это удлиняло их коммуникации без какого-либо компенсационного преимущества. Тем временем Монтгомери создавал мощный резерв на их фланге, для того чтобы уничтожить их в нужный момент.

Одно из высказываний на пресс-конференции, возмущившее американских генералов на другой половине поля сражения, заключалось в следующем: «Сражение было крайне интересным: думаю, вероятно, одним из самых интересных и искусных, которые я когда-либо вел. Это сражение имеет некоторое сходство с тем, которое началось 31 августа 1942 года, когда Роммеля “выпровоживала” 8-я армия».

Упомянутое им сражение было под Алам Хальфа, когда Африканскому корпусу дали пройти вперед на несколько миль между двумя сильными английскими позициями и, как Монтгомери описывает это в своих мемуарах, «были даны строжайшие приказы не выпускать танки против армии Роммеля; им нельзя было двигаться; неприятелю дали возможность ударить по ним и понести тяжелые потери». Это действительно произошло так, и главные танковые силы немцев, зажатые в перекрестном огне скрытых в блиндаже орудий и невидимых танков, были близки к полному уничтожению. Но, к изумлению Роммеля, Монтгомери позволил им уйти, не сделав попытки преследовать их. Здесь не место вдаваться в обсуждение причин, побудивших Монтгомери принять такое решение, но значение Алам Хальфа для Арденн заключалось в том, что оно дало германскому Верховному командованию^[119] ключ к разгадке намерений Монтгомери, ибо он планировал использовать вновь ту же тактику.

Это требовало создания сильного резерва, поставленного вдоль естественной оборонительной линии. Резерв мог быть сформирован только при условии прекращения наступательных действий и отхода от выступов, с тем чтобы образовать безфланговый фронт, а выбранная позиция могла быть удержана, если расположенные вдоль нее части не вяжутся в бой раньше времени. Монтгомери попытался осуществить оба эти условия и довести до конца свои приказы — тогда сражение вполне могло быть закончено подобно битве при Алам Хальфа, — но они не были доведены до конца.

Каждая дивизия, прибывавшая для формирования резерва, оказывалась втянутой в бой, отвечая на атаку контратакой, что не позволяло искусно завлечь немцев на такую позицию, на которой их можно было бы атаковать свежими силами, стоящими наготове. К тому

же Ходжес, поддерживаемый неофициально Брэдли, решительно отказался отходить куда-либо на свой левый фланг или в центр, утверждая, что это означало «бросить» Сен-Вит. Вместо этого он настаивал на том, чтобы 18-й воздушно-десантный корпус Риджуэя атаковал немцев, чтобы отбросить их к линии Мальмеди — Сен-Вит — Уффализ. Учитывая мощь действовавших там немецких дивизий, это было почти нереальной целью. Итог положения на фронте 1-й армии подвел Честер Уильмот: «Упорное решение оставаться на своих позициях было источником большой оборонительной силы американцев, но временами это приводило к значительному ущербу в тактической гибкости и в стратегическом балансе». Тем не менее, и это было удивительно, Монтгомери согласился на использование 18-го воздушно-десантного корпуса.

Если бы была предпринята попытка «привести в порядок» фронт, например создать более или менее сильную линию обороны от Моншау до Мальмеди, то прижатые танковые дивизии СС могли быть высвобождены, результаты чего сейчас нельзя определить. Но почти наверняка это привело бы к захвату Сен-Вита и, вероятно, к высвобождению и сильному подкреплению Пейпера.

Поскольку главные силы 6-й танковой армии сдерживались почти на их стартовой линии, а правое крыло 5-й танковой армии сдерживалось в критический период защитой Сен-Вита, Монтгомери имел достаточно времени для прибытия нового корпуса. Эти промедления на правом фланге немецкого наступления вместе с промедлением на левом в связи с обороной Бастони означали, что немецкие силы, встретившиеся с 18-м воздушно-десантным корпусом и с 7-м корпусом, не были достаточно сильны, чтобы пробиться через относительно тонкую линию союзников.

Затем, когда авиация союзников нанесла ущерб передовым частям немцев и фактически лишила их снабжения, немцы упустили инициативу. К концу битвы 26 декабря наступление на фронт Монтгомери было остановлено, что дало ему время собрать силы для контрнаступления. Через неделю, после того как это наступление началось, Верховное командование немцев отдало приказ о последовательном отходе на три линии, первой из которых была Ла-Рош — Бастонь. Поэтому Монтгомери начал атаку не против фланга

растянутых наступающих немецких сил, а против частей, развернутых для обороны и получивших приказ к отступлению.

Но, по-видимому, ничто из этого не принималось им в расчет в то время, когда он ликующе сообщил репортерам, как, по его мнению, он вел бой: «Первое, что я сделал, — это упорядочил район сражения, распределил все. Я разместил резервы в нужных и хорошо продуманных местах. Я реорганизовал американскую и британскую армии. 7-й корпус был разбросан. Я сказал: “Так дело не пойдет. В бою его сразу проглотят”. Я принялся за дело и вновь сформировал корпус. И когда он вновь начал таять в оборонительном сражении, я снова сформировал его. Вы должны иметь хорошо сбалансированный, аккуратный бой, когда попали в свалку».

В действительности же главный бой, проходивший между Манэй и Селль с 21 по 26 декабря и решивший исход сражения в северной части Арденн, никогда не был «аккуратным боем». Ибо это была не игра в шахматы, а ссора в баре. Это была беспорядочная серия неистовых схваток, почти не связанных друг с другом, которые отличались разрушением коммуникаций и ссорами командующих почти на каждом уровне.

Так, например, Риджуэй хотел, чтобы 7-я бронетанковая дивизия стояла и сражалась к востоку от Зальма. Ее командир Хэзбрук заявил, что если так сделать, то от дивизии ничего не останется, и Монтгомери поддержал его. Но позже вспыльчивый Риджуэй возразил против отвода 82-й воздушно-десантной дивизии к практически недоступному гребню на юге Вербомона, и на этот раз его поддержал Ходжес. Монтгомери уступил, и 82-я воздушно-десантная дивизия почти вся погибла, когда немцы начали мощную атаку, в результате которой был взят Гранмениль.

Везение и удача, а не военная рассудительность руководили на поле сражения; и если последнее закончилось в пользу союзников, то это произошло лишь благодаря тому, что немцы не смогли обеспечить горючим свои бронетанковые силы, подкрепить свои истощенные в атаках войска или возместить их потери, защитить себя от мощных воздушных атак или состязаться с союзниками в скорости наращивания средств. Ну и, конечно, основным фактором поражения немцев была совершенно неожиданная для них способность

американских солдат восстанавливать силы после сокрушительной атаки, которая разрывала их фронт, внося хаос и смятение, и выстоять, сражаться, а затем самим атаковать. Это была реакция, опрокидывавшая точный расчет времени, от которого зависело наступление.

Руководство Арденнским сражением на севере перешло к Монтгомери после четырех критических дней, во время которых уже появилось большинство тех факторов, которые обрекли потом наступление на провал. Случай и другие факторы, над которыми Монтгомери был не властен, свидетельствуют о том, что он был не способен осуществлять тот абсолютный контроль, который присущ его стилю полководческого искусства.

Фельдмаршал лорд Монтгомери Аламейнский — один из тех немногих солдат второй мировой войны, которые достигли звания «великого полководца», и его репутация прочно покоится на столпах битвы в Северной Африке и при высадке на северо-западе Европы. Ничто не может отнять у него его место в истории, но когда дадут окончательную оценку его карьере, я думаю, битва в Арденнах не будет рассматриваться как один из его триумфов.

В южной части поля сражения внезапность, ярость и сила немецких атак, казалось, вначале ошеломили Верховное командование, и возникло опасное промедление по крайней мере в 36 часов в подготовке тактического и стратегического отпора этому крупному наступлению. Только то, что немцы в конце 1944 года были не способны воспользоваться этим промедлением, помешало им достигнуть по меньшей мере Мааса. Недостаток в людях и снаряжении вместе с несбалансированным развертыванием сил способствовал первоначальному провалу планов немцев, но столь же важным было и то, что американцы удерживали свои позиции тогда, когда холодная военная логика говорила «это невозможно», а они срывали расписание, и задуманный «блицкриг» обернулся тяжелым, изнурительным состязанием, которое немцы не могли выиграть.

Верховное командование экспедиционными силами союзников в Европе и штаб 12-й группы армий сосредоточили свое внимание на той части фронта, которая была ближе к ним, и предоставили 1-й и 9-й армиям США отражать атаки на севере по своему усмотрению.

Ходжес, который рано потерял в сражении оперативный контроль над 8-м корпусом, сказал Монтгомери, что не видел ни Брэдли, ни Эйзенхауэра с того момента, как началась атака на его армию. К счастью, он и командующий 9-й армией генерал Симпсон были давнишними друзьями, и передача дивизий от одного к другому совершалась неформально, по телефону, без обращения в Верховное командование союзными силами в Европе, что было «нарушением», которое немцы никак не могли предусмотреть в своих планах.

В связи с расстройством коммуникаций и «значительным смятением и дезорганизацией в тылу американских войск».^[120] Верховное командование плохо представляло, что происходило на линии сражения вплоть до третьего дня, поэтому и большинство донесений о битве начинается с этого времени. Позже, когда крупное немецкое наступление потерпело поражение, роль тех рот, которые приняли на себя первый удар и держались в течение часов и даже дней, пока не были разбиты, была недооценена, в то время как о частях, участвовавших в конечной победе, писали в героических терминах. Пропаганда — это также оружие войны, а мертвые не дают интервью.

С другой стороны, генерал Паттон всегда находил время для бесед с корреспондентами, и благодаря его колоритной фигуре и живописной речи 3-я армия редко сходила со страниц газет. Несмотря на то, что 3-я армия не была введена в бой до тех пор, пока немцы на западе не были весьма значительно ослаблены почти полным уничтожением их сил, загнанных в «Фалезский мешок», Паттон, убежденный, что война развивается недостаточно быстро, думал, что он покажет, как это надо сделать.

Игнорируя приказ Брэдли расположить мощные силы у «ворот» Бретани, для того чтобы предотвратить возможную контратаку с востока, он погнал свои танки вместо запада на Брест. Поскольку в Бретани практически не было немецких войск, за исключением тех, которые охраняли порты, 3-я армия могла передвигаться быстро, поддерживаемая примерно 50 тысячами французов из подполья, которые активизировали свои действия.

Публике были нужны в то время фанфары, которые поднимали настроение, и заключительный рейд Паттона был подхвачен газетами и всячески разрекламирован. Брэдли был очень рассержен. Он

говорил, что Паттон больше заинтересован в крупных заголовках, чем в использовании своей головы для разработки тактики. Он писал после войны: «Джорджа стимулировали крупные заголовки. Чем чернее они были, тем безрассуднее он сражался».

Генералу Паттону очень крупно повезло в том, что его начальство так хорошо его понимало, знало и его бесспорные достоинства, и слабые места.

Ни один другой генерал не отважился бы пройти так быстро и так неосторожно через Францию, как это сделал он, но ему исключительно везло в необычных обстоятельствах, ибо в какой-либо прежний момент войны или на каком-либо другом участке фронта в то время он, вероятно, потерял бы армию. Но Джордж Паттон, с хлесткой речью и презрением к осторожности, был «неклеимым теленком», животным, которое всегда вызывало восхищение у американской публики. Солдаты, которых он так беспощадно гнал, возможно, и ворчали немного, но им доставляло удовольствие считаться «парнями Паттона».

Каждый рассказывал истории о нем, и если Эйзенхауэр жаловался, что Джорджи Паттон прибавил ему больше седых волос, чем немцы, а Брэдли он не раз приводил в ярость, они тем не менее относились к нему с большой любовью. Он был словно бельмо на глазу. Сорвиголова, он всегда кого-нибудь обижал, но всегда выходил сухим из воды и дело делалось; каждый, кто сам не был под обстрелом на линии фронта, думал, что шумная манера действий Паттона — это та, с помощью которой выигрывают войны.

В Арденнах, как мы видели, тактический контроль на южном фланге сражения осуществлял Паттон, который начал дело с шумным успехом. Его боевой подвиг, выразившийся в том, что он вывел большую часть своей армии из боя на одном участке и в течение четырех дней повернул ее на 90 градусов для атаки на другом участке, вполне заслуживает похвалу Брэдли: «Это один из самых удивительных подвигов полководческого искусства в ходе нашей кампании на Западе». Но после этого драматического начала 3-я армия разочаровала своим медленным продвижением.

Три дивизии, поддерживаемые большим числом орудий и авиацией, атаковали меньшие по численности и хуже вооруженные немецкие

части, удерживающие безнадежно растянутую линию. Эти дивизии неоднократно были остановлены, потратив пять дней на то, чтобы западная колонна достигла Бастони, другую неделю — чтобы отогнать немцев с южного периметра, а позже — еще две недели, чтобы добраться до Уффализа.

Но Паттон, как и Монтгомери, не мог осуществить тот тип сражения, который ему нравился: вместо сокрушительной атаки, сосредоточенной на узком участке фронта с целью срезать основание клина, он должен был попытаться пройти 35 миль, в том числе 20 миль по местности, которая, казалось, состояла из цепи природных оборонительных полос. Его атакующие силы были измотаны стойкостью, неуловимой обороной 7-й армии еще до прибытия туда, где 5-я танковая армия обладала большой силой и становилась еще сильнее, так как оттягивала свои дивизии с позиций и получила еще несколько дивизий от 6-й танковой армии СС. Паттон поздно получил подкрепление и ввел его в дело слишком быстро, с теми результатами, которые мы видели. Своей полной и окончательной победой 3-я армия обязана в большой степени тому, что немцы отошли за «линию Зигфрида», когда началось наступление русских.

Кроме скорости, с которой он передвигался в этом сражении, генерал Паттон ничего не добавил в Арденнах к своей славе. В своих мемуарах он откровенно признает ряд ошибок, но не то, что в своем стремлении изобличить Монтгомери в медлительности он бросил две свежие дивизии в бой, не произведя должной разведки, или то, что, начав слишком рано контрнаступление в районе Бастони, он спровоцировал ряд отдельных действий раньше сражения, предусмотренного генеральным планом. А его ночное продвижение на 10 миль с риском для жизни со сравнительно небольшой оперативной группой по местности, на которой у противника были сильные позиции, для того чтобы иметь возможность провозгласить, что 3-я армия достигла Уффализа в одно время с 1-й армией, определялось отнюдь не военными соображениями, а лишь соображениями престижа.

Но «Джорджи» Паттон не был бы тем большим, энергичным вожаком своих солдат, каким он был, если бы он не имел своих особых недостатков, что, к его счастью, хорошо понимали его начальники.

Атакующая армия должна иметь несколько безрассудных командиров, игнорирующих холодные факты и рискующих предпринимать такие действия, которые приводят в ужас строгие, расчетливые военные умы. Собственный девиз Паттона: «Не спрашивай совета у своего страха» — точно выражает его отношение к войне, и если он иногда не был склонен принимать во внимание донесения своей разведки о силах противника, то удивительно, что с этим девизом он так часто выходил сухим из воды. Он был твердо уверен в перевоплощении, «вспоминая» свою роль в других войнах и в другие времена; можно надеяться, что все будет, как надо, если он вновь появится в наше время.

Генералу Брэдли, которого многие считали лучшим в американском Верховном командовании в Европе, особенно сильно не повезло как с расчетом времени, так и с дислокацией немецкого наступления. Оказавшись без единой резервной дивизии и не имея достаточно пехоты на переднем крае, что стало для него основной проблемой, он попал в сектор, против которого наступление не имело никакого военного смысла, по крайней мере в тех масштабах, в которых его предположительно могли организовать немцы...

Генерал Брэдли сказал, что удерживать Арденны так легко было «рассчитанным риском», но это верно только в том смысле, что линия фронта не может везде быть сильной и всегда есть места, где атака наименее вероятна и их можно легче всего удержать. Другой миф об Арденнах заключается в том, что разведка союзников предупреждала о предстоящем наступлении немцев; но крупницы истины здесь только в том, что если сейчас тщательно прочитать донесения разведки, то там можно найти ссылку на возможность этого; а кто-то найдет ссылку на другие, также поразительные возможности.

Брэдли нельзя обвинять в том, что он не предвосхитил наступления, или винить его в слабости Арденнского фронта в то время, когда с обеих сторон сектора 8-го корпуса началась подготовка к наступательным действиям против немцев. Нельзя забывать, что быстрая переброска 7-й и 10-й бронетанковых дивизий в угрожаемый сектор, несомненно, спасла от захвата Сент-Вит, а также, вероятно, и Бастонь.

Может быть, он должен был вернуться из Версаля в город Люксембург раньше, чем он это сделал, и, конечно, должен был

отправить штаб 12-й группы армий назад, откуда он мог бы контролировать действия 1-й и 9-й армий, независимо от того, какое впечатление это произвело бы на гражданское население. Он, естественно, был горько разочарован тем, что пришлось передать эти две армии Монтгомери, хотя ушло лишь три дня на анализ обстановки; и тем, что остался только с одной армией, находившейся под командованием генерала, которого ему всегда было трудно контролировать. Его поддержка — чтобы не сказать сильнее — Ходжеса в том, чтобы он не соглашался на предложение Монтгомери отступить для создания более упорядоченного фронта, задуманного четко в американских традициях, сильно осложнила задачу Монтгомери. Его угроза уйти в отставку, при поддержке Паттона, еще добавила тяжесть бремени Эйзенхауэру.

В общем, Арденнское наступление не прибавило большой славы к репутации Брэдли.

А теперь о самом Верховном командующем: в середине декабря 1944 года генерал Эйзенхауэр, решив, что все планы на ближайшие этапы войны составлены и необходимые приказы отданы, позволил себе сделать передышку и немного насладиться жизнью. До этого он все время находился в состоянии большого физического и эмоционального напряжения и нуждался в отдыхе. Яростная атака немцев застала его в тяжелое время, и ему было трудно немедленно реагировать на эту неожиданность. На какое-то короткое время на высшем уровне было колебание, и хотя на встрече в Вердене генерал Эйзенхауэр вновь выполнял функции верховного руководителя, вред уже был причинен, а вызванный продвижением немцев раскол в армиях союзников превратился в раскол в умонастроении командования, а также из-за отсутствия доверия — в подозрительность и ревность с обеих сторон. В какой-то момент это выглядело так, как будто Гитлер уже достиг одной из своих целей: вызвать разлад среди западных союзников.

Эйзенхауэр ясно видел, как он и сказал об этом в своем приказе по армии, что немцы, «выведя свои войска с постоянных позиций, сделали тем самым возможным их уничтожение и более быстрое завершение войны»; но тогда, в связи с успехами немцев, его предсказание казалось неправдоподобным. По его плану отражения

контрнаступления, изложенному 19 декабря на совещании в Вердене, предполагалось заткнуть брешь на севере и начать согласованное наступление с юга. Но уже на следующий день, после того как Монтгомери получил командование, этот план был изменен: было решено начать контрнаступление с обеих сторон клина. Верховный командующий не колеблясь принял крупные меры: остановить все наступательные операции, повернуть большую часть сектора 3-й армии к 6-й группе армий и разрешить отступить, «насколько это будет необходимо», чтобы выиграть время и спасти войска. Его поступок — передача командования Монтгомери — еще раз свидетельствует о большом моральном мужестве. Среди причин, выдвинутых некоторыми немецкими военачальниками по поводу провала их наступления, были и такие: «реакция противника была более быстрой, чем мы ожидали», «быстрая перегруппировка американских военных сил» и удивление, что назначение Монтгомери не было согласовано с Лондоном и Вашингтоном.

Английские критики утверждали, что Эйзенхауэр не был блестящим стратегом, что его главные способности — это способности администратора, что его слишком легко могли переубедить ближайшие коллеги. Это не относится к критическому положению в Арденнах, так как после медленного старта (что можно объяснить, по крайней мере, его мнением, что это была ложная операция, как считал и генерал Паттон) он сам определил свою стратегию в общих чертах, которая не пользовалась успехом у де Голля или де Латра де Тассиньи, не говоря уже о Черчилле, но была, без всякого сомнения, правильной, как и тактика отражения непосредственной угрозы прорыва. Его тактика заключалась в том, чтобы предотвратить превращение атаки в «широкий поток», затем замедлить это движение, проникая во фланги, затем притупить острие клина и в конечном счете срезать клин как можно ближе к его основанию. Ему было необходимо идти по пятам Брэдли и Паттона, чтобы довести эту тактику до конца, и он не колебался: «Джорджи, эту войну ведет Аик», когда Паттон возражал, и то же Брэдли: «Это все мои приказы, Брэд».

Эйзенхауэр «созрел» поздно — закончив 61-м Военную академию в Вест-Пойнте, он поступил в штаб армии через 11 лет, не имея личного боевого опыта. В британской армии оба эти факта говорили против

него, но не в германской. Вероятно, поэтому враги его ценили выше, чем союзники.

Поскольку наступление немцев потерпело неудачу, их попытка удержаться на выступе имела мало смысла, так как означала только оборону длинной дуги вместо прямой линии, там не было важных военных объектов, которые оправдывали бы это. Но Гитлер настаивал на том, чтобы уцелевшие части группы армий «Б» оставались там, где они стоят. Большая часть была сосредоточена на западе, вблизи переднего края выступа. В то время как они не были достаточно сильными для наступления, союзники становились сильнее с каждым днем. Это была крайне уязвимая позиция, и по всем правилам вскоре должно было последовать их полное уничтожение. Вместо этого они получили возможность увести почти всех людей и оружие за «линию Зигфрида».

Сейчас трудно выяснить, почему это произошло, почему не были подкреплены атаки у основания выступа или почему после соединения в Уффализе объединенные 1-я и 3-я армии США оказались не способны уничтожить обескровленные, отступающие немецкие дивизии. Один немецкий генерал объяснил это тем, что к тому времени немцы имели большую практику отступления через снега и льды перед превосходящими силами противника. Несомненно и то, что в тяжелых боях вышла из строя какая-то часть занятых в них американских дивизий, погодные условия были ужасными, но и Брэдли, и Монтгомери могли, если бы захотели, получить свежие войска из пунктов сосредоточения, которые готовились для предстоящих атак. А приказы Монтгомери о быстром отводе английских войск из Арденн и передвижении их назад к Голландии для следующего сражения были с восторгом описаны как «сохранение цели».

Если целью было поражение Германии, то с уничтожением 6-й танковой армии СС и 5-й танковой армии — цвета немецких сил на Западе — эта цель была как будто достигнута. Если же целью было пройти через Рур, чтобы там ни было, то Монтгомери был прав. Так или иначе, представившаяся возможность требовала от Монтгомери и Брэдли, чтобы они отставили в сторону дорогие им проекты и действовали согласованно. <...>

Сегодня, четверть века спустя, еще можно найти следы жестоких сражений, если пройти по дорогам и лесам и пересеченной сельской местности. Вдоль некоторых малых рек все еще стоят временные мосты, на некоторых рыночных площадях спокойно ржавеет огромный «тигр» или «пантера», на некоторых перекрестках дорог видны остатки орудий. Арденны оправились от ужасных ударов войны, разрушенные села и города отстроились заново. Пожилые люди отчетливо помнят кошмары войны; для молодых — это часть многих прошлых суетных войн, и некоторые из живущих в не пострадавших от разрушений местах завидуют живущим в новых домах восстановленных сел.

Есть и другие напоминания: мемориалы и военные кладбища, на одном из которых среди простых белых крестов тысяч могил стоит армейский номер 02605 и имя Джордж С. Паттон-мл., так как он был похоронен в Арденнах по собственной просьбе.

Двадцать тысяч европейцев, погибших в Арденнской битве, были бы неприятно поражены, если бы им удалось мельком увидеть то, чем стал конечный результат их боев.

С исторической точки зрения решение Гитлера провести наступление на Западном фронте определялось тем, как это решение отразится на конечных позициях армий, вступивших в Германию, и на соответствующих политических результатах. Продвижение западных союзников в Германию было отложено на пять недель, в то время как заключительное наступление русских состоялось на 11 дней раньше. Когда Рузвельт и Черчилль встретились со Сталиным в Ялте 4 февраля 1945 года, русский лидер мог вести переговоры с позиции силы. Напомнив своим союзникам, что январское наступление началось в ответ на призыв Черчилля о помощи и было «моральным долгом», совсем не связанным с обязательствами, взятыми Россией на последней встрече в Тегеране, он предложил генералу Антонову доложить о том, что было сделано за последние три недели.

Была взята Варшава, осажден Будапешт, 11 танковых дивизий стояли плотно вокруг него, немецкие силы в Восточной Пруссии были разбиты, а в Верхней Силезии — окружены. Передовые русские войска были всего в 40 милях от Берлина.

Сталин разумно не запрашивал каких-либо преимуществ, ограничиваясь тем, что откладывал все это для будущих соглашений, и полагаясь на бескорыстные действия Рузвельта. Но в последующих серьезных дискуссиях, в которых в основном решалась судьба Европы на целое поколение, а может и больше, позиции русских, американских и английских сил были одним из немногих конкретных факторов среди всех предположений и размышлений, и это имело большой вес. Другими важными факторами Ялтинской встречи были признательность Черчилля за «благородный риск» преждевременного русского наступления и безусловная вера Рузвельта в добрую волю Сталина.^[121]

Примерно через семь недель, когда Эйзенхауэр принял решение не двигать свои силы на Берлин, одной из причин этого было убеждение американских верхов в том, что Россия не преследует политических целей. «Берлин, — писал Сталин Эйзенхауэру, — потерял свое прежнее стратегическое значение». Эйзенхауэр, Маршалл и Рузвельт согласились с этим утверждением, несмотря на яростные протесты Черчилля. Сталин получил сполна по «Арденнскому чеку» — он принес ему максимум выгод.

Передвижение Гитлером крупных сил с Востока на Запад и приоритеты, отданные группе армий «Б», которая на критический период получила почти всю военную продукцию Германии, серьезно ослабили немцев на Восточном фронте. К тому же контратаки союзников в начале января сковали много дивизий на Западе и полностью отвлекли немецкое Верховное командование. Эти факторы были, вероятно, более весомы в решении русских начать январское наступление раньше предполагаемого срока, чем «моральный долг» Сталина.

Русские историки никогда не соглашались с этим и настаивали на двух несовместимых заявлениях: с одной стороны, утверждали, что Арденнское наступление не было вообще серьезным наступлением, а только лишь пробой сил, в то время как, по мнению других, западные союзники были спасены от сокрушительного разгрома только благодаря тому, что русские начали 12 января наступление. Число введенных в операцию войск и объем военного снаряжения — достаточный ответ на первое утверждение: фельдмаршал фон

Рундштедт описывал Арденнское наступление как «Сталинград № 2», и мы уже видели, что все шансы на большую победу немцев отпали уже 26 декабря, когда, как об этом сообщает «Немецкий военный вестник», далеко идущие первоначальные стратегические цели были отброшены и заменены ограниченными тактическими целями.

Подлинной целью Гитлера при подготовке последнего отчаянного наступления против западных союзников в декабре 1944 года было не выиграть войну, поскольку он уже тогда знал, что это невозможно, а создать ситуацию, при которой Германия, даже проиграв войну, оставалась бы в целости.

Он считал, что, если его танковые армии смогут расколоть силы западных союзников, они согласятся на «пат» на своем фронте и дадут ему возможность перебросить свои силы на Восток. Затем, как он полагал, русские в ответ предложат условия, согласно которым их армии останутся примерно там, где они находятся. Эти предположения были, конечно, совершенно ошибочными, ибо ничто, если только не ядерное оружие немцев, не остановило бы западных союзников и Россию от оккупации Германии. Гитлер, который так хорошо понимал психологию немецкого народа, всегда ошибался, когда делал расчеты на другие национальности.

Одна из иронии истории заключается в том, что конечным результатом попытки Гитлера сохранить в целости Германию было то, что сегодня восточная граница Германии пролегает на сотню миль западнее, чем это было бы, если бы никогда не было наступления в Арденнах (написано в 1971 г. — *Ред.*).

Уинстон Черчилль
На пути к победе^[122]

Московские переговоры 1944 года

В Москву мы прибыли во второй половине дня 9 октября [1944 года]. Нас исключительно сердечно и торжественно встретили Молотов и многие высокопоставленные русские деятели. На этот раз нас поместили в самой Москве со всеми удобствами. В моем распоряжении находился небольшой, прекрасно обставленный дом; в распоряжении Антони^[123] — другой дом поблизости. Мы были рады возможности пообедать вдвоем и отдохнуть. <...>

В 10 часов вечера состоялась наша первая важная встреча в Кремле. На ней присутствовали только Сталин, Молотов, Идеи, Гарриман^[124] и я, а также майор Бирс и Павлов в качестве переводчиков. Было решено тотчас же пригласить в Москву польского премьер-министра, министра иностранных дел Ромера^[125] и седобородого, престарелого академика Грабского,^[126] обаятельного и очень способного человека. Поэтому я телеграфировал Миколайчику,^[127] что мы ожидаем его и его друзей для переговоров с Советским правительством и нами, а также с люблинским польским комитетом.^[128] Я дал ясно понять, что отказ приехать и принять участие в этих переговорах был бы равносителен прямому отклонению нашего совета и освободил бы нас от дальнейшей ответственности по отношению к лондонскому польскому правительству.

Создалась деловая атмосфера, и я заявил: «Давайте урегулируем наши дела на Балканах. Ваши армии находятся в Румынии и Болгарии. У нас есть там интересы, миссии и агенты. Не будем ссориться из-за пустяков. Что касается Англии и России, согласны ли вы на то, чтобы занимать преобладающее положение на 90 процентов в Румынии, на то, чтобы мы занимали преобладающее положение на 90 процентов в Греции и пополам — в Югославии?» Пока это переводилось, я взял пол-листа бумаги и написал:

«Румыния

Россия — 90%

Другие — 10%

Греция

Великобритания (в согласии с США) — 90%

Россия — 10%

Югославия — 50–50%

Венгрия — 50–50%

Болгария

Россия — 75%

Другие — 25 %»

Я передал листок Сталину, который к этому времени уже выслушал перевод. Наступила небольшая пауза. Затем он взял синий карандаш и, поставив на листке большую птичку, вернул его мне. Для урегулирования всего этого вопроса потребовалось не больше времени, чем нужно было для того, чтобы это написать.

Конечно, мы долго и тщательно обсуждали наш вопрос и, кроме того, касались лишь непосредственных мероприятий военного времени. Обе стороны откладывали все более крупные вопросы до мирной конференции, которая, как мы тогда надеялись, состоится после того, как будет выиграна война.

Затем наступило длительное молчание. Исписанный карандашом листок бумаги лежал в центре стола. Наконец я сказал: «Не покажется ли несколько циничным, что мы решили эти вопросы, имеющие жизненно важное значение для миллионов людей, как бы экспромтом? Давайте сожжем эту бумажку». — «Нет, оставьте ее себе», — сказал Сталин.

Я поднял также вопрос о Германии, и было решено, что наши два министра иностранных дел вместе с Гарриманом займутся им. Я сообщил Сталину, что американцы в ходе наших дальнейших переговоров изложат ему в основных чертах свой план операций на Тихом океане на 1945 год.

Вечером 11 октября Сталин прибыл на обед в посольство Великобритании. Английскому послу впервые удалось этого добиться.

Полиция приняла все необходимые меры предосторожности. Один из моих гостей, Вышинский, проходя мимо вооруженной охраны НКВД, стоявшей на лестнице, заметил: «Видимо, Красная Армия одержала новую победу. Она заняла английское посольство».

До поздней ночи мы вели переговоры на всевозможные темы в неофициальной атмосфере. Помимо прочего, обсуждали вопрос о будущих всеобщих выборах в Англии. Сталин заявил, что он не сомневается в их исходе: победят консерваторы. Политическую жизнь других стран понять еще труднее, чем политическую жизнь собственной страны.^[129]

13 октября, в 5 часов вечера, мы собрались на Спиридоновке, где Советское правительство устраивает приемы. Здесь мы выслушали Миколайчика и его коллег. Эти переговоры проводились в порядке подготовки к следующему совещанию, на котором английская и американская делегации должны были встретиться с люблинскими поляками. Я усиленно настаивал на том, чтобы Миколайчик подумал о двух вещах — о принятии де-факто «линии Керзона»^[130] с двусторонним обменом населения и о дружеских переговорах с люблинским польским комитетом, чтобы можно было создать объединенную Польшу. Я сказал, что произойдут определенные изменения, но было бы лучше всего, если бы единство было установлено сейчас, на этом завершающем этапе войны, и я просил поляков внимательно обсудить этот вопрос в тот же вечер. Идеи и я — к их услугам. Для них было необходимо установить контакт с Польским комитетом и согласиться на «линию Керзона» в порядке рабочей договоренности, подлежащей обсуждению впоследствии на мирной конференции.

Время шло, но тяжелое состояние советско-польских дел улучшалось лишь в самой незначительной степени. Поляки были готовы принять «линию Керзона» «в качестве демаркационной линии между Россией и Польшей». Русские настаивали на формулировке «как основу границы между Россией и Польшей». Ни одна из сторон не хотела уступить.

В других же областях были достигнуты значительные успехи. Решимость Советского правительства выступить против Японии после

разгрома Гитлера была очевидной. Это должно было оказаться исключительно ценным для сокращения сроков всей войны.

В нашем узком кругу мы, безусловно, беседовали с такой непринужденностью, свободой и сердечностью, каких еще никогда не удавалось добиться в отношениях между нашими двумя странами. Сталин несколько раз говорил о личном уважении ко мне, и я уверен, что он говорил искренне. Однако я еще больше убедился в том, что он чем-то озабочен. Как я говорил своим коллегам на родине, «седока одолевают мрачные мысли».

Возвращаясь самолетом на родину, я сообщил президенту подробности наших переговоров.

«1. В последний день нашего пребывания в Москве Миколайчик встретился с Берутом,^[131] который признался, что сталкивается с трудностями... Приближающаяся зима предвещает тяжелые условия за линией фронта, поскольку русская армия продвигается вперед, используя весь транспорт. Он настаивал, однако, на том, что, если Миколайчик будет премьером, он [Берут] должен иметь 75 процентов своих сторонников в кабинете. Миколайчик предложил, чтобы была представлена каждая из пяти польских партий; при этом он должен иметь четыре из пяти лучших постов, на которые он назначил бы людей из числа тех, кто не вызывает неприязни у Сталина.

2. Позже по моей просьбе Сталин принял Миколайчика и в течение полутора часов вел с ним очень дружественную беседу. Сталин обещал помочь ему, а Миколайчик — сформировать и возглавить правительство, абсолютно дружественное по отношению к русским. Он изложил свой план, но Сталин дал ясно понять, что люблинские поляки должны иметь большинство.

3. После обеда в Кремле мы прямо заявили Сталину, что, если правительство не будет состоять на 50 процентов из сторонников Миколайчика плюс он сам, западный мир не будет убежден в том, что сделка была добросовестной, и не поверит, что создано независимое польское правительство. Сталин сперва ответил, что его удовлетворит соотношение 50:50, но быстро поправил себя, назвав худшую цифру...

4. Помимо вышеуказанного, Миколайчик намерен доказать своим лондонским коллегам необходимость согласиться на то, чтобы граница России проходила по “линии Керзона” и исключала Львов. Я надеюсь, что нам, быть может, удастся добиться урегулирования даже в ближайшие две недели. Если это случится, я пошлю Вам телеграмму о том, в какую конкретную форму это вылилось, чтобы вы могли сообщить, хотите ли вы опубликовать это сейчас или повременить.

5. В вопросе о главных военных преступниках Д. Дж.^[132] неожиданно занял ультраприличную позицию. Не должно быть казней без суда; в противном случае мир скажет, что мы их боялись судить. Я указал на трудности, связанные с международным правом, но он ответил, что, если не будет суда, они должны быть приговорены не к смертной казни, а лишь к пожизненному тюремному заключению.

6. Кроме того, мы в неофициальном порядке обсуждали вопрос о будущем разделе Германии. Д. Дж. хочет, чтобы Польша, Чехословакия и Венгрия образовали сферу независимых, антинацистских, прорусских государств, из которых первые два могли бы объединиться. В противоположность своей прежней точке зрения, он был бы рад видеть Вену столицей федерации южногерманских государств, включая Австрию, Баварию, Вюртемберг и Баден. Как вам известно, идея превращения Вены в столицу обширной дунайской федерации всегда привлекала меня, хотя я предпочел бы включить сюда Венгрию, против чего Д. Дж. категорически возражает.

7. Что касается Пруссии, то Д. Дж. хотел бы отделить Рур и Саар, “вывести их из строя” и, вероятно, передать под международный контроль, а также создать обособленное государство Кильского канала. Я не возражаю против такого рода мыслей. Однако вы можете быть уверены в том, что мы не приняли никаких окончательных решений и отложили их до встречи нашей тройки.

8. Я пришел в восторг, узнав от Д. Дж., что вы предложили встречу нашей тройки в конце ноября в одном из черноморских портов. Я считаю это великолепной идеей и надеюсь, что вы

поставите меня в известность об этом в свое время. Я приеду в любое место, куда пожелаете вы двое.

9. Кроме того, Д. Дж. официально поднял вопрос о конвенции, разработанной в 1936 году в Монтрё, желая изменить ее так, чтобы обеспечить свободный проход русских военных кораблей [через черноморские проливы. — Ред.]. Мы не возражали против этого в принципе. Пересмотр явно необходим, поскольку одним из подписавших эту конвенцию государств является Япония, а Инёню^[133] упустил предоставившуюся ему в декабре прошлого года возможность. Мы договорились о том, что русские должны разработать детальные предложения. Он сказал, что они будут умеренными.

10. Что касается признания нынешней французской администрации временным правительством Франции, то я проконсультируюсь с кабинетом по возвращении домой. Соединенное Королевство решительно высказывается за немедленное признание. Де Голль не является более безраздельным хозяином, его удастся держать в узде в большей степени, чем когда бы то ни было. Я по-прежнему считаю, что, когда Эйзенхауэр объявит о передаче под управление Франции обширной внутренней зоны страны, больше уже нельзя будет откладывать это ограниченное признание. Несомненно, за де Голлем стоит большинство французского народа, и французскому правительству нужна поддержка в борьбе против потенциальной анархии в обширных районах. Я буду снова телеграфировать вам из Лондона. Сейчас я пролетаю над благословенной памяти Аламейном. Шлю наилучшие пожелания». <...>

Ялтинская конференция

Президент США был полностью убежден в необходимости новой встречи «трех», переговоры о которой шли уже в течение некоторого времени. «Если Сталин не может встретиться с нами в Средиземном море, — сообщил мне [в телеграмме] президент в конце декабря, — я готов приехать в Крым и встретиться в Ялте, которая кажется мне самым подходящим местом на Черном море, поскольку там наилучшие помещения на побережье и самая надежная летная погода. Моя группа будет такой же, как группа, сопровождавшая меня в Тегеран, — примерно тридцать пять человек. Я все еще надеюсь, что военное положение позволит маршалу Сталину встретить нас на полпути».

Я ответил президенту Рузвельту 29 декабря 1944 года:

«Посылаю вам доклад морского министерства о Ялте. Если будет решено выбрать это место, было бы хорошо иметь несколько эсминцев, на которых мы могли бы жить в случае необходимости. Нам не трудно будет вылететь с большой авиационной базы метеорологического центра в Казерте. Я лично делал посадку на “Йорке” в Симферополе. Однако я полагаю, что Сталин приготовит нам хорошие условия на побережье. Постараемся, чтобы наша группа была как можно меньшей. Думаю, что мы должны рассчитывать на конец января. Я хочу привезти с собой Антони Идена и Лезерса^[134]».

29 января я вылетел с аэродрома Нортхолт на «скаймастере», предоставленном мне генералом Арнольдом. Моя дочь Сара, официальные члены делегации вместе с моими личными секретарями Мартином и Роуэном, а также капитан третьего ранга Томпсон отправились со мной. Мой остальной личный штат и некоторые министерские чиновники летели на двух других самолетах. На Мальту мы прилетели перед самым рассветом 30 января, и там я узнал, что один из этих самолетов разбился близ Пантеллерии. Только трое из

экипажа и два пассажира остались в живых. Таковы превратности судьбы.

2 февраля утром группа президента США прибыла на американском корабле «Куинси» в гавань Валлетты. День был теплым, и под безоблачным небом я наблюдал всю картину с палубы «Ориона». Когда американский крейсер медленно шел мимо нас вдоль набережной к своей якорной стоянке, я увидел фигуру президента, сидевшего на мостике, и мы помахали друг другу. Шедший в сопровождении эскорта «спитфайров», под гром салютов и музыку корабельных духовых оркестров, игравших на пристани «Звездное знамя», американский крейсер представлял собой замечательное зрелище. Я почувствовал себя достаточно хорошо, чтобы пойти на ленч на крейсер «Куинси», а в 6 часов вечера в каюте президента состоялась наша первая официальная встреча.

В этот вечер мы все вместе пообедали на «Куинси», обсудив в неофициальной обстановке результаты переговоров, происходивших в предыдущие дни между Иденом и Стеттиниусом^[135] по политическим вопросам, которые должны были быть поставлены в Ялте. В эту ночь началось «великое переселение». Группа, о которой ранее говорил президент, была обеими сторонами увеличена раз в десять. Транспортные самолеты поднимались с аэродрома через каждые 10 минут, чтобы переправить в Крым на аэродром Саки, на расстояние примерно в 1400 миль, около 700 человек, входивших в английскую и американскую делегации. Там еще за два месяца до этого были расквартированы части английской авиации для подготовки технической стороны дела. Я забрался в свой самолет после обеда и лег спать. После продолжительного полета в холодную погоду мы приземлились на аэродроме, покрытом глубоким снегом. Мой самолет летел впереди президентского, и мы задержались на некоторое время, ожидая его. Когда его вынесли из лифта «священной коровы»,^[136] он выглядел слабым и больным.

Советская штаб-квартира в Ялте была расположена в Юсуповском дворце. Из этого центра Сталин, Молотов и их генералы управляли Россией и руководили своим колоссальным фронтом, на котором происходили в это время самые ожесточенные бои. Президенту Рузвельту был предоставлен еще более роскошный, Ливадийский

дворец, находившийся поблизости, и именно здесь, чтобы избавить его от физических неудобств, происходили все пленарные заседания. Это были единственные неразрушенные здания в Ялте. Мне и ведущим членам английской делегации предоставили большую виллу, примерно на расстоянии 5 миль отсюда, построенную в начале XIX столетия английским архитектором для русского графа Воронцова, бывшего некогда послом императора при английском дворе. <...>

4 февраля, в 3 часа дня (на следующий день после нашего прибытия), меня посетил Сталин, и мы дружески беседовали о войне против Германии. Он был настроен оптимистически. Германии не хватало хлеба и угля: ее транспорт был серьезно разрушен. Я спросил, что сделают русские, если Гитлер переберется на юг, скажем в Дрезден. «Мы последуем за ним», — ответил Сталин. Затем он сказал, что Одер не является больше препятствием, так как Красной Армии уже удалось захватить на противоположном берегу несколько плацдармов, а немцы используют для его обороны неподготовленное, плохо руководимое и плохо вооруженное народное ополчение. Они надеялись отозвать регулярные войска с Вислы и использовать их для обороны реки, но русские танковые части обошли их. Теперь у них имеется только мобильный или стратегический резерв в 20 или 30 плохо обученных дивизий. Имеется также несколько хороших дивизий в Дании, Норвегии, Италии и на Западе, но в целом их фронт прорван, и они лишь стараются залатать дыры.

Когда я спросил Сталина, что он думает о наступлении Рундштедта^[137] против американцев, он назвал это глупым маневром, который причинил Германии вред и был предпринят ради престижа. Военная машина Германии сломана, и такими средствами ее не исправить. Лучшие генералы потеряны: остался только Гудериан, да и тот авантюрист. Если бы германские дивизии, отрезанные в Восточной Пруссии, были своевременно выведены, их можно было бы использовать для обороны Берлина. Но немцы ведут себя глупо. У них все еще имеется 11 танковых дивизий в Будапеште, но они так и не поняли, что не являются больше мировой державой и не могут держать войска там, где им заблагорассудится. В свое время они поймут это, но тогда уже будет слишком поздно.

Первое пленарное заседание конференции началось днем 4 февраля, в четверть пятого. Мы собрались в Ливадийском дворце и заняли наши места за круглым столом. Вместе с тремя переводчиками нас было 23 человека. Со Сталиным и Молотовым были Вышинский, Майский, русский посол в Лондоне Гусев и русский посол в Вашингтоне Громыко. Переводил Павлов. Американскую делегацию возглавляли президент Рузвельт и Стеттиниус. В нее входили также адмирал Леги, Бирнс, Гарриман, Гопкинс, руководитель европейского отдела в государственном департаменте Мэттьюс и специальный помощник из государственного департаamenta Болен, который также переводил. Иден сидел рядом со мной. В мою группу входили Александр Кадоган, Эдуард Бриджес, наш посол в Москве Арчибальд Кларк Керр. Переводил для нас, как и всегда со времени моей первой встречи со Сталиным в Москве в 1942 году, майор Бирс.

Переговоры начались с обсуждения вопроса о будущем Германии. Я уже, конечно, обдумал эту проблему и еще месяц назад написал по этому вопросу следующую записку Идену:

«Сталин спрашивал, как нужно будет расчленить Германию. Будем ли мы иметь одно или несколько правительств или же только какую-то форму администрации? Если Гитлер безоговорочно капитулирует, сохраним ли мы его правительство или откажемся иметь с ним дело? В Тегеране Рузвельт предложил разделить Германию на пять частей, и Сталин с ним согласился. Я, с другой стороны, колебался и хотел, чтобы она была разделена лишь на две части, а именно: Пруссию и Австрию—Баварию, с тем чтобы Рур и Вестфалия находились под международным контролем. Теперь, сказал Сталин, настало время принять окончательное решение.

Я заметил, что мы все договорились о том, что Германия должна быть расчленена, но практическое осуществление ее раздела — слишком сложное дело, чтобы о нем можно было договориться за пять и шесть дней». [\[138\]](#)

На этом заседании Рузвельт сделал важнейшее заявление. Он сказал, что США примут все разумные меры, чтобы сохранить мир, но не ценой содержания большой армии в Европе на расстоянии 3 тысяч миль от Соединенных Штатов. Поэтому американская оккупация ограничится только двумя годами. У меня возникли тревожные

вопросы. Если американцы покинут Европу, Англия должна будет одна, без посторонней помощи, оккупировать всю западную часть Германии. Такая задача была бы нам далеко не по силам. Поэтому в начале нашего заседания 6 февраля я стал настаивать на том, что французы должны разделить с нами это тяжкое бремя...

Затем мы перешли к международной организации по поддержанию мира. Президент заявил, что в Соединенных Штатах общественное мнение имеет решающее значение. Если можно будет прийти к согласию относительно предложений, выдвинутых в Думбартон-Оксе, или подобного рода предложений, его страна, вероятно, примет активное участие в установлении мира во всем мире, ибо идея создания такой международной организации встречается в Соединенных Штатах большую поддержку. Но конференция в Думбартон-Оксе закончилась, так и не достигнув никакого соглашения по важнейшему вопросу — о процедуре голосования в Совете Безопасности!^[139]

5 декабря 1944 года президент сделал Сталину и мне следующие новые предложения: каждый член Совета должен иметь один голос. Для принятия какого-либо решения за него должны голосовать семь членов. Этого будет достаточно для деталей процедуры. Все крупные вопросы, такие, как принятие или исключение отдельных государств из организации, подавление и улаживание конфликтов, регулирование вооружений и предоставление вооруженных сил, потребуют совпадения голосов всех постоянных членов Совета.

Когда мы снова встретились на следующий день, Молотов пришел с новым планом. Должны ли советские республики быть членами международной организации с правом голоса в Генеральной Ассамблее? Советская делегация была бы удовлетворена, если бы три или по крайней мере две из советских республик стали с самого начала членами организации, а именно Украина, Белоруссия и Литва. Все они важны, все понесли большие жертвы в войне; они первыми подверглись вторжению и сильно пострадали. Доминионы Британского Содружества Наций приближались к независимости постепенно и терпеливо. Это было примером для России, и поэтому они решили внести это более узкое предложение. «Мы полностью согласны, — заявил Молотов, — с предложением президента о процедуре голосования и просим, чтобы три или по крайней мере две

из наших республик были членами-учредителями международной организации».

Для всех нас это было большим облегчением, и Рузвельт быстро поздравил Молотова. <...>

В этот вечер мы все вместе обедали со Сталиным в Юсуповском дворце. Речи, произносившиеся за обедом, были записаны и могут быть приведены здесь. Между прочим, я коснулся более серьезной темы:

«Я должен сказать, что еще ни разу за всю эту войну, даже в самые мрачные периоды, я не ощущал к себе такой большой откровенности, как сейчас на этой конференции. Теперь, по причинам, на которые указал маршал, мы понимаем, что достигли вершины холма и перед нами простирается открытая местность. Не будем преуменьшать трудности. В прошлом народы, товарищи по оружию, лет через пять — десять после войны расходились в разные стороны. Миллионы тружеников двигались, таким образом, по замкнутому кругу, падая в пропасть и затем снова поднимаясь лишь благодаря своим собственным жертвам. Теперь мы имеем возможность избежать ошибок прежних поколений и обеспечить прочный мир. Люди жаждут мира и радости. Соединятся ли вновь семьи? Вернется ли воин домой? Будут ли восстановлены разрушенные жилища? Увидит ли труженик свой дом? Защита своей страны — доблестное дело, но перед нами еще большие задачи. Нам предстоит претворить в жизнь мечту бедняков, чтобы они могли жить в мире, охраняемые нашей непобедимой мощью от агрессии и зла. Я возлагаю свои надежды на замечательного президента Соединенных Штатов и на маршала Сталина, в которых мы найдем поборников мира и которые, разбив наголову противника, поведут нас на борьбу против нищеты, беспорядков, хаоса, гнета. Я возлагаю на это надежды и от имени Англии заявляю, что мы не отстанем в наших усилиях. Мы неослабно будем поддерживать ваши усилия. Маршал говорил о будущем. Это самое главное. В противном случае океаны крови окажутся напрасными и поруганными. Я провозглашаю тост за яркий, солнечный свет победившего мира».

Сталин ответил. Я никогда не подозревал, что он может быть таким откровенным:

«Я говорю (сказал он), как старый человек: вот почему я говорю так много. Но я хочу выпить за наш союз, за то, чтобы он не утратил своего интимного характера, свободного выражения взглядов. В истории дипломатии я не знаю такого тесного союза трех великих держав, как этот, в котором союзники имели бы возможность так откровенно высказывать свои взгляды. Я знаю, что некоторым кругам это замечание покажется наивным.

В союзе союзники не должны обманывать друг друга. Быть может, это наивно? Опытные дипломаты могут сказать: “А почему бы мне не обмануть моего союзника?” Но я, как наивный человек, считаю, что лучше не обманывать своего союзника, даже если он дурак. Возможно, наш союз столь крепок именно потому, что мы не обманываем друг друга; или, быть может, потому, что не так уж легко обмануть друг друга? Я провозглашаю тост за прочность союза наших трех держав. Да будет он сильным и устойчивым: да будем мы как можно более откровенны». <...>

Моя очередь была председательствовать на нашем последнем обеде 10 февраля. За несколько часов до того, как Сталин должен был приехать, в Воронцовский дворец прибыл взвод русских солдат. Они заперли двери по обе стороны приемных зал, в которых должен был состояться обед. Была расставлена охрана, и никому не разрешалось входить. Затем они обыскали все — смотрели под столами, простукивали стены. Моим служащим приходилось выходить из здания, чтобы попасть из служебных помещений в комнаты, где они жили. Когда все было в порядке, маршал прибыл в самом приветливом настроении, а немножко позже — президент.

Во время обеда Сталин провозгласил тост за здоровье короля в такой форме, что, хотя он и предполагал, что тост получится дружественным и почтительным, мне он не понравился. Сталин сказал, что в общем и целом всегда был против королей и держит сторону народа, а не какого бы то ни было короля, но что в этой войне он научился уважать и ценить английский народ, который уважает и чтит своего короля, и что поэтому он хотел бы провозгласить тост за здоровье английского короля. Я не был удовлетворен такой формулировкой и попросил Молотова разъяснить, что этих тонкостей Сталину можно было бы избежать и предлагать в дальнейшем тост за здоровье «глав трех

государств». Поскольку на это было дано согласие, я тут же ввел в практику новую формулу:

«Я провозглашаю тост за здоровье Его Королевского Величества, президента Соединенных Штатов и президента СССР Калинина — трех глав трех государств».

На это президент, у которого был очень усталый вид, ответил:

«Тост премьер-министра навевает много воспоминаний. В 1933 году моя жена посетила одну из школ у нас в стране. В одной из классных комнат она увидела карту с большим белым пятном. Она спросила, что это за белое пятно, и ей ответили, что это место называть не разрешается. То был Советский Союз. Этот инцидент послужил одной из причин, побудивших меня обратиться к президенту Калинину с просьбой прислать представителя в Вашингтон для обсуждения вопроса об установлении дипломатических отношений. Такова история признания нами России».

Во время нашего пребывания в Ялте был другой случай, когда не все прошло так гладко. Рузвельт, который давал завтрак, сказал, что он и я в секретных телеграммах всегда называем Сталина «дядя Джо». Я предложил, чтобы он сказал Сталину об этом в конфиденциальном разговоре, но он пошутил на этот счет при всех. Создалось напряженное положение. Сталин обиделся. «Когда я могу оставить этот стол?» — спросил он возмущенно. Бирс спас положение удачным замечанием. «В конце концов, — сказал он, — ведь вы употребляете выражение “дядя Сэм”, так почему же “дядя Джо” звучит так уж обидно?» После этого маршал успокоился, и Молотов позднее уверял меня, что он понял шутку. Он уже знал, что за границей многие называют его «дядя Джо», и понял, что прозвище было дано ему дружески, в знак симпатии.

Воскресенье 11 февраля был последним днем нашего пребывания в Крыму. Как это обычно бывало на такого рода совещаниях, многие серьезные вопросы остались нерешенными. Относительно Польши в коммюнике излагалась в общих чертах политика, которая при условии проведения ее в жизнь на основе лояльности и доброй воли действительно могла бы до заключения общего мирного договора

послужить тем целям, для которых предназначалась. Соглашение относительно Дальнего Востока, которое президент и его советники заключили с русскими, для того чтобы побудить их вступить в войну против Японии, не касалось нас непосредственно. Президент торопился на родину и хотел по дороге захватить в Египет, чтобы обсудить дела Среднего Востока с властелинами этих стран. Сталин и я позавтракали с ним в бывшей бильярдной царя в Ливадийском дворце. За завтраком мы подписали заключительные документы и официальные коммюнике. Теперь все зависело от духа, в котором они будут проводиться в жизнь. <...>

Капитуляция Германии

В середине апреля стало ясно, что гитлеровская Германия в скором времени будет полностью уничтожена. Армии вторжения рвались вперед со всей своей мощью, и расстояние между ними сокращалось с каждым днем.

Последние сцены, происходившие в штаб-квартире Гитлера, описывались довольно подробно в других источниках. Из видных фигур его режима только Геббельс и Борман были с ним до самого конца.

В самом конце апреля были предприняты попытки начать переговоры с русскими, но Жуков потребовал безоговорочной капитуляции. Адмирал Дениц в своей штаб-квартире в Гольштейне получил следующую телеграмму: «Вместо бывшего рейхсмаршала Геринга фюрер назначает вас, герр гроссадмирал, своим преемником. Письменные полномочия — в пути. Немедленно примите все меры, каких требует положение. Борман».

Воцарился хаос. Дениц, поддерживающий связь с Гиммлером и полагавший, что последний будет назначен преемником Гитлера в случае падения Берлина, вдруг обнаружил, что внезапно на его плечи без предупреждения взвалили наивысшую ответственность. Перед ним встала задача организовать капитуляцию.

В течение ряда месяцев Гиммлера уговаривали вступить по своей собственной инициативе в личный контакт с западными союзниками в надежде добиться сепаратной капитуляции. Некий генерал войск СС — Шелленберг предложил ему в качестве посредника графа Бернадотта — главу шведского Красного Креста, которому время от времени представлялся случай побывать в Берлине. В феврале, а затем в апреле, когда Бернадотт посетил германскую столицу, он тайно встречался с Гиммлером. Неонацистский лидер был слишком сильно связан своей верностью Гитлеру, для того чтобы предпринять что-

либо. Заявление фюрера 22 апреля о сопротивлении в Берлине до последнего побудило Гиммлера действовать.

В ночь на 25 апреля в Лондон прибыла телеграмма от английского посланника в Швеции сэра Виктора Маллета. Он сообщил, что в 11 часов вечера 24 апреля его и его американского коллегу Гершеля Джонсона пригласил к себе в министерство иностранных дел Богеман. Целью этой беседы была встреча с графом Бернадоттом, приехавшим с неотложной миссией. Бернадотт рассказал им, что Гиммлер находится на Восточном фронте, и просил его срочно встретиться с ним в Северной Германии. Бернадотт предложил в качестве места встречи Любек, и накануне вечером они встретились. Гиммлер, хотя он был утомлен и признал, что с Германией покончено, все же держался спокойно и говорил логично. Он сказал, что Гитлер настолько тяжело болен, что, возможно, он уже мертв или, во всяком случае, смерть его — вопрос ближайших нескольких дней. Гиммлер заявил, что, пока фюрер занимался делами, он был бы не в состоянии сделать то, что предлагает сейчас, но, поскольку с Гитлером все кончено, он может действовать, располагая для этого всеми полномочиями. Затем он спросил, не сможет ли шведское правительство устроить ему встречу с генералом Эйзенхауэром и капитуляцию на всем Западном фронте. Бернадотт сказал, что в этом нет никакой необходимости, так как Гиммлер может просто приказать своим войскам капитулировать, и, во всяком случае, он не передаст эту просьбу, если Норвегия и Дания не будут включены в эту капитуляцию. Если же это будет сделано, то встреча может еще иметь какой-то смысл, поскольку, возможно, понадобится специальная договоренность относительно того, каким образом и перед кем немцы, находящиеся в этих странах, должны будут сложить оружие. На это Гиммлер ответил, что он готов отдать германским войскам в Дании и Норвегии приказ капитулировать перед английскими, американскими или шведскими войсками. На вопрос о том, что он предполагает сделать в случае отказа западных союзников принять его предложение, Гиммлер ответил, что он возьмет на себя командование Восточным фронтом и погибнет, сражаясь. Гиммлер выразил надежду, что в Мекленбург первыми придут западные союзники, а не русские, чтобы можно было спасти гражданское население.

В заключение граф Бернадотт сказал, что генерал Шелленберг находится сейчас в Фленсбурге, близ датской границы, с нетерпением ожидая известий, и что он может обеспечить немедленную доставку Гиммлеру любого сообщения. Оба посланника сказали, что отказ Гиммлера капитулировать на Восточном фронте похож на последнюю попытку создать неприятности в отношениях между западными союзниками и Россией. Ясно, что нацистам придется капитулировать перед всеми союзниками одновременно. Шведский министр признал, что, возможно, это и так, но указал, что если войска на всем Западном фронте, в Норвегии и Дании сложат оружие, то это будет большой помощью для всех союзников, включая Россию, и приведет к скорой и полной капитуляции. Во всяком случае, по его мнению, информацию, доставленную Бернадоттом, следовало передать английскому и американскому правительствам. Что касается его собственного правительства, то, как он указал, англичане и американцы имеют полное право рассказать все Советам, так как шведы никоим образом не намерены и не желают, чтобы кто-либо считал, что они хотят способствовать разладу между союзниками. Единственная причина, почему шведское правительство не может прямо информировать Советы, заключается в том, что Гиммлер особо оговорил, что информация его предназначена только для западных держав. <...>

Это известие я получил утром 25 апреля и немедленно созвал заседание военного кабинета. О нашей реакции можно судить по телеграмме, отправленной мной президенту Трумэну.

*Премьер-министр — президенту Трумэну,
25 апреля 1945 года*

«Вы, несомненно, получили несколько часов назад от вашего посла в Стокгольме сообщение о переговорах между Бернадоттом и Гиммлером. Я тут же созвал заседание военного кабинета, члены которого одобрили направляемую вам вслед за этим посланием телеграмму, которую мы посылаем маршалу Сталину и через обычные каналы повторяем для вас. Надеемся, что вы сочтете возможным телеграфировать маршалу Сталину и нам в этом же духе. Так как Гиммлер, очевидно, выступает от имени германского государства в не меньшей мере, чем может выступать кто-либо другой, то проблемой ответа, который нужно направить ему через

шведское правительство, в принципе должны заняться три державы, поскольку никто из нас не может вступать в отдельные переговоры. Однако этот факт ни в коей мере не ущемляет права генерала Эйзенхауэра или фельдмаршала Александра принимать капитуляции местного порядка по мере того, как они будут происходить».

Привожу текст моего письма Сталину от 25 апреля 1945 года:

«Президент Соединенных Штатов также был информирован об этом. Поскольку это касается правительства Его Величества, не может идти речи ни о чем меньшем, кроме как об одновременной безоговорочной капитуляции перед тремя главными державами. Мы считаем, что Гимmlеру нужно сказать, что военнослужащие германских вооруженных сил, как одиночки, так и находящиеся в соединениях, должны повсюду сдаться на месте союзным войскам или их представителям. До тех пор пока этого не произойдет, атаки союзников со всех сторон и на всех театрах военных действий, где все еще имеет место сопротивление, будут продолжаться с полной силой».

Его ответ представлял собой самое сердечное послание, какое я когда-либо от него получал.

«Благодарю Вас за Ваше сообщение от 25 апреля насчет намерения Гимmlера капитулировать на Западном фронте.

Ваше предложение о предъявлении Гимmlеру требования безоговорочно капитулировать на всех фронтах, в том числе и на советском фронте, считаю единственно правильным. Зная Вас, я не сомневался в том, что Вы будете действовать именно таким образом. Прошу действовать в духе Вашего предложения, а Красная Армия будет нажимать на Берлин в интересах нашего общего дела.

Сообщаю, к Вашему сведению, что аналогичный ответ дал я Президенту Трумэну, который также обратился ко мне с тем же запросом».

Я ответил 27 апреля 1945 года:

«... весьма рад узнать, что Вы не сомневались в том, как я поступил бы и как буду всегда поступать в отношении Вашей

великолепной страны и в отношении Вас лично. Британское и Американское Правительства, уверенные в своих действиях в этом деле, будут развивать свою деятельность в одобренном Вами направлении, и все мы трое будем продолжать полностью информировать друг друга». [\[140\]](#)

Граф Бернадотт снова отправился в Германию, чтобы передать Гиммлеру наше требование. Больше об этом нацистском руководителе ничего не было слышно до 22 мая, когда он был арестован на английском контрольном пункте в Бремерверде. Гиммлер был переодет, и его не узнали; но его документы вызвали подозрения у часовых, и его доставили в лагерь, расположенный близ штаба 2-й армии. Затем он рассказал коменданту, кто он такой. Его поместили под стражу. После осмотра Гиммлер раздавил ампулу с цианистым калием, которую, видимо, скрывал у себя во рту на протяжении нескольких часов. Он умер почти сразу же в 11 часов вечера в среду 23 мая...

2 мая поступило известие о капитуляции в Италии. В тот же день наши войска достигли Любека на Балтийском побережье, вступив в соприкосновение с русскими и отрезав всех немцев, находившихся в Дании и Норвегии. 3 мая мы, не встретив сопротивления, вступили в Гамбург, гарнизон которого капитулировал безоговорочно. В штаб-квартиру Монтгомери в Люнебургской пустоши прибыла германская делегация. Ее возглавлял адмирал Фридебург — эмиссар Деница; он пытался добиться соглашения о капитуляции, которое включило бы германские войска на севере, противостоящие русским. Эта просьба была отвергнута, как выходящая за пределы полномочий командующего армейской группой, который мог заниматься только своим собственным фронтом. На следующий день, получив от своих начальников новые инструкции, Фридебург подписал капитуляцию всех германских сил в Северо-Западной Германии, Голландии, на островах, в Шлезвиг-Гольштейне и Дании.

Фридебург отправился в штаб-квартиру Эйзенхауэра в Реймс, где 6 мая к нему присоединился генерал Йодль. Они старались выиграть время, чтобы дать возможность как можно большему числу солдат и беженцев оторваться от русских и перебраться к западным союзникам, и они пытались добиться сепаратной капитуляции Западного фронта.

Эйзенхауэр установил крайний срок и настаивал на общей капитуляции. Йодль доносил Деницу: «Генерал Эйзенхауэр настаивает на том, чтобы мы подписали сегодня. В противном случае союзные фронты будут закрыты для лиц, пытающихся капитулировать в индивидуальном порядке. Я не вижу никакой альтернативы; хаос или подписание. Прошу вас подтвердить мне немедленно по радио, что я уполномочен подписать капитуляцию».

Документ о полной и безоговорочной капитуляции был подписан 7 мая, в 2 часа 41 минуту утра, генералом Беделлом Смитом и генералом Йодлем в присутствии французских и русских офицеров как свидетелей. На основе этого документа все военные действия прекращались в полночь 8 мая. Официальная ратификация германским верховным командованием, организованная русскими, состоялась в Берлине в ночь на 9 мая. [\[141\]](#)

В час величайшей победы я слишком хорошо сознавал ожидавшие нас трудности и опасности; но все же это был момент для ликования, хотя и короткий.

Мамору Сигемицу
Подписание акта о капитуляции[\[142\]](#)

1. Прибытие оккупационной армии

Было сообщено, что Акт о капитуляции предстояло подписать в конце августа, но затем дата была изменена на 2 сентября, церемония должна была состояться на палубе «Миссури» у Иокогамы. Между армией и флотом США были определенные протокольные тонкости. Как Верховный командующий Макартур представлял как флот, так и армию, но то, что местом подписания был избран флагманский корабль «Миссури», было признанием огромных жертв, понесенных флотом в войне на Тихом океане. «Миссури» получил свое название в честь штата, родины президента Трумэна.

Американские (союзные) силы прибыли воздухом 28 августа на аэродром Ацуги как передовой отряд оккупационных сил. Макартур прибыл тем же путем несколькими днями позже, его штаб разместился в Иокогаме. В то же время американский флот занял Йокосуку. Токийский залив был избран в качестве передового объекта оккупации с центром в Иокогаме.

Ацуги только недавно стал местом расположения отряда особого назначения. Японским морякам пришлось напряженно поработать, чтобы привести Ацуги в надлежащий вид, ведь они получили указание об этом всего за день или два.

2. Выбор делегатов для подписания акта о капитуляции

Выбор делегатов для подписания Акта о капитуляции представлял наибольшие трудности. Это должны были быть люди, принявшие полную ответственность за окончание войны и которые вызывали бы полное доверие к искренности Японии. Малейший ложный шаг, предпринимаемый побежденной Японией, мог иметь фатальные последствия. Япония сложила оружие. Пришли враги, держа наготове окровавленный меч против этих японцев, о которых они еще вчера думали, будто те станут биться как хищные звери.

Настроение японских лидеров при внезапном окончании войны было показательным. Они испытывали отвращение как к чему-то грязному к самой ответственности за акт капитуляции и делали все, дабы избежать этого. В глазах общественности подписание капитуляции было концом всего, для солдата или моряка — истинным самоубийством.

Я страстно желал всей душой окончания войны, и вот час настал. Моим долгом было довести до конца последний, решающий акт. Я собрал всю свою решимость, чтобы поставить последнюю точку на моих обязанностях перед императором. Насколько я знал, моей наградой могла стать бомба, но это не имело большого значения. Я надеялся и молился за то, что капитуляция возвестит рассвет светлой эры, в которой суждено жить Японии.

3. Обязанности делегатов

Я думал, что армия и флот выберут по представителю, и предложил, чтобы император и правительство были представлены одним или двумя делегатами. Я полагал, чтобы помимо меня личным делегатом от имени императора был бы премьер-министр или его заместитель, но этот план не был принят. В конце концов было решено, что министр иностранных дел будет представлять императора и правительство и что Генеральный штаб назначит своего начальника или заместителя. Соответственно я был назначен вместе с начальником Генерального штаба Умедзу. Император отдельно собрал нас для аудиенции и торжественно уполномочил для нашей серьезной миссии.

Как министр иностранных дел и представитель императора и правительства, я был назначен Чрезвычайным послом для подписания Акта о капитуляции, события, невиданного в истории Японии. Во время моей аудиенции у императора я решился представить следующие рекомендации:

«Подписание Акта о капитуляции — событие совершенно новое в нашей истории. Это достойная скорби трагедия. Но это — единственное средство, с помощью которого японский народ может быть спасен от уничтожения, и развитие истории и культуры окажется нерушимым. Это, таким образом, неизбежная необходимость.»

На протяжении своей истории Япония оставалась единой нацией — один народ, один государь. Когда такие, как я, допускаются к Вам, мы чувствуем, что воля народа и воля нашего императора едины. Только потому, что те, кто был облечен властью, заблуждались, Япония впала в это прискорбное затруднительное положение.

Демократия, на которой настаивает Потсдамская Декларация, сама по себе не несовместима с институтами нашей страны. Я даже думаю, что под ее влиянием они даже усилятся. Понимая это, я полагаю, что, если, подписав документ, мы будем честно и полностью

следовать ему, мы обеспечим для нашей страны более счастливое будущее. Я воистину верю, что это вполне возможное достижение».

Император, по-видимому, разделял мои чувства. Его Императорское Величество сказал: «Я совершенно согласен с Вами», — и милостиво соизволил воодушевить меня проводить намеченную мною политику.

4. Акт о капитуляции подписан

На рассвете 2 сентября Умедзу, я и наша свита собрались в официальной резиденции премьер-министра. Поклонившись в направлении дворца, мы направились в Иокогаму. На улицах не было ни души. Насколько видел глаз, мы ехали по выжженной земле, кое-где были видны уцелевшие жители, рывшиеся в развалинах. Раны войны наглядно предстали пред нашими глазами.

С пристани Иокогамы мы сели на американский эсминец и в течение часа пробирались через американские и английские военные корабли, заполнившие Токийский залив, прежде чем подошли к флагманскому кораблю Нимица «Миссури». Накануне был день «210».
[\[143\]](#)

Но океан под лучами восходящего солнца был спокоен. Мы взошли на трап, и нас приветствовал караул. Когда мы поднимались на верхнюю палубу, где должна была состояться церемония, было как раз около десяти утра. Место подписания было окружено толпой глазевших врагов. Оно было переполнено корреспондентами газет и фотографами. Выделялись генерал Персиваль, сдавшийся в Сингапуре, и генерал Уэнрайт, капитулировавший на Батаане. Напротив нас, по другую сторону стола, были представители союзников. Появился Верховный командующий Макартур. В своей речи он объявил об окончании войны и потребовал от нас подписать Акт о капитуляции. Я подписал первым, за мной — Умедзу. Затем подписал Макартур в знак признания нашей капитуляции, после него — представители союзных держав. США представлял адмирал Нимиц, Великобританию — адмирал Фрейзер. Также были представлены Россия и Китай.

Это был мучительно прекрасный день. Когда мы стояли на палубе, появилась Фудзияма, возвышавшаяся над Токийским заливом и напоминая, что мы прощались с летом. Хотя английский линкор «Принц Уэльский» был потоплен у Сингапура, однотипный с ним «Король Георг V» гордо стоял перед нами, сверкая в сияющем серебре.

Мы вернулись на пирс и поехали в Токио, чтобы доложить правительству и императору. Наша ответственная миссия была окончена. В этот день закончилась тысячелетняя история. В этот день занималась заря новой эпохи. Более того. Только с помощью этого дня наша история могла продолжаться. Япония рождалась заново, хотя революция Сева, которой предстояло перестроить Японию, все еще продолжалась. Будущее этой новой Японии зависит от способности и упорства японского народа.

Есть люди, которые говорят: «Из поражения выходит победа». Но если Япония будет вести себя так, как прежде, победа снова превратится в пыль. Только если она перевернет новую страницу, тогда страна будет процветать и жизнь будет достойной. Ее странствования в аду приобретут смысл, если она выйдет из него достойной себя. Я пытался заглянуть в будущее, но грустные мысли одолевали меня.

Иллюстрации

Невилл Чемберлен после возвращения из Мюнхена. «Я привез вам мир».

Выступает Эдуард Даладьё

В. М. Молотов подписывает советско-германский пакт о ненападении. 23 августа 1939 года

Гитлер в Польше. Октябрь 1939 года

Маршал Маннергейм со своим штабом

В. Таннер и Ю. К. Паасикиви направляются в Москву на переговоры. Октябрь 1939 года

Финская армия на марше

Обмен военнопленными после окончания советско-финской войны

Погрузка английских войск на корабли в Дюнкерке

Колонна пленных англичан

Разрушения в Лондоне после немецких бомбардировок

Наступление немецких танков в районе Слуцка. 1941 год

Последний предвоенный парад в Москве. 1 мая 1941 года

На авианосце «Энтерпрайз»

Высадка американских войск в Северной Африке. Ноябрь 1942 года

Американские, французские и английские войска в Алжире

Генерал Анри Жиро

Бои на Курской дуге

В штабе Д. Эйзенхауэра перед высадкой союзных войск на побережье Нормандии

Президент Франклин Рузвельт слушает доклад Объединенного комитета начальников штабов. Июль 1944 года

Отто Скорцени

Руководители наступления в Арденнах: Г. фон Рундштедт, В. Модель, Х. фон Мантейфель, Й. Дитрих

Во время наступления в Арденнах

Бастонь — центр коммуникаций союзников в Арденнах

Фельдмаршал Бернард Лоу Монтгомери

Генерал Омар Брэдли

Весной 1945 года Германия лежала в руинах

Черчилль, Трумэн и Сталин в Потсдаме. Июль 1945 года

Японская делегация на борту линкора «Миссури» перед подписанием Акта о капитуляции Японии. 2 сентября 1945 года

Führer und Oberste Befehlshaber   F.K. Nr., den 18.12.40
 der Wehrmacht
W.F. Nr. 33 400/40 s. K. d. Wehr.

W e i s u n g Nr. 21
Fall Barbarossa.

Die deutsche Wehrmacht wird darauf vorbereitet sein, auch vor
 Ausbruch des Krieges gegen England Sowjetrußland in einem schnellen
 Blitzkrieg zu erobern (Fall Barbarossa).

Die Wehrmacht wird hierzu alle verfügbaren Verbände einzuweisen haben
 und wird darauf bestehen, daß die besetzten Gebiete gegen Überraschungs-
 angriffe gesichert sein müssen.

Während die Luftwaffe wird es darauf ankommen, für den Ostfeldzug
 starke Kräfte zur Unterstützung des Heeres freizumachen, daß mit
 diesem raschen Ablauf der Erdoperationen gerechnet werden kann und
 die Zerschlagung des sowjetischen Heeres durch feindliche Luftangriffe
 so gering wie möglich bleibt. Diese Schwerpunktbildung im Osten ist
 die höchste Aufgabe in der Forderung, daß der gesamte von uns beherrschte
 - und beherrschbare - Luftkrieg gegen feindliche Luftangriffe hinreichend
 ist, um die Luftwaffe nicht zum Kriegseinbruch gegen England, in
 deren keine Gefahr, nicht zum Kriegseinbruch kommen dürfen.

Der Schwerpunkt des Einsatzes der Kriegsmarine bleibt
 während eines Ostfeldzuges einseitig gegen England gerichtet
 und dem Zweck gegen Sowjetrußland ist die Wehrmacht
 haben vor dem beschleunigten Operationsbeginn alle
 Vorbereitungen, die eine rasche Landung im
 ist noch nicht abgeschlossen - ist im
 zum 15.1.41 abzuschließen.

Entscheidender Wert ist jedoch darauf zu legen, daß
 ein Angriff nicht erkennbar wird.
 Die Vorbereitungen der Oberkommandos sind auf die
 sich zu treffen.

Sicherheitsmaßnahmen:
 Die im wesentlichen Maßnahmen sind die
 die sich bei den Maßnahmen operativ unter

Безоговорочная капитуляция Японии

14 августа Правительство Соединённых Штатов получило через Швейцарское Правительство следующее сообщение от Японского Правительства:

«По вопросу о ноте Японского Правительства от 10 августа относительно принятия условий Потсдамской Декларации и ответа Правительства Соединённых Штатов, Великобритании, Советского Союза и Китая, посланного Государственным Секретарем Америки Бернесом и датированного 11 августа, Японское Правительство имеет честь сообщить Правительством четырёх держав следующее:

«1. Его Величество Император издал Императорский рескрипт о принятии Японией условий Потсдамской Декларации.

2. Его Величество Император готов санкционировать и обеспечить подписание его Правительством и Императорской Генеральной штабквартирой необходимых условий для выполнения положений Потсдамской Декларации. Его Величество также готово дать от себя приказы всем военным, военно-морским и авиационным властям Японии и всем находящимся в их подчинении вооружённым силам, где бы они ни находились, прекратить боевые действия и сдать оружие, а также дать такие другие приказы, которые может потребовать Верховный Командующий Союзных Вооружённых Сил в целях осуществления вышеуказанных условий».

Примечания

1

Из книги Тэлфорда Тейлора «Мюнхен. Цена мира» (Нью-Йорк, 1979. Глава «В пути»).

Taylor T. Munich. The Price of Peace. New York, 1979. p. 14–21.

Тейлор, Тэлфорд — американский историк и юрист, бригадный генерал, заместитель Главного обвинителя от США в Международном военном трибунале на Нюрнбергском процессе. Автор книг «Путь завоеваний. Германские победы в Западной Европе. 1940», «Меч и свастика; генералы и нацисты в Третьем Рейхе», «Нюрнберг и Вьетнам. Американская трагедия» и др.

2

Кингсли Вуд — министр авиации; лорд **Галифакс** — министр иностранных дел в 1938–1940 годах; **Лесли Хор-Белиша** — военный министр в 1937–1940 годах. — *Прим. ред.*

3

Гарри Перси, по прозвищу Хотспер (Горячая Шпора) — дворянин, поднявший оружие против короля Генриха IV, основателя Ланкастерской династии. Пал в сражении от руки принца Гарри (будущего короля Генриха V). См. трагедию В. Шекспира «Генрих IV», часть I. — *Прим. ред.*

4

Люфтваффе — военно-воздушные силы Германии. — *Прим. ред.*

5

Невилл Гендерсон — английский посол в Берлине. — *Прим. ред.*

6

Из книги Уильяма Ширера «Взлет и падение Третьего Рейха. История нацистской Германии» (Нью-Йорк, 1963).

Shirer W. The Rise and Fall of the Third Reich. A History of Nazi Germany. New York, 1963. p. 569–577.

Ширер, Уильям — американский историк и журналист, автор многих книг по истории Германии и второй мировой войны.

7

Состояла из послов Италии, Англии и Франции, посланника Чехословакии в Берлине и статс-секретаря МИД Германии. — *Прим. перев.*

8

Глава из книги Уильяма Ширера «Крах Третьей республики» (Лондон, 1970).

Shirer W. The Collapse of the Third Republic. London, 1970. p. 496–526.

9

31 марта 1939 года Чемберлен выступил в парламенте с заявлением о предоставлении гарантий Польше. «В случае любой акции, — говорилось в заявлении, — которая будет явно угрожать независимости Польши... правительство Его Величества считает себя обязанным оказать Польскому правительству всю поддержку, которая в его силах». 13 апреля Великобритания и Франция в совместной декларации обещали вооруженную поддержку Греции и Румынии в случае нападения на них. — *Прим. перев.*

10

«Пакт о союзе и дружбе между Италией и Германией» подписан в Берлине министрами иностранных дел нацистской Германии (Риббентроп) и фашистской Италии (Чиано). Военно-политическое

соглашение двух фашистских держав завершило создание агрессивного военного союза в Европе и ускорило начало второй мировой войны. Этот союз в западной печати получил название «Ось Берлин — Рим». — *Прим. перев.*

11

Родней, Джордж Брайджес (1718–1792) — знаменитый английский адмирал, участник многочисленных морских сражений. ГОС — *Прим. перев.*

12

Перерыв на 15 минут был объявлен. — *Прим. ред.*

13

Из книги Уильяма Ширера «Взлет и падение Третьего Рейха» (Лондон, 1961).

Shirer W. The Rise and Fall of the Third Reich. London, 1961. p. 476–481, 490–496, 500–502, 505–507, 509–515, 520–526, 528, 530–532, 538–544.

14

Речь идет о подписанном 22 мая в Берлине так называемом «Стальном пакте» — германо-итальянском военном договоре. — *Прим. перев.*

15

Имеется в виду так называемая «линия Зигфрида» — полоса долговременных оборонительных сооружений на западной границе Германии. — *Прим. перев.*

16

Стремясь упредить предоставление Англией, Францией, Россией гарантий Латвии и Эстонии, граничившим с Советским Союзом, Германия спешно подписала пакты о ненападении с этими Прибалтийскими республиками 7 июня 1939 года. — *Прим. авт.*

17

17 августа в Вашингтоне заместитель госсекретаря США Уэллес пригласил английского посла Линдсея и рассказал ему о беседе Шуленбурга с Молотовым, подробно и точно изложив предложение немцев и ответ Молотова, включая предложения, касающиеся пакта о ненападении и Прибалтики. Эта информация была получена от посла США в Москве Штейнгардта, который 16 августа имел длительную беседу с Молотовым. Кремль, должно быть, полагал, что информация будет передана англичанам. Сталин, видимо, еще не решил, к какому лагерю примкнуть. Пытался ли он предупредить английских и французских представителей на переговорах в Москве, что они должны серьезно приступить к делу, иначе он подпишет соглашение с немцами, которые делали ему широкие предложения? Пока советские архивы не будут открыты, ответа узнать не удастся. Но если Кремль рассчитывал оказать нажим, то эта попытка оказалась безрезультатной. Несмотря на беседу Уэллеса 17 августа, Лондон получил эту информацию слишком поздно — 22 августа. Английская нерасторопность в этом случае невероятна — посол вместо срочной телеграммы отправил информацию авиапочтой. — *Прим. авт.*

18

Торгово-кредитное соглашение между СССР и Германией было подписано в Берлине 19 августа 1939 года.

19

Главнокомандующий сухопутными войсками Германии. — *Прим. перев.*

20

Подлинник секретного дополнительного протокола не обнаружен ни в советских, ни в зарубежных архивах. — *Прим. ред.*

21

Окончательно граница между СССР и Германией была закреплена «Договором о дружбе и границе», подписанным 28 сентября 1939 года во время вторичного приезда Риббентропа в Москву. В ходе переговоров немцы согласились отказаться от притязаний на Литву, хотя и продолжали настаивать на передаче им части юго-западной территории этой страны. — *Прим. перев.*

22

Текст секретного дополнительного протокола печатается по: Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. В 2-х т. М., 1990. Т. 2. с. 321. — *Прим. ред.*

23

1 июня французский посол в Берлине Кулондр сообщил министру иностранных дел Боннэ: «Гитлер рискнет начать войну, если ему не надо будет воевать с Россией. С другой стороны, если он осознает, что ему придется воевать также и с ней, он скорее отступит, чем подвергнет свою страну, свою партию и себя гибели». — *Прим. перев.*

24

Еще в книге «Майн кампф» Гитлер пророчески писал: «Сам факт заключения союза с Россией включает в себя план следующей войны. Ее исходом был бы конец Германии». — *Прим. перев.*

25

Из «Истории второй мировой войны» (Лондон, 1966. Т. 1).

Mason D. The Phoney War. — *History of The Second World War.* London, 1966. vol. 1. № 4 3/6. p. 85–89.

Мэйсон, Дэвид — английский журналист и историк.

26

«Phoney war». В советской литературе этот период войны принято называть «странной войной», используя ее французское название — «drôle de guerre». — *Прим. перев.*

27

Немецкий генерал Зигфрид Вестфаль позднее писал: «В сентябре на Западном фронте немцы не имели ни одного танка. Запасов боеприпасов хватило бы лишь на три дня боев. Боеспособных резервов в тылу у нас не имелось. Все боевые соединения люфтваффе находились в Польше, а на Западе осталось лишь несколько разведывательных самолетов и устаревших истребителей». — *Прим. перев.*

28

На Нюрнбергском процессе начальник штаба ОКБ Кейтель заявил: «Мы, военные, всегда ожидали наступления французов во время кампании в Польше и были очень удивлены, что ничего не произошло... Французское наступление натолкнулось бы на немецкий военный заслон, а не на реальную оборону». Начальник штаба оперативного руководства генерал Йодль сделал следующее признание: «Если мы не потерпели краха в 1939 году, то объясняется это тем, что во время Польской кампании примерно 110 англо-французских дивизий на Западе не предприняли никаких действий против 23 немецких дивизий». — *Прим. перев.*

29

Правительство Англии, осуществляя экономическую блокаду Германии с моря, ввело в действие применявшуюся еще в первую мировую войну систему принудительного досмотра торгово-транспортных судов, следовавших в сторону немецких портов или из них. — *Прим. перев.*

Проводившаяся правящими кругами Англии и Франции пассивно-выжидательная стратегия «странной войны» была фактически продолжением прежней мюнхенской политики соглашательства с фашистской Германией, рассчитанной на сохранение возможности достижения компромисса с Гитлером и превращения «ненужной» реакционным кругам Запада войны в антикоммунистический поход против Советского Союза.

Особенно сильны подобные настроения были во французском правительстве, где капитулянтские и профашистские элементы открыто стремились к сговору с Гитлером. Даже после формального объявления в сентябре войны Германии правительство Даладье упорно отказывалось дать англичанам обязательство не заключать сепаратного мира с Германией. (Такое обязательство было подписано только 28 марта 1940 года новым французским премьер-министром П. Рейно после отставки Даладье.)

С началом советско-финляндской войны в Англии и Франции развернулась бешеная антисоветская кампания. У. Ширер в своей книге «Крах Третьей республики» (*Shirer W. The Collapse of the Third Republic. London, 1969. p. 605–618*) пишет: «Во Франции война против Германии на время была забыта, и самым главным врагом республики вместо Гитлера стал Сталин. В прессе и парламенте началась кампания, чтобы Франция, которая так мало сделала для помощи Польше, помогла Финляндии... Подстрекаемый правыми кругами, французский премьер-министр, который не проявлял желания воевать с Германией, на секретном совещании в парламенте безрассудно предложил разорвать отношения с Россией, даже если это приведет к военным действиям».

16 января генерал Гамелен представил Даладье докладную записку с предложениями о высадке морского десанта на севере Финляндии, в Петсамо, хотя этот порт уже был занят советскими войсками, и захвате западных портов и аэродромов в Норвегии в качестве перевалочных пунктов для англо-французских войск, предназначенных для переброски в Финляндию.

5 февраля 1940 года в Париже на заседании Верховного военного совета союзников было достигнуто соглашение о посылке в Финляндию экспедиционных сил под видом «добровольцев», чтобы «по возможности избежать, если удастся, открытой войны с Россией», Эти войска намечалось высадить в Нарвике, а оттуда по железной дороге через Швецию направить в Финляндию. По расчетам англичан, захват Нарвика, куда доставлялась шведская железная руда для дальнейшей отправки морем в Германию, лишил бы немцев важного стратегического сырья и позволил бы втянуть Скандинавские страны в войну против рейха, создав новый, северный театр войны. Как подчеркивает У. Ширер, эта идея особенно импонировала Даладье. «Французский премьер-министр, так же как и французское верховное командование, явно хотел воевать с немцами на любом другом фронте, только не на главном, у границ Франции».

Наряду с приготовлениями к отправке войск в Финляндию, английское и французское правительства осенью 1939 и зимой 1940 года составляли планы нанесения удара по Советскому Союзу с юга путем бомбежки с воздуха советских нефтепромыслов, посылки военно-морских сил в Черное море и вторжения на Кавказ. «Гамелен, так же как генерал Вейган, Даладье и члены парламента Франции, — саркастически замечает У. Ширер, — были более заинтересованы в том, чтобы сломать хребет России, с которой Франция не воевала, чем Германии, с которой она уже полгода находилась в состоянии войны». Подобные же взгляды разделял и П. Рейно, который 25 марта направил ноту правительству Великобритании, настаивая на «решительных операциях в Черном море и на Кавказе» и подчеркивая «готовность французского правительства взять на себя ответственность за разрыв с СССР».

«События за пределами контроля Франции и Великобритании спасли их в конечном итоге от последствий подобной безрассудной политики. Одним из них было прекращение войны в Финляндии... а вторым — внезапное приближение военных действий к границам этих стран», — заключает У. Ширер. — *Прим. перев.*

Upton A. F. The Winter War. — History of The Second World War. vol. 1. N 5 3/6. p. 123–140.

Аптон, Энтони (род. в 1929) — английский историк, автор книги «Финляндия в кризисе» (1964).

32

Паасикиви, Юхо Куст (1870–1956) — финляндский государственный и политический деятель, дипломат. В 1918 году — премьер-министр Финляндии. В 1920 году возглавлял финляндскую делегацию на переговорах при заключении Тартуского мирного договора между Финляндией и РСФСР. В 1932 году — посланник в Швеции. В 1944–1946 годах — премьер-министр, в 1946–1956 годах — президент Финляндии. Проводил внешнюю политику, направленную на развитие дружественных отношений с СССР. — *Прим. перев.*

33

Тартуский мирный договор между РСФСР и Финляндией, подписанный 14 октября 1920 года в г. Тарту (Юрьев), провозглашал прекращение войны между Финляндией и РСФСР, определял государственные границы между двумя странами, закреплял образование в составе РСФСР Восточно-Карельской автономной области, устанавливал дипломатические и консульские отношения и регулировал на временной основе вопросы торговли, режима хозяйственного использования пограничных районов и т. п. — *Прим. перев.*

34

Договор о ненападении и о мирном улажении конфликтов был подписан в Хельсинки 21 января 1932 года по инициативе СССР. Протоколом от 7 апреля 1934 года действие договора продлевалось до конца 1945 года. Договор гарантировал неприкосновенность границ, обязывал договаривающиеся стороны сохранять нейтралитет в случае нападения третьей державы, а также «не участвовать ни в каких договорах, соглашениях или конвенциях, явно враждебных другой

стороне и противоречащих, формально или по существу, настоящему договору» и разрешать возможные споры между сторонами путем переговоров. — *Прим. перев.*

35

Гогланд. — *Прим. ред.*

36

Маннергейм, Карл Густав Эмиль (1867–1951) — маршал, главнокомандующий финской армией в 1939–1940 и 1941–1944 годах, президент Финляндии в 1944–1946 годах. — *Прим. ред.*

37

По советским данным, в ВВС Финляндии имелось 270 самолетов. — *Прим. перев.*

38

«Линия Маннергейма» состояла из трех полос укреплений общей глубиной до 90 километров и насчитывала 296 долговременных железобетонных и 897 гранитных сооружений, часть которых могла выдержать попадание 152—203-мм снарядов. — *Прим. перев.*

39

Командарм II ранга К. А. Мерецков командовал 7-й армией с ноября 1939 года по апрель 1940 года. — *Прим. ред.*

40

Рюти, Ристо (1889–1956) — финский политический и государственный деятель, в 1939–1940 годах — премьер-министр, в 1940–1944 годах — президент. — *Прим. ред.*

41

За время советско-финляндской войны 1939–1940 годов западные державы (в основном Англия и Франция) передали Финляндии 350 самолетов, 500 орудий, более 6 тысяч пулеметов, около 100 тысяч винтовок, 650 тысяч ручных гранат, 2,5 миллиона снарядов и 160 миллионов патронов. Из Скандинавии, США и других стран прибыло 11,5 тысячи добровольцев. — *Прим. перев.*

42

Комкор В. Ф. Грендаль командовал 13-й армией с декабря 1939 года по март 1940 года. — *Прим. ред.*

43

Командарм I ранга. — *Прим. ред.*

44

Командующим 13-й армией был назначен комкор Ф. А. Парусинов. — *Прим. ред.*

45

Кексгольм. — *Прим. ред.*

46

Из «Истории второй мировой войны» (Лондон, 1966. Т. 1).

Warlimont W. Inside Hitler's Headquarters. — History of The Second World War. vol. 1. 1. N 10 3/6. p. 274–277.

Варлимонт, Вальтер (1894–1976) — генерал артиллерии, заместитель начальника штаба оперативного руководства вермахта с апреля 1941 года по сентябрь 1944 года. Активно участвовал в разработке агрессивных планов нацистской Германии и их претворении в жизнь. Американский военный трибунал в Нюрнберге приговорил его к пожизненному заключению, но вскоре помиловал.

47

Клайпеда. — *Прим. ред.*

48

Военный министр в те годы.

49

Из книги Фреда Уинтерботэма «Операция “Ультра”» (М., 1978. с. 16, 31–32, 33, 35, 36–37, 40, 41, 43, 45, 48–50, 51, 52, 53, 55, 56, 59, 60, 61, 62, 65–68, 69, 70–71, 72, 73–74, 75, 77–79, 80, 81, 83).

Уинтерботэм, Фред — английский разведчик, в годы второй мировой войны ведал вопросами безопасности и сохранения тайны всей системы «Ультра», благодаря которой англо-американское руководство располагало точными сведениями о противнике, что облегчало планирование и ведение операций.

50

В небольшом городке Блечли, к северу от Лондона, был создан специальный дешифровальный центр при правительственной школе кодов и шифров. — *Прим. ред.*

51

«**Энигма**» — название электрической шифровальной машины, которая использовалась верховным главнокомандованием вермахта, центральным аппаратом полиции, СД и СС Германии для шифрования секретнейших приказов, докладов и другой корреспонденции, передававшейся по радио. Немецкое командование было в полной уверенности, что передаваемые сообщения не поддаются дешифрованию. Однако усилиями польских и французских ученых и специалистов тайна «Энигмы» была раскрыта еще до начала второй мировой войны. — *Прим. ред.*

52

Полковник Стюарт Мензис — начальник Ф. Уинтерботэма. — *Прим. ред.*

53

Специальные подразделения связи. — *Прим. ред.*

54

Даудинг, Хью (1882–1970) — главный маршал авиации, командующий истребительной авиацией в метрополии. — *Прим. ред.*

55

Подполковник Хамфриз, руководитель группы. — *Прим. ред.*

56

Из «Истории второй мировой войны» (Лондон, 1966. Т. 1).

Goutard A. Fall of France. May 20 / June 25, 1940. — History of The Second World War. vol. 1. № 10 3/6. p. 253–269, 275–279.

Гутар, Анри (род. в 1893) — полковник французской армии, участник второй мировой войны. Автор книги «1940 — la Bataille perdues» (Paris, 1956).

57

Снят с должности главнокомандующего французской армией в мае 1940 года.

58

Голь Ш. де. Военные мемуары. Т. 1. Призыв. 1940–1942 годы. М., 1957. с. 77. — Прим. ред.

59

Командующий 12-й немецкой армией в 1940–1941 годах. — *Прим. ред.*

60

Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск 1939–1942 гг. М., 1968. Т. 1. с. 462. — *Прим. ред.*

61

Голль Ш. де. Военные мемуары. Т. 1. с. 81, 82. — *Прим. ред.*

62

Голль Ш. де. Военные мемуары. Т. 1. с. 86–87. — *Прим. ред.*

63

Там же. с. 88, 89. — *Прим. ред.*

64

Нацистский агент во Франции. — *Прим. ред.*

65

Из журнала «Смитсоиан» (США) (1985, № 7).

Horne A. Mers-el-Kebir was a bizarre and melancholy action. — *Smithsonian*. 1985. № 7. p. 122–138.

Хорн, Алистер — американский историк, автор ряда книг по истории Франции.

66

Согласно этому плану, предлагалось «слияние двух государств» и образование «единого военного правительства» и единого парламента. — *Прим. перев.*

67

В этом вагоне 11 ноября 1918 года маршал Фош продиктовал условия перемирия побежденной Германии. — Прим. перев.

68

Из книги Лена Дейтона «Истребитель. Правдивая история битвы за Англию» (Нью-Йорк, 1977).

Delton L. Figter. The try history battle of Britain. New York, 1977. p. XII, 31, 38, 140, 145, 146, 156, 159, 160, 163, 164. 174–175, 186, 187, 189, 193–197, 200–203, 206–208, 212, 214, 216, 220, 224, 226, 227, 229, 231, 236, 237, 241, 245, 248, 250, 252, 255–259, 261, 262, 267, 268, 272–274, 288, 289.

Дейтон, Лен — английский журналист.

69

Первая цифра — число самолетов по списку, вторая цифра — число самолетов в строю.

70

Из книги Бэзила Лиддел Гарта «Немецкие генералы рассказывают» (Нью-Йорк, 1948).

Liddell Hart B. H. The German Generals Talk. N. Y., 1948.

В Англии эта книга Б. Лиддел Гарта была издана в 1948 году под названием «На другом склоне холма» (*The Other Side of the Hill*).

Лиддел Гарт, Бэзил (1895–1970) — английский военный теоретик и историк, автор книг по истории первой и второй мировых войн.

71

Генерал Тома в 1941 году участвовал в боях за Смоленск, в 1942 году был взят в плен англичанами в битве при Аламейне. — Прим. перев.

Статья Гордона Пранджа «Чудо у острова “Мидуэй”».

Prange G. W. Miracle at Midway. — Reader's Digest, december 1972. p. 156–183.

Прандж, Гордон — профессор, известный американский историк, автор книг «Пёрл-Харбор: вердикт истории» (в соавторстве с Д. Голдстейном и К. Диллоном) (Нью-Йорк, 1986), «Мы спали на рассвете» (Нью-Йорк, 1981).

Американский одноместный истребитель Блюстер Ф-2А-3 «Буффало», вооруженный двумя — четырьмя пулеметами 12,7 мм, имел максимальную скорость 483 км ч. На вооружение ВМС США поступил в 1939 году. Состоял на вооружении в ВВС Финляндии, Бельгии, Голландии и Великобритании. Производство его было прекращено в 1942 году. Одноместный истребитель Грумман «Уайлдкэт» Ф-4Ф-4, вооруженный четырьмя — шестью пулеметами 12,7 мм, был в 1941–1942 годах основным истребителем ВМС США. Максимальная скорость — 534 км ч, дальность полета — 1448 км. В 1939–1940 годы поставлялся также Франции и Великобритании. Наиболее знаменитый из японских боевых самолетов истребитель Мицубиси А6М2 «Зеро»-сен вступил в строй в 1939 году. Полетный вес — 2336 кг (норм.). Скорость максимальная — 535 км ч, потолок — 10 300 м. Вооружение — две пушки 20 мм, два пулемета калибра 7,7 мм, 60 кг бомб. Истребитель обладал высокой маневренностью и в 1940–1942 годах превосходил большинство американских и английских истребителей. — Прим. перев.

«Йорктаун» продержался на плаву еще два дня, пока японская подводная лодка днем 6 июня не обнаружила и не торпедировала его двумя торпедами. На следующий день в 6 часов утра он пошел ко дну. При этом также был потоплен эскадренный миноносец «Хэмман», занимавшийся спасением имущества. — *Прим. перев.*

75

В его состав входили два легких авианосца «Рюдзё» и «Дзунё», имевшие на борту около 80 самолетов. — *Прим. перев.*

76

Из книги Дуайта Д. Эйзенхауэра «Крестовый поход в Европу. Военные мемуары» (М., 1980. с. 135–157).

Eisenhower D. D. Crusade in Europe. N. Y., 1948.

Эйзенхауэр, Дуайт Дэвид (1890–1969) — государственный и военный деятель США, генерал армии (1944), командующий союзными экспедиционными силами в Северной Африке и Средиземноморье в 1942–1943 годах, затем верховный главнокомандующий экспедиционными силами союзников в Западной Европе.

77

Для маскировки операции «Торч» были разработаны и осуществлены специальные дезинформационные мероприятия под кодовыми наименованиями «Оверсроу» и «Соло», которые способствовали обеспечению внезапности высадки западных союзников в Северной Африке. — *Прим. ред.*

78

Реферат книги Мартина Кэйдина «“Тигры” горят» (Нью-Йорк, 1974).

Caidin M. The Tigers are Burning. New York, 1974.

Кэйдин, Мартин — американский историк и писатель, летчик-испытатель. Автор многочисленных книг и исследований о второй мировой войне и авиации.

79

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1969. с. 505. — *Прим. перев.*

80

Немецкий военный историк Пауль Карелл (бывший начальник отдела печати МИД фашистской Германии) в своей книге «Война Гитлера против России» (*Carell P. Hitler's War on Russia. London, 1971. vol. 2. p. 103*) в связи с этим пишет следующее:

«Последнее крупное немецкое наступление в России закончилось провалом. Хуже того, накопленные за многие месяцы настойчивыми и самоотверженными усилиями войсковые резервы, и особенно танковые и моторизованные дивизии, растаяли в огненном горниле Курской битвы, не достигнув намеченной цели. Наступательная мощь была подорвана на длительное время. С этого момента и впредь создание стратегических резервов окажется более невозможным.

Так же как Ватерлоо решило судьбу Наполеона в 1815 году, положив конец его правлению и изменив лицо Европы, так и русская победа под Курском знаменовала собой поворотный пункт войны и непосредственно привела через два года к краху Гитлера и разгрому Германии и, таким образом, изменила облик всего мира.

В этом смысле Курская битва была решающим сражением второй мировой войны. Официальная советская история второй мировой войны справедливо называет ее «битвой исторического значения».

Однако, как ни странно, операция «Цитадель» — Курская битва — так никогда и не получила заслуженного признания со стороны немцев. Если спросить о Сталинграде, а затем о Курске, то разница поразительна. Однако во всех отношениях именно Курская битва, а не Сталинград была фатальным и решающим сражением войны на Восточном фронте. Красная Армия, пережив катастрофы 1941–1942 годов, преодолела кризис, захватила инициативу и теперь диктовала ход событий». — *Прим. перев.*

81

В штатном расписании советского танкового корпуса 1943 года числилось меньшее количество танков — 160, причем, как правило, большинство из них составляли легкие танки. САУ в танковых корпусах в то время не было. — *Прим. перев.*

82

Из 3444 танков и САУ, имевшихся на Центральном и Воронежском фронтах, 900 танков были легкими. В 5-й гвардейской танковой армии (Степной фронт) насчитывалось около 850 танков и САУ, в том числе средних танков Т-34 — 501, а легких Т-70 — 261.

Немецкая группа армий «Юг» имела 1352 танка и 376 штурмовых орудий. В ударную группировку было выделено 1150 танков, в том числе 192 «пантеры» и 100 «тигров»; в 6-й и 1-й танковых армиях оставлено было 202 танка.

В наступающих войсках группы армий «Центр» насчитывалось 1200 танков и штурмовых орудий. — *Прим. перев.*

83

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. с. 456, 457. — *Прим. перев.*

84

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. с. 458. — *Прим. перев.*

85

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. с. 463. — *Прим. перев.*

86

Рокоссовский К. К. Солдатский долг. М., 1984. с. 213. — *Прим. перев.*

87

Значительную часть этих сил — 261 машина — составляли легкие танки Т-70. — *Прим. перев.*

88

Немецкий историк Лео Кесслер в книге «Железный кулак» (Лондон, 1977) пишет, что «вечером 12 июля на поле боя в бронированной командной машине прибыл сам Гот. Он был недоволен тем, что увидел. Хауссер потерял 300 танков и был не в состоянии предпринять новую атаку до подхода срочно выдвигавшейся на помощь ему 6-й танковой дивизии». — *Прим. перев.*

89

В ходе сражения на Курской дуге и последовавшего контрнаступления советских войск было разгромлено 30 отборных дивизий противника, в том числе семь танковых, вермахт потерял более 500 тысяч солдат и офицеров, 1,5 тысячи танков, более 3,7 тысячи самолетов, 3 тысячи орудий. Советские войска продвинулись на Южном и Юго-Западном направлении на 140 километров, ликвидировали Орловский и Белгородско-Харьковский плацдармы противника. — *Прим. перев.*

90

Из книги Корнелиуса Райана «Самый длинный день. 6 июня 1944 года» (Нью-Йорк, 1959).

Ryan C. The Longest Day. June 6, 1944. New York, 1959. p. 50–57, 59–62, 78–80, 119–121, 144, 292–294, 298, 301–302, 303.

Райан, Корнелиус — американский журналист, автор многих книг по истории второй мировой войны, в том числе «Одна минута в траншее» (1957) и «Последняя битва» (1966).

91

Уменьшительная форма имени Эйзенхауэра — Дуайт. — *Прим. перев.*

92

Из книги Питера Элстоба «Последнее наступление Гитлера» (Лондон, 1971).

Elstob P. Hitler's Last Offensiwе. London, 1971. p. 20, 21. 31–32, 34. 36–42, 94–97, 181–187, 225–228, 430, 445–446, 447–473, 477–479.

Элстоб, Питер — английский журналист, очевидец и участник описываемых событий.

93

Vaterland (нем.) — родина, отечество. — *Прим. перев.*

94

После войны фон Рундштедт сказал Бэзилу Лиддел Гарту, что во время Арденнского наступления единственными войсками, которыми ему было разрешено распоряжаться, была охрана, стоящая против его штаба.

95

В декабре 1942 года, когда «Лейбштандарте» технически еще не была танковой дивизией, она получила две роты новых танков «тигр» из первого небольшого выпуска.

96

Хотя так обычно именуют 6-ю танковую армию, почетное звание «СС» было дано ей Гитлером только после наступления в Арденнах.

97

Volksgrenadier (нем.) — буквально «народные гренадеры», или «народная пехота», — состав новых 35 дивизий, сформированных в 1944 году после мобилизации, снизившей до 16 лет призывной возраст. — *Прим. перев.*

98

Nebelwerfer (*нем.*) — шестиствольные минометы. Из-за свистков, прикрепленных к их оперению и производящих действующий на нервы шум, они получили прозвище «скрипухи» (*screaming meemis*).

99

По какой-то до сих пор не выясненной причине 6-я танковая армия СС не была информирована об атаке 2-й американской пехотной дивизии на перекрестках Валершейд.

100

«**BIG RED ONE**» (*англ.*) — букв. «большая красная» — название американской пехотной дивизии. — *Прим. перев.*

101

Узнав о предстоящем ночном десанте своих парашютистов и предвидя потерю радиосвязи в этих трудных условиях, фон дер Гейдте обратился к генералу Дитриху с просьбой о предоставлении ему почтовых голубей, на что тот резко ответил: «Я не директор зоопарка!» — *Прим. перев.*

102

«**Esprit de corps**» (*фр.*) — сословный дух, чувство локтя. — *Прим. перев.*

103

Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. т. 1. Переписка с У. Черчиллем и К. Эттли (июль 1941 г. — ноябрь 1945 г.). М., 1989. с. 340, 341. — *Прим. ред.*

104

Там же. с. 341.

105

«**Wacht am Rhein**» (нем.) — кодовое название Арденнского наступления немцев. — *Прим. перев.*

106

«**Jabos**» (англ.), «**Jagdbomber**» (нем.) — истребители-бомбардировщики. — *Прим. перев.*

107

«**Nordwind**» (нем.) — букв. «Северный ветер» — кодовое название нового наступления немцев после провала первого. — *Прим. перев.*

108

Для наступления в секторе Средней Вислы, на Варшавско-Берлинском направлении, 1-й Белорусский и 1-й Украинский фронты располагали 163 дивизиями, 32 143 орудиями и минометами и 4772 самолетами. Людских ресурсов было на 50 тысяч больше, чем у союзников на Западном фронте, кроме того, еще три русские дивизии ожидали приказа присоединиться к наступлению.

109

«Начальник имперского генерального штаба не думал, что фон Рундштедт способен подготовить еще одно контрнаступление в масштабе его декабрьского наступления, шансы на что-либо серьезное, даже в малых масштабах, значительно упали с началом зимнего наступления русских» (из письма начальника военных операций фельдмаршалу Монтгомери, посланного 15 января 1945 года).

110

Как это было договорено между ним и Эйзенхауэром до Арденнского наступления.

111

Как выяснилось, группа армий «Б» уничтожила две американские дивизии и нанесла серьезный ущерб 15 другим.

112

Так у автора. Военское звание Йодля — генерал-полковник. — *Прим. ред.*

113

В боевых действиях до Динана потери англичан были совсем незначительны, и части, занятые в контратаке 1-й армии, были отведены 13 января для участия в начавшемся сражении в Рейнской области.

114

Слова Монтгомери из частной телеграммы Уинстону Черчиллю (цитировано Артуром Брайаном в «Победе на Западе»).

115

В то время английский танковый полк был примерно на три четверти своего состава под американским командованием.

116

Генерал-майор **Фрэнсис де Гинган** — начальник штаба Монтгомери. — *Прим. перев.*

117

«**Panzer Lehr**» — букв, «учебная дивизия» — так называлась одна из отборных танковых дивизий, так как первоначально формировалась из учебных танковых частей. — *Прим. перев.*

118

Intelligence at the Top. Cassel/Giniger. London, 1968.

119

И не только Верховному командованию. Байерлейн, командир «учебной» танковой дивизии, был полковником в битве при Алам Хальфа, и он разделял мнение Роммеля о том, что Монтгомери «очень осторожный человек, не расположенный брать на себя какой-либо риск».

120

Как сообщалось в донесении генерала Уайтли, начальника штаба по операциям при Верховном командовании союзных сил в Европе.

121

«В одном я уверен, — сказал президент, — Сталин — не империалист».

122

Из шестого тома воспоминаний Уинстона с. Черчилля «Вторая мировая война».

Churchill W. S. The Second World War. vol. VI. Boston, 1985. p. 197–199, 200, 204–205, 207, 208, 209–211, 294–295, 299, 300, 302, 303–304, 305, 306–307, 308, 309, 312, 315–317, 342–343, 345, 463, 464, 470.

Черчилль, Уинстон (1874–1965) — английский государственный и политический деятель, лидер консервативной партии. В 1940–1945 годах — премьер-министр, первый лорд казначейства и министр обороны Великобритании.

123

А. Иден — министр иностранных дел. — *Прим. ред.*

124

Посол США в Москве. — *Прим. ред.*

125

Ромер, Тадеуш (1894–1978) — посол в СССР в 1942–1943 годах, министр иностранных дел польского эмигрантского правительства в 1943–1944 годах. — *Прим. ред.*

126

Грабский, Станислав — деятель Стронництво народов, в годы второй мировой войны находился в Лондоне, председатель Рады народной. — *Прим. ред.*

127

Миколайчик, Станислав (1901–1966) — премьер-министр польского эмигрантского правительства в 1943–1944 годах. — *Прим. ред.*

128

Польский комитет национального освобождения, созданный на освобожденной от немецко-фашистских захватчиков территории в июле 1944 года. — *Прим. ред.*

129

В июле 1945 года консерваторы выборы проиграли. — *Прим. ред.*

130

Речь идет о восточной границе Польши. — *Прим. ред.*

131

В то время председатель Крайовой Рады Народовой, временного представительного органа Национального фронта в Польше, основана в январе 1944 года по инициативе Польской рабочей партии. — *Прим. ред.*

132

«Дядя Джо» — так Черчилль и Рузвельт называли Сталина. — *Прим. ред.*

133

Инёню, Исмет (1884–1973) — президент Турции в 1938–1950 годах. — *Прим. ред.*

134

Лорд Лезерс — министр военного транспорта. — *Прим. ред.*

135

Стеттиниус, Эдуард (1900–1949) — государственный секретарь США в 1944–1945 годах. — *Прим. ред.*

136

Название личного самолета Рузвельта. — *Прим. ред.*

137

Главнокомандующий немецкими войсками на Западе. — *Прим. ред.*

138

Главнокомандующий немецкими войсками на Западе. — *Прим. ред.*

139

С 21 августа по 28 сентября 1944 года в одной из старинных усадеб Вашингтона в Думбартон-Оксе по предложению СССР проходила конференция Советского Союза, США и Великобритании по вопросу об учреждении «всеобщей международной организации для поддержания международного мира и безопасности» — будущей ООН. — *Прим. ред.*

140

Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. т. 1. с. 383–384, 386, 388. — *Прим. ред.*

141

На церемонии подписания Акта о безоговорочной капитуляции Германии в предместье Берлина Карлсхорсте Советское Верховное Главнокомандование представлял маршал Г. К. Жуков, верховное командование Великобритании — главный маршал авиации А. Теддер, вооруженные силы США — командующий стратегическими воздушными силами США генерал К. Спаатс, французские вооруженные силы — главнокомандующий французской армией генерал Ж.-М. де Латтр де Тассиньи. — *Прим. ред.*

142

Из книги М. Сигемицу «Япония и ее судьба». Лондон, 1958.

Shigemitsu M. Japan and her Destiny. My Struggle for Peace. London, 1958. p., 371–374.

Сигемицу, Мамору (1887–1957) — японский дипломат. Участвовал в работе Парижской мирной конференции 1919–1920 гг. Посланник Японии в Китае в 1931–1933 гг., вице-министр иностранных дел Японии в 1933–1936 гг., посол Японии в СССР в 1936–1938 гг., в Великобритании — в 1938–1941 гг., министр иностранных дел Японии

в 1943–1945 гг. На Токийском процессе 1946–1948 гг. как один из главных военных преступников был приговорен к семи годам тюремного заключения. В 1950 г. был освобожден и вскоре возобновил политическую деятельность. В 1954–1956 гг. — заместитель премьер-министра, министр иностранных дел Японии.

143

Период между 210-м и 220-м днями посадки риса является критическим, ибо в эти дни существует опасность уничтожения посевов тайфуном.

Content

[От Мюнхена до Токийского залива](#)

[Взгляд с Запада на трагические страницы истории второй мировой войны](#)

[Составитель Е. Я. Трояновская](#)

[От издательства](#)

[Тэлфорд Тейлор На пути к Мюнхену.](#)

[I](#)

[II](#)

[III](#)

[IV](#)

[Уильям Ширер Капитуляция в Мюнхене](#)

[Уильям Ширер Англо-французские переговоры с Советским Союзом летом 1939 года](#)

[Уильям Ширер Германно-советский пакт о ненападении 23 августа 1939 года](#)

[Германно-советские переговоры 15–21 августа 1939 года](#)

[Риббентроп в Москве 23 августа 1939 года](#)

[Дэвид Мэйсон «Странная война»](#)

[Война «конфетти»](#)

[А наступления все не было](#)

[Первый убитый англичанин](#)

[Черчилль сердится](#)

[Энтони Аптон Зимняя война](#)

[Горькое наследие](#)

[Неуступчивость финнов](#)

[Финская армия](#)

[Советские вооруженные силы](#)

[Опасный район](#)

[Начало боевых действий](#)

[Политика и дипломатия](#)

[Финны контратакуют](#)

[Прорыв «линии Маннергейма»](#)

[Бросок по льду.](#)

[Планы англо-французских союзников](#)

[Мирный договор](#)

[Последствия](#)

[Вальтер Варлимонт В гитлеровских высших штабах](#)

[Фред Уинтерботэм «Самый секретный источник»](#)

[План](#)

[Битва за Францию](#)

[Битва за Англию](#)

[Операция «Морской лев»](#)

[Анри Гутар Падение Франции 20 мая—25 июня 1940 года](#)

[Стоять насмерть](#)

[Последнее прибежище: «очаги сопротивления»](#)

[Сражение на реке Эна](#)

[Падение Парижа](#)

[Неверие в возможность победы](#)

[Падение кабинета Рейно](#)

[Тот же самый вагон](#)

[Алистер Хорн Операция «Катапульта», или Как британский флот по приказу Черчилля расстрелял эскадру недавнего союзника](#)

[Лен Дейтон Битва за Англию](#)

[Операция «Морской лев»](#)

[Битва за Англию. Тактика](#)

[Результаты](#)

[Бэзил Лиддел Гарт Что рассказали немецкие генералы](#)

[Поражение под Москвой](#)

[Планы на 1942 год](#)

[После Сталинграда](#)

[Красная Армия](#)

[Гордон Прандж Чудо у острова Мидуэй](#)

[Уроки Пёрл-Харбора](#)

[Давид и Голиаф](#)

[На Мидуэе накануне схватки](#)

[Наблюдение и ожидание](#)

[Первая кровь](#)

[«Запустить моторы!»](#)

[«Вижу много вражеских самолетов!»](#)

[Остров в осаде](#)

[Роковое решение](#)

[Смелые люди](#)

[Ужас и слезы](#)

[Дуэль насмерть](#)

[В пучину](#)

[Грандиозная победа](#)

[Дуайт Д. Эйзенхауэр Вторжение в Африку](#)

[Мартин Кэйдin Курская битва — величайшее сухопутное сражение в истории](#)

[Разногласия в верховном командовании Германии](#)

[Вермахт готовится к наступлению](#)

[Невероятный русский танк Т-34](#)

[«Летающий дот»](#)

[Русские готовятся к обороне](#)

[Центральный фронт](#)

[Воронежский фронт](#)

[Корнелиус Райан День «Д»](#)

[Питер Элстоб Последнее наступление Гитлера](#)

[В темном лесу Гитлера](#)

[Германский план](#)

[Первый штурм](#)

[Прорыв](#)

[Двадцать пять миль за два дня](#)

[Последнее безуспешное усилие немцев](#)

[Заключение](#)

[Уинстон Черчилль На пути к победе](#)

[Московские переговоры 1944 года](#)

[Ялтинская конференция](#)

[Капитуляция Германии](#)

[Мамору Сигемицу Подписание акта о капитуляции](#)

[1. Прибытие оккупационной армии](#)

[2. Выбор делегатов для подписания акта о капитуляции](#)

[3. Обязанности делегатов](#)

[4. Акт о капитуляции подписан](#)

[Иллюстрации](#)

[Примечания](#)

«München»

ОТ
МЮНХЕНА
ДО
ТОКИЙСКОГО
ЗАЛИВА

Взгляд
с Запада

«TOKYO BAY»